

ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ

ее историческое
и культурное значение

Издательство «Наука»

Hermitage
1

1925

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики АН СССР

ИНСТИТУТ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ЧСАН

ИНСТИТУТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК СЛОВАЦКОЙ АН

ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ

ее историческое
и культурное значение

Ответственные редакторы

Г. Э. САНЧУК, Й. ПОУЛИК

МОСКВА «НАУКА» 1985

Совместное издание советских и чехословацких ученых посвящено Великой Моравии — одному из ранних государств западных славян, предков современных чехов и словаков. В статьях сборника рассматриваются вопросы истории, ремесленного производства, формы поселений, социальная структура общества, положение в Европе IX—XI вв. Уделено внимание развитию славянской письменности, культуры.

Для историков, филологов, археологов и всех интересующихся древней историей славян.

Рецензенты:

К. А. ОСИПОВА, И. И. ПОП

Редакционная коллегия:

СССР

В. Д. КОРОЛЮК

Г. П. МЕЛЬНИКОВ (отв. секретарь)

Г. Э. САНЧУК

ЧССР

Й. ПОУЛИК

П. РАТКОШ (отв. секретарь)

Б. ХРОПОВСКИЙ

1-я сторона переплета

Микульчицы. Вид на раскопки двухапсидной ротонды (церковь VI)

Позолоченный медный наконечник пояса с изображением человека с символами власти (Микульчицы)

4-я сторона переплета

Серебряная пластина с изображением всадника с соколом (Старое Место)

Форзац

Позолоченные «гомбики» (шаровидная пуговица)

В $\frac{10603-107}{042(02)-85}$ -27-85-I

© Издательство «Наука», 1985 г.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Публикация сборника «Великая Моравия, ее историческое и культурное значение» подготовлена в соответствии с планом научного сотрудничества Института славяноведения и балканистики АН СССР с Институтом чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН (Прага) и с Институтом исторических наук САН (Братислава) по теме «Образование славянских народностей Центральной и Юго-Восточной Европы в раннефеодальный период».

Совместной этой работе чешских, словацких и советских авторов предшествовала длительная и прочная традиция сотрудничества советских и чехословацких историков. Еще в 1940-е годы при активном участии известного чешского академика Зденека Неедлы советские историки опубликовали сборники статей по истории совместной освободительной борьбы славянских народов: «Вековая борьба славянских народов с немецкой агрессией» (Под ред. проф. З. Р. Неедлы. М., 1943 г.), «Славянский сборник» (Под ред. акад. В. И. Пячета. М., 1947 г.).

В отличие от предшествующих изданий настоящее — отражает новую ступень сотрудничества советских и чехословацких ученых. В нем представлена и словацкая историография, достигшая значительных результатов в изучении раннефеодального периода. Впервые в изучении рассматриваемой проблемы приняли совместное участие историки и представители других наук — археологи и филологи. Предпринята, таким образом, попытка комплексного подхода к изучению Великой Моравии. На необходимость такого подхода неоднократно обращали внимание советские и чехословацкие ученые. Комплексное изучение проблемы этногенеза в раннефеодальной государственности — одна из важнейших проблем в планах долгосрочного сотрудничества Института славяноведения и балканистики с учеными социалистических стран.

В написании данной монографии приняли участие медиевисты ЧССР — специалисты по истории, археологии и культуре Великой Моравии. Советский авторский коллектив представлен славистами, исследующими вопросы источниковедения, историографии и культуры Великой Моравии в связи с историей Византии, Древней Руси, западных и южных славянских народов:

Чехословацкий авторский коллектив:

Бялекова Д. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Археологического института ЧСАН (Нитра), специалист в области истории поселений и укреплений в Великой Моравии; *Вечерка Р.* — кандидат филологических наук, доцент Университета им. Пуркине (г. Брно), работает в области истории старославянского языка и литературы, сравнительного языкознания и истории славяноведения; *Гавлик Л. Е.* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Чехословацко-советского института (филиал в г. Брно) ЧСАН, специалист по истории Великой Моравии и истории межславянских и славяно-византийских отношений; *Поулик Й.* — академик ЧСАН, директор Института археологии (г. Брно), руководитель многолетних (1946—1985 гг.) археологических раскопок (Микульчицы и др.), автор монографических исследований по истории Великой Моравии; *Раткош П.* — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института исторических наук САН, специалист по истории Словакии IX—XVI вв.; *Рутткаш А.* — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Археологического института (г. Нитра), исследует проблему истории военного дела в Великой Моравии и ведет археологические раскопки феодальных поселений на территории Великой Моравии. *Тржешттик Д.* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН, исследует проблемы источниковедения, социально-экономических отношений и политического развития Чехии в период раннего феодализма; *Хроповский Б.* — член-корреспондент ЧСАН, директор Археологического института (г. Нитра), специалист по истории славянских поселений, автор работ по истории великоморавского периода;

Советский авторский коллектив:

Верещагин Е. М. — доктор филологических наук, зав. сектором лингвострановедения Института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва), исследует проблемы теории билингвизма и языковых контактов, специалист в области кирилло-мефодиевской тематики и лингвострановедения; *Иванов Ю. Ф.* — кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического института, изучает социально-экономическую историю Моравии и Чехии догуситского времени и историю русской славистики; *Рогов А. И.* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, специалист в области истории культуры славянских народов и межславянских связей и источниковедения истории славян; *Санчук Г. Э.* — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, работает в области источниковедения, социально-экономической и правовой истории Моравии и Чехии, германо-славянских отношений и истории славистики; *Тури-*

лов А. А. — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Археологической комиссии АН СССР, изучает историю междуславянских культурных связей IX—XI вв., русско-южнославянских культурных связей XIV—XV вв. и проблемы источниковедения; *Флоря Б. Н.* — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, специалист в области этнической истории славян раннефеодального периода, кирилло-мефодиевской проблематики и международных отношений периода позднего феодализма; *Щапов Я. Н.* — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, исследует проблемы истории Древней Руси, древнерусского права и церкви и русско-славяно-византийских отношений.

Каждая статья настоящего сборника была обсуждена авторскими коллективами, участвующими в его издании, взаимно отрецензирована. Редколлегия признательна за оказанное содействие при подготовке к публикации данной работы академику САН Я. Пуршу, членам-корреспондентам САН С. Цамбелу и М. Кропилаку, докторам исторических наук Ю. Крижижеку и В. Матуле.

В рецензировании сборника участвовали доктора филологических наук Р. М. Цейтлин и К. С. Ходова, кандидаты исторических наук К. А. Осипова, И. И. Поп, кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии СССР А. И. Рогов.

Редколлегия и авторский коллектив отдадут дань светлой памяти доктора исторических наук, профессора Владимира Дорофеевича Королюка (1921—1981), работы которого по проблемам генезиса и развития раннефеодальной государственности, равно как и организационное содействие подготовке сборника, оказали большую помощь авторской и редакционной работе.

В 1985 г. исполняется 1100 лет со дня смерти одного из выдающихся славянских просветителей — Мефодия. Юбилей включен в календарь знаменательных дат ЮНЕСКО. Эту дату мировая прогрессивная общественность относит к выдающимся событиям современной общественной и культурной жизни народов, борющихся за мир, за торжество жизни, разума и культуры на земле. Правительство ЧССР провозгласило 1985 г. «годом Мефодия», к которому приурочиваются специальные исследования, общественные и культурные мероприятия в память об историческом подвиге славянских просветителей. Сборник статей советских и чехословацких ученых «Великая Моравия, ее историческое и культурное значение» в значительной своей части освещает предпосылки и последствия деятельности Кирилла (Константина) и Мефодия и тем самым приобретает юбилейный характер.

Работу по подготовке сборника к изданию выполнил Г. П. Мельников при участии Н. С. Захарьиной и О. В. Ивановой.

Г. Э. САНЧУК

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ

Раннефеодальное западнославянское государство IX в., известное под названием «Великая Моравия», располагалось в основном на территории современной Чехословакии; центральной областью этого государства были Моравия и западная Словакия. В период расцвета Великой Моравии — во второй половине IX в., при моравских князьях из Моймировской династии — Ростиславе (846—870) и Святополке (870—894), в сферу ее политического влияния были втянуты различные области: часть Нижней Австрии (до р. Дуная), значительная часть бассейна р. Одер (Силезия), область верхнего течения р. Вислы, Чехия, часть территории полабских славян и, по всей вероятности, Нижняя Паннония. В период наибольшего расцвета Великой Моравии ее соседями были, с одной стороны — Восточно-Франкское королевство с его пограничными марками (Тюрингия, Бавария, Австрия, Каринтия), с другой — Болгарское царство (на юго-востоке, по среднему течению р. Тисы), а на севере — различные политические образования полабских, прибалтийских и польских славян. На юге Великая Моравия некоторое время имела контакт со сферой влияния Византии (на юг от Паннонии) через посредство политических образований южных славян. Трудно определить северо-восточную и восточную границу Моравского государства, поэтому граница здесь представляется в значительной мере гипотетичной. Основу государства «Великая Моравия», организующее ее ядро составляла территория, заселенная славянским племенем мораван, получившим название от реки Моравы, притока Дуная. Притоки р. Моравы определяли приблизительно первоначальную территорию исторической Моравии, которая, по определению новейших историков, составляла более 40 тыс. кв. км. К середине IX в. на территории Моравии жило более 250 000 человек. Плотность населения была неравномерной. Наибольшей она была в бассейне р. Моравы. На всей территории существовало славянское население. О кельтском или германском субстрате на моравской территории данных нет. Есть основание предполагать лишь незначительную инфильтрацию аварских элементов (очевидно, аварских воинов). Славянское племя мораван после заселения территории, которая оказалась значитель-

ной по своим размерам, как полагают, разделилось на два больших племени, сохранивших, однако, традиционно общее свое название — мораване. Об этом дает основание говорить источник («Баварский географ»), упоминающий о двух племенах: первом — по р. Мораве (Marharii) и втором, расположенном, очевидно, в Западной Словакии (Merhani) ¹.

Свое название «Великая Моравия» первое раннефеодальное западнославянское государство IX в. получило со времен Константина Багрянородного ², который в 13-й главе своего известного сочинения применил эпитет «Великая» к Моравии ³. Следует заметить, что этот автор называл «Великими», «Большими» и некоторые другие страны, например, Хорватию, Армению. Применив название «Великая Моравия», Константин Багрянородный затем говорит просто о Моравии, без эпитета «великая» (μεγάλη) ⁴. Название «Великая Моравия» после Константина Багрянородного вошло в позднейшие средневековые латинские сочинения (Magna Moravia) и в памятники старославянской литературы. Есть основание полагать, что это название первоначально не связывалось с особой великой исторической ролью этого государства, тем не менее оно утвердилось в историографии и получило оправдание в связи с тем значением, которое сыграло это государство в истории западнославянских народов. Название «Великая Моравия» может быть принято особенно в связи с тем, что именно в Моравии возник общий для всех славян культурный очаг, сыгравший великую роль в славянской культуре — славянская письменность. Период действительного величия Моравии в политическом смысле продолжался недолго — он приходится на время правления князя Святополка (870—894). Этот краткий период имел, однако, большое значение ввиду глубоких последствий его для различных областей (государственного устройства, идеологии, письменности).

Изучение истории и культуры Великой Моравии, начавшееся еще в XVIII в., интенсивно развивалось в течение XIX в., и особенно в наш век. Большие успехи в этой области достигнуты марксистской историографией в период с конца 1940-х по начало 1980-х годов.

Изучение истории Великоморавской державы основывалось вначале преимущественно на письменных памятниках, из которых первоочередное значение имеют анналы Франкского королевства, Фульдские анналы, сочинение «Об обращении в веру баварцев и хорутан» и другие латинские письменные источники разного характера (анналы, юридические источники), в которых в первую очередь отражается политическая история Великой Моравии. Исключительное значение в качестве исторического источника имеют памятники славянской культуры, особенно жития Кирилла и Мефодия. Фундаментальное издание всех письменных известий о Великой Моравии на разных языках (греческом, латинском, еврейском, арабском,

немецком и др.), всех видов источников (нарративных, юридических) осуществлено в Чехословакии в 1970-е годы (подробнее об этом см. ниже). Для изучения жизни и культуры моравян, социально-экономического развития их общества, общественной структуры Великой Моравии главное значение имеют данные археологических исследований, которые получили большое развитие в Чехословакии особенно после 1945 г. и озаменовались исключительно важными открытиями⁵.

В результате изучения письменных и материальных источников марксистская историография социалистических стран пополнилась большим количеством научных исследований по истории и культуре Великой Моравии. Значительный вклад в изучение этой проблемы внесли, помимо чешских и словацких ученых, болгарские, югославские, советские, немецкие (ГДР) историки-марксисты. Исследования этих авторов дали новое освещение социально-экономической и политической истории Великой Моравии, моравского общества, его международного положения, культуры и развития моравских традиций в других странах.

В советской историографии появились исследования по литературным и юридическим памятникам Великой Моравии, по анализу моравского периода в формировании старославянского языка, исследования о политическом и культурном значении миссии солунских братьев. Важное методологическое значение имели общетеоретические наблюдения советских историков⁶.

Конкретное представление об удельном весе исследований ученых разных стран и об их содержании дает составленная И. Е. Можяевой «Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике»⁷.

В результате можно говорить о больших положительных итогах в области изучения общества и культуры Великой Моравии.

Основополагающими, принципиальными итогами являются новая, материалистическая концепция исторического процесса в Моравии IX в., новое освещение социально-экономического развития моравского общества, его социальной структуры. На основании письменных источников, подтвержденных и во многом принципиально дополненных данными новейших археологических исследований, можно считать установленным, что в Моравии IX в. существовало общество, носившее классовый характер и имевшее феодальные черты. Представители высшего общественного слоя жили в особых градах (например, в Микульчицах) или в отдельных укрепленных усадьбах. В могилы своих умерших родственников они складывали дорогие золотые и серебряные украшения, что свидетельствует о развитом специализированном ремесле. Из сельскохозяйственного инвентаря использовалась, как показали археологические раскопки поселений, асимметричная соха, которая при пахоте переворачивала землю. Эти и подобные им данные свидетельствуют о высоком

для того времени уровне производительных сил, что выделяет Великую Моравию IX в. и дает основание говорить о существовании необходимых материальных предпосылок для развития раннефеодального общества.

Анализ структуры моравского общества на основании письменных источников, и по этому вопросу существенно обогащенных данными археологии, свидетельствует о том, что уже на рубеже VIII—IX вв. славянское государство в Моравии находилось в стадии становления, а во второй половине IX в. достигло первой стадии раннефеодального государства.

Важным показателем уровня развития раннефеодального моравского государства, как свидетельствуют новейшие исследования, явилось приобщение Великой Моравии к государственным и культурным традициям более развитых стран Европы посредством распространения и утверждения в ней христианства.

Чехословацкие и советские ученые показали, что принятие христианства было связано с развитием раннефеодального государства в Великой Моравии, что в свою очередь стимулировало создание славянской письменности. Доказано, что деятельность христианских миссионеров в Великой Моравии проходила в условиях больших социальных сдвигов в великоморавском обществе. Эти сдвиги были обусловлены развитием феодальных отношений у моравян, образованием раннефеодального Великоморавского государства.

Величайшее культурное и политическое значение имели создание славянского письменного языка и переводческая деятельность солунских братьев Константина (Кирилла) и Мефодия, в результате которой был сделан перевод части библейских текстов, что послужило стимулом для переводческой деятельности в Болгарии.

В результате переводческой деятельности Константина и Мефодия был создан корпус текстов на славянском языке, дававший представление о культуре и проблемах христианского мира. Сформировался литературный славянский язык, способный на таком же уровне, как латинский и греческий, обслуживать все сферы общественной жизни. Историки-марксисты показали первостепенное значение Житий Константина и Мефодия для изучения условий формирования моравской государственности, они выяснили последствия создания славянской письменности и литературы на славянском языке в Моравии. Деятельность Константина и Мефодия имела величайшее просветительное значение, вместе с тем нельзя не отметить, что она проходила в сотрудничестве с господствующим классом и была направлена на укрепление основ раннефеодального государства.

Принципиально важным итогом изучения возникновения азбук явилось доказательство того, что письменный славянский язык, созданный Константином, явился результатом длительного процесса. Письменность, созданная в Моравии, основывалась на говорах сла-

вянского населения района Солуни, однако уже в Великой Моравии она подверглась ряду изменений в связи с необходимостью учесть и отразить специфические особенности местного языка.

В итоге исследований историков-марксистов последних десятилетий убедительно показано, что Великоморавская держава в результате миссии Константина и Мефодия стала первым этапом славянского литературного творчества. Кроме переводов литургических книг, в Моравии появились оригинальные сочинения, отстаивающие равноправие старославянского языка с латинским и греческим, равноправие славянских народностей с остальными народностями, а также значение славянской моравской церкви как компонента политической жизни страны. Ученые показали культурное значение Великой Моравии для соседних славянских и неславянских стран. Развитие старославянского литературного творчества в славянских странах было связано с моравским духовенством, изгнанным из Моравии в конце 80-х годов IX в. Эмигранты в большом количестве поселились на Балканах и создали два центра славянского просвещения — в Охриде и в Преславе. Значительная часть учеников Мефодия в связи с изгнанием их из Моравии переселилась в Хорватию и в Чехию, где были продолжены великоморавские литературные традиции, особенно в Хорватии, где они существовали в течение почти целого тысячелетия. Часть моравского духовенства поселилась в Польше (Вислицкая земля).

Великоморавская литературная традиция существует в Сербии и других странах. В Венгрии экономическая и общественная терминология во многом восходит к культуре Великой Моравии. Особенного расцвета великоморавская литературная традиция достигла в Киевской Руси. Великоморавская книжная культура стала культурным наследием славянских народов.

Одним из итогов исследований о Великой Моравии является выяснение значения великоморавской традиции для политического и культурного развития славянских народов.

Таковы некоторые основные итоги изучения значения истории и культуры Великой Моравии в историографии конца 1940-х — начала 1980-х годов. Однако картина была бы неполной, если бы мы не осветили несколько подробнее развитие историографии по некоторым основным направлениям и не обратили бы внимание на степень решения ранее спорных и дискуссионных вопросов, что, по нашему мнению, может более ясно раскрыть перспективы дальнейшего изучения проблемы.

История и культура Великой Моравии привлекли к себе внимание представителей разных наук — истории, археологии, филологии, лингвистики⁸, чему содействовало интенсивное изучение проблемы феодальных отношений и закономерностей формирования феодальной государственности в Центральной и Юго-Восточной Европе⁹.

Исследование Великой Моравии приобрело первостепенное значение наряду с изучением Хорватии, Болгарии и Руси ¹⁰.

Ведущая роль в разработке проблемы истории, культуры и международного значения Великой Моравии принадлежит чешской и словацкой историографии: Великая Моравия была первым государственным образованием предков чехов и словаков ¹¹. Оно вместе с тем сыграло роль в борьбе всех славянских народов против «франкского натиска» на восток, оно стало ареной формирования славянской культуры ¹². Изучение Великой Моравии содействует укреплению исторических традиций социалистической Чехословакии, укрепляет сознание исторической и культурной общности славянских народов и придает проблеме Великой Моравии большое научное и политическое значение.

Исследование истории и культуры Великой Моравии возможно было только путем освоения прогрессивных традиций отечественной науки, ее обширного научного материала, но оно требовало и преодоления многих ошибочных гипотез и ложных концепций.

Общепризнано прогрессивное значение научного наследия выдающихся чешских историков и славистов Й. Добровского, Ф. Палацкого и П. Шафарика. Их источниковедческие исследования и монографические экскурсии в области истории и культуры Великой Моравии послужили основой для позитивистской историографии. Однако новейшей историографии необходимо было преодолеть исходный ошибочный тезис историков времен национального возрождения — их положение об извечном противостоянии славянского и германского миров, их идеалистическую трактовку исторического процесса, односторонний интерес этих ученых и многочисленных их последователей к политической и культурной истории Великой Моравии, по преимуществу конфессиональный подход к кирилло-мефодиевской проблеме. Еще важнее было правильное освоение противоречивого научного наследия позитивизма конца XIX—начала XX в. Тезис многих ведущих историков того времени о решающем значении германской культуры в процессе формирования славянской государственности, концепция о неспособности славянского населения, населявшего Великую Моравию, к самостоятельному развитию (Й. Пекарж, Г. Прейдель и др.) требовали решительного и аргументированного пересмотра. Борьба с идеалистическими и откровенно реакционными взглядами историков, составлявших правое крыло так называемой «школы Я. Голла» ¹³, стало непременным условием создания научной основы материалистической концепции истории и культуры Великой Моравии. Успешное развитие чешской и словацкой историографии в этом направлении соседствовало прежде всего с освоением прогрессивной традиции и научного наследия отечественной историографии, относящейся к периоду буржуазной Чехословакии (1918—1945).

Для формирования марксистской чешской и словацкой историографии, посвященной Великой Моравии, большое значение имела и преимущественность в изучении фактического материала, и освоение методики исследований выдающихся предшественников: историка и археолога Л. Нидерле (1865—1944)¹⁴, моравского историка И. Л. Червинки (1869—1952)¹⁵, братиславского профессора Я. Эйснера (1885—1967)¹⁶ и его последователей. Научная деятельность учеников Л. Нидерле, многие из которых стали ведущими исследователями в период формирования марксистской чехословацкой историографии после 1945 г. (Э. Шимек, Я. Бём, затем Й. Поулик, В. Грубый, Р. Турек), сыграла большую роль в продолжении прогрессивных научных традиций отечественной науки, в совершенствовании методов археологических исследований, в расширении диапазона работ, основанных на новом, материалистическом подходе к истории и культуре Великой Моравии¹⁷.

Для торжества марксистской методологии сразу, непосредственно после 1945 г., в условиях общего становления народно-демократического строя в Чехословакии сыграл роль процесс формирования марксистского направления в чехословацкой историографии, обозначившийся еще до начала войны. С этой точки зрения для материалистического подхода к истории Великой Моравии методологическое значение имела научная и преподавательская деятельность академика Зденека Неедлы (1878—1962). Его марксистская постановка проблемы образования ранней государственности на территории Чехии и Моравии¹⁸, успешное сотрудничество с ведущими советскими медиевистами и славистами¹⁹, разработка совместно с ними отдельных проблем из истории феодального периода славянских народов²⁰, публикация в Чехословакии его монографического труда по ранней истории Чехии и Моравии²¹ и руководящая и организующая роль этого ученого в области культуры социалистической Чехословакии²² — все это не только содействовало формированию марксистской концепции по истории Великой Моравии, но и ускорило создание новых кадров и эффективную организацию их исследований. В 1946 г. вышла работа чешского историка В. Гусы о марксистской периодизации истории Чехии. Он уделил внимание истории Чехии и Моравии VIII—X вв., пытаясь подойти к характеристике этого времени с точки зрения материалистического понимания процесса²³. Исходным положением в его концепции был марксистский тезис о феодализме как о социально-экономической формации. Автор не располагал еще конкретными данными, необходимыми для периодизации, поэтому его выводам была присуща неуверенность. Высказав сначала предположение о том, что процесс феодализации следует отнести в Чехии к X—XII вв.²⁴, он уже вскоре признал, что его начало можно обнаружить и до X в., следовательно, уже в Моравии IX в.²⁵

Чешские и словацкие историки, обратившиеся к конкретному исследованию и вслед за З. Неедлы и В. Гусой положившие в основу своих изысканий материалистическую концепцию исторического процесса в Чехии и Моравии в IX—X вв., своей первоочередной задачей считали конкретное изучение ранней отечественной истории на основе марксистского мировоззрения, точнее — они впервые в чехословацкой историографии ясно поставили вопрос об определении способа производства в моравском обществе IX в., естественно и логично связав историю Великой Моравии с предшествующим периодом. Письменные источники для разработки этой проблемы в таком аспекте отсутствовали. Ведущей дисциплиной в области изучения Великой Моравии стала на этом этапе археология²⁶. Уже в 1945—1946 гг. развернулись археологические исследования, для подведения итогов которых, как всегда в археологии, потребовалось время. Начался длительный, успешный и плодотворный период, каждый год приносил новые интересные данные. Результаты сказались особенно после 1948 г. и были обобщены в статьях В. Грубого, И. Поулика и Я. Бёма²⁷. Новая методологическая направленность археологических исследований конца 40-х—начала 50-х годов нашла выражение в методологической статье одного из ведущих историков и археологов того времени Я. Эйснера²⁸. Новые методологические указания сопровождалось конкретным исследованием самого Эйснера²⁹, а затем последовали работы Я. Поулика³⁰ и Я. Декана³¹. Обобщению нового фактического материала на основе материалистической концепции ранней истории Моравии содействовала дискуссия о развитии феодализма на Руси, проходившая в начале 50-х годов в советской историографии, особенно постановка проблемы о хронологических рамках (в пределах VI—IX вв.) раннефеодального периода в истории Европы³².

В 1951 г. в чехословацкой историографии началась дискуссия о характере моравского общества IX в. Ее открыла статья академика Я. Бёма³³, который определил Великую Моравию как «государство, организованное на феодальных принципах, хотя и неразвитых еще во всем до конца»³⁴. В дискуссии приняли участие ученые: В. Гуса, И. Поулик, К. Черногорский, В. Ванечек и др.³⁵ Главным оппонентом Я. Бёма стал Ф. Граус, относивший начало развития феодализма к Чехии X в. В 1953 г. последовала более обширная дискуссия, организованная в форме конференции чешских и словацких историков в г. Либнице, материалы которой привлекли внимание широкой научной общественности³⁶. В итоге дискуссии большинство историков пришло к заключению, что в истории Великой Моравии следует различать 3 периода: 1) дофеодальный (до VIII в.); 2) «протофеодальный» (IX в.); 3) феодальный (X в.)³⁷.

Дискуссия 1953 г. имела значение для дальнейшей разработки проблемы: она нацелила археологические исследования на поиски

новых данных, что увенчалось успехом в 50—60-е годы, вовлекла в исследование вопроса представителей разных наук (историков, лингвистов, историков права, археологов), привлекла внимание видных историков-марксистов других стран, использовавших новый материал в своих работах ³⁸.

Исследования, последовавшие за дискуссией 1953 г., ознаменовались новыми находками, которые в отличие от прежних относились уже не только к погребениям, но и к поселениям ³⁹ и смогли быть использованы для характеристики общественной структуры (М. Штепанек) ⁴⁰, земледелия (М. Беранова) ⁴¹, ремесла (Я. Эйсер) ⁴², гончарного дела (Й. Поулик) ⁴³, архитектуры (Й. Пошмоурный) ⁴⁴, укреплений (В. Грубый) ⁴⁵. Для обобщения всего материала имели значение работы Я. Декана ⁴⁶, П. Раткоша ⁴⁷ и Б. Хроповского ⁴⁸.

Исследования 50-х—начала 60-х годов дали много для характеристики типов поселений, плотности населения, характера и способа укреплений, для характеристики торговых и культурных отношений, для сопоставления письменных источников с данными археологии, для изучения Моравии в период перехода от первобытнообщинного общества к классовому, они содействовали выяснению социальной структуры и природы этого государства ⁴⁹.

В начале 60-х годов стала возможна более конкретная постановка вопроса о степени феодализации Моравии и уровне ее политического развития. Новые данные получили разную оценку. Историк права В. Прохазка, основываясь на том, что данные о развитии феодальной собственности в Великой Моравии еще весьма недостаточны, решил, что Великая Моравия находилась на стадии перехода от родового периода к феодальному ⁵⁰. Археолог Й. Поулик, основываясь на результатах исследований захоронений и градов, охарактеризовал Великую Моравию как раннефеодальное государство ⁵¹, словацкий историк П. Раткош признал раннефеодальный характер общества только в центральной области Великой Моравии ⁵², Ф. Граус развернул аргументацию в защиту своего старого тезиса. По его мнению, имеющиеся данные не соответствуют нашим представлениям о феодальном обществе, свойственном классическому феодализму Западной Европы, а данные археологов он воспринял скептически ⁵³. Феодальный характер Великой Моравии поставили под сомнение и некоторые другие видные историки (особенно З. Фиала), считавшие, что власть моравского князя основывалась исключительно на военной силе ⁵⁴. В ходе дискуссии, однако, отпали многие аргументы историков, отрицавших феодальную природу Великой Моравии.

В свете новых археологических данных уже трудно согласиться со скептическими суждениями относительно возможности датировки археологических находок ⁵⁵, тем более после исследования Г. Булина, сравнившего Великую Моравию с государством Каролингов ⁵⁶. А сопоставление данных о социально-экономическом, куль-

турном и идеологическом уровне развития Великой Моравии с показаниями иноземных источников о развитии раннефеодальной государственности в других странах⁵⁷ лишает основания аргументацию Ф. Грауса, исходящего из материалов франкской истории.

В итоге исследований, начавшихся в 1945 г., к началу 60-х годов чешские и словацкие историки показали необоснованность утверждений о несамостоятельном развитии моравского общества, о решающей роли авар, а затем франков в истории Моравии, они установили этническую, экономическую и политическую преемственность моравского общества с населением довеликоморавского периода, показали непрерывность развития на этой территории славянского этноса с VI по X в., большинство историков констатировало формирование феодальной моравской государственности в IX в. Вместе с тем некоторые вопросы остались дискуссионными; прежде всего — это вопрос о степени и ареале феодализации моравского общества и о политическом уровне моравского феодального государства. Историки до сих пор расходятся во мнениях по этим вопросам. Часть из них считает, что моравское государство во второй половине IX в. достигло «первой фазы феодального общества»⁵⁸, другие полагают, что «вопрос о классовой дифференциации великоморавского общества представляется сложным» и «пока нельзя сказать, какой степени развития достиг этот уровень»⁵⁹.

В свете сопоставления имеющихся данных об экономическом, социальном, идеологическом и культурном развитии моравского общества⁶⁰, учитывая произведенное сопоставление его развития в IX в. с развитием других регионов раннефеодальной эпохи⁶¹, в настоящее время можно, однако, сделать вывод: феодальный характер моравского государства во второй половине IX в. не вызывает сомнения⁶².

Новый этап в изучении Великой Моравии обозначился в начале 60-х годов. Большие успехи в изучении материальной культуры и социально-экономического развития общества, постановка проблемы сравнительного изучения ранней государственности в Центральной и Юго-Восточной Европе и в связи с этим возврат к более тщательному изучению письменных источников путем их переиздания и новой интерпретации подготовили изучение проблемы Великой Моравии на качественно новом уровне. Этому содействовали научные мероприятия в связи с 1100-летием славянской письменности, вызвавшие подъем научного интереса к истории и культуре Великой Моравии⁶³.

Начало 60-х годов было отмечено подготовкой к новому изданию всех известных письменных источников о Великой Моравии. В работе приняли участие ученые разных специальностей: историки, историки права, филологи, лингвисты, искусствоведы. В результате на протяжении 1966—1977 гг. был издан 5-томный свод всех пись-

менных источников (летописи, хроники, жития, грамоты, послания, решения синодов, исторические сочинения, географические, этнографические, правовые памятники), большинство из которых иноземного происхождения и написаны на разных языках (латинском, греческом, древнеславянском, арабском, еврейском). Все источники изданы в оригинале и сопровождаются переводом на чешский язык с научными комментариями⁶⁴. Полное издание письменных источников обеспечило основу для постановки новых вопросов. Большое значение, в частности, имела публикация юридических памятников — Закона судного людем и Номоканона. Впервые в чешской историографии расширен круг источников, снабженных современным комментарием и создана возможность сравнительного их изучения, расширены рамки исследования по истории и культуре Великой Моравии.

Успехи в источниковедческой области были дополнены новыми данными чешской и словацкой археологии и интерпретацией их в новых обобщающих работах путем сравнения с данными письменных источников. Вышли в свет исследования о градах Микульчицы (Й. Поулик)⁶⁵, Старое Место и Сады (В. Грубый) и городище Дуцове (А. Рутткай)⁶⁶. Результаты исследований были обобщены в работах Й. Поулика, Б. Хроповского, Я. Декана и др. В ходе комплексного изучения и сопоставления письменных и археологических данных были сделаны наблюдения о функциональном значении разных градов, был получен новый материал о развитии производительных сил и о социальной дифференциации, подтвердивший заключение о феодальном характере развития Великой Моравии и давший возможность поставить проблему изучения моравской народности. В 1963 г. П. Раткош опубликовал обзор исследований по этому вопросу⁶⁷. Последовали работы Я. Декана (1972) и Л. Гавлика (1974). В центре новых исследований оказался вопрос о генезисе моравской народности, ее основных чертах и своеобразии⁶⁸. Для дискуссии по вопросу о специфике моравской народности имели значение методологические замечания советского историка В. Д. Королюка⁶⁹ и польского историка Г. Ловмянского⁷⁰. Некоторые аспекты, связанные с соотношением моравской народности со словацкой, особенно вопрос о преемственности последующего этнического развития древнеморавской народности, остаются дискуссионными, однако решающее значение имеют положительные результаты исследования этой проблемы. Новое издание источников и последовавшие затем работы о моравской народности дали возможность советским ученым использовать исследование вопросов развития моравской народности для сравнительного исторического изучения проблемы формирования этнического самосознания славянских народностей в раннефеодальный период⁷¹.

Расширение источниковедческой базы и успехи марксистской ис-

ториографии в изучении проблемы типологии феодального развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы ⁷² позволили поставить вопрос в сравнительно-историческом плане о типе государственности и народности Великой Моравии ⁷³. Наблюдения, уже сделанные учеными в этом аспекте, могут служить предметом для дальнейшей дискуссии. В связи с новым ракурсом изучения общественной структуры и государства Великой Моравии приобрели значение работы о кирилло-мефодиевских юридических памятниках. По новому встал вопрос о возможности использования их в качестве источника. Главное состоит в том, что после исследований чехословацких языковедов и историков И. Вашицы ⁷⁴ и В. Прохазки ⁷⁵ представляется убедительно доказанным, что одна из сохранившихся редакций Закона судного людем имеет моравское происхождение ⁷⁶. Поэтому введение этого источника в круг исследований внутренней истории Великой Моравии, ее общественной структуры представляется, безусловно, достижением чешских историков последнего времени ⁷⁷. Вместе с тем следует подчеркнуть, что сказанное ни в коем случае не исключает возможности существования более древней редакции, возникшей в другом месте в сфере византийской культуры. Вопрос о месте возникновения древнейшей редакции Закона судного людем остается по-прежнему предметом дискуссии, причем следует считаться с разными мнениями по этому вопросу. Существует теория о болгарском происхождении Закона судного людем ⁷⁸, гипотеза о происхождении его из центральной части Балканского государства ⁷⁹, и, наконец, высказано предположение о нижнепаннонской основе памятника ⁸⁰.

В результате новой публикации юридических и кирилло-мефодиевских памятников становится очевидным вклад русской науки в изучение древнеславянских и греческих источников о Великой Моравии (В. И. Григорович, П. А. Павлов, А. И. Соболевский, И. И. Срезневский ⁸¹), вырисовывается значение работ советских ученых в изучении этой проблемы ⁸². Чешские ученые отметили, что русские дореволюционные исследователи сделали доступными для изучения неизвестные ранее списки и редакции этих памятников и тем самым подвели фундамент для решения связанных с ними сложных проблем ⁸³.

Изучение раннефеодальных отношений и моравской государственности, формирования моравской народности привело, естественно, к постановке вопроса о предпосылках и особенностях превращения древнего моравского государства в Великоморавскую державу путем расширения власти моравских князей за счет славянских областей и других славянских народностей. В связи с этим исследовался и вопрос об особенностях внутренней колонизации в бассейнах Моравы, Дыи, Вага и других рек. (В этом плане большой интерес представляет работа Д. Бялевой, публикуемая в настоящем сборнике.) Чешские и словацкие историки обобщили обширный фак-

тический материал по этим вопросам, отметив дискуссионные аспекты проблемы (датировка и характеристика продвижения границ моравского государства к р. Тиссе и др.)⁸⁴.

■ Центральной проблемой в изучении международного положения Великой Моравии оставался вопрос об отношении ее к Восточно-Франкскому королевству. Новый источниковедческий анализ с материалистических позиций позволил дать критику националистических концепций современных буржуазных историков, особенно западнонемецких, рассматривающих Моравию как неотъемлемую и исконную часть Германии и «Западного мира» («Абендланда») а франко-моравские отношения — как процесс закрепления «законных притязаний» франкских королей и императоров на Моравию и Чехию⁸⁵.

Вслед за развернутой критикой видных представителей немецкого «остфоршунга» в 1950—1970-е годы по вопросу о франко-моравских отношениях IX—X вв.⁸⁶ в чехословацкой историографии впервые был дан наиболее полный обзор истории отношений Великой Моравии с Франкской империей, затем с Восточно-Франкским королевством⁸⁷. Работы по этому вопросу обратили на себя внимание тщательным анализом всей совокупности источников, убедительной аргументацией основного положения: Великую Моравию ни на каком ее этапе нельзя рассматривать ни в правовом, ни в реальном отношении частью государства франков⁸⁸. Последовательно и аргументированно было доказано, что следует проводить различие между отношением Моравии к Франкской империи, а затем к Восточно-Франкскому королевству, к их государям и ареалу так называемой *Universae christianae Romanae* и представителям ее — императорам, в роли которых выступали франкские короли⁸⁹. Особенно систематизированно были показаны борьба Моравии против франкской феодальной агрессии и международное и историческое значение этой борьбы для отражения «восточного натиска» франков на славянские страны⁹⁰.

Дискуссионной остается, однако, интерпретация некоторыми историками сведений источников о моравско-франкских отношениях в духе полного отрицания на некоторых этапах зависимости Моравии от государства франков. Если действительно трудно говорить о реальном правовом и политическом подчинении Моравии Восточно-Франкскому королевству, то ряд конкретных сообщений можно все же рассматривать как признание моравскими князьями императорского и королевского верховенства с целью установления мирного существования и заключения договора о ненападении, что нередко сопровождалось обязанностью со стороны Моравии платить некую символическую дань (трибут). Следует иметь в виду, что в те времена такую форму нередко приобретали мирные отношения между разными государствами⁹¹.

Празднование 1100-летнего юбилея создания славянской азбуки (празднование проводилось в 1963 г.) послужило стимулом для большого количества публикаций о деятельности Константина (Кирилла) и Мефодия⁹². Кирилло-мефодиевская проблема стала одной из центральных в мировом славяноведении⁹³. Известно, что проблема эта традиционно и издавна (еще с конца XVIII в.) занимала большое место в историографии славянских и неславянских стран⁹⁴, однако в последние десятилетия исследование ее приобрело особенно интенсивный характер в Болгарии, Чехословакии, Югославии и СССР⁹⁵, причем в каждой из этих стран проявился преимущественный интерес к одному из аспектов проблемы. В Болгарии особенное внимание было обращено на историю создания славянской письменности и значение славянской традиции, в Югославии предметом изучения стала Охридская школа, в советской историографии было обращено внимание на значение вопроса о возникновении первого литературного языка, на изучение рукописей и принципов перевода древних памятников⁹⁶.

В чехословацкой историографии последних десятилетий в этой области интересы ученых сосредоточивались в нескольких направлениях. Прежде всего, как и по другим вопросам, связанным с изучением Великой Моравии, шла интенсивная работа по систематизации, переводу и комментированию источников.

Большой интерес вызвал вопрос о начале христианизации Моравии во времена до византийской миссии, причем рассмотрение этого вопроса основывалось на результатах новейших археологических данных о культовых постройках довеликоморавского времени, и что особенно важно — историки впервые связали этот вопрос с проблемой образования раннефеодальной государственности. Особенное значение здесь имели работы А. Исаченко и И. Цибульки⁹⁷. Исследовалась проблема образования старославянского языка в непосредственной связи с результатами деятельности Константина (Кирилла) и Мефодия. Работы виднейших чешских и словацких ученых В. Вашицы, А. Исаченко, Р. Вечерки, И. Крайчовича привлекли внимание советских ученых. Некоторые статьи были переведены на русский язык⁹⁸ и нашли живой отклик в советской славистике⁹⁹. Видное место заняли сводные очерки по вопросу о значении христианизации для Великой Моравии в работах таких ведущих чехословацких ученых, как В. Вавржинек¹⁰⁰ и др.

В историографии была отмечена дискуссионность многих вопросов, рассматривавшихся в связи с кирилло-мефодиевской проблемой. Следует отметить, что предметом дискуссии стали: вопрос о датировке начала деятельности солунских братьев по созданию славянской письменности, вопрос о значении так называемых «русских писем», т. е. вопрос о значении хазарской миссии Константина, вопрос о характере взаимовлияния балканского славянского языка,

на который был сделан перевод Краткого апракоса, и местного моравского языка, вопрос о поведении солунских братьев в условиях существенного расхождения (как по догматическим вопросам, так и в сфере церковной службы) между западной и восточной церковью, вопрос о роли представителей германского духовенства, боровшегося против миссии солунских братьев, вопрос об авторстве ряда дошедших до нас памятников.

В результате исследований чешских и словацких ученых часто в сотрудничестве и полемике со специалистами из других стран некоторые из указанных дискуссионных вопросов получили в последние десятилетия однозначное решение. Так, например, оказалось, что начало деятельности солунских братьев над созданием славянской письменности следует скорей всего связывать с моравской письменностью¹⁰¹. Вопрос о так называемых «русских письменах» перестает быть дискуссионным в результате исследований последнего времени¹⁰². Попытка некоторых историков навязать дискуссию по вопросу о характере и результатах деятельности германского духовенства в Великой Моравии с целью его «реабилитации» оказалась несостоятельной¹⁰³.

Вместе с тем некоторые вопросы в области кирилло-мефодиевской проблемы остаются дискуссионными. Так, например, по определению ведущих советских славистов, «трудно сказать, когда наступит единство во взглядах» по вопросу о характере взаимоотношения балканского славянского языка и местного моравского языка¹⁰⁴. Различные мнения продолжают существовать, например, по вопросу об отношении Константина и Мефодия к догматическим вопросам, что часто объясняется принадлежностью авторов к исторической школе той или другой страны. Актуальной и во многом еще не решенной остается проблема об авторстве древних памятников славянской письменности¹⁰⁵.

Следует заметить, что и некоторые аспекты истории Великой Моравии, связанные с ее историей на отдельных этапах, вопрос о причинах ее упадка, вопрос о судьбе собственно Моравии после гибели Великоморавской державы, некоторые вопросы, связанные с уточнением ее границ, а также вопрос о культурных влияниях на Моравию, остаются дискуссионными, что в какой-то мере нашло отражение и в некоторых материалах данного сборника.

Однако при всей дискуссионности многих вопросов, связанных с историей Великой Моравии, решающее значение имеет общий положительный результат исследования проблемы в целом в марксистской историографии последних десятилетий. Он сводится прежде всего к общему признанию того, что Великая Моравия была раннефеодальным государством, сыгравшим большую историческую роль в жизни не только славянских народов, но и всей Центральной и

Юго-Восточной Европы, в приостановлении натиска Франкского государства на восток. Великая Моравия выступила равноправным партнером Восточно-Франкского королевства и наряду с другими образовала «римский христианский мир» (*orbis romana christiana*), играя большую роль в международных отношениях, во взаимоотношениях в частности с Франкским государством, римской курией и Византией. Значительную роль Великая Моравия сыграла в формировании славянской культуры. Древнеславянское наречие (в его графическом начертании в виде глаголицы) приобрело в Моравии значение литературного языка, посредством которого славянские народы получили возможность пользоваться сокровищницей греко-византийской и латино-франкской культуры. После изгнания учеников Мефодия из Моравии моравские культурные традиции стали играть немалую роль во всех славянских странах, о чем свидетельствуют позднейшие литературные памятники. Старославянский язык, в который вошли многие элементы из собственно моравской среды, был признан папской курией третьим церковным языком в Европе. Это событие содействовало на определенной стадии культурному развитию других славянских народов, оно усилило стремление и неславянских народов Европы к отстаиванию права на употребление собственного языка. В этом сказалось, безусловно, историческое значение Великой Моравии для культурного развития народов Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Изучение культурного наследия и традиции Великой Моравии приобретает поэтому общеевропейское значение.

Значительные результаты были достигнуты в области изучения искусства и архитектуры Великой Моравии, что стало возможно на основе успехов археологической науки¹⁰⁶. Характерные черты строительной деятельности моравян при возведении ими жилья и укрепленных городищ выявили в своих работах В. Грубый¹⁰⁷ и Ч. Станя¹⁰⁸. Особенно показательными оказались исследования в области церковной архитектуры — было открыто и обследовано 18 объектов сакральной архитектуры. Исследования Й. Поулика¹⁰⁹, Й. Пошмоурного¹¹⁰ и Й. Цибульки¹¹¹ показали, что церковные здания возникли в связи с приходом первых христианских миссий в Моравию. Исследованы также объекты монументальной светской архитектуры, особенно каменный дворец в Микульчицах¹¹². Исследования чехословацких ученых принесли много нового для характеристики моравских художественных ремесел. Здесь большое значение имели исследования Я. Эйснера, М. Шолле и обобщающая монография Я. Декана¹¹³. Своеобразие моравских художественных изделий из кости исследовал К. Бенда¹¹⁴. В ходе исследований были высказаны различные гипотезы о связи архитектуры и художественных ремесел с центрами различных культур — византийской, ирландской, далматинско-адриатической, черноморской, закавказской, малоази-

атской и даже среднеазиатской. При всей дискуссионности отдельных положений принципиальное значение имеют общие выводы. При несомненном существовании различных влияний в Моравии сформировался, однако, свой, характерный моравский тип украшений и изделий художественных ремесел ¹¹⁵.

Ученые сходятся на том, что найденные архитектурные фрагменты имеют общие специфические черты, свидетельствующие о самобытном развитии моравского монументального искусства, развитие которого стало возможным только при наличии определенных экономических и общественных предпосылок, обусловивших формирование раннефеодальной моравской государственности ¹¹⁶.

Буржуазная историография проявила значительный интерес к истории и культуре Великой Моравии, причем в центре ее внимания находились исследование политической истории Великой Моравии и ее отношений с соседними государствами, особенно с Византией, кирилло-мефодиевская проблема и некоторые вопросы культурного развития ¹¹⁷. Обращают на себя внимание прежде всего работы Ф. Дворника, опубликованные в разных странах на основных западноевропейских языках ¹¹⁸. Однако при изучении кирилло-мефодиевской проблемы буржуазные ученые исходили из идеалистических посылок, полагая, что целью миссии солунских братьев было «воплотить в славянах византийский гений», что вело к идеалистической трактовке моравско-византийских отношений и не раскрывало объективного исторического значения миссии ¹¹⁹. Изучение политической истории самой Великой Моравии шло, как правило, под углом зрения зависимости моравской истории от истории Восточно-Франкского королевства, причем особенно подчеркивалось подчиненное положение Великой Моравии в политическом и юридическом отношении франкскому государственному организму. Наиболее последовательно такую концепцию развил западногерманский историк В. Вегенер ¹²⁰. В марксистской историографии концепция В. Вегенера была подвергнута аргументированной критике ¹²¹.

Проблема генезиса моравской государственности нередко рассматривалась как результат решающего влияния авар. Такая концепция была сформулирована Г. Прейделем ¹²², что также встретило критику со стороны марксистских историков ¹²³. Политическая история Великой Моравии в целом излагалась с позиций идеалистической буржуазной историографии, это характерно, в частности, для обобщающей работы Л. Гауптмана ¹²⁴. Некоторые историки старались подчеркнуть решающее значение немецких миссионеров для развития культуры Великой Моравии. Наиболее последовательно эту концепцию отстаивали некоторые западногерманские и австрийские ученые, в частности — Ф. Загиба ¹²⁵.

В последние десятилетия сложились наиболее благоприятные условия для творческого сотрудничества историков-марксистов в об-

ласти изучения генезиса и развития раннефеодальной государственности и народности. Сборник «Великая Моравия, ее историческое и культурное значение» является результатом сотрудничества советских и чехословацких ученых. В результате научного сотрудничества выдающегося чешского ученого З. Неедлы с ведущими советскими славистами была поставлена проблема изучения образования государства в Чехии и Моравии в свете марксистского учения об обществе ¹²⁶. В 1950—1960-е годы создались благоприятные условия для выработки марксистской концепции становления раннефеодальной государственности в Моравии ¹²⁷. Широкому знакомству с достижениями чехословацких ученых в изучении истории Великой Моравии содействовали перевод на русский язык фундаментального труда Л. Нидерле ¹²⁸ и публикация в советских изданиях статей ведущих чехословацких специалистов ¹²⁹. Советские ученые использовали достижения чехословацкой историографии при сравнительном изучении раннефеодальной государственности в Центральной и Юго-Восточной Европе ¹³⁰. Чехословацкие ученые в свою очередь смогли использовать результаты советских исследований источников по истории Великой Моравии и поставили перед собой задачу изучения Великой Моравии как «одного из государств периода первых славянских государственных образований» ¹³¹.

В конце 1970-х годов на необходимость еще более тесного научного сотрудничества чешских, словацких и советских историков в области изучения истории и культуры Великой Моравии обратил внимание чешский академик Й. Поулик. «Великоморавское государство, — писал он, — представляет собой не изолированное явление. Решение вопроса о корнях возникновения Великой Моравии тесно связано с историческими судьбами всей обширной этнической группы славян и с их участием в развитии Европы начиная с VI в. Объективное решение этой сложной проблемы требует тесного сотрудничества чехословацких исследователей с советскими славистами и славистами других социалистических стран, а также с прогрессивными учеными западных государств, на территории которых издавна селились славяне» ¹³².

Настоящий сборник статей советских и чехословацких авторов является первой попыткой осуществления задачи, сформулированной Й. Поуликом, который любезно согласился стать соредактором и одним из авторов издания. В этом сборнике ведущие чешские и словацкие ученые знакомят нас с результатами своих долготлетних исследований, с новой постановкой и конкретной разработкой основных вопросов, связанных с социально-экономическим развитием моравского общества, его культурой и его международным положением.

Советские авторы подводят итог изучения истории и культуры Великой Моравии дореволюционными русскими и советскими уче-

ными, стремясь показать вклад русской науки в изучение проблемы в целом. Непосредственный интерес представляет также анализ традиции великоморавской культуры на Руси и у южных славян, сделанный на основе изучения рукописных материалов.

Советских и чехословацких авторов объединяли в работе общая исходная методологическая позиция материалистического осмысления исторического процесса, общая научная задача — комплексная разработка проблемы раннефеодальной государственности, общее стремление к сотрудничеству.

¹ MMFH, d. III, s. 287.

Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Edited by Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 64.

² ἡ μεγάλη Μοραβία ἢ τοι χωρα τοῦ Εφενδεπλόκου Ibid., 13.

³ Ibid., cap. 14 42.

⁴ Подробнее об этом см.: *Поулик Й.* Великая Моравия в свете археологических раскопок. — В кн.: Наука и человечество: Международный ежегодник. М., 1979, с. 90.

⁵ Подробнее см. статью в настоящем сборнике: *Санчук Г. Э.* Великая Моравия в советской историографии.

⁶ *Можалева И. Е.* Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике. 1945—1974. М., 1980.

⁷ Там же, с. 10 и след.

⁸ *Королюк В. Д.* Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян. — КСИС. М., 1963, № 99, с. 3; *Удальцова З. В., Гутнова Е. В.* К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе. — В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 12 и след.; Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.

⁹ MMFH, d. V, s. 10.

¹⁰ Přehled dějin Československa. Praha, 1980, d. I, kn. 1.

¹¹ *Havlík L.* Velká Morava a středoevropští Slované. Praha, 1964, s. 372—376.

¹² Slovanský přehled, 1972, N 2, s. 5.

¹³ *Eisner I. Lubor Niederle.* Praha, 1948.

¹⁴ Československá slavistika v letech 1918—1938. Praha, 1977, s. 331.

¹⁵ Ibid., s. 325.

¹⁶ 25 ans d'historiographie tchécoslovaque, 1936—1960. Praha, 1960, p. 142—145.

¹⁷ *Неедлы З. Р.* История чешского народа. М., 1952, т. 1, с. 13.

¹⁸ *Королюк В. Д.* Московский период жизни Зденек Неедлы и развитие советского славноведения. — В кн.: Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964, с. 205.

¹⁹ Историки-слависты Московского университета. 1939—1979. М., 1979, с. 184.

²⁰ *Nejedlý Z.* Dějiny národa českého. Praha, 1949.

²¹ О деятельности З. Неедлы в качестве министра культуры Чехословакии и президента Чехословацкой академии наук см.: Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964.

²² *Husa V.* Epochy českých dějin. Praha, 1949.

²³ Sborník pro hospodářské a sociální dějiny. Praha, 1946, s. 3—18.

²⁴ Lidové noviny, 29.VI 1952.

²⁵ *Poulik J.* Starí Moravané budují svůj stát. Gottwaldov, 1960, s. 44.

²⁶ *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravské pohřebiště Na valách. Praha, 1955; *Poulik J.* Staroslovenská Morava. Praha, 1948; *Böhm J.* Velká Morava. — Tvorba, 1950, č. 27, s. 28.

- ²⁸ *Eisner J.* Boj naší archeologie o nový názor na slovenský dávnověk. — In: Z. Nejedlému 75 let. Praha, 1953, s. 644.
- ²⁹ *Eisner J.* Archeologie o Velké Moravě. — *Slavia*, 1956, r. XXV.
- ³⁰ *Poultik J.* Nové slovenské výzkumy na Moravě. — In: Vznik a počátky Slovanů. Praha, 1956, d. I, s. 232.
- ³¹ *Dekan J.* Začiatky slovenských dejín a Ríša veľkomoravska. — In: Slovenské dejiny. Bratislava, 1951, d. II.
- ³² *BI*, 1956, № 3, c. 202—205.
- ³³ *Böhm J.* K otázce vzniku feudalismu v českých zemích. — *Český lid*, 1951, č. VI, s. 162—180.
- ³⁴ *Ibid.*, s. 179.
- ³⁵ *Husa V.* K otázce vzniku feudalismu na území ČSR. — *Český lid*, 1953, r. XL, s. 83—87; *Graus F.* Vznik feudalismu v českých zemích. — *Český lid*, 1951, r. XXXVIII, s. 328—385; *Černohorský I.* Keramika a feudalizm. — *Český lid*, 1952, r. XXXIX, s. 223—230. *Vaněček V.* Souvislost Velké Moravy se slovanským svazem Samovym. — «Pravněhistorické studie», Praha, 1963.
- ³⁶ *BI*, 1954, № 5, c. 188—189.
- ³⁷ *Český lid*, 1953, c. XL, s. 88.
- ³⁸ *Третьяков П. Н.* Новые данные о Великоморавском государстве. — *ВИ*, 1961, № 5, c. 72; о новейшей польской историографии по данной проблеме см.: *Пřehled...*, s. 86.
- ³⁹ *Poultik J.* Staří Moravané. ..., s. 50.
- ⁴⁰ *Stěpánek M.* Opevněná sídliště 8. — 12. století ve střední Evropě. Praha, 1965.
- ⁴¹ *Beranová M.* Zemědělství v Čechách na počátku feudalismu. — *AR*, 1963, r. IX, s. 1 nast.
- ⁴² *Eisner J.* Archeologie o Velké Moravě. — *Slavia*, 1956, č. XXV.
- ⁴³ *Poultik J.* Výsledky výzkumů Mikulčic. — *PA*, 1959, r. XLVIII.
- ⁴⁴ *Požmourný J.* Provenience stavebního umění. — *Musaica*, Praha, 1971, XXII.
- ⁴⁵ *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravské pohřebiště Na Valách Praha, 1955.
- ⁴⁶ См. примеч. 31.
- ⁴⁷ *Ratkoš P.* Vel'komoravské obdobie v slovenských dejinách. — *HČ*, 1958, r. VI.
- ⁴⁸ *Chropovský B.* Vel'komoravská říša. — In: Slovensko. Dejiny. Bratislava, 1971, s. 173—211.
- ⁴⁹ *Пřehled...*, s. 83—86.
- ⁵⁰ *Procházka V.* Vel'komoravská říša a vývoj politickej organizace. — *Právnik*, 1963, r. 102.
- ⁵¹ *Poultik P.* Staří Moravané. ..., s. 152.
- ⁵² *Ratkoš P.* Vel'komoravské obdobie. ..., s. 3.
- ⁵³ *Graus F.* Říše Vel'komoravská, její postavení v současné Evropě a vnitřní struktura. — In: Konferencia o Vel'kej Morave a byzantskej misii. Nitra, 1963.
- ⁵⁴ *Fiala Z.* Hlavní problémy politických a kulturních dějin českých v 9. a 10. století podle dnešních znalostí. — *ČSČH*, 1966, r. 14, s. 58.
- ⁵⁵ *Полуик И.* Великая Моравия. ..., c. 78.
- ⁵⁶ *Bullin H.* Aux origines de formations étatiques des slaves du moyen Danube au IX-e siècle. — In: L'Europe aux IX-e—X-e siècles. Varsovie, 1968, p. 173.
- ⁵⁷ *Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1970, t. IV, s. 315—320; cp.: *Пřehled...*, s. 90.
- ⁵⁸ *MMFH*, d. V, s. 19.
- ⁵⁹ *Пřehled...*, s. 85.
- ⁶⁰ *Пřehled...*, s. 90, Literatura.
- ⁶¹ *Королюк В. Д.* Особенности становления и формирования славянских раннефеодальных государств и народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. — *СС*, 1970, № 5, c. 3—9.
- ⁶² Там же.

- ⁶³ Живодерова А. М. Обзор зарубежной литературы, опубликованной к 1100-летию славянской письменности. — В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 260—287.
- ⁶⁴ MMFH, d. I—V.
- ⁶⁵ Poulik J. Pevnost v lužním lese. Praha, 1967.
- ⁶⁶ Hrubý V. Staré Město. . . , Ruttkay A. Ducové, okres Trnava. Významné slovenské náleziská na Slovensku. Nitra, 1978.
- ⁶⁷ Ratkoš P. K diskusii o vznikaní národnosti na našom území. — НС, 1963, s. 288.
- ⁶⁸ Dekan J. Vel'ká Morava a problematika vel'komoravskej národnosti. — НС, 1972, s. 172—185; Havlík L. Slovanské země. — Slovanský přehled, 1974, r. 60, s. 44—50.
- ⁶⁹ Корольюк В. Д. Особенности становления. . . , с. 8.
- ⁷⁰ Łowmiański H. Początki Polski, t. IV.
- ⁷¹ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, гл. IV. [Б. Н. Флоря]. О самосознании великоморавской народности, с. 82—96.
- ⁷² Удальцова Э. В., Гутнова Е. В. К вопросу. . . , с. 12.
- ⁷³ MMFH, d. V, s. 12.
- ⁷⁴ Вашица Й. Кирилло-мефодиевские юридические памятники. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. М., 1963, вып. 7, с. 12—32.
- ⁷⁵ Procházka V. Zakonъ Sudnyъ Ljudьmъ et la Grande Moravie. — «Byzantinoslavica», 1957, r. XXVIII, s. 359—375.
- ⁷⁶ MMFH, d. IV, s. 171.
- ⁷⁷ MMFH, d. IV, s. 147—198.
- ⁷⁸ Ганев В. Закон судный людем. София, 1959.
- ⁷⁹ Троицкий С. Святой Мефодий как славянский законодатель. — В кн.: Богословские труды. М., 1961, вып. II, с. 85—123.
- ⁸⁰ Vprasanje. Zgod, 1952, N 6; 1953, N 7.
- ⁸¹ MMFH, d. IV, s. 149.
- ⁸² Ibidem.
- ⁸³ Ibidem.
- ⁸⁴ Havlík L. Územní rozsah Velkomoravské říše. — Slovanské Štúdie, 1960, r. III, s. 33—38.
- ⁸⁵ Wegener W. Böhmen-Mähren und das Reich im Hohenmittelalter. Köln; Graz, 1959; подробнее см.: Санчук Г. Э. Проблема империи и чешско-немецких отношений раннефеодального периода (X—XII вв.) в западногерманской историографии послевоенного времени. — В кн.: Австро-Венгрия и славяногерманские отношения. М., 1965, с. 227—250.
- ⁸⁶ Fiala Z. Vztah českého státu k německé říši do počátku 13. století. — Sborník historický, Praha, 1959.
- ⁸⁷ Havlík L. Velká Morava a Franská říše. — НС, 1963, s. 129—180.
- ⁸⁸ Ibidem.
- ⁸⁹ Ibidem.
- ⁹⁰ Ibidem.
- ⁹¹ Łowmiański H. Początki Polski, t. IV, s. 357.
- ⁹² Живодерова А. М. Обзор. . . , с. 280—287.
- ⁹³ Можяева И. Е. Библиография. . . , с. 21.
- ⁹⁴ Бернштейн С. Б. Предисловие к книге: Можяева И. Е. Библиография. . . , с. 2.
- ⁹⁵ Можяева И. Е. Библиография. . . , с. 23.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Isačenko A. Začiatky vzdélanosti do Vel'komoravskej říši. Martin, 1961; Cibulka J. Grossmährischen Kirchenbauten. — In: Sankti Cyrillus et Methodius. Praha, 1963.
- ⁹⁸ Вашица Й. Кирилло-мефодиевские юридические памятники; Исаченко А. В.

- К вопросу об ирландской миссии. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. М., 1963, вып. 7, с. 43—72.
- ⁹⁹ Можеева И. Е. Библиография. . .
- ¹⁰⁰ Vavřínek V. Die Christianisierung und Kirchenorganisation Grossmährens. — Historica, 1963, r. VII, s. 5—56; *Idem.* Křesťanství na Velké Moravě a význam byzantské misi — In: Z dějin Slovanů na území ČSSR. Uherské Hradiště, 1971, s. 1 nast.
- ¹⁰¹ Бернштейн С. Б. Предисловие. . . , с. 12.
- ¹⁰² СИС, 1963, № 39.
- ¹⁰³ Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981, с. 30—31.
- ¹⁰⁴ Бернштейн С. Б. Предисловие. . . , с. 49.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Točík A. Význam posledných archeologických výzkumov na Slowensku pre dejiny najstarších Slovanov a Vel'komoravskej ríše. — HČ, 1955; *Полулик Й.* Великая Моравия. . . , с. 91; библиографию последних работ по этому вопросу см.; Přehled, s. 72—73.
- ¹⁰⁷ Hrubý V. Příspěvek k poznání velkomoravského obydlí. — PA, 1961, r. LII, s. 211.
- ¹⁰⁸ Stáňa Č. Slované obytné objekty na hradišti Staré Zámky u Lišně. — PA, 1960, r. LI, s. 1 nast.
- ¹⁰⁹ Poullík J. Výsledky výzkumu na velkomoravském hradišti Valy u Mikulčic. — PA, 1957, r. XLVIII.
- ¹¹⁰ Poštourný I. Chrám cyrilometodějské ve Velké Moravě. — Umění, 1952, r. 1; *Idem.* Stavební umění Velkomoravské říše. — Architektura ČSSR, 1961, s. 129—135.
- ¹¹¹ Cibulka J. Grossmährische Kirchenbauten. — In: Sancti Cyrillus et Methodius, Leben und Wirken. Praha, 1963, S. 49—117.
- ¹¹² Poullík J. Mikulčice — sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975.
- ¹¹³ Eisner J. Základy kovářství v době hradištní v Československu. — Slavia Antiqua, 1948, č. 1, s. 367—396; *Idem.* Počátky českého šperku. — PA, 1955, r. XLVI, s. 215—226; Solle M. Stará Kouřim a projevy velkomoravské hmotné kultury v Čechách. Praha, 1966; *Dekan J.* Vel'ka Morava. Doba a umenie. Bratislava, 1979.
- ¹¹⁴ Benda K. Karolinská složka blatnického nálezu. — SLA, 1963, r. XI.
- ¹¹⁵ Havlík L. Velká Morava a středoeuroští Slované. Praha, 1964, s. 354.
- ¹¹⁶ Ibid., s. 350; Přehled. . . , s. 75.
- ¹¹⁷ Beumann H., Schlesinger W. Urkundenstudien zur deutschen Ostpolitik unter Otto III. — Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde, 1955, Bd. 1; Szöke B. Über die Beziehungen Moraviens, zu dem Donaugebiet in der Spätawarenzeit. — Studia Slavica, 1960, S. 75—81; *Hahn I.* Kyryllomethodianische Bibliographie. 1939—1955. Gravenhage, 1958.
- ¹¹⁸ Dvorník F. Les Légendes de Constantin et de Méthode vue de Byzance. Praha, 1933; *Idem.* Les Slaves, Byzance et Rome au IX-e siècle. Paris, 1926. *Idem.* The Slavs, their early history and civilization. Boston, 1956.
- ¹¹⁹ См.: Грацианский Н. П. Деятельность Константина и Мефодия в Велико-моравском княжестве. — ВИ, 1945, № 1; *Россейкин Ф. М.* Буржуазная историография о византийско-моравских отношениях в середине IX в. — Византийский временник, 1950, т. III.
- ¹²⁰ См. примеч. 85.
- ¹²¹ Fiala Z. Vztah českého státu.
- ¹²² Preidel H. Die Anfänge der slawischen Besiedlung Böhmens und Mährens. Grafelfing bei München, 1954.
- ¹²³ Poullík J. Staří Moravané. . . , s. 10.

- ¹²⁴ Hauptmann L. Das Großmährische Reich. — Historia mundi, Bern, 1956, N 1.
- ¹²⁵ Zagiba F. Das Geistesleben der Slaven im frühen Mittelalter. Wien, 1971. Критику его взглядов см.: Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха. — В кн.: Сказания о начале славянской письменности, с. 27, а также статья Б. Н. Флория в настоящем сборнике.
- ¹²⁶ Славяне в эпоху феодализма. К 100-летию академика В. И. Пичеты. М., 1978, с. 82—88; Историки-слависты. . . , с. 105; Греков Б. Д. Предисловие. — В кн.: Неедлы З. Р. История чешского народа. М., 1952, с. 13.
- ¹²⁷ Третьяков П. Н. Новые данные. . . , с. 72; Корольков В. Д., Санчук Г. Э. Возникновение феодальных отношений у чехо-моравских и словацких племен. — В кн.: История Чехословакии. М., 1956, т. 1, с. 45.
- ¹²⁸ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
- ¹²⁹ Поулик Й. Великая Моравия. . . ; Гавлик Л. Ранняя стадия развития феодализма в Моравии. — СС, 1975, № 3, с. 37—55; Он же. Моравская народность в эпоху раннего феодализма. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 156—186.
- ¹³⁰ Удальцова З. В., Гутникова Е. В. К вопросу. . . , с. 12.
- ¹³¹ MMFH, d. V, s. 7.
- ¹³² Поулик Й. Великая Моравия. . . , с. 80; см. примеч. 5.

Й. ПОУЛИК

ВКЛАД ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ АРХЕОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ

История Великой Моравии стала с конца XVIII в. предметом изучения чешских, словацких и зарубежных исследователей, которые опирались на доступные, хотя во многом и необъективные, письменные источники, из которых нужно упомянуть прежде всего *Анналы королевства франков*, *Фульдские анналы*, сочинение «Об обращении в веру баварцев и хорутан», сочинение Баварского географа, *Хронику Регинона* и другие источники, имеющие значение прежде всего для политической истории Великой Моравии. Круг письменных источников на латинском и других языках, известный историкам уже в прошлом веке, до сих пор не удалось расширить. Однако это не касается старославянских памятников, из которых особую ценность представляют жития Мефодия и Константина¹.

На основе изучения и оценки письменных источников возникла обширная историческая литература о Великой Моравии, которая рассматривалась в рамках чехословацкой и общеславянской истории². Несомненно, что эта важная историческая проблематика, тесно связанная с историей славянского этноса, будет и далее разрабатываться на основе письменных источников. Однако справедливость требует сказать, что доступные нам письменные источники

не содержат сведений о том, как жили обитатели центральной части Великой Моравии, какие строили дома, что выращивали на полях, какими ремеслами занимались и каков был уровень их производства и экономики, какими были в тот период природные условия и т. д. В Житии Мефодия сказано, что Святополк поручил попечению Мефодия «все храмы и всех клириков во всех городах»³. В Фульдских анналах под 871 г. записано, что «Святополк вступил в старый город Ростислава»⁴. Однако, где находились великоморавские города (исключая Нитраву—Нитру), каковы были их размеры, организация или способ укреплений, — об этом письменные памятники молчат.

На эти вопросы начиная с конца прошлого века пытались ответить археологи. Перед первой мировой войной, а также после нее, в 1918—1938 гг. археологические исследования в Чехословакии велись в незначительном масштабе. Результаты раскопок представляли недостававшие материалы для создания широких концепций и теорий. Об этом свидетельствуют работы И. Л. Червинки, в которых он сопоставлял письменные источники с археологическими находками⁵. Археология в Словакии тогда располагала еще меньшими возможностями, чем в Чехии и Моравии. Лишь благодаря необычайному энтузиазму и усилиям Я. Эйслера, работавшего в то время в братиславском университете, мы узнали о существовании славянских поселений и погребений прежде всего в Западной Словакии⁶.

Вторая мировая война и нацистская оккупация Чехии и Моравии полностью парализовали научно-теоретические и полевые работы, сделали невозможным исследование славянской проблематики. После 1948 г. перед археологами открылись до тех пор невиданные возможности. Начинаются в широком масштабе раскопки, которые сосредоточиваются в ареалах старых великоморавских центров, из которых необходимо упомянуть Валы у Микульчиц на правом берегу р. Моравы⁷, Старое Место около Угерского Градиште⁸, Поганско у Бржецлава⁹, Поганско у Нейдека на р. Дые¹⁰, Страхотин при слиянии рек Свратки и Дыи¹¹, Градиште у Зноймо¹², Райград на р. Свратке южнее Брно¹³, Старе Замки у Брно¹⁴, Девин при слиянии Моравы и Дуная¹⁵, Братиславский Град¹⁶, Победим на р. Ваг¹⁷ и прежде всего Нитру, о которой в письменных источниках упоминается уже в первой половине IX в., когда она называлась Нитрава¹⁸.

Появление Великой Моравии в Центральной Европе было результатом длительного предшествующего экономического и общественного развития, которое, однако, не отражают письменные источники. Поэтому мы полностью зависим от исследовательской деятельности археологов. Меньшинство из них ищет присутствие первых славян на Среднем Дунае уже в конце IV—начале V в. н. э. Например, они считают славянским поселение позднеримского периода

в Злехове около Угерского Градиште¹⁹ так же, как поселения этого же периода в Восточной Словакии (так называемый «прешовский тип») ²⁰. Однако в действительности не доказан континуитет этих поселений и тех, где находят ничем не украшенную, сделанную руками керамику пражского типа. Эти поселения могут быть датированы в Моравии и юго-западной Словакии самое раннее началом VI в. н. э. Небольшие и неукрепленные, они, несомненно, принадлежат земледельческому славянскому населению²¹ и характеризуются полуземлянками квадратного плана (4×4 м), с каменными очагами в углу. Известно большое количество таких поселений в центральной области Великой Моравии, из них особого внимания заслуживает исследованное в последние годы поселение около Мутениц (8 км к северу от Микульчиц), на р. Кйовка, где вместе с керамикой пражского типа были найдены бронзовые византийские пряжки и костяные гребни второй половины VI в. н. э.²² С этими поселениями связаны погребения с трупосожжениями, самое большое из которых не только у нас, но и на всей славянской территории (430 погребений) было изучено у Пржитлук в Южной Моравии²³.

Археологические исследования показывают, что культура пражского типа не является единственным представителем культур славянского населения. Основанием этому служит тот факт, что в земледельческой среде с начала VII в. возникают укрепленные центры, также связанные со славянским этносом. Их материальная культура более развитая, чем на поселениях земледельческого народа с культурой пражского типа. Основой этой дифференциации служит довеликоморавское поселение в Микульчицах, в центре которого в VII в. было построено деревянное укрепление с частоколом. На площадке городища и в окрестности производилась при помощи ручного гончарного круга керамика, украшенная волнообразным орнаментом, обрабатывались рога и кости животных. Особенно здесь было развито литье металлов, о чем говорят остатки плавильных печей с керамическими тиглями и многочисленные находки изящных, литых из бронзы, в некоторых случаях позолоченных ковкой роскошных поясов, конской упряжи и т. п. Наличие военной дружины племенного князя в микульчицком довеликоморавском поселении доказывают многочисленные железные и бронзовые шпоры с крючками. Микульчицкий довеликоморавский комплекс не имеет аналогии во всем западнославянском мире²⁴.

Находки в Микульчицах показывают, что староморавское общество уже с самого начала процесса заселения Среднего Дуная, где в IX в. развивалась Великая Моравия, было в сильной степени социально дифференцированным. Эта дифференциация произошла уже в первоначальных местах расселения славянских племен склавинов и антов на территории между Вислой и Днепром. Это не противоречит свидетельствам письменных источников, в которых упо-

минается о славянских вождах, которых Маврикий Стратег и Феофилакт Симокатта называют «рексами» (королями). При описании сражений между Византией и славянами приводятся имена вождей Ардагаста и Мусокия, владевших целыми областями²⁵. Начиная с 527 г. племена антов и склавинов выступают как мощная военная сила в борьбе с Византией и постепенно занимают Балканы²⁶. В это же время они проникают и на территорию современной Чехословакии. Очевидно, с этим притоком связано и расселение славян в Южной Моравии и Юго-Западной Словакии. Скорее всего это произошло после 540 г., когда германское племя лангобардов опустошило Южноморавскую низменность. Несомненно, что и после ухода лангобардов в Паннонию, а затем в Северную Италию, Южноморавская низменность не осталась вовсе без населения и что германское население было поглощено славянами, как это отмечал немецкий исследователь Й. Вернер²⁷. Эти славяне, среди которых видное положение занимали всадники, в VII в. построили довеликоморавскую крепость в Микульчицах.

В западнороманской среде уже в первой половине VII в. встречается термин «бург» («град»). Хронист Фредегар упоминает Вогастисбург, около которого славянские войска под предводительством Само в 631 г. наголову разбили войско франкского короля Дагоберта²⁸. Ссылаясь на свидетельство Фредегара, мы не имеем в виду ставить в прямую зависимость довеликоморавские Микульчицы и Вогастисбург, локализуемый где-то в Западной Чехии. Нам хочется только указать, что археологическое изучение Микульчиц доказывает существование уже в первой половине VII в. укрепленного поселения с градом, где сосредоточивались производство, торговля, а также власть князя племени. Ясно, что в подобные центры шли пути западных купцов, вполне возможно, что здесь был и Само со своей дружиной и что Микульчицы играли важную роль в борьбе славян против аваров²⁹.

Не существует археологических доказательств существования христианства в VII—VIII вв. в Старой Моравии. Это подтверждается находкой места культа в ареале княжеской крепости в Микульчицах, где была открыта яма, наполненная пеплом, в котором нашли фигуры животных из обожженной глины, изображающие рогатый скот и коней. Здесь была найдена и человеческая головка. Среди глиняной пластики были конские седла. Фигурки животных поодиночке находят и в довеликоморавском слое, поэтому в датировке этих интересных находок VII—VIII вв. нет сомнений. Словацкая исследовательница Д. Бялекова указывает на сходство микульчицких находок с фигурками оседланных животных, сделанных из обожженной глины в Семиречье в Средней Азии и датированных VI—VIII вв. Она считает, что в среднеазиатской области эти фигурки имели отношение к шаманско-зороастрийскому культу³⁰.

После смерти Само около 658 г. в нашем распоряжении нет никаких письменных источников о судьбах его государства и дальнейшем развитии в VIII в.³¹ Археологические памятники показывают, что во второй половине VII—VIII в. в моравской среде продолжается развитие производства во всех видах ремесла и на первый план выдвигается металлургия³². В тесной связи с ней находится кузнечное дело, поставляющее земледельческий инвентарь из железа, среди которого есть и симметричный лемех. Прогрессивное развитие производства, несомненно, отражалось и на социальном расслоении тогдашнего староморавского общества. Происходила и борьба между отдельными племенами за власть над всей Старой Моравией. Этот объединительный процесс был завершен в конце VIII в., так как уже в 822 г. на ландтаге во Франкфурге-на-Майне упоминаются среди других славян и посланцы моравян³³. Около 830 г. на европейской исторической сцене появляется первый староморавский князь Моймир I, который вскоре захватил Нитру и изгнал тамошнего князя Прибину³⁴. Остальные земли, приобретенные князем Ростиславом и позднее — Святополком, — Чехия, Лужицы, Верхнее Повисленье и Паннония — были связаны с центральной великоморавской областью только в политическом и военном отношениях³⁵.

В VII—VIII вв. были заложены основы для возникновения староморавского княжества и позднее — Великой Моравии, которая достигла наивысшего расцвета во второй половине IX в. как в сфере экономики, так и культуры. Археологические исследования последних тридцати лет показывают, что в начале IX в. городища, которые возникали в довеликоморавский период, и среди них прежде всего Микульчицы, были перестроены и укреплены мощными стенами с каменными и деревянными конструкциями. Также возникали новые городища, в которых археологи нашли фундаменты двадцати церковных построек, из них двенадцать — в Микульчицах. Около и внутри этих храмов были обнаружены каменные гробницы и несколько тысяч погребений с богатыми золотыми и серебряными украшениями, позолоченными коваными украшениями роскошных кожаных поясов, шпорами, железными мечами, секирами, посудой из обожженной глины, деревянными окованными ведрами и т. д. Много находок происходит также с населенных объектов на великоморавских городищах и свидетельствует о сноровке и уме ремесленников той эпохи³⁶.

Бесчисленные находки говорят о различных видах ремесла и специализации производства, важнейшей составной частью которого были металлургия и тесно с ней связанное кузнечное дело, продолжавшее местную традицию. Это показывают находки плавильных печей у Желеховиц в верхнем течении р. Моравы и сделанные совсем недавно находки в Моравском Кресе. Выплавленный металл подвергался дальнейшей обработке в кузницах. Оттуда происходят предметы,

которые находят не только в погребениях и на поселениях, но и в кладах, зарытых в землю в неспокойные времена. Типичной продукцией староморавских кузнецов был земледельческий инвентарь: косы, серпы, мотыги, наконечники деревянных лопат, части плуга (лемех и отворот). Из железа также ковались мечи, боевые секиры, дроты, копья, удила и стремена. В археологических находках в изобилии представлены металлические инструменты для деревообработки: струги, сверла, секиры, долота и пилы. Однако и другие предметы были связаны с кузнечным ремеслом. Мы имеем в виду застежки, штырьки, наконечники кожаных поясов, ножи, ножницы, оселки, клещи, кованые замки, тарелки, ложки, вилки, рыболовные крючки, гарпуны, художественную ковку обручей для деревянных ведерок, гробов и т. д. Металлургические исследования дали возможность глубже заглянуть в тайны технологии обработки железа в великоморавский период. Установлено, что возникли предпосылки не только для работы на заказ³⁷ (особенно для представителей господствующего слоя), но и на рынок, а также для меновой торговли. Центром моравского торгового дела были Микульчицы³⁸.

Кроме металлургии и кузнечного дела, археологические исследования в ареалах великоморавских крепостей и укрепленных городищ показывают размах керамического производства. В большинстве случаев керамические сосуды имеют форму вазы и в верхней части украшены вдавленным волнообразным орнаментом. Они изготавливались при помощи ручного гончарного круга и обжигались в глиняных печах при температуре 800—900 °C. Особую и в количественном отношении меньшую группу составляют амфоры, жбаны и фляги, сделанные из слегка расплавленной желтой глины. Эти находки некоторыми исследователями ранее считались привезенными из Византии. Однако в 1963 г. в Садах около Угерского Градиште была найдена гончарная печь, на решетке которой лежали разбитые сосуды этого типа. В таких печах обжигались также кирпичи и черепица, изготовленные из той же глины, что и упомянутые керамические сосуды³⁹. Производство амфор, жбанов и другой посуды из желтой жженой глины возникло не в IX в., а продолжало местную производственную традицию, как это показывают находки в довеликоморавском слое (VII—VIII вв.) в Микульчицах⁴⁰.

Посуда, например фляги, тарелки, изготавливалась умелыми мастерами и из дерева. Из него также делали окованные серебром и бронзой шкатулки, найденные в великоморавских погребениях. Бочары делали из дерева ведра, для которых кузнецы выковывали декоративно украшенные железные части. Эти ведра, как и другие деревянные предметы, долгое время были известны нам только по находкам в погребениях, так как в слоях, относящихся к поселениям, они не сохранились. Настоящие доказательства обработки дерева дали исследования речного русла в Микульчицах⁴¹. В этом русле

были найдены дубовые мостовые сваи. О том, что около моста шел бой, говорят находки двадцати трех железных боевых секир, у которых сохранились первоначальные древка. У мостовых опор были найдены два почти десятиметровых челна — однодеревки, сделанные из выдолбленных стволов дуба ⁴². О существовании таких челнов у славян в древний период свидетельствуют письменные источники. Как сообщает византийский император Константин Багрянородный, славяне делали однодеревки на Среднем Днепре и каждый такой челн вмещал шесть человек ⁴³. При походах на Балканы славяне плыли по Дунаю, Саве и вдоль черноморских берегов проплывали к Солуни, Константинополю, Геракле и даже Криту ⁴⁴. Славянские войска вместе с аварами, протоболгарами, герулами и гепидами в 626 г. принимали участие в битве за Константинополь ⁴⁵.

Кроме дубовых стволов и ветвей, в наносах исследованного старого русла палеоботаниками были обнаружены и другие деревья, например граб, ясень, липа, вяз и тополь. В наносах речного русла были найдены косточки, свидетельствующие о том, что в Старой Моравии выращивали сливы и персики. Были найдены зерна плодов малины, ежевики и бузины, семена ягод дикой и культурной виноградной лозы. О выращивании винограда говорят находки железных виноградарских ножей (Старе Замки у Брно, Моравский Ян в нижнем течении р. Моравы, Прушенки у Микульчиц, Поганско у Бржецлава) ⁴⁶. Из остатков растений в речном русле в микульчицком ареале были найдены семена огурцов. Эту культуру начали выращивать в Восточной Индии две тысячи лет назад, в Южную Моравию она, очевидно, попала из Византии.

В находках великоморавского периода нашла яркое отражение и обработка кожи, рога и кости. Сырье сначала очищалось от жира и размягчалось при помощи пара, щелочи или растительных кислот. Потом из него делали гребни, украшенные резьбой рукоятки ножей, иглы, дудки, седла, игральные кости и т. д. Это производство представлено не только готовыми изделиями, но и заготовками и орудиями труда ⁴⁷.

Среди отраслей производства видное положение занимало текстильное: прядение животных и растительных волокон, изготовление тканей на вертикальных ткацких станках. Доказательством выделки пряжи из льна и овечьей шерсти служат глиняные пряслица, почти подторы тысячи которых было найдено в Микульчицах. Пряслица биконического типа были сделаны из мягкой плавленой глины, некоторые из них украшены резным геометрическим узором. В погребениях были обнаружены многочисленные кусочки тканей. Большая их часть, почти 70%, соткана простым полотняным переплетением. Их можно считать местной продукцией ⁴⁸. Однако в погребениях были найдены и остатки шелковых и парчовых тканей со сложными переплетениями, затканые золотыми нитями. Очевидно,

эти ткани привозились в резиденции великоморавского правящего слоя из Византии ⁴⁹.

Наличие местного стекольного дела в ареалах великоморавских центров показывают находки плака и многочисленных обломков стеклянных предметов. В последнее время стекольные мастерские были обнаружены в Старом Месте у Угерского Градиште и в Нитре ⁵⁰. Несомненно, что более ценные стеклянные украшения и другие предметы в Великую Моравию импортировались. В погребении у микульчицкой трехнефной базилики был найден стеклянный кубок с закругленным дном, т. е. без ножки ⁵¹. Такие кубки в тогдашней придворной среде использовались главным образом потому, что их нельзя было поставить и при питье их все время держали в руке, следовательно, было невозможно неожиданно насыпать в них яд. На микульчицкий княжеский двор кубок попал как импортное изделие стекольных мастерских с Рейна.

К специализированным отраслям великоморавского периода относится и строительство, что доказывается остатками светских и церковных каменных зданий, обнаруженных на градах и в подградьях, а также в усадьбах вельмож. Эти постройки опровергают теорию, согласно которой славяне в тот период имели лишь деревянные строения. Рука об руку со строителями работали мастера-каменщики, о мастерстве которых свидетельствуют фрагменты архитектурного декора ⁵². Большая изобретательность требовалась и при постройке укреплений. Кроме камня, в значительной мере использовалось дубовое дерево, которое плотники мастерски обрабатывали, как это вновь демонстрируют находки в Микульчицах, где были обнаружены мостовые сваи и входная башня в княжескую крепость. Около моста были найдены сохранившиеся остатки деревянной конструкции укрепления ⁵³.

Высокий уровень в центральной великоморавской области имело художественное ремесло. Большая часть бронзовых, позолоченных, золотых и серебряных украшений была изготовлена в местных мастерских, работавших в великоморавских градах. Это показывают открытия мастерских для плавки металла в г. Старое Место и в Микульчицах ⁵⁴. В первой половине IX в. художественные ремесленники следуют старым довеликоморавским производственным традициям, особенно ярко представленным находками микульчицкого довеликоморавского городища и находками в г. Блатница в Западной Словакии. Эти традиции вместе с западными каролингскими влияниями вели к возникновению блатницко-микульчицкого стиля ⁵⁵. Среди находок предметов, выполненных в этом стиле, отсутствуют женские украшения. В погребениях мужчин мы находим бронзовые позолоченные поковки, в Микульчицах найдены уникальные позолоченные шпоры, украшенные человеческими масками и полупальметами ⁵⁶.

Из погребений знати IX в. происходят остатки кожаных поясов с бронзовыми позолоченными, серебряными или железными наконечниками ремня язычковой формы с застежками и штырьками от застежек⁵⁷. Для Микульчиц характерны позолоченные и серебряные наконечники ремней, на оборотных сторонах которых гравировкой или мелким рельефом изображены мужские фигуры в молитвенной позе⁵⁸.

Во второй половине, и особенно в последней трети IX в., в художественном ремесле центральной великоморавской области, сказываются контакты с Византией и Восточным Средиземноморьем⁵⁹.

Появляется новая производственная техника (грануляция, филигрань). В женских погребениях было обнаружено удивительное множество золотых и серебряных серег, красивые перстни⁶⁰. Для погребений не только женщин, но и мужчин характерны золотые, серебряные и медные позолоченные шаровидные пуговицы, украшенные коваными растительными (полупальметы) или зооморфными (павлин) изображениями. Эти шаровидные пуговицы носили как украшение на одежде под шеей. Их находки сосредоточены преимущественно в западной части центральной области Великой Моравии⁶¹.

Ремесленное производство достигло в рамках Великой Моравии высокого уровня, однако земледелие осталось важным компонентом экономики того времени. При пахоте использовался плуг с лемехом и асимметричным отвалом, который частично переворачивал землю⁶². Выращивали жито, пшеницу и ячмень, зерно мололи в грубую муку на каменных мельницах — жерновах, которых, например, в Микульчицах, было найдено более ста. На микульчицком княжеском граде также были найдены остатки пекарни с глиняными печами.

Исследования в ареалах великоморавских центров доказывают наличие крупного домашнего скота. Только в Микульчицах было найдено свыше ста тысяч костей животных, изучение которых показывает, что в основном разводили свиней (60—70%) весом 60 кг⁶³. Это мнение зоологов о свиноводстве соответствует тексту чешской Легенды Кристиана, где описано крещение чешского князя Борживоя в Моравии. Он был ласково принят Святополком и приглашен вместе с остальными на пир, но ему не было позволено есть среди христиан. Ему сказали, чтобы он сел по обычаю язычников около стола на пол. И тут епископ Мефодий якобы сказал ему: «Как жаль, ты, такой выдающийся муж, и не стыдишься, что сброшен с княжеского сидения, хотя сам облечен герцогской властью и титулом, но предпочитаешь ради позорного идолопоклонства сидеть на земле вместе со свинопасами»⁶⁴.

Кроме свиней, на великоморавских гродищах разводили рогатый скот, коз, овец и лошадей⁶⁵. Из общего количества находок костей животных меньше всего лошадиных, что убеждает в том, что коней

разводили преимущественно для верховой езды, о чем свидетельствуют многочисленные находки шпор, удила и стремян. Среди домашних животных значительное место занимали овцы, которые, кроме мяса и молока, давали также шерсть. Весьма правдоподобно предположение, что стада овец великоморавских владельцев пасли пастухи, поселения и могильники которых археологи находят на вершинах, непригодных для земледелия. О стрижке овец говорят многочисленные находки железных пастушеских ножиц.

Составной частью средств к существованию для жителей Великой Моравии были охота и рыболовство. Охота на крупную дичь явно была преимуществом придворной среды, о чем говорят многочисленные находки жженных костей животных в укрепленных поселениях неаграрного характера ⁶⁶. О рыболовстве говорят многочисленные находки рыбных костей, бронзовых и железных крючков для удочек, некоторые из которых так велики, что на них можно было поймать рыбу весом 100 кг. Были найдены и гарпуны. Рыбу ловили также при помощи сетей и вершей, сделанных из прутьев, которые были найдены, как уже говорилось, при раскопках моста в Микульчицах ⁶⁷.

Результаты исследований великоморавских городищ, в которых были сосредоточены специализированное ремесленное производство и торговля, военная или политическая сила и значительное богатство правящего слоя, городищ, которые зависели от широкой земледельческой округи, поставлявшей продукты питания, привели чехословацких и зарубежных исследователей к мысли о том, не были ли эти более или менее укрепленные комплексы уже городскими образованиями или их зародышами. В Фульдских анналах под 864 г. сказано, что «король Людовик в августе выступил с большим войском за Дунай и осадил Ростислава в каком-то городе, который на языке того народа называется Довина» ⁶⁸. Эта «Довина» локализована на великоморавском городище — крепости Девин, лежащей при слиянии р. Моравы с Дунаем около Братиславы. Фульдский летописец записал, что в 870 г. возникла распря между моравским князем Ростиславом и его племянником Святополком, владевшим тогда Нитранским княжеством. Этот конфликт закончился для Ростислава неудачно. Он был схвачен и выдан Карломану, который «без какого-либо сопротивления вторгся в его (Ростислава. — *И. П.*) королевство и подчинил себе все города и крепости» ⁶⁹. Западный источник свидетельствует также о том, что в 871 г. Святополк во главе франкских войск «вступил в старый город Ростислава» ⁷⁰. Ксантенские анналы, описывая это же событие, называют «старый город Ростислава» ⁷¹.

У западных соседей Великой Моравии для обозначения одного и того же места часто использовались названия *urbs*, *munitio*, *civitas*, *oppidum* ⁷². Поэтому неслучайно Фульдские анналы упоминают на территории Великой Моравии в 869 г. «неописуемую и не

похожую на все старые крепость Ростислава»⁷³. Аббат Регинон из Прюма в своей хронике (880 г.) говорит о резиденции князя Прибины и его сына Коцела, лежащей на юго-запад от Блатенского озера, как об «особенности Восточной марки и хорошим укреплением и почти неприступной крепости (munitio)»⁷⁴. Фульдские анналы обозначают этот город в 896 г., как *urbs paludarium* — Блатенград⁷⁵.

Великоморавские «города», несомненно, отличаются от позднейших «городов на праве» (*Rechtsstadt*)⁷⁶. В свете археологических исследований выявляются различия в размерах укрепленных комплексов и в их системах укреплений: одни укреплены более, другие менее. Только в одном случае в Микульчицах доказано, что великоморавское городище было построено на месте довеликоморавского. Это городище IX в. с княжеским градом, соответствующим детинцам русских городов, и с могучими укреплениями до сих пор не имеет себе подобных в центральной области Великой Моравии. Оно, очевидно, тождественно «неописуемой крепости Ростислава» Фульдских анналов, упоминаемой под 869 г., и «старому городу Ростислава», упоминаемому в том же письменном источнике под 871 г.⁷⁷

Вместе с укрепленными городищами, несомненно, с великоморавским управлением, политическим и военным, связаны усадьбы вельмож. Кроме усадеб в Поганске у Бржецлава⁷⁸ или в Дуцовом у Пиештян⁷⁹, в сельской местности находились и другие подобные им огороженные или укрепленные объекты. Мы имеем в виду прежде всего Нехвалин у Кийова, где было исследовано кладбище, на котором были найдены четыре могилы вельмож с мечами, державших во рту золотые пластины (так называемые монеты Харона). Аналогичные находки были в могилах около трехнефной базилики в Микульчицах, в одной из них был золотой солид византийского императора Михаила III⁸⁰. В нехвалинских женских погребениях были найдены позолоченные и серебряные серьги, которые носили представители господствующего слоя в соседних Микульчицах. Все это говорит о том, что великоморавское кладбище в Нехвалине связано не с земледельческим поселением, а скорее с резиденцией вельможи и его дружины. Нет достоверных доказательств того, что усадьбы возникли по типу так называемых каролингских «*curtes*»⁸¹. По всей вероятности, они связаны с местным социально-экономическим развитием.

Существование укрепленных резиденций господствующего слоя и сосредоточение в них производства и торгового обмена позволяют судить об облике и структуре великоморавского общества. С одной стороны, здесь был высший слой князей и вельмож, с другой — широкое земледельческое окружение. У одних — большое богатство, блеск придворной среды, каменные церковные и светские здания, у других — простая материальная культура, полуземлянки без блеска золота и серебра. С этой действительностью раннего средневековья в IX в. полностью согласуется свидетельство Жития Мефо-

дия. У архиепископа Мефодия перед смертью (885 г.) спросили, кого из своих учеников он считает достойным преемником. Мефодий указал на одного из учеников, по имени Горазд, и сказал: «Это свободный человек из вашей страны. . .»⁸² По этой же легенде, при погребении Мефодия были «неисчислимые толпы народа, его провожали со свечами и оплакивали доброго учителя и пастыря мужи и жены, малые и старые, пришлые и местные, больные и здоровые. . .»⁸³ Если тогда в Моравии были люди свободные, то мы должны предполагать там и несвободных, в какой-либо форме (нам неизвестной) зависимых от господствующего слоя. Несомненно, что великоморавское общество социально было сильно дифференцировано и представители господствующего слоя, жившие в укрепленных крепостях или усадьбах, уже представляли собой возникающий класс феодалов⁸⁴.

Неотъемлемой частью этого общества и идеологии господствующего слоя было христианство, подтверждаемое прежде всего письменными источниками. Существование христианства в Великой Моравии ясно доказывается находками фундаментов церковных зданий, имевших различный план, что объясняется тем, что в распространении христианской идеологии в Моравии принимали участие миссионеры из различных стран, а их деятельность была часто связана с политическими и государственными интересами тех стран, откуда они прибыли. Это положение лучше всего освещает текст Жития Мефодия, где, помимо прочего, говорится: «Пришло к нам много учителей из Италии, Греции и Германии, различно нас учивших. . .»⁸⁵ Это было в то время, когда моравский князь Ростислав после неудачных переговоров с папой в Риме попросил византийского императора Михаила II прислать учителей, которые проповедовали бы моравскому народу христианскую веру. Его просьба была удовлетворена, и в Великую Моравию в 863 г. прибыла византийская миссия во главе с братьями Константином и Мефодием из Солуни.

До сих пор в центральной великоморавской области были найдены основания двадцати церквей, построенных из бутового камня на растворе и внутри украшенных фресками. Часть этих церковных зданий возникла до прихода упомянутой византийской миссии. Из указанного количества церквей двенадцать было обнаружено в княжеском граде и в подграде в Микульчицах, четыре — в Старом Месте и в непосредственной близости от него, по одной в Поганско у Бржецлава, на великоморавском граде в Братиславе и в населенном пункте Дуцова у Пиештян в Западной Словакии⁸⁶. Остатки церкви первой половины IX в., фундамент которой было невозможно изучить археологически, были найдены около Нитры. Представляется правдоподобным, что это здание тождественно церкви, которую построил у себя князь Прибина и которая была, по свидетельству сочинения «Об обращении в веру баварцов и хорутан», где-то около

830 г. освящена зальцбургским архиепископом Адальрамом ⁸⁷.

Находки великоморавских церковных зданий вызвали широкую дискуссию, особенно по вопросу об их происхождении. На первом месте здесь стоят статьи чешских историков искусства и архитекторов Й. Цибульки ⁸⁸, В. Рихтера ⁸⁹ и Й. Пошмоурного ⁹⁰. После раскопок церкви с удлиненным нефом и прямоугольным пресвитерием у населенного пункта Модра (около Старого Места) Й. Цибулька пришел к выводу о том, что она связана с деятельностью ирландско-шотландской миссии в Моравии ⁹¹. В действительности эта церковь была построена в первой половине IX в., в период, когда не приходится предполагать присутствия этой миссии в Великой Моравии. Церкви с прямоугольными пресвитериями были также найдены в Микульчицах (церкви II, V, VIII) ⁹². Они возникли в тот же период, что и церковь в Модре и древнейшая часть великоморавского храма в населенном пункте Сады, находящемся близ Старого Места ⁹³. Все эти церковные здания, несомненно, связаны с баварскими миссиями с Запада, где такие церкви с прямоугольными пресвитериями в VII—IX вв. были обычным явлением ⁹⁴.

Среди церковных каменных построек великоморавского периода особенно интересен фундамент церкви X, раскопанной в микульчицком подграде, западнее княжеского града. Постройка имеет удлиненный неф и прямоугольный пресвитерий. На внешней стороне стен нефа и пресвитерия были опорные колонны. Аналогии такого плана мы найдем на юге, в области Адриатики, где подобные церкви строились с IX по XI в. ⁹⁵ Находка церкви X в Микульчицах доказывает существование контактов центральной великоморавской области с аквилейским патриархатом, что подтверждается письменными источниками. Очевидно, именно оттуда в Моравию в первой половине IX в. приходили «те священники из Италии» (Аквилейский патриархат), о которых говорится в Житии Мефодия ⁹⁶. Выразительным свидетельством этого культурного течения, проникавшего на север через восточную предальпийскую область, служит инвентарь погребений, и особенно серебряные и бронзовые украшения из погребений на обширном кладбище IX в. у Дольних Вестониц в Южной Моравии ⁹⁷.

Самая большая великоморавская церковная постройка — одноапсидная трехнефная базилика длиной 35 м и шириной 9 м (церковь III), фундамент которой был обнаружен на княжеском граде в Микульчицах. Ее трехнефную часть с западной стороны продолжают нартекс и атриум с деревянными столбами. Внутри храма были найдены каменные гробницы, большей частью ограбленные и поврежденные, а около храма было изучено свыше 400 захоронений с богатым золотым, серебряным, бронзовым и железным инвентарем ⁹⁸. Возникновение трехнефной части базилики с колоннами между главным и боковыми нефами можно предполагать уже в первой половине IX в.,

тогда как нартекс и атриум были, очевидно, построены в период пребывания византийской миссии в Моравии. План церкви свидетельствует о том, что его строители знали церковную архитектуру Нижнего Дуная и Адриатики ⁹⁹.

О функциях трехнефной базилики в Микульчицах говорят исследованные остатки небольшого каменного строения, расположенные южнее апсиды, фундамент которого не сохранился, но в центре которого был обнаружен прямоугольный водоем типа колодца. Наиболее правдоподобно предположение, что это — баптистерий, свидетельствующий о том, что микульчицкая трехнефная базилика была епископальным храмом ¹⁰⁰. Это позволило некоторым археологам «на левой стороне, в стене за алтарем» ¹⁰¹, т. е. полностью в соответствии со смыслом текста легенды, искать могилу Мефодия. Могила до сих пор не была обнаружена не только в Микульчицах, но и на других великоморавских городищах.

Большой неожиданностью было открытие в 1960 г. двухапсидной ротонды в микульчицком подградье. Естественно, встал вопрос, когда эта постройка возникла. Ответ дали находки 190 могил, раскопанных на церковном кладбище. Особенно значителен инвентарь могилы № 50, содержащий пару бронзовых позолоченных шпор и позолоченную гарнитуру кожаного пояса, типичных для микульчицко-блатницкого слоя. Это говорит о том, что двухапсидная ротонда, уникальное свидетельство староморавского строительства, была построена с большой долей вероятности еще в начале IX в. ¹⁰²

При поисках аналогий или прототипов для церкви VI в Микульчицах, над нефом которой смыкался купол, а вокруг шла деревянная галерея, наиболее интересными оказались храмы-ротонды с куполами в Восточном Средиземноморье (Византия), построенные задолго до IX в. ¹⁰³ Нет нужды искать прототипы микульчицкой ротонды на Западе (например, капелла Карла Великого в Ахене), куда импульсы к строительству крупных зданий, несомненно, также шли из упомянутых неевропейских культурных областей.

Предметом дискуссий будет постройка (церковь IX), раскопанная на микульчицком «Костелиске», снаружи цилиндрическая, внутри — с четырьмя нишами, расположенными равномерно по окружности. На основе обстоятельств находки, а также предметов из могил, исследованных вокруг постройки, выясняется, что это необычное здание возникло в начале IX в. ¹⁰⁴ Й. Цибулька считает церковь IX баптистерием и ищет аналогии ему в архитектуре позднего Рима ¹⁰⁵.

Церковное здание «На шпиталках» в западной части Старого Места, изученное в 1949 г., могло бы быть связано с византийской архитектурой. Речь идет о церкви с полукруглой апсидой и удлиненным нефом ¹⁰⁶. Недалеко от каменного основания ее стены внутри нефа были найдены остатки каменных колонн. Ясно, что они не несли

на себе сводов, а в соответствии с реконструкцией Й. Пошмоурного составляли часть конструкции купола¹⁰⁷. С западной стороны нефа был вход в нартекс квадратного плана. Вокруг постройки, южную часть которой до начала консервации уже уничтожили в ходе земляных работ, шла деревянная галерея, придававшая храмовому комплексу квадратный план, напоминающий византийскую архитектуру¹⁰⁸, что могло бы соответствовать строительной деятельности миссии Кирилла и Мефодия в Моравии во второй половине IX в. Этой датировке отвечают золотые и серебряные предметы также, как и серебряный диск с изображением всадника с соколом¹⁰⁹.

Вопрос о происхождении великоморавских церковных зданий еще не решен окончательно. Представляется наиболее вероятным, что церкви с прямоугольными пресвитериями связаны с деятельностью баварских миссий. Другие церкви своими планами связаны с монументальной архитектурой Нижнего Подунавья, Адриатики и Восточного Средиземноморья. В великоморавской среде эти внешние влияния подверглись переработке, поэтому можно говорить об архитектуре Великой Моравии, которая показывает усилия правителей страны достигнуть того культурного уровня, на котором находились соседние неславянские страны.

Мало известно о том, как проявилось влияние великоморавской архитектуры (прежде всего центрических построек — ротонд) в Чехии, особенно после того, как чешский князь Борживой I был крещен архиепископом Мефодием¹¹⁰. Это вопрос нуждается в дальнейшем исследовании, и ответ на него могут дать только археологи, которые показали, что в начале X в., в период, когда падает политическое могущество Великой Моравии и когда укрепляет свои позиции пражемословское раннефеодальное государство, мастера художественных ремесел переселяются из Моравии в Чехию. Выразительным доказательством этому служат прежде всего находки золотых и серебряных украшений в могилах на кладбище, изученном в последние годы на Пражском Граде, где они находятся вместе с украшениями, относящимися к первой половине X в.¹¹¹

О христианстве в Великой Моравии говорят не только церковные постройки, но и серебряные и оловянные крестики, а также различные символы (рыба, голубь), служившие составной частью декора шаровидных пуговиц и художественных кованых изделий. Среди миккульчицких находок есть и позолоченный реликварий в форме богослужебной книги¹¹².

Археологические открытия показывают, что христианство встречало поддержку и было принято раньше всего в княжеских крепостях и усадьбах феодалов. Но и здесь еще сохранялся языческий ритуал, о чем свидетельствуют исследования церковных кладбищ (в могилах были найдены керамические сосуды и ведра с продуктами

питания, куриные кости и яйца и т. д.). Сельское население весь IX в. сохраняло языческий обряд погребения.

Вместе с могилами с труположением встречаются погребения с трупосожжением, часто находящиеся под курганами ¹¹³. В западно-карolingской среде в VIII, и особенно в IX в., были лишь могилы с труположением без какого-либо инвентаря. Несомненно, это явление связано с христианским обрядом и, следовательно, с видимым положением церкви в обществе. В Моравии в период деятельности византийской миссии влияние христианства в подобной мере не проявилось. Тем не менее Мефодий и его ученики склонили к вере моравский народ, как об этом можно судить по тексту из Жития Мефодия о погребении Мефодия, в котором участвовали «бесчисленные толпы людей, мужчины и женщины, малые и большие, богатые и бедные, свободные и рабы. . .» ¹¹⁴ Однако о том, в какой мере христианство стало действенным орудием подчинения народа в руках правящего слоя Великой Моравии, письменные источники не говорят, тем более не могут в полной мере осветить этот вопрос археологические источники ¹¹⁵.

О распаде организации политического управления Великой Моравии в начале X в. имеются свидетельства письменных источников ¹¹⁶. Археологические находки показывают, что на протяжении первой половины X в. мощные укрепления великоморавских городищ постепенно превращались в руины. Их уже никто не восстанавливал. Такая же судьба постигла церковные и светские каменные постройки. На церковных кладбищах во второй половине X в. уже перестали хоронить. Прямо на развалинах церковных строений ставились деревянные срубные дома с каменными фундаментами деревенского типа, следовательно, не сохранилось уважения к первоначальной функции этих освященных мест ¹¹⁷. Эти факты вместе с находками языческих святилищ в Микульчицах ¹¹⁸ и в Поганско у Бржецлава ¹¹⁹, датируемых X в., показывают, что в этот период в Моравии происходит возврат к язычеству. Это явление в славянском мире не является исключением ¹²⁰.

Археологические исследования показывают, что жизнь в старых моравских городах и городищах продолжается и в X в., но уже в более скромных формах. Здесь уже не встречаются золотые украшения, так как мастера художественного ремесла ушли, как мы уже говорили, в резиденции Пржемысловцев в Чехии, прежде всего на Пражский Град ¹²¹. Однако другие отрасли специализированного ремесла продолжают в X в. великоморавские традиции и обслуживают не только местное население, но и рынок. На городище в Микульчицах локализуется деревня Сливнице с рынком, относящаяся ко второй половине XI в. ¹²² В 1257 г. упоминается деревня с торгом Велеград, связанная со Старым Местом ¹²³.

Когда чешский князь Бржетислав I в первой половине XI в. устанавливал новую организацию управления Моравии, которая была включена в государство Пржемысловцев, он не воспользовался великоморавскими городищами, а закладывал новые крепости, меньших размеров, на других местах. В качестве примера можно привести Годонинград (современный Годонин) в 8 км севернее Микульчиц¹²⁴ или же Спитигневград в 15 км севернее Старого Места¹²⁵. На территории Словакии в X—XI вв. удерживались великоморавские традиции, несмотря на то, что предки словацкого народа очутились в сфере реннефеодального венгерского государства¹²⁶.

Систематическое археологическое изучение великоморавских городищ, усадеб, поселений и погребений дало богатейший материал и новые сведения прежде всего для изучения экономического развития и жизни господствующего слоя и простого народа Великой Моравии. Новые открытия также дали импульсы для решения вопросов о социальной структуре, о возникновении городов и о зарождении феодализма в великоморавской среде. Эти вопросы еще далеки от своего решения, в дальнейшем будет необходимо решать их на основе как письменных, так и археологических источников. Что касается археологических раскопок, то нужно сказать, что главное внимание уделялось городищам и сельским погребениям. До сих пор в полном масштабе не была раскопана ни одна великоморавская деревня, мы также не знаем образ деревни VII—VIII вв. Более глубокое изучение жизни, жизненной и природной среды в великоморавский период потребует еще более тесного сотрудничества между археологами и специалистами в области наук о природе.

Что касается начала письменности в Великой Моравии, то археология не дала ничего нового для его изучения. Не было найдено ни одного предмета, на котором было бы начертано глаголицей хоть одно слово. На оловянном крестике из Садов у Угерского Градиште есть выгравированный греческий текст¹²⁷. Железные бронзовые стили, найденные у храма в Садах¹²⁸ и у трехнефной базилики (церковь III) в Микульчицах¹²⁹, свидетельствуют о том, что тексты (латинские, греческие или старославянские?) писались на восковых табличках¹³⁰.

Хотя остается еще много нерешенного, современный круг источников и интерпретация письменных и археологических памятников свидетельствуют о том, что государственная организация, экономический и культурный уровень Великой Моравии находились на той же ступени развития, что и в соседней Франкской империи на западе¹³¹.

¹ MMFH, d. IV—IV; PDVM.

² Bretholz B. Geschichte Mährens. Brünn, 1893; *Novotný V. České dějiny*. Praha, 1912, d. 1, č. 1; *Dekan J. Začiatky slovenských dejín a Ríša veľkomoravská*. —

- In: Slovenské dejiny. Bratislava, 1949, d. II; *Ratkoš P.* Vel'komoravské obdobie v Slovenských dejinách. — HČ, 1958, r. 6, s. 3—31; *Havlík L.* Velká Morava a středoevropští Slované. Praha, 1964; *Державин Н. С.* Славяне в древности. М., 1945; История Чехословакии. М., 1956, т. 1, с. 51—60.
- ³ MMFH, d. II, s. 154.
- ⁴ MMFH, d. I, s. 104.
- ⁵ *Červinka I. L.* Slované na Moravě a Říše velkomoravská. Brno, 1928.
- ⁶ *Eisner J.* Slovensko v pravěku. Bratislava, 1932, s. 239—276.
- ⁷ *Poultík J.* Mikulčice — sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975.
- ⁸ *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravské pohřebiště «Na valách». Praha, 1955; *Idem.* Staré Město, velkomoravský Velehrad. Praha, 1965.
- ⁹ *Kalousek F.* Břeclav-Pohansko, velkomoravské pohřebiště u kostela. — SFFUPB, 1971; *Dostál B.* Břeclav-Pohansko. Velkomoravský velmožský dvorec. Brno, 1975.
- ¹⁰ *Novotný B.* Výzkum velkomoravského hradiště u Nejdku. — PA, 1963, r. 54, s. 3—40.
- ¹¹ *Poultík J.* Staří Moravané budují svůj stát. Gottwaldov, 1960, s. 122—124, obr. 42.
- ¹² *Kalousek P.* Velkomoravské hradisko ve Znojmě. — SFFUPB, 1955, s. 1—30; *Poultík J.* Staří Moravané. . . , s. 128—130.
- ¹³ *Staňa C.* Zjišťovací výzkum na slovanském hradišti v Rajhradě. — In: Přehled výzkumů AÚ v Brně. Brno, 1960, s. 92—94; *Poultík J.* Staří Moravané. . . , s. 127—128.
- ¹⁴ *Poultík J.* Staří Moravané. . . , 130 ad.; *Staňa C.* Velkomoravské hradiště Staré Zámky u Líšně. — Monumentorum tutela, 1972, r. 8, s. 109—171.
- ¹⁵ *Dekan J.* Devín a Vel'ká Morava. — Příroda a společnost, 1961, r. 10, s. 25—29; *Ratkoš P.* Civitas Dowina — slovenský Devín. — HČ, 1970, r. 18, s. 337—346; *Dekan J., Keller J., Plachá V.* Devín. — In: Významné slovanské naleziská na Slovensku. Bratislava, 1978, s. 46—54.
- ¹⁶ *Štefanovičová T., Fiala A.* Vel'komoravská bazilika, kostol sv. Salvátora a pohrebisko na Bratislavskom hrade. — ZFFUK, 1967, s. 151—216.
- ¹⁷ *Bialeková D.* Pobedim. — In: Významné slovanské naleziská. . . , s. 159—167.
- ¹⁸ *Chropovský B.* Nitra. — In: Významné slovanské naleziská. . . , s. 133—142; *Havlík L.* Velká Morava. . . , s. 100, 381.
- ¹⁹ *Hrubý V.* Sídliště z pozdní doby římské ve Zlechově. — AR, 1967, r. 19, s. 643—658.
- ²⁰ *Chropovský B.* Slovensko na úsvite dejín. Bratislava, 1970, s. 16; *Pleinerová I.* Břežno — vesnice prvních Slovanů v severozapadních Čechách. Praha, 1975, s. 86 ad.; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — СА, 1973, с. 5—99; *Zeman J.* Zu den chronologischen Fragen der ältesten slawischen Besiedlung in der Tschechoslowakei. — AR, 1966, r. 18, s. 157—189.
- ²¹ *Borkovský I.* Staroslovanská keramika ve střední Evropě. Praha, 1940; *Dekan J.* Vývoj a stav archeologického výskumu doby predvel'komoravskej. — SIA, 1971, r. 19, s. 559—580; *Poultík J.* Staří Moravané. . . , s. 30—39; *Баран В. Д.* Славянские древности (По материалам Поднепровья). — Тезисы докладов советской делегации на международном конгрессе славянской археологии, София, 1980. М., 1980, с. 54—55; *Русанова И. П.* О ранней дате памятников пражского типа. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- ²² *Klanica Z.* (в печати).
- ²³ *Poultík J.* Staří Moravané. . . , s. 32—33, obr. 11—12.
- ²⁴ *Klanica Z.* Vorgrossmährische Siedlung in Mikulčice and ihre Beziehungen zum Karpathenbecken. — ŠZAÚSAV, 1968, s. 121—134; *Poultík J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 32—48.

- ²⁵ Menandri Protektoris Fragmenta, 6; Theofylacti Simocattae Historiae, I, 7, § 1—6; cp.: *Niederle L. Slovanské starozitnosti*. Praha, 1924, d. 1, sv. IV, s. 72—74; *Havlík L. Velká Morava*. . . , s. 170—172; *Третьяков П. Н. Восточно-славянские племена*. М., 1953, с. 179—180.
- ²⁶ *Нидерле Л. Славянские древности*. М., 1956, с. 57—61.
- ²⁷ *Werner J. Die Langobarden in Pannonien*. München, 1962, S. 113—114.
- ²⁸ *Fredegarii Chronicon*, IV, 72. — In: MMFH, d. I, s. 23; О державе Само см.: *Havlík L. Velká Morava*. . . , s. 178.
- ²⁹ О локализации центра державы Само см.: *Poulik J. Staří Moravané*. . . , s. 43—44; *Havlík L. Velká Morava*. . . , s. 178; *Kučera M. Typológia včasnostredovekého štátu na strednom Dunaji*. — ČSČH, 1979, r. 27, s. 871—881. М. Кучера предполагает, что центром государства Само была окрестность г. Братиславы.
- ³⁰ *Bialeková D. Žltá keramika z pohrebiska obdobia avarskej ríše*. — SLA, 1967, r. 15, č. 1, s. 39; *Poulik J. Mikulčice — sídlo a pevnost*. . . , s. 46, obr. 13, 4, 6—9; *Novotný B. Hromadný nález votivních symbolů ze slovanského knížecího hradu u Mikulčic*. — PA, 1966, r. 57, s. 649—688, obr. 8—15.
- ³¹ *Choc P. Sámova říše e její zápasy*. — Historie a vojenství, 1957, č. 1, s. 25 ad.; *Vaněček V. Souvislost Velké Moravy se slovanským svazem Sámovým?* — In: *Právněhistorické studie*. Praha, 1963, r. 9, s. 220 ad.
- ³² *Pleiner R. Výroba železa ve slovanské huti u Želechovic na Uničovsku*. — Rozpravy ČSAV, 1965, r. 65, ř. SV, seš. 6, s. 1—52; *Souchopová V. Nález hutnické dílny v Olomučanech*. — Sborník Okresního vlastivědného muzea v Blansku, 1973, r. 5, s. 87—94.
- ³³ MMFH, d. I, s. 50.
- ³⁴ *Novotný V. České dějiny*, d. 1, č. 1, s. 289; *Ratkoš P. Vel'komoravská říša*. — In: *Dejiny Slovenska*. Bratislava, 1961, d. I, s. 89; *Havlík L. Velká Morava*. . . , s. 189; MMFH, d. III, S. 310.
- ³⁵ *Havlík L. Velká Morava*. . . , s. 237 ad.
- ³⁶ О великоморавских открытиях и находках см. литературу в примеч. 7—18.
- ³⁷ *Pleiner R. Základy slovanského železářského hutnictví v českých zemích*. Praha, 1958; *Idem. Die Technologie des Schmiedes in der grossmährischen Kultur*. — SLA, 1967, r. 15, s. 77 ad.
- ³⁸ *Třeštítk D. Trh Moravanů — ústřední trh Staré Moravy*. — ČSČH, 1973, s. 869 ad.; *Poulik J. Mikulčice — sídlo a pevnost*. . . , s. 156—157. В рамках Великой Моравии существовала меновая торговля. Деньги как средство платежа не применялись; см.: *Pošváf J. Velkomoravské železné hřivny jako platidlo*. — NL, 1963, č. 5, s. 11; *Pleiner R. Slovanské sekerovité hřivny*. — SLA, 1961, r. 9, s. 405 ad.
- ³⁹ *Hrubý V. Uherské Hradiště—Sady*. Brno, 1975; *Idem. Staré Město, velkomoravský Velehrad*, s. 202—205.
- ⁴⁰ *Poulik J. Mikulčice — sídlo a pevnost*. . . , s. 134, obr. 80.
- ⁴¹ *Ibid.*, s. 134—135, tab. 82—83.
- ⁴² *Ibid.*, s. 135, tab. 80.
- ⁴³ *Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio* / Ed. Gy. Moravcsik, R. Jenkins. Budapest, 1949, p. 9.
- ⁴⁴ *Niederle L. Slovanské starozitnosti*, d. III, sv. I, s. 448—449.
- ⁴⁵ *Biblioteca nova patrum. Romae*, 1853, t. VI, p. 423 ad.; *Niederle L. Slovanské starozitnosti*, d. II, s. 230—231.
- ⁴⁶ *Dostál B. Břeclav-Pohansko*. . . , s. 202, obr. 21, 6; *Poulik J. Staří Moravané*. . . , s. 120, 175.
- ⁴⁷ *Kaván J. Technologie parohové suroviny*. — AR, 1980, r. 32, č. 3, s. 280—305, obr. 1—9; *Hrubý V. Slovanské kostěné nástroje a jejich výroba na Moravě*. — PA, 1957, r. 48, s. 128 ad.; *Idem. Staré Město, velkomoravský Velehrad*, s. 258.
- ⁴⁸ *Kostelníková M. Velkomoravský textil v archeologických nálezech na Moravě*. —

- Studie AÚ ČSAV v Brně, 1972; *Poultík J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 143.
- ⁴⁹ *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 254—255.
- ⁵⁰ Находка из г. Старое Место пока не опубликована; о Нитре см.: *Chropovský B.* Nitra, s. 135.
- ⁵¹ *Klanica Z.* Velkomoravské řemeslo. Liberec, 1972, s. 17; *Poultík J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 144.
- ⁵² *Poultík J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , tab. 56.
- ⁵³ Ibid., tab. 79—81, 93.
- ⁵⁴ *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 323, ad.; *Klanica Z.* Práce klenotníků na slovanských hradistiích. — Studie AÚ ČSAV, Praha, 1974, r. 2, č. 6.
- ⁵⁵ О благицнко-микульчнцком стиле см.: *Arbman H.* Blatnice und Vaage. — PA, 1962, r. 53, s. 331—338; *Benda K.* Karolínská složka bratnického nálezu. — SIA, 1963, 4. 11, č. 1, s. 19 ad.; *Capelle I.* Karolingischer Schmuck in der Tschechoslowakei. — SIA, 1968, r. 16, s. 242; *Poultík J.* Beziehungen Grossmährens zu den europäischen Kulturgebieten. — In: Festschrift zum 70. Geburtstag von Adolf Klaar u. H. M. Märheim; Wien, 1970, S. 124—144; *Idem.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 62—63.
- ⁵⁶ *Poultík J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , tab. 34; *Dekan J.* Vel'ká Morava. . . , obr. 89—92.
- ⁵⁷ См. реконструкцию пояса: *Poultík J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , obr. 19, 67.
- ⁵⁸ *Poultík J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 63—67, 79—85, tab. 3; *Dekan J.* Vel'ká Morava. . . , obr. 102—105, 113—114.
- ⁵⁹ *Klanica Z.* Práce klenotníků. . . , s. 47—53.
- ⁶⁰ *Dekan J.* Vel'ká Morava. . . , s. 139—151, 161—163.
- ⁶¹ *Klanica Z.* Velkomoravský gombík. — AR, 1970, r. 22, s. 421—446; *Poultík J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 68—70, tab. 52; *Dostál B.* Das Vordringen der grossmährischen materiellen Kultur in die Nachbarländer. — In: Magna Moravia. Brno, 1965, mapa č. 6.
- ⁶² *Sach F.* Rádlo a pluh na území Československa. — In: Vědecké práce Zemědělského muzea. Praha, 1961, tab. V; *Poultík J.* Staří Moravané. . . , s. 154—158; *Beranová M.* Zemědělství starých Slovanů. Praha, 1980, s. 167—304.
- ⁶³ *Kratochvíl Z.* Die Tiere des Burgwalles Pohansko. — Přírodovědné práce ústavů ČSAV v Brně, 1969, N. S., r. III, č. 1, s. 3; *Idem.* Wildlebende Tiere und einige Haustiere der Burgstätte Pohansko. — Ibidem., č. 3; *Idem.* Zvířecí kostní materiál z hradistiě v Mikulčicích z výzkumu v r. 1969—1970. — Přehled výzkumů, 1976, s. 54—58; 1977, s. 57—70; *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 247—252.
- ⁶⁴ *Christiani monachi Vita et passio sancti Wenceslai et sanctae Ludmilae ave eius.* — In: MMFH, d. II, s. 193.
- ⁶⁵ См. примеч. 63.
- ⁶⁶ См. примеч. 63.
- ⁶⁷ *Poultík J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 146, tab. 87, 90.
- ⁶⁸ «Hludowicus rex mense Augusto ultra Danubium cum manu valido profectus Rastizen in quadam civitate, que lingua gentis illius Dowina dicitur, obsedit». — *Annales Fuldenses ad a. 864.* — In: MMFH, d. I, s. 98.
- ⁶⁹ *Annales Fuldenses ad a. 870:* «nulli resistente ingressus cunctas civitates et castella in deditionem accepit. . . » — In: MMFH, d. I, s. 103.
- ⁷⁰ *Annales Fuldenses ad a. 871:* «Zuentibald. . . urbem antiquam Rastizi ingressus est. . . » — In: MMFH, d. I, s. 104.
- ⁷¹ *Annales Xantenses ad a. 871:* «Qui hostes fugaverunt et in civitatem munitissimam propulerunt». — In: MMFH, d. I, s. 69.

- ⁷² *Bilková L., Fiala Z., Karbulová M.* Altmährische Terminologie in den zeitgenössischen lateinischen Quellen. — *Byzantinoslavica*, 1967, 28, s. 317—325.
- ⁷³ *Annales Fuldenses* ad a. 869: «qui cum exercitu sibi comisso in illam ineffabilem Rastizi munitionem et omnibus antiquis simis dissimilem venisset». — In: MMFH, d. I, s. 101.
- ⁷⁴ *Zibermayr I.* Noricum, Bayern und Österreich. Horn, 1956, S. 295—296.
- ⁷⁵ *Annales Fuldenses* ad a. 896: «Imperator Pannoniam cum urbe Paludarum tuendam Brazlavoni duci suo in id tempus commendavit». — In: MMFH, d. I, s. 123.
- ⁷⁶ О славянских городах см.: *Poulik J.* Staří Moravané. . . , s. 168—169.
- ⁷⁷ По вопросу о месте резиденции великоморавских князей см.: *Poulik J.* Dvě velkomoravské rotundy v Mikulčicích. — In: *Monumenta Archaeologica*. Praha, 1963, t. XII; *Idem.* Mikulčice: Capital of the lords of Great Moravia. — In: *Recent Archaeological Excavations in Europe*. London; Boston, 1975, p. 1—31.
- ⁷⁸ *Dostál B.* Břeclav-Pohansko. . .
- ⁷⁹ *Ruttkay A.* Ducové, okres Trnava. — In: *Významné slovanské naleziská. . .*, s. 63—72, obr. 27—31.
- ⁸⁰ *Poulik J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 86—87, tab. 6, 51.
- ⁸¹ *Dostál B.* Břeclav-Pohansko. . . , s. 253—259.
- ⁸² MMFH, d. II, s. 161.
- ⁸³ *Ibid.*, s. 162.
- ⁸⁴ О структуре моравского общества и феодализме см.: *Havlík L.* Morava v 9. až 10. století. K problematice politického postavení, sociální a vládní struktury a organizace. Praha, 1978, s. 42—85; *Poulik J.* Staří Moravané. . . , s. 139—167.
- ⁸⁵ MMFH, d. II, s. 143—144.
- ⁸⁶ *Poulik J.* The origins of Christianity in Slavonic countries north of the Middle Danube Basin. — *World Archaeology*, London, 1978, vol. 10, N 2, p. 158—171.
- ⁸⁷ MMFH, d. III, s. 312.
- ⁸⁸ *Cibulka J.* Grossmährische Kirchenbauten. — In: *Sborník Sancti Cyrillus et Methodius*. Praha, 1963, s. 73 ad.
- ⁸⁹ *Richter V.* Die Anfänge der grossmährischen Architektur. — In: *Magna Moravia*, s. 121—360.
- ⁹⁰ *Pošmourný J.* Církevní architektura Velkomoravské říše. — *Umění*, 1964, r. XII, s. 157—202; *Idem.* Budownictwo murowane Słowian wielkomorawskich. — *Kwartalnik kultury materialnej*, (Warszawa), 1969, s. 633—678.
- ⁹¹ *Cibulka J.* Velkomoravský kostel v Modré u Velehradu. — *Monumenta Archaeologica*, Praha, 1958, r. 7, s. 199 ad.
- ⁹² *Poulik J.* The origins of Christianity. . . , Fig. 3, 1—3.
- ⁹³ *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 202—206, obr. 64, 6, tab. XLV.
- ⁹⁴ *Cibulka J.* Velkomoravský kostel. . . , s. 90—105, obr. 57—58.
- ⁹⁵ *Poulik J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 117—119, tab. 71; *Dyggve E.* History of Salonian Christianity. Oslo, 1931, p. 136—137, fig. VI, 35.
- ⁹⁶ MMFH, d. II, s. 143—144.
- ⁹⁷ *Poulik J.* The origins of Christianity. . . , p. 164.
- ⁹⁸ *Poulik J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 73—88, tab. 41—42.
- ⁹⁹ *Cibulka J.* Zur Frühgeschichte der Architektur in Mähren. — In: *Festschrift K. M. Swoboda*. Wien, 1959, S. 71; *Idem.* Grossmährische Kirchenbauten. . . , S. 73—78.
- ¹⁰⁰ *Poulik J.* Velkomoravské mocenské centrum v Mikulčicích. — *Monumentorum tutela*, 1972, r. 8, s. 14—15, obr. 12.
- ¹⁰¹ MMFH, d. II, s. 166.
- ¹⁰² *Poulik J.* Dvě velkomoravské rotundy. . . , s. 11—75; *Idem.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 97—102, tab. 61—62.
- ¹⁰³ *Cibulka J.* Grossmährische Kirchenbauten. . . , s. 96—98.
- ¹⁰⁴ *Poulik J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 113—116, obr. 28, 9, tab. 70.
- ¹⁰⁵ *Cibulka J.* Grossmährische Kirchenbauten. . . , S. 98—100.

- ¹⁰⁶ *Poulik J.* Nález kostela z doby velkomoravské v trati «Špitalky» ve Starém Měste. — PA, 1955, r. 46, s. 344—345.
- ¹⁰⁷ *Poštourný J.* Budownictwo murowane. . .
- ¹⁰⁸ *Cibulka J.* Zur Frühgeschichte der Architektur. . . , S. 70—71.
- ¹⁰⁹ *Benda K.* Stříbrný terč se sokolníkem ze Starého Města. — PA, 1963, r. 54, s. 41 ad.; *Dekan J.* Vel'ká Morava. . . , s. 178, obr. 131.
- ¹¹⁰ *MMFH, d. II, s. 193—194; Poulik J.* Dvě velkomoravské rotundy. . . , s. 91—100.
- ¹¹¹ *Smetánka Z., Hrdlička L., Blajerová M.* Výzkum slovanského pohřebiště za jízdnou Pražského hradu v roce 1973. — AR, 1974, r. 26, s. 386—405; *Smetánka Z., Hrdlička L.* Grossmährische Einflüsse auf der Prager Burg. — In: *Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave*. Bratislava, 1979. t. I, p. 753—755.
- ¹¹² *Poulik J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 122—125, obr. 29—30; *Dekan J.* Vel'ká Morava. . . , obr. 110, 121—123.
- ¹¹³ *Dostál B.* Slovanský mohylník u Žlutavy. — SFFUPB, 1957, r. VI, s. 51—57, obr. 7.
- ¹¹⁴ *MMFH, d. II, s. 162.*
- ¹¹⁵ *Poulik J.* Staří Moravané. . . , s. 146—152; *Cibulka J.* Velkomoravský kostel. . . , s. 193—197; *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 322—324.
- ¹¹⁶ *Novotný V.* České dějiny. . . , s. 432—435; *Havlík L.* Velká Morava. . . , s. 277—282; *Idem.* Morava v. 9.—10. století. . . , s. 107—109.
- ¹¹⁷ *Poulik J.* Výsledky výzkumu na velkomoravském hradišti «Valy» u Mikulčic. — PA, 1957, r. 48, s. 363; *Idem.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 160, tab. 40.
- ¹¹⁸ *Klanica Z.* Nové archeologické výzkumy slovanského oddílu Archeologického ústavu ČSAV v Brně. — Universitas, 1975, č. 4, s. 41.
- ¹¹⁹ *Dostál B.* Slovanské kultovní místo na Pohansku u Břeclavi? — In: *Vlastivědný věstník moravský*. Brno, 1965, r. 20, s. 3—25.
- ¹²⁰ *Poulik J.* Staří Moravané. . . , s. 151; *Dostál B.* Slovanské kultovní místo. . . , s. 20—23.
- ¹²¹ *Smetánka Z., Hrdlička L., Blajerová M.* Výzkum. . . ; *Smetánka Z., Hrdlička L.* Grossmährische. . . , S. 753—755.
- ¹²² *Richter V.* Podivín, Zekirkostel a Slivnice. — In: *Sborník prací FF Brněnské university (řada uměnovědná)*. — Brno, 1958, s. 72—73, 78—79; *Bretholz B.* Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag. — In: *MGH SS NS II*, 1923, S. 112—113.
- ¹²³ *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 366.
- ¹²⁴ *CDEB, d. I, s. 219, 239, 361; d. II, s. 429; Červinka I.* Slované. . . , s. 121.
- ¹²⁵ *CDEB, d. I, s. 361, d. II, s. 322; Novotný B.* Výzkum přemyslovského ústředí «castrum Zpitignew» z 11.—12. stol. — In: *Archaeologica Historica*, 1978, r. 3, s. 183—215.
- ¹²⁶ *Ratkoš P.* Die Grossmährischen Slawen und die Altmagyaren. — In: *Das Grossmährische Reich*. Praha, 1963, S. 227—255.
- ¹²⁷ *Hrubý V.* Staré Město — Velehrad, ústředí z doby Velkomoravské říše. — In: *Pa-mátníky naší minulosti*. Praha, 1964, d. I, s. 27, obr. 23.
- ¹²⁸ *Ibid., s. 27, obr. 25.*
- ¹²⁹ *Poulik J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 142, obr. 22.
- ¹³⁰ *Ibid., s. 142.*
- ¹³¹ *Bílková L., Fiala Z., Karbulová M.* Altmährische. . . , s. 324—325.

Перевод Г. П. Мельникова.

Ю. Ф. ИВАНОВ

ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение истории Великой Моравии в нашей стране имеет давнюю и устойчивую традицию. Интерес к вопросу складывался прежде всего вследствие его научной значимости. В отдельные моменты он усиливался под влиянием политических факторов, которые влияли на точку зрения историков.

Первоначально исследователей заинтересовала проблема происхождения церковнославянского языка. Она поднималась еще в XVIII в., и занимались ею видные представители историографии того времени. Ее затрагивал Н. М. Карамзин, считавший, что в основу церковнославянской письменности положен праславянский язык. Поскольку возникновение славянской письменности связано с деятельностью первых славянских просветителей Кирилла и Мефодия, то в поле зрения ученых попала и Великая Моравия. Родилась версия о том, что такой язык создавался в Византии и потом вместе с богослужением был перенесен солунскими братьями в Великую Моравию, где претерпел влияние местных говоров¹. Для ее подтверждения или опровержения одних лингвистических данных было явно недостаточно и приходилось обращаться к историческому материалу.

Пристальному вниманию церковных и славянофильских авторов подвергалась также миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия на территории Великой Моравии. Накопилась обширная литература, обосновывающая идею, что ими вводился греко-православный чин богослужения. Много спорных суждений вызвал вопрос о происхождении солунских братьев: были ли они греки, славяне или же ни те и ни другие. В результате историография кирилло-мефодиевского вопроса пополнилась многими капитальными работами, в которых уточнялись точки зрения, вводились новые источники².

Однако такие проблемы, хотя и связанные с Великой Моравией, все же настолько специфичны, что нуждаются в специальном освещении. Оно впервые в советской науке было предпринято Б. Н. Флорей во вступительной статье к изданию жизнеописаний Константина (Кирилла) и Мефодия. Советский историк не только дал характеристику условий появления славянского письма, но и проследил за основными моментами в изучении памятников бесценного общеславянского наследия.³ Нет надобности повторять аргументы и выводы только недавно выполненного исследования. Поэтому мы в данной статье остановимся главным образом на тех работах, в которых были

затронуты политические и социальные аспекты истории раннего государственного образования у западных славян.

Научный интерес к проблемам, касающимся Великой Моравии, проявился прежде всего в так называемом Румянцевском кружке⁴, связанном с широким кругом славянских ученых. По инициативе Н. П. Румянцева было решено издать в России книгу И. Добровского о Кирилле и Мефодии, выпущенную в 1823 г. в Праге. Причем, не дожидаясь полного перевода, который готовил М. П. Погодин, другой член кружка П. И. Кеппен дал ее подробное изложение в журнале «Библиографические листы»⁵.

Вскоре там же Кеппен поместил пересказ рецензии некоего Фридриха Блумбергера (русские ученые не без основания полагали, что это псевдоним), опубликованной в одном венском издании⁶. Блумбергер утверждал, «что собственно так называемая Великая Моравия никогда не была местом пребывания первоучителей, а прослыла таковым в истории и церковных учреждениях не ранее XIV века». Действовали они, по утверждению рецензента, в иллирийском городке Моравы. Тенденциозность замечания была очевидна, но она облекалась в научную форму критики латинских источников, на которые преимущественно опирался И. Добровский. Кеппен понимал, что спор должен вестись с неопровержимыми фактами в руках. И вслед за пересказом рецензии он привел одно место из Лаврентьевской летописи, в котором говорилось о переводе богослужебных книг для Моравии и заметил, что в приведенном отрывке «речь идет о стране Моравской, а не о городе Мораве»⁷. Аргумент был весомый. Еще через несколько номеров Кеппен напечатал библиографическую заметку о статье оломоуцкого католического священника Ф. Рихтера, почти во всем соглашавшегося с И. Добровским⁸. Таким образом, стало ясно, что мнение Блумбергера дискуссионно. Причем надо иметь в виду, что даже такая форма подачи материала вызвала на П. И. Кеппена гонение. Он был предан церковному суду, поскольку материал шел вразрез с представлениями официального православия⁹, но полностью оправдан.

В таких условиях была нужна определенная смелость, чтобы довести задуманное до конца. И все же в том же году книга И. Добровского увидела свет в русском переводе¹⁰. Книга представляла для первой четверти XIX в. лучшее сочинение по проблеме. Автор критически подошел к церковным источникам и более подчеркивал не миссионерскую, а просветительскую деятельность братьев, что не нравилось церковникам.

В приложениях к книге был напечатан полный перевод рецензии Ф. Блумбергера¹¹. В качестве уступки церкви были опубликованы и проложные жития Кирилла и Мефодия XV—XVI вв., хранившиеся в богатой румянцевской коллекции. Издатель понимал, что ни они, ни помещенный отрывок из Хронографа конца XV в. первоисточни-

ками быть не могли. В комментариях к рецензии М. П. Погодин говорил о необходимости поисков новых источников, необходимых для решения спорного вопроса, хотя сам в письме к Румянцеву, которое включил в книгу, высказал уверенность, что Кирилл и Мефодий действовали в Моравии, но только не были туда посланы, а начали проповедовать сами собою.

Печатаемая такой разнохарактерный материал, Погодин хотел побудить русских ученых заняться этой проблемой. В предисловии, написанном переводчиком, специально выделялись слова: «Мне остается пожелать, чтобы сия книга подала повод изыскания о св. Кирилле и Мефодии в нашем отечестве»¹².

Русские ученые прежде всего существенно пополнили источниковую основу кирилло-мефодиевской проблемы, а следовательно, и базу для изучения ряда вопросов, связанных с Великой Моравией. Тот же М. П. Погодин уже в качестве редактора и издателя журнала «Москвитянин» напечатал статью А. В. Горского о найденных им в библиотеке Московской духовной академии неизвестных до того времени науке рукописных славянских житиях Кирилла и Мефодия¹³. Для того чтобы ими можно было воспользоваться в научных целях, следовало определить, где и когда их составили. По заключению А. В. Горского, Житие Мефодия писалось в Паннонии вскоре после смерти проповедника (885), но ранее падения Моравии (начало X в.), а автором являлся один из его учеников. Житие Константина было написано одновременно с Житием Мефодия и в той же стране. Находка произвела впечатление на ученые круги. О ней тотчас известили П. Шафарика, и он при содействии М. П. Погодина предпринял первую публикацию вновь обнаруженных источников¹⁴.

Получившие таким образом известность пространные жития Кирилла и Мефодия явились объектом специальных исследований. К сожалению, они носили несколько однобокий характер. Включившиеся в дискуссию видные отечественные и зарубежные слависты направили свои усилия на опровержение или подтверждение доводов Горского¹⁵. Серьезного внутреннего источниковедческого анализа памятников тогда сделано не было.

В 1863 г. отмечалось тысячелетие славянской письменности. К этой дате было приурочено появление публицистических и научных работ, среди которых выделялась книга П. А. Лавровского о Кирилле и Мефодии¹⁶, написанная на основе полного доверия к найденным А. В. Горским источникам. В ней много внимания уделялось Великой Моравии, которая именуется «Великое княжество Моравское»¹⁷. Автор, близкий славянофилам с их гегельянской методологией, объяснял образование государства исключительно результатом заранее обдуманной и спланированной деятельности князей. Она развернулась сразу после того, как Карл Великий в 736 г. разгромил авар и на опустошенные войной местности с севера хлынули

славянские переселенцы. Основную роль в создании государства, по мнению П. А. Лавровского, подтвержденного анализом письменных источников, сыграл князь Моймир. «Им-то и было положено начало тому могуществу, славе и огромности моравского княжества, — говорится в книге, — каким видим мы его во время наследников Моймира»¹⁸. Социальные процессы, которые проходили в западнославянском обществе, автора не интересовали. Вся история государства, полагал ученый, проходила под знаком борьбы двух сил: славянской и немецкой стихии. В соответствии с канонами романтической историографии славяне изображаются мягким народом, а германцы — грубым, воинственным. Немцы и начали эту борьбу, встревожившись возрастанием могущества правителей Моравии. Результаты этой борьбы для Моравии оценивались автором положительно. Она расширила свои пределы и «сделалась теперь прибежищем не только славян, недовольных тиранией немецкой, но и самих немцев, восставших против своего короля»¹⁹. Перемена подданства в средние века была распространенным явлением, но автор акцентирует на нем внимание, чтобы подчеркнуть разницу в славянском и германском устройстве: в первом случае — демократия, во втором — тирания. Так представлялось дело славянофильскому направлению в историографии.

П. А. Лавровский справедливо установил в факте вызова славянских проповедников моравскими князьями желание сблизиться с Византией, чтобы «отделаться от немцев»²⁰. В то время когда большинство буржуазных историков в распрях церквей видело религиозные споры, он различал другое, то, что это «были чисто финансовые расчеты, без малейшей тени заботливости о вере» и «само христианство было делом исключительно формы данничества»²¹. Делая новый смелый для буржуазной историографии вывод о том, что религиозно-церковные споры служили всего лишь демагогическим прикрытием политических соображений, ученый, опасаясь нападок со стороны духовных авторов, попытался завуалировать его обычным для славянофилов рассуждением об истинности христианства восточного, о его превосходстве над западным. Быть последовательным в этом вопросе он не сумел. Разгром Великой Моравии историк объяснял прежде всего внешними причинами, а именно тем, что король Арнульф интригами отделил Чехию от Моравии, сознательно вызвал мадьяр и с их помощью разгромил славянское государство, население которого ушло в другие славянские земли²². Книга обратила на себя внимание новизной постановки некоторых проблем, богатством фактического материала. Сказывалось то, что она писалась, хотя и со славянофильских позиций, но в условиях послереформенного общественного подъема.

К славянофильскому направлению в историографии принадлежит и книга «Чехия и Моравия», которую выпустили А. С. Будилович

и А. П. Наранович²³. Она носила популярный характер и имела целью содействовать распространению в России сведений о славянских странах. Авторы написали ее на основе работ чешских историков. Значение книги состоит в том, что в ней впервые в русской историографии XIX в. история Моравии рассматривалась самостоятельно, а не в связи со славянской миссией Кирилла и Мефодия. При этом ее авторы стали употреблять термин «Великая Моравия». А. С. Будилович и А. П. Наранович во многом повторяли предыдущую работу, это прежде всего относится к оценке немецко-славянских отношений. Кое в чем авторы отошли от достигнутого их предшественниками. Являясь в политической жизни сторонниками укрепления православных начал, они подошли к религиозному вопросу с церковных позиций. Религия выступает сама по себе, без связи с политическим положением и социальными задачами. А. С. Будилович и А. П. Наранович были убеждены, что Великая Моравия сложилась в борьбе с аварами²⁴, а не после их разгрома Карлом Великим, и к моменту столкновения с немцами стала могучим центром всего западнославянского мира²⁵.

Падение государства объяснялось авторами тем, что оно к началу X в. не имело энергичного и даровитого правителя, отсутствие такового вызвало дробление государства, и оно пало под ударами венгров²⁶. Такое объяснение даже для того времени довольно примитивно.

Книга должна была служить делу исторического обоснования главной политической идеи Будиловича о необходимости создания общеславянского государства с сильной самодержавной властью русского царя. Работа не могла удовлетворить потребности научной общественности в серьезном освещении истории Великой Моравии и ее места в системе международных отношений IX в.

Историю Великой Моравии затронул А. И. Павинский в книге о полабских славянах²⁷. Ученый полагал, что, сделавшись сильным независимым государством, Моравия внушила уважение немецким правителям. Ее существование благоприятно отразилось на других славянских народах, имеющих линию соприкосновения с Германией: «Эта грозная славянская держава, возросшая на юго-восточных пределах немецкого королевства, отвлекала на долгое время внимание и силы немцев от полабских славян»²⁸. Тем самым удалось выиграть время, необходимое для укрепления их государственности. Краткое замечание А. И. Павинского имело принципиальное значение, поскольку намечало новый аспект исследований: значение существования Моравии для западнославянского мира.

Интерес к проблеме возрастал. Поскольку среди славянских народов расширялось движение за государственную самостоятельность, возникал вопрос о государственности у славян в прошлом. Отражением такого интереса явилось то, что, когда Славянским комитетом в 1868 г. была учреждена премия в память Кирилла и

Мефодия, то первой темой, объявленной на ее соискание, была «О трех первых попытках государственного объединения западных славян». Участвовать в конкурсе пригласили студентов университетов и духовных академий. Срок подачи конкурсных работ истек 1 января 1871 г. Первой премии удостоилось сочинение ученика В. И. Ламанского, студента Петербургского университета Ф. Успенского. Работа была опубликована в качестве монографии в 1872 г., автор ее стал затем виднейшим русским византиноведом²⁹.

В этой работе Великой Моравии отведено центральное место³⁰. Автор не довольствовался тем, что использовал труды Ф. Палацкого и П. Шафарика, как многие его предшественники, он основательно ознакомился с источниками и сочинениями представителей позитивистской историографии по различным вопросам истории средних веков, хотя сам делал только первые шаги, переходя на новую методологию.

Ф. И. Успенского отличало то, что его интересовали не одни лишь внешние события, но и внутренние процессы, протекавшие у придунайских славян. Автор высказал мнение о том, что к началу IX в. «паннонские славяне перешли из состояния собственников и свободных в состояние закрепощенное, имя славянина стало тождественным с именем раба»³¹. Затем и к северу от Дуная «славян скоро стали передавать из рук в руки, как недвижимую собственность, вместе с землею»³². Но ему казалось, что эти процессы были привнесены в славянское общество чужеродными элементами. Автор не смог связать появление княжеской власти с процессом классообразования. Да и само понятие класс Ф. И. Успенскому было чуждо.

Историк разделяет ходячее представление буржуазной науки о том, что власть князя возникла из власти родового старейшины³³. Таким князем стал Моймир, объединивший племена в государство, преодолев сопротивление племенных старшин. Последние нелегко уступали князю свои права. Их сопротивление способствовало созданию обстановки, в которой «соседи приобрели влияние на внутренние дела страны»³⁴. Такой постановкой вопроса автор стремился избежать славянофильской догмы о извечной вражде немцев и славян. Ф. И. Успенский подчеркивал сотрудничество определенных славянских и немецких кругов. Местная знать, не желая подчиниться князю, сама обращалась за поддержкой к немцам.

Касаясь политических аспектов церковного вопроса в Великой Моравии, автор не сумел удержаться на достигнутых рубежах. Он писал: «Во взаимной вражде по церковным делам уже тогда выражалась разность культур, западной и восточной, — неодинаковость целей, преследуемых греческою и римскою церковью»³⁵. Как видим, молодой историк трактовал эту проблему в идеалистическом духе и гораздо ниже достижений наиболее крупных представителей позитивистской науки³⁶. Это была уступка славянофильству,

все еще занимавшему достаточно прочные позиции в славяноведении. Сочинение писалось с определенной целью, и автор не хотел резко порывать с установившейся традицией.

Основываясь на косвенных источниках, Ф. И. Успенский высказывал свое собственное суждение о немецко-моравских отношениях в период обострения венгерской угрозы. Он полагал, что равная опасность сблизила немцев со славянами и они совместно выступали против общего противника. Он высказал догадку, «что там же, где пал цвет немецкого дворянства и духовенства, там же и мораване оставили свои лучшие силы, потерпев полное поражение»³⁷. Выдвижение этого предположения свидетельствовало об отказе от априорного положения романтической историографии об извечной вражде славянского и германского мира. Хотя многие оценки и предположения Успенского не выдержали испытания временем, его исследование и поныне используется историками.

Ученый продолжал и далее интересоваться Великой Моравией. Он уделил ей внимание в капитальном труде «История Византийской империи», написанном в 1913 г. Обстоятельства тогда сложились так, что был издан только первый том, а интересующая нас часть увидела свет лишь через тринадцать лет, не подвергшись переделке и даже с соблюдением дореволюционной орфографии. За сорок с лишним лет, которые разделяли первую и последнюю из указанных монографий, автор пришел к новым заключениям, подчас неожиданным. Прежде всего Успенский обратил внимание историков на то, что некритическое увлечение паннонскими житиями Кирилла и Мефодия в качестве источника «сопровождалось немалым вредом для славянской науки»³⁸. Жития ставились выше всех других источников, и никто не задался целью применить к ним герменевтический метод анализа «для определения времени их происхождения и состава отдельных частей, из которых складывается их содержание с целью выяснить вносные статьи, вошедшие в эти жития (письма, речи, грамоты, беседы и проч.), и проверить заключающиеся в них данные документальными свидетельствами»³⁹.

Для себя он решил, что паннонское Житие Мефодия содержит очень мало фактического материала для исторической науки, а все то, что рассказано в Житии Константина, представляет далеко небесстрастное изложение событий. Наоборот, в памятнике явственно выступает политическая тенденция. Ф. И. Успенский даже бросает реплику: «И не только в конце IX и в X в. кирилло-мефодиевский вопрос становится яблоком раздора между империями, а равно между западной и восточной церковью, но и во все последующие времена»⁴⁰. И далее историк показал, какое политическое звучание имели вопросы, связанные с деятельностью Кирилла и Мефодия в начале XX в.

По-новому истолковывая указанные источники, ученый несколько в ином аспекте изложил историю моравской миссии братьев. Отмечая, что Ростислав действительно призвал их, Успенский делает упор на другое. В его работе рассматривается: «Каким образом мог возникнуть в Константинополе вопрос о проповеди христианства в Моравии?»⁴¹. И он пришел к мнению, что Византия понимала значение Великой Моравии в политической борьбе с преемниками Карла Великого. Посылая Кирилла и Мефодия к северо-западным славянам, Константинополь предполагает «нанести удар притязаниям Западной империи и поставить пределы распространения латинской церкви»⁴². Славянский язык проповедников использовался как особое средство воздействия на моравский народ. Поэтому, признавая заслуги солунских братьев, Успенский выступал против апологетического изображения их скромными монахами, отправленными в страну с проповедью христианской веры. Надо было иметь большое научное мужество, чтобы высказать такие взгляды. И, конечно, будь они обнаружены как предполагалось, в 1913 г., на ученого бы обрушился критический огонь.

В последней трети XIX в. усилилось внимание к венгерской истории, что связано с образованием дуалистической Австро-Венгерской монархии. Как известно, правящая верхушка Венгрии, поддерживая Габсбургов, была все же недовольна стремлением австрийской буржуазии обеспечить себе господствующее положение в венгерской экономике. На этой почве возникали конфликты, которые своеобразно истолковывались пореформенными славянофилами. В. И. Ламанский писал: «Мадьярское правительство Андраши и Этвеша наносит много вреда Угорской Руси, словакам, румынам, сербам и хорватам, но зато и оказывает им громаднейшую услугу ослаблением и подавлением немецкого элемента в Угрии, с которым эти народности собственными силами не могли бы совладать»⁴³.

Эти настроения В. И. Ламанского повлияли на его ученика К. Я. Грота. Монография последнего носила название «Моравия и мадьяры»⁴⁴. В ней были четко поставлены три проблемы: 1) каким образом среднедунайские славяне во второй половине IX в. стали значительной политической силой; 2) какие формы принимала борьба между моравами и немцами по политическим и церковным вопросам; 3) влияние венгров на отношение славян к германскому западу. Автор указал на то, что в славянской науке преобладают односторонние взгляды на все эти вопросы и он намерен рассмотреть их более беспристрастно. К. Я. Грот привлек все письменные источники: византийские, венгерские и западноевропейские. Он изучил широкий круг литературы, включая венгерскую, которая до него русскими историками не использовалась.

Автор придерживался мнения, что после разгрома аваров Карлом Великим славянские поселения в Паннонии были редки, несмотря

на прилив сюда людей с севера. Поток же немецких колонистов шел в этот регион более интенсивно. Немецкие селения в одних местах образовались «частые и сплошные», а в других — «немецкие колонисты примыкали к славянам, селились посреди них и, естественно, мешались с ними»⁴⁵. Немецкие пришельцы, получая землю и лен, лишали славянских крестьян прав на наделы и обращали их «в сословие крепостных»⁴⁶. Впрочем, в отношении к более знатым и родовитым славянам «немцы действовали политично и (чтобы не восстанавливать их против себя) также раздавали им участки земли в ленное владение или собственность, наравне с немецкими вассалами»⁴⁷. Как видим, историк придерживается в этом вопросе точки зрения, выдвинутой еще Ф. Палацким и разделяемой славянофилами, согласно которой ленная система и сословная неправопорядок внесены в славянское общество германцами⁴⁸. В отношении Паннонии это, действительно, имело место.

Показательны дальнейшие рассуждения К. Я. Грота. Вследствие немецкой колонизации Паннония полностью перешла под немецкое господство. Громкие победы Карла Великого и судьба паннонских славян устранила чехов и моравян. Они признали «верховное покровительство франков, — только бы не подвергнуться той жалкой участи, которая постигла вместе с аварами их альпийских и паннонских одноплеменников»⁴⁹. А получив доступ в Чехию и Моравию, немцы распространили на них свою проповедническую деятельность, которая давала возможность вмешиваться во внутренние дела славянских народов. Притязания немцев вовлекли Моравию в упорную борьбу за отстаивание своего суверенитета. Внешняя опасность способствовала объединению славянских общин в государство⁵⁰. Мы видим, что правильно замечая конкретные явления, автор беспомощен в решении теоретических вопросов, что характерно для всей позитивистской историографии. Бросается в глаза, что он более обстоятельно, чем его предшественники, аргументирует выдвинутые положения, привлекая максимально возможное количество источников.

В монографии скрупулезно прослеживаются отношения Великой Моравии с немцами. Причем автор, видимо, задумывается над проблемой, сложилась ли к X в. немецкая народность, так как часто пользуется другим понятием — восточные франки. Это шаг вперед по сравнению с предыдущими историками, для которых такого вопроса не существовало. К. Я. Грот придавал чрезвычайно большое значение церковной борьбе как части борьбы с германским влиянием. Он выдвинул мысль, что лишь защита подготовленного Мефодием славянского духовенства обеспечивала процветание державы, а с изгнанием из Великой Моравии славянского духовенства «была действительно сломлена та сила, без которой дальнейшее национальное самостоятельное развитие и политический рост славянского княжества были совершенно немыслимы»⁵¹. Немцы укрепили свое положение, сеяли

в Моравии смуты и несогласия, даже сумели создать сильную немецкую партию при дворе князя Святополка. Это способствовало постепенному разложению и упадку Великой Моравии. Конечно, церковный вопрос был важным, но не решающим. И придавать ему определяющее значение не было оснований даже при том уровне науки.

Теперь мы знаем, что Великая Моравия, обладая значительной территорией и военной силой, не имела единой экономической базы, что ослабляло страну в политическом отношении. Отдельные княжеские династии, сохранившиеся на своих племенных землях в обширной державе Святополка, при таких условиях тяготились его властью и вассальными обязательствами. Они являлись носителями центробежных настроений, давших себя знать при сыновьях Святополка, между которыми Великая Моравия была разделена, что существенно ее ослабило.

При оценке венгерского вторжения К. Я. Грот решительно отошел от установившейся точки зрения и дал новую трактовку фактам. Он выдвинул положение о том, что естественное течение событий должно было подвергнуть моравский народ «всем последствиям германского влияния и связанной с ним германизации»⁵². Исходя из этого Н. Я. Грот по-другому оценивал последствия венгерского завоевания: «К счастью, однако, для Моравии и других славянских народностей нынешней Австрии, естественное течение событий было нарушено»⁵³. Венгры остановили «напор немцев на восток по Дунаю»⁵⁴ и тем оказали немаловажную услугу славянству⁵⁵. Так русская либеральная историография отреагировала на усиление роли венгерской буржуазии.

Автор теперь иначе расценивает обвинение предшествующих историков в том, что немецкие короли пригласили венгров в Подунавье. Он смотрит на события более трезво. К. Я. Грот не сомневается, что король Арнульф действительно инспирировал венгров к вторжению в пределы Великой Моравии. Но из этого ровно ничего не следует, поскольку приход венгров на равнины Дуная был следствием сложившихся исторических обстоятельств.

Скептически относился К. Я. Грот и к оценке мира, в котором мораване и немцы находились после 901 г. Он полагал, что мир был формальным, что его заключение не могло погасить и в мораванах, и в немцах их нерасположения друг к другу⁵⁶.

Иначе в монографии расценивается и падение Великой Моравии. Автор предположил, что мораване прекратили сопротивление после первого натиска венгров, понимая, что борьба будет вестись главным образом в «интересах запада»⁵⁷, гнет которого славянам был хорошо известен. То есть славянам приписывается сознательная капитуляция, игнорируется многовековая борьба славянских народов, в том числе и словаков, за национальное освобождение. Ему казалось, что мораване не могли полностью погибнуть и разбежаться при крушении

государства. Ученый высказал уверенность, что славянский народ продолжал существовать на прежней территории, «выражая свою зависимость уплатою дани и тем, что принимал участие в последующих походах венгров на запад»⁵⁸. Свое мнение К. Я. Грот подкреплял ссылкой на призывание полабскими славянами венгров для совместной борьбы с немцами⁵⁹.

В заключение исследования историк положительно оценивал разгром Великой Моравии, поскольку венгры остановили процесс «германизации центральной среднедунайской территории»⁶⁰. Конечно, автор признавал, что не обошлось и без определенных издержек. Одну часть славян оттеснили в горные области, другую — угнетали. И все же положение славян, покоренных венграми, по его мнению, было легче, чем под властью немцев⁶¹. Венгры «своевременным вмешательством в жестокую борьбу немецкой народности с дунайским славянством»⁶² в конце концов дали благоприятный оборот славянскому делу в этом регионе.

Дискуссия о пользе или вреде появления венгров на Дунае, развернувшаяся в русской дореволюционной литературе, носила скорее политический, чем научный характер. Тем более, что замалчивалась проблема мадьяризации словаков, и то, что и без венгров многие славянские народы благополучно избежали онемечивания. В целом же К. Я. Грот значительно расширил диапазон исследования проблемы Великой Моравии и пополнил фактическими сведениями ее историю. Его исследование не утратило значения и в наше время.

Иначе расценил проблему И. О. Первольф, чех по национальности, работавший в Варшавском университете⁶³. Нет надобности останавливаться на всем, что писал ученый о Великой Моравии, поскольку во многом он повторял уже высказанные взгляды. Важен его вывод о том, что одним из следствий «основания угорского королевства» в Подунавье было разделение южных и западных славян, что облегчало экспансию против последних⁶⁴. Этот взгляд прочно вошел в науку⁶⁵.

В 1885 г. отмечалось тысячелетие памяти Мефодия. Готовясь к знаменательной дате, историк славянского права Ф. Ф. Зигель решил посмотреть, какой след остался от деятельности Кирилла и Мефодия в правовой области. Исследуя проблему, он пришел к заключению, что огромное значение имел уже сам славянский перевод Мефодием византийского сборника канонов, способствовавшего созданию славянской юридической терминологии. Зигель заметил и определенную связь Номоканона Мефодия с древнечешской юридической терминологией⁶⁶. Наблюдения варшавского ученого положили начало новому направлению исследований в русской историографии — изучению юридических памятников, сохранившихся со времени Великой Моравии.

Здесь определенной вехой стала монография Н. С. Суворова,

заново рассмотревшего древнейший памятник славянского права — Закон судный людем, сохранившийся в русской Кормчей книге. Общепринятым было мнение о болгарском происхождении этого судебного руководства⁶⁷. Суворов, разделяя господствующее мнение, заметил, что памятник подвергся сильному влиянию западно-римского церковного права, и с такой новой точки зрения объяснил ряд мест источника⁶⁸. Какой-либо гипотезы в связи со своим открытием он не выставил, ограничившись констатацией факта.

В 1900 г. вышло небольшое, но чрезвычайно насыщенное исследование А. И. Соболевского о церковнославянских текстах моравского происхождения⁶⁹. Закон судный людем разбирался всего на полтора страниц, но чехословацкий ученый И. Вашица назвал его «эпохальным исследованием»⁷⁰. Соболевский установил, что в списке Закона XIV в. его автором называется св. Константин. Под своим мирским именем славянский первоучитель был известен долгое время после смерти и на западе, и в Болгарии. Конечно, ученый не делает вывода, что автором Закона был сам первоучитель. Просто связь источника с его именем «может быть объяснена лишь тем, что памятник появился в тех местах, где был чтим Константин»⁷¹.

Далее А. И. Соболевский исследовал словарный состав Закона и нашел в нем много общего с достоверным кирилло-мефодиевским текстом. В результате он пришел к убеждению, что памятник возник в стране, где столкнулись греческие и латинские влияния, где встретились церковнославянский и западославянские языки, где церковнославянский язык как язык церкви и литературы был хорошо известен и силен, где рядом с кирилло-мефодиевской христианской терминологией была какая-то иная. «Такою страной могла быть только Моравия времен мефодиевских и послемефодиевских», — заключал автор⁷². Его мысль начала прокладывать дорогу много позже, в работах названного выше чехословацкого историка⁷³.

Обобщить материал русской и зарубежной историографии по Великой Моравии попытались автор статьи «Моравия» А. Л. Липовский и статьи «Чехия» А. Н. Ясинский в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. А. Л. Липовский составил обширный очерк политической истории Великой Моравии и высказал мысль, что войдя в состав венгерского государства, Моравия не утратила своей национальной самобытности⁷⁴. В этом его убеждала вся дальнейшая история моравян. Такой подход свидетельствовал о стремлении разобраться в вопросе без какой-либо национальной предвзятости.

А. Н. Ясинский, известный исследователь аграрной истории средневековой Чехии, в данном случае не сумел охарактеризовать социального развития моравского общества в IX в., настолько вопрос был неразработанным. Он ограничился описанием внешне-

политических акций Моравии, и особенно ее союза с Чехией при Ростиславе и Святополке, который позволил «вести победоносную борьбу против немецкого государства» и способствовал введению христианства «по славянскому обряду»⁷⁵ и в Чехии. Какими-то новыми идеями обогатить историографию вопроса А. Н. Ясинский не смог. Все упиралось в необходимость расширения источниковой базы и более глубокого проникновения в понимание сущности эпохи, что сделать буржуазной науке было не по силам.

Итогом развития русского дореволюционного славяноведения явилась книга М. К. Любавского «История западных славян»⁷⁶. Автор был специалистом по истории России и Великого княжества Литовского. К мысли о необходимости изучения славянства он пришел тогда, когда понял, что без этого нельзя объяснить ряда моментов отечественной истории⁷⁷. Однако книга, написанная в разгар первой мировой войны, отражала прежде всего славяно-германские отношения. Но автор, ученик Н. А. Попова и В. О. Ключевского, осознавал значение социально-экономических процессов и старался их по возможности осветить. М. К. Любавский исходит из того, что родо-племенная организация у славян распалась в ходе колонизации, а в обществе, основанном уже на территориальном принципе, стала развиваться имущественная дифференциация, которая в конечном итоге привела к образованию общественных классов. До четкого понимания сущности класса автор не поднялся. Это понятие так и осталось для него расплывчатой категорией «больших» и «малых» людей. Но и в таком толковании заметен прогресс. М. К. Любавский указывал, что князья происходили из «класса богатых и сильных людей, которые имели возможность окружить себя большим количеством слуг и преданных им людей»⁷⁸.

Князья превращают Моравию в устойчивое объединение. Автор избегает употреблять по отношению к Великой Моравии понятие государства, а именует ее «крупною политическою силою»⁷⁹, которая окончательно сформировалась в борьбе с преемниками Карла Великого. Превратиться же ей «в организованное государственное тело» было не суждено вследствие междоусобиц среди племен, входивших в моравский союз⁸⁰. Хотя М. К. Любавский применяет субъективные формулировки, ясно видно, что он считал Великую Моравию не государством, а союзом племен. Такое мнение сложилось у него под влиянием работ Л. Нидерле, который считал, что Велико-моравская держава представляла союз мелких племен, сложившийся вокруг большого центрального укрепленного пункта. Ученый по-новому оценил и роль Великой Моравии при сыновьях Святополка. Он решил, что раздражаемая междоусобицами Великая Моравия «не оберегала от немцев, а наоборот, подвергала разорениям и насилиям западнославянские племена, которые и спешили поэтому отделиться от нее и обособиться»⁸¹. Венгры нанесли лишь окончательный удар.

Известно, что М. К. Любавский, отличавшийся верноподданическими настроениями, избегал всего, что могло бы втянуть его в конфликт с властью и церковью. Такая черта ярко проявилась при освещении миссии Кирилла и Мефодия. Насажение христианства немецким духовенством правильно трактовалось им как мера, способствовавшая втягиванию Моравии в «политическую зависимость от Германии и ее государей»⁸², а попытку создания национальной церкви он объяснял тем, что «немецкое духовенство оставалось чуждым для обращаемых славян по языку и симпатиям»⁸³. Объяснение явно рассчитывалось на затушевывание политической роли создававшейся местной церковной организации.

В целом в очерке, который написал М. К. Любавский, много важных сведений и верных оценок, хотя в соответствии с наукой своего времени проблему поглощения Великой Моравии другими народами он решал, не затрагивая глубинных социальных процессов, объясняя все недальновидным поведением сыновей Святополка.

Подводя итог, можно констатировать, что русская буржуазная историография показала важную роль Великой Моравии в политической истории Подунавья IX в. Обследуя хранилища древних рукописей, русские ученые выявили источники, позволяющие раскрыть международные связи страны, в первую очередь с Германией и Византией. Методы анализа исторических памятников все время изменялись, что открывало возможности их нового, более углубленного истолкования. Но историками XIX—начала XX в. внутренняя сторона жизни Великой Моравии почти не затрагивалась. Для ее разработки одних письменных источников явно не хватало, а систематических раскопок в этом регионе не велось. Единственным обобщающим трудом, включающим археологические данные, которыми могли воспользоваться русские ученые начала XX в., являлся многотомный труд Л. Нидерле «Славянские древности»⁸⁴. Им, в частности, воспользовался М. К. Любавский и существенно обогатил свою работу.

В оценках и суждениях господствовал субъективизм. Говоря об отношениях Великой Моравии с Германией, большинство авторов, не задумываясь, относило восточных франков к немцам, не ставя вопрос о том, когда сложилась немецкая народность. Получилась не совсем точная картина взаимоотношений между народами. Борьбу между славянскими и германскими государствами переводили в аспект этнической вражды.

Проблемой Великой Моравии заинтересовались и советские ученые. Приступая к исследованиям, они воспользовались материалом, собранным в дореволюционное время, перерабатывая его в соответствии с принципами исторического материализма и дополняя новейшими данными, полученными в результате совместных усилий историков, археологов, лингвистов. Созданная несколькими поко-

лениями русских славистов литература вопроса помогла сформулировать новые задачи в исследовании проблемы и основные направления изучения истории Великоморавской державы.

- ¹ Подробнее об этом см.: *Бодянский О. И.* О времени происхождения славянских письмен. М., 1855.
- ² Литература указана в ряде библиографических справочников: *Лисовский Н. М.* Библиографический указатель книг и статей о славянских первоучителях св. Кирилле и Мефодии. СПб., 1855; *Токмаков И. В.* Библиографический указатель. Литература о св. Кирилле и Мефодии, просветителях славянских. М., 1855; *Попруженко М. Г.* Материалы для библиографии по кирилло-мефодиевскому вопросу. — Журнал министерства народного просвещения, 1902, № 5.
- ³ Сказания о начале славянской письменности / Пер., предисл. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981, с. 5—69.
- ⁴ О Н. П. Румянцеве и его кружке см.: *Славяноведение в дореволюционной России.* Библиографический словарь. М., 1979, с. 205.
- ⁵ Библиографические листы, СПб., 1825, № 8.
- ⁶ *Jahrbücher der Literatur*, Wien, 1824, XXVI, S. 211—213
- ⁷ Библиографические листы, 1825, № 10, стб. 146.
- ⁸ Библиографические листы, 1825, № 15.
- ⁹ *Славяноведение в дореволюционной России*, с. 183.
- ¹⁰ *Добровский И.* Кирилл и Мефодий, славянские первоучители. М., 1825.
- ¹¹ Там же, с. 142.
- ¹² Там же, с. VII.
- ¹³ *Горский А.* О св. Кирилле и Мефодии. — *Москвитянин*, 1843, № 6, ч. III.
- ¹⁴ *Pramátky dřevního písemnictví Jihošlovánů.* Praha, 1851.
- ¹⁵ О ходе дискуссии см.: *Петров А.* Пятидесятилетие научной разработки славянских источников для биографии Кирилла и Мефодия. 1843—1893. М., 1894.
- ¹⁶ *Лавровский П.* Кирилл и Мефодий, как православные проповедники у западных славян, в связи с современным им историею церковных несогласий между Востоком и Западом. Харьков, 1863.
- ¹⁷ Там же, с. 245.
- ¹⁸ Там же, с. 241.
- ¹⁹ Там же, с. 242.
- ²⁰ Там же, с. 247.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, с. 245.
- ²³ *Будилович А. С., Наранович А. П.* Чехия и Моравия. СПб., 1871.
- ²⁴ Там же, с. 192.
- ²⁵ Там же, с. 194. В дальнейшем А. С. Будилович воспользовался мыслью А. Ф. Гильфердинга, высказанной в 1860 г.: «Если бы не помешала случайность, то западный славянский мир, вероятно, приступил бы в девятнадцатом веке к исполнению той задачи, которая, как кажется, лежит на России девятнадцатого века» (*Гильфердинг А. Ф.* Венгрия и славяне. — *Собр. соч.* СПб., 1868, т. II, с. 121), — и развил панславистскую концепцию о том, что у славян в различные периоды истории одно из государств непременно играет роль гегемона. В IX в. это была Великая Моравия, далее Болгария, потом Сербия. В XV—XVI вв. во главе славян на сцене всемирной истории стали чехи, затем поляки. «С XVII в. гегемонистская роль между славянством переносится в Россию» (*Будилович А.* Несколько замечаний о научной постановке славянской истории, ее объеме, содержании и периодах. Юрьев, 1898, с. 14). Нетрудно заметить, что ничего общего с наукой такая постановка вопроса не имела, это была ясно выраженная политическая тенденция подвести теоретическую

базу под желание определенных кругов буржуазии и дворянства объединить славян под властью или влиянием царизма.

²⁶ Позднее А. С. Будилович разъяснял, что роль венгров в разгроме Великой Моравии была «не главная, а случайная, сыгранная не по собственному почину, а по наущению немцев» (*Будилович А. С. Тысячелетие мадьяр. СПб., 1896, с. 7*). Иначе он стал расценивать и факт завоевания Великой Моравии: «Впрочем Великоморавское государство не исчезло в начале X века с лица земли, не утратило своей организации, своей христианской культуры, а только разделилось, притом одна часть его отошла к Чехии, другая к Польше, третья к Хорватии, четвертая к немецкой Восточной марке и сравнительно небольшая степная и центральная досталась в удел Арпадовичам...» (там же). «И их венгерское государство до конца XIII в. явилось органическим продолжением Великоморавского государства» (там же, с. 8). Частая смена мнений у этого крупного славянофильского публициста и ученого является следствием изменения его политической ориентации.

²⁷ *Павинский А. И. Полабские славяне. СПб., 1871.*

²⁸ Там же, с. 57.

²⁹ *Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872.*

³⁰ Ей посвящены с. 19—104.

³¹ *Успенский Ф. И. Первые славянские монархии...*, с. 25; следует отметить, что его наивная этимология слова «славянин» не соответствует современному уровню науки.

³² Там же, с. 29.

³³ Критику подобных представлений дал В. И. Ленин: См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.*

³⁴ *Успенский Ф. И. Первые славянские монархии...*, с. 29.

³⁵ Там же, с. 54. Возможно, что такое толкование возникло у Ф. И. Успенского под влиянием его учителя В. И. Ламанского, который высказал его в своей докторской диссертации. См.: *Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.*

³⁶ К этому времени опубликовал свои первые труды И. В. Лучицкий, показавший, что религиозные войны во Франции носили политический и социальный характер. См.: *Лучицкий И. В. Гугенотская аристократия и буржуазия на юге после Варфоломеевской ночи (до Булонского мира). СПб., 1870; Он же. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. — Унив. известия, Киев, 1870, № 12; 1871, № 1—9.*

³⁷ *Успенский Ф. И. Первые славянские монархии...*, с. 103—104.

³⁸ *Успенский Ф. И. История Византийской империи. Л., 1927, т. 2, ч. 1, с. 418.*

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, с. 420.

⁴¹ Там же, с. 409.

⁴² Там же, с. 417.

⁴³ *Ламанский В. И. Об историческом изучении...*, с. 32.

⁴⁴ *Грот К. Я. Моравия и мадьяры. СПб., 1881.*

⁴⁵ Там же, с. 81.

⁴⁶ Там же. О крепостном праве, видимо, говорить было еще рано. Устанавливалась феодальная зависимость.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. Praha, 1850, d. II, č. 2, s. 162.*

⁴⁹ *Грот К. Я. Моравия и мадьяры, с. 84.*

⁵⁰ Там же, с. 108.

⁵¹ Там же, с. 135.

⁵² Там же, с. 141.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

- 55 Там же.
- 56 Там же, с. 397.
- 57 Там же, с. 399.
- 58 Там же, с. 415. Как показывают новейшие археологические данные, К. Я. Грот был прав. Поселение венгров в среднем Подунавье не привело полностью к уничтожению славянских поселений и славянской материальной культуры, о чем свидетельствуют славянские погребения, а также славянские топонимы позднейшего времени.
- 59 Такая политика полабских славян (можно добавить, и чехов) сама по себе еще ничего не доказывает. Венгры, когда им было выгодно, дружили, например, с германскими герцогами. Так, в середине X в. существовала баваро-венгерская коалиция.
- 60 Грот К. Я. Моравия и мадьяры, с. 324.
- 61 Там же, с. 416.
- 62 Там же, с. 423.
- 63 Перволюф И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Варшава, 1886—1893, т. I—II.
- 64 Перволюф И. Славяне..., т. I, с. 23.
- 65 Советский исследователь Г. Э. Санчук пишет: «Падение Великой Моравии содействовало нарушению целостности славянского поселения в среднем Подунавье, отрыву западных славян от южных. Особенно тяжелым последствием было нарушение экономических, политических и культурных отношений славян с Византией, в которой славянские народы искали опоры против растущего натиска восточнорейнских государств» (Санчук Г. Э. Германочешские отношения первой половины X века. — СС, 1976, № 2, с. 76).
- 66 Зигель Ф. Ф. Общественное значение деятельности св. Кирилла и Мефодия. — В кн.: Мефодиевский юбилейный сборник. Варшава, 1885.
- 67 Впервые такое мнение высказано в начале прошлого века. См.: Розенкампф Г. А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1823.
- 68 Суворов Н. С. Следы западнокатолического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888.
- 69 Соболевский А. И. Церковнославянские тексты моравского происхождения. — Русский филологический вестник, Воронеж, 1900, т. 43.
- 70 Вашица И. Кирилло-мефодиевские юридические памятники. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. М., 1963, вып. 7, с. 30.
- 71 Соболевский А. И. Церковнославянские тексты..., с. 170.
- 72 Там же, с. 159.
- 73 Такую точку зрения высказал чехословацкий ученый И. Вашица: *Vašica J. Origine Cirillo-Methodien du plus ancien code slave dit «Zakon Sudnyj Ijudem.» — Byzantinoslavica*, 1951.
- 74 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896, полутом 38, с. 828.
- 75 Там же, 1903, полутом 76, с. 757.
- 76 Любавский М. К. История западных славян. М., 1917. Второе стереотипное издание вышло в 1918 г.
- 77 Там же, с. 5.
- 78 Там же, с. 24.
- 79 Там же, с. 28.
- 80 Там же, с. 29.
- 81 Там же, с. 30.
- 82 Там же, с. 59.
- 83 Там же, с. 60.
- 84 Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1909—1919, d. I—IV.

**ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В первое послереволюционное десятилетие в советской славистике сказалось преобладание филологического направления¹ — характерной черты дореволюционного периода этой науки². Именно поэтому на начальном этапе развития советской славистики в изучении Великой Моравии были достигнуты успехи преимущественно лишь в области, связанной с филологией и лингвистикой. Видные русские слависты продолжали изучать кирилло-мефодиевское наследие (И. Е. Евсеев, Е. Ф. Карский, П. А. Лавров и др.)³. Их научная деятельность в основном была направлена на реализацию намерений и задач, обозначавшихся еще в дореволюционное время⁴.

И. Е. Евсеев (1868—1921) стал руководителем Комиссии по изданию текстов кирилло-мефодиевской традиции — первой славистической секции в составе советской Академии наук. Научный коллектив во главе с И. Е. Евсеевым продолжил работу этой Комиссии, созданной еще в 1915 г. с целью выработки принципов академического издания кирилло-мефодиевских текстов. В 1920-е годы И. Е. Евсеев со своими сотрудниками подготовил ряд текстов к изданию и составил инвентаризацию имеющегося фонда⁵. Научное значение деятельности Комиссии и самого Евсеева состояло в выработке принципов издания памятников кирилло-мефодиевской традиции. Основными из них были: установление критериев для определения главной редакции памятников, классификации списков на редакции и их датировка, установление связи каждой редакции с определенной стадией общественного развития, определение соотношения перевода с греческим оригиналом. Принципы, выработанные И. Е. Евсеевым, аналогичны тем, которые приняты в современной кирилло-мефодиевской текстологии и заслуживают признания зарубежных славистов⁶.

Академик Е. Ф. Карский (1861—1931) опубликовал большое исследование по кирилло-мефодиевской палеографии⁷, сохраняющее научное значение до сих пор не только в отечественной, но и в мировой славистике. Научное наследие ученого прочно вошло в современное славяноведение и переиздано в 1960—1970-е годы.⁸

Особенное значение имела деятельность П. А. Лаврова (1856—1929). Крупнейший русский славист подвел итог своим многолетним изысканиям в области изучения кирилло-мефодиевской проблемы, издав исследование о значении деятельности солунских братьев для формирования славянской письменности. Продолжив изучение и публикацию рукописей и текстов Жития Константина (Ж. К.), на-

чтуют О. И. Бодянским, он подготовил и издал две рукописи с вариантами⁹ и сделал перевод Жития Константина на украинский язык¹⁰.

Древнейшая рукопись ЖК, содержащаяся в сборнике Духовной академии в Москве (рукопись первой половины XV в.), изданная впервые П. А. Лавровым, положена в основу новейшего издания Жития Константина¹¹. Издатели особенно отметили фундаментальное значение исследований П. А. Лаврова 1920-х годов наряду с трудами О. Бодянского и В. Ламанского¹². В 1920-е годы при Отделении русского языка и словесности работала Славянская научная комиссия, определившая свою задачу как «изучение славянства в историческом, литературном, этнографическом, языковом и других отношениях»¹³. При рассмотрении древнеславянских письменных источников сотрудники комиссии старались выйти за пределы чисто филологического анализа текстов и перейти к их источниковедческому исследованию. Такой путь изучения наметили П. А. Лавров и Н. К. Никольский, доложившие о результатах своих исследований на заседаниях комиссии в 1924—1925 гг.¹⁴ Историографическое значение названных работ нашло признание современных славистов, продолживших изучение проблемы в этом направлении. Значительным вкладом в изучение источников старославянской письменности была публикация проф. Н. К. Грунским «Фрейзингенских фрагментов»¹⁵.

Слависты, занимавшиеся историей Великой Моравии в дореволюционный период, к сожалению, не продолжили своих исследований в этом направлении. Не успел завершить своих работ Н. В. Ястребов (1869—1923).

Академик Ф. И. Успенский (1845—1928) в советский период сосредоточил свое внимание на исследовании истории Византии. Для последующего развития советской историографии по истории Великой Моравии имели значение наблюдения Ф. И. Успенского относительно формирования моравской государственности на основе внутреннего развития моравского населения. Большой интерес представляли вывод о политическом аспекте кирилло-мефодиевской миссии и анализ ее с точки зрения международных отношений в Европе IX в.¹⁶

Ф. И. Успенский имел в виду организовать более глубокое изучение славяно-византийских отношений и с этой целью предпринял попытку организации специального семинара по данной проблеме при Ленинградском университете (в 1922/23 гг.), однако его усилия в этом направлении не получили развития¹⁷.

Для последующего интереса к судьбе Великой Моравии имел определенное значение университетский курс по истории западных славян М. К. Любавского, превосходивший другие дореволюционные курсы (В. И. Щепкина, П. А. Лаврова) и переизданный в советское время¹⁸. Автор относительно полно воссоздал политическую

историю страны, дал очерк моравско-франкских и моравско-византийских отношений, обратил внимание не только на культурные, но и на политические последствия деятельности солунских братьев, на значение Великой Моравии в борьбе с франкским наступлением. Он попытался впервые определить политическую природу «Моравской державы», полагая, что историк имеет дело с «союзом моравских племен», который «не превратился еще в государство»¹⁹. Попытка автора рассмотреть Великую Моравию как зveno в истории славянских политических образований выгодно отличалась от интерпретации некоторых немецких историков, уже тогда склонных искать истоки Великой Моравии в миграции неславянского населения. М. К. Любавский остался на позициях буржуазной науки, в его освещении Великой Моравии сказались традиции дореволюционной славистики, на что уже было обращено внимание. Историографическое значение курса М. К. Любавского свелось к роли учебного пособия вплоть до конца 1940-х годов, о чем свидетельствуют отчеты кафедры истории славян МГУ²⁰.

Подъем советской исторической науки в 1930-е годы, реорганизация исторического образования, потребовавшая издания первого марксистского курса по истории средних веков, имели решающее методологическое и организационное значение для нового подхода к истории Великой Моравии. А. Д. Удадьцов впервые рассмотрел историю Великой Моравии с позиции учения о феодальной социально-экономической формации, высказав гипотезу, что в данном случае мы имеем дело с «союзом моравских племен» на стадии перехода от родо-племенного строя к классовому обществу. Вместе с тем были отмечены роль Великой Моравии в борьбе с феодальной франкской экспансией и политическое значение деятельности Кирилла и Мефодия для становления политической самостоятельности не только моравского, но и других славянских народов²¹. Отсутствие достаточных фактических данных, отрыв от монографических исследований по этой проблеме ограничили возможности автора, который смог высказать лишь общие наблюдения, тем не менее историографическое значение его очерка несомненно. Впервые был намечен материалистический подход к истории Великой Моравии, буржуазной концепции М. К. Любавского в рамках университетского курса была противопоставлена марксистская концепция советской историографии, наметились некоторые проблемы, требующие анализа по источникам, была создана основа для последующего освещения проблемы в учебных пособиях. Авторы последующих изданий курсов истории средних веков следовали за А. Д. Удадьцовым²².

Специальный подход к истории Великой Моравии наметился в конце 1930-х годов в связи с новым этапом развития советской славистики, ознаменовавшимся возникновением славяноведческих центров: кафедры истории западных и южных славян в МГУ и сек-

тора славяноведения в АН СССР. Изучение образования государственности на территории Моравии и Чехии стало одним из направлений советских исторических исследований²³. К монографическому изучению этой проблемы приступил профессор кафедры истории южных и западных славян МГУ Зденек Неедлы²⁴, выдвинувший в АН СССР проблему научного исследования Великой Моравии²⁵. Принципиальное отличие подхода З. Неедлы к интересующей нас проблеме состояло в постановке вопроса о внутренних социально-экономических и политических предпосылках образования Великой Моравии на протяжении длительного исторического развития коренного славянского населения этой территории. Этому служил монографический экскурс в историю чешских и моравских земель, опубликованный несколько лет спустя²⁶. В своем исследовании, по отзыву академика Б. Д. Грекова, автор «создал перспективу для изучения следующего периода истории Чехии — периода становления феодальных отношений и образования чешской государственности»²⁷.

Большим вкладом З. Р. Неедлы была его научно аргументированная полемика с немецкой и чешской националистической историографией. Великую Моравию как звено в образовании феодальной государственности на территории Моравии и Чехии автор рассмотрел в своей монографической статье, считая, что деятельность моравских князей ускорила процесс политической консолидации моравских племен и создала предпосылки для образования Чешского государства²⁸. Следует, однако, признать, что многие проблемы, связанные с монографическим изучением истории Великой Моравии в свете марксистского учения об обществе были лишь поставлены, они еще ждали своего исследования. Историографическое значение работ З. Неедлы в московский период его научной деятельности тем не менее несомненно, оно получило признание в современной историографии.

В 1930—1940-е годы особое внимание историков и славистов к истории Великой Моравии было связано с общим подъемом интереса к истории славян и их роли в борьбе с феодальной немецкой агрессией. Один из крупнейших советских славистов академик Н. С. Державин проявил большой интерес к истории славян в древности и в связи с этим написал очерк истории Великой Моравии²⁹. В этом очерке, к сожалению, была утрачена историческая перспектива в социально-экономическом и политическом развитии Моравии, поскольку допускались не мотивированные определения. Великая Моравия, как и «держава Само», названа «славянским государством», социально-экономическая природа которого не определялась, поскольку автор тогда не располагал необходимым материалом для такого определения. Язык переводов Константина и Мефодия назван безапелляционно болгарским без намека на дискуссионность такого определения³⁰. В целом очерк Н. С. Державина испытал на

себе влияние славистических концепций начала 30-х годов, сказавшихся в деятельности Ленинградского института славяноведения³¹.

В аспекте изучения отдельной славянской страны — Чехии подошел к проблеме Великой Моравии В. И. Пичета в первой из научно-популярных работ по истории славянских стран, изданных Институтом славяноведения³². Поставив вопрос о внутренних процессах, обусловивших образование Великой Моравии, выдвинув тезис о возникновении феодальных Чехии и Моравии из общественного строя военной демократии, автор отдал дань концепции «дофеодального государства», получившей распространение в то время среди некоторых историков СССР. Сложение аналогичного «дофеодального государства» в Чехии и Моравии он отнес к X—XI вв. В Великой Моравии В. И. Пичета усматривал лишь формирование «нового территориального объединения, которое можно назвать зародышем государственных объединений»³³. В очерке по истории Великой Моравии, как и в других разделах книги, имеются пробелы и неточности, однако он сохраняет свое историографическое значение как первый опыт включения истории Великой Моравии в первый, в общем удачный, марксистский эскиз истории Чехии, нацеливший значительный коллектив авторов на создание более обширного труда по истории Чехословакии³⁴.

Вплоть до конца 1940-х годов главное внимание советские авторы уделяли моравско-франкским отношениям, что нашло отражение в научно-популярных очерках. Последние составили часть обширной литературы, посвященной вековой борьбе славянских народов с германским натиском на восток. На материале истории Великой Моравии эту сторону истории воссоздали К. Пушкаревич, Н. С. Державин, З. Р. Неедлы³⁵. Очерки внесли свою лепту в популяризацию героических традиций чешского народа на заре его государственности. Историографическое значение их состояло в постановке проблемы значения внешнего фактора для формирования раннефеодальной государственности на территории Моравии и Чехии.

Исследовательский подход к проблеме внешней политики Великой Моравии обозначился в те годы лишь в работе Н. П. Грацианского о значении деятельности Кирилла и Мефодия³⁶. На основании источников автор показал политическую направленность внешней политики моравских князей. Особенно ценными были очерк международной ситуации и выяснение значения взаимоотношения ведущих политических сил того времени — папской курии, франкской державы и Византии к деятельности Кирилла и Мефодия. Впервые было показано значение Болгарского государства в расстановке политических сил. Выводы автора вошли в историографию проблемы. Важнейшим из его наблюдений была констатация того, что папство по политическим мотивам в целях своего успешного противостояния франкскому духовенству и с целью противодействия установлению

гегемонии Византии сознательно пошло на компромисс с солунскими братьями, став союзником, хотя и весьма непоследовательным, кирилло-мефодиевской миссии. Второй вывод исследователя состоял в том, что деятельность Кирилла и Мефодия, направленная на церковное единство, объективно содействовала сплоченности моравского общества, расширению пределов Моравского государства и вовлечению в круг его влияния соседних славянских областей, что вело к объединению их с Моравией. Автор впервые показал, что именно так надо понимать известные слова Жития Мефодия о том, что вместе с церковными успехами «и моравская страна начала расширять свои границы во все стороны и побеждать своих врагов»³⁷. Славянский язык и славянская письменность в результате деятельности солунских братьев стали, как показал Н. П. Грацианский, мощным двигателем развития славянской культуры, они утверждали самобытное существование славян в Европе и освободили их от духовной опеки иноземцев, позволили им занять выдающееся место в семье европейских народов³⁸. Была дана новая интерпретация источников, особенно житий. Новым было освещение международного положения Великой Моравии. Наблюдения Грацианского содействовали аргументированной полемике с буржуазной историографией по вопросу об оценке моравско-византийских отношений IX в.

На политическое значение полемики с буржуазными учеными обратил внимание советский византиновед Ф. М. Россейкин³⁹. Буржуазные ученые обращали внимание на деятельность солунских братьев в области христианизации и создания славянской письменности, однако согласно их концепции не миссия солунских братьев служила орудием политики, а политика — средством миссии с целью «воплощения в славянах византийского гения». Те ученые, которые готовы были признать политический характер миссии, не ставили вопроса о ее внутренних причинах⁴⁰. Значение работ советских историков, и прежде всего — исследования Н. П. Грацианского, — в доказательстве того, что моравские князья видели в христианизации средство и оправдание своей внутренней и внешней политики.

С конца 1940-х годов, и особенно в 1950-е годы, изучение Великой Моравии в советской историографии стало более полным. Это отражало начало систематического изучения истории феодальной Чехии и Моравии в связи с подготовкой обобщающего труда по истории Чехословакии в Институте славяноведения АН СССР⁴¹, чему содействовало и расширение научных связей между советскими и чехословацкими учеными. Исследования ведущих советских историков по истории Киевской Руси стимулировали постановку проблемы об образовании феодальной государственности в Моравии IX в.⁴²

Большое значение в научном и организационном отношении имела деятельность чл.-кор. АН СССР П. Н. Третьякова. В начале 50-х го-

дов он опубликовал свое исследование по восточнославянским племенам. В этой книге были рассмотрены вопрос об экономическом и общественном строе восточного славянства в VII—IX вв. и проблема возникновения древнейших восточнославянских государств⁴³. Автор заинтересовался ранней историей чешских и моравских земель, взяв на себя написание истории древнейшего периода в истории чешских и моравских земель в коллективной работе⁴⁴. Именно он обратил внимание на большое значение новейших данных чешской археологии для изучения вызревания феодальных отношений в Моравии VIII—IX вв.⁴⁵

Появление новых данных чехословацкой науки о Великой Моравии, особенно в свете раскопок В. Грубого, Й. Поулика и И. Борковского, и начавшаяся дискуссия в чехословацкой историографии о начальной стадии феодализма в Чехии и Моравии⁴⁶ позволили В. Д. Корольку дать очерк по истории Великой Моравии в соответствии с новейшими данными о ней⁴⁷. Новое здесь заключалось в том, что на основании данных археологии, используя косвенные сведения письменных источников и пользуясь методом сопоставления с изучением аналогичных вопросов историками соседних славянских народов, автор пришел к заключению о том, что в Моравии IX в. сформировалось феодальное общество, которое явилось результатом длительного развития местного славянского населения начиная с VI—VII вв. Анализ развития производительных сил позволил сделать заключение о существовании в VIII—IX вв. материальных предпосылок для развития в Моравии феодального строя и о формировании в IX в. антагонистических классов феодального моравского общества. В. Д. Корольк воссоздал внешнеполитическую историю Моравии, показал значение роста франкской агрессии для внутренней консолидации Моравии, проследив борьбу двух центров за объединение государства. Впервые четко были охарактеризованы причины и последствия христианизации Моравии. Автор подчеркнул, что только соответствующее социально-экономическое развитие Великой Моравии IX в. сделало возможным и необходимым введение славянской письменности. Пользуясь результатами и наблюдениями филологов и лингвистов, автор высказал гипотезу, что в основе переводов солунских братьев был не болгарский язык, а общий в то время почти для всех славян язык. Церковная политика Мефодия совпала с объединительной политикой моравских князей.

Очерк В. Д. Королька сыграл положительную роль в разработке проблемы: на основании новых источников он содействовал формированию марксистской концепции по вопросу исторического развития Моравии в свете учения о феодальной формации⁴⁸. Правильность основных наблюдений автора подтвердил анализ результатов исследований чешских и словацких археологов 40—50-х годов, данный П. Н. Третьяковым, который в специальной статье из-

ложил свои мотивированные выводы⁴⁹: 1) попытка некоторых буржуазных исследователей трактовать историю Великой Моравии в аспекте военно-миграционной теории Прейделя⁵⁰ несостоятельна; 2) гипотеза о дофеодалном характере общества и государства неприемлема; 3) Великая Моравия была раннефеодалным государством, она представляла важнейшее звено политической истории раннего славянского и центральноевропейского средневековья; раннефеодалное моравское общество явилось результатом развития местного славянского населения на протяжении не менее двух столетий, в течение которых это общество с патриархально-родовым строем вступило в стадию классового (феодалного) общества; 4) упадок Великой Моравии явился результатом не внутренней слабости, а следствием опустошительного завоевания венгров.

В начале 60-х годов создались предпосылки для более разностороннего и комплексного подхода к изучению Великой Моравии. В области исторической науки сказались результаты интенсивной разработки проблемы ранней государственности Центральной и Юго-Восточной Европы. Особенно значительны были исследования в области истории материальной культуры и социально-экономического развития феодального общества, появился ряд крупных обобщающих исследований, подводивших итог изучению проблемы у отдельных народов и позволяющих перейти к сравнению и наметить типологию исторического процесса. На основе новых работ были отмечены общие закономерности раннефеодалного периода в истории славянских стран. Сравнительное изучение выявило общие закономерности — переход славянских народов от первобытнообщинного строя к феодализму, минуя рабовладельческий строй. Были выяснены материальные предпосылки этого процесса (пашенное земледелие, начало отделения ремесла от сельского хозяйства), определены хронология этого процесса (начало VI—VII в.) и его внутренняя основа⁵¹. Все подтверждало правильность наблюдений, сделанных ранее относительно Великой Моравии. Вместе с тем выяснилось, что отдельные районы Центральной и Юго-Восточной Европы прошли разный путь к феодализму в зависимости от удельного веса рабовладельческого уклада в их истории, что в значительной степени определялось влиянием традиций в их истории. Так оформилась концепция типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе⁵². Исходя из этой концепции Ю. В. Бромлей и В. Д. Корольук отнесли моравские племена наряду со словацкими и паннонскими к тому пути социально-экономического развития, для которого было характерно наличие античного наследия, хотя и в меньшей степени, чем на Балканах⁵³. Этот район, получивший название «контактной зоны», испытал на себе до прихода славян воздействие провинциальной римской культуры. Было показано, что Великая Моравия, сложившись в этой зоне, объединила в себе, по мнению указанных

авторов, несколько не завершивших свое формирование народностей. Принципиальное значение имела также констатация факта, что для раннефеодального периода Великой Моравии характерна совокупность трех главных, взаимосвязанных процессов: становление феодализма, образование раннефеодальной государственности и формирование моравской народности⁵⁴.

Историки обратились к изучению памятников и источников по истории Великой Моравии. Особое место занимает здесь известная публикация Закона судного людем (ЗСЛ)⁵⁵. Тем самым была продолжена традиция исследования древнейшего памятника славянского права в русской историографии, идущая от Н. С. Суворова и А. Н. Соболевского. Известно, что в международной историографии по вопросу о происхождении ЗСЛ бытовали разные теории: болгарская, македонская, моравская⁵⁶. Последняя публикация ЗСЛ чешским ученым И. Вашицей вряд ли может оставить сомнение в значении Моравии для формирования этого исторического памятника⁵⁷. Даже в том случае, если оставить в силе некоторые предположения сторонников болгарского происхождения, все равно, как справедливо было отмечено в историографии, для всех очевидно решающее значение моравского словарного фонда в этом памятнике и значение последнего для Моравии⁵⁸.

Публикация М. Н. Тихомирова приобретает особое значение в связи с особенностью рукописной традиции ЗСЛ. Ни одного списка этого памятника не сохранилось на юге — ни в Болгарии, ни в Сербии; решающее значение имеют списки, сохранившиеся на Руси. Поэтому изучение и классификация всех списков, выделения основных редакций, произведенное М. Н. Тихомировым, признаны в историографии «рубежом в исследовании древнейшего славянского права», это издание рассматривается в настоящее время «как надежная основа для окончательного решения всей сложной проблемы ЗСЛ»⁵⁹.

Начало 60-х годов ознаменовалось заметным подъемом интереса советской историографии к кирилло-мефодиевской проблеме, поводом к чему послужил 1100-летний юбилей славянской письменности.

На V Международном съезде славистов (1963) С. А. Никитин сделал доклад о различных гипотезах ученых по вопросу о времени и месте возникновения славянской письменности, особенно подчеркнув значение болгарских земель в период перехода славянской письменности от глаголицы к кириллице⁶⁰. Н. И. Толстой остановился на значении кирилло-мефодиевской традиции для южнославянской письменности⁶¹. Он отметил закономерность связи славянской письменности с традициями византийской культуры и показал объективные условия формирования интерславянского характера старославянского языка и воспроизведение его в церковнославян-

ском языке. Длительный спор между сторонниками «паннонской» и македоно-болгарской теорий происхождения старославянского языка во многом простирается, как показал Н. И. Толстой, из весьма прямолинейного решения вопроса о соотношении диалекта первоисточника и литературно-славянского языка.

Работы по кирилло-мефодиевской проблематике увенчались в советской историографии составлением капитальной сводной кирилло-мефодиевской библиографии, охватывающей период с 1945 по 1974 г.⁶² Этот многолетний труд научного сотрудника Института славяноведения и балканистики АН СССР И. Е. Можяевой, выполненный по инициативе и под руководством одного из ведущих советских славистов С. Б. Бернштейна, стал прямым продолжением известной библиографии Г. А. Ильинского⁶³ и дополнений, сделанных М. Попруженко и С. Романским⁶⁴.

В новой библиографии дан обзор огромного количества филологических, лингвистических, источниковедческих и исторических трудов (с аннотацией) по кирилло-мефодиевской проблеме — одной из центральных в современном советском славяноведении, занимающемся комплексным, междисциплинарным исследованием истории и культуры славянских народов. Комментарии и аннотации к основным изданиям дают основание заключить о преимущественном интересе советских ученых к вопросам текстологии, истории возникновения литературного языка славян и принципам и приемам переводческой деятельности солунских братьев.

С. Б. Бернштейн в обстоятельном Предисловии дает хорошее основание для ориентации в существе многих дискуссионных вопросов в области современной историографии по кирилло-мефодиевской проблеме. Речь идет прежде всего о датировке начала славянской письменности, о так называемых «русских письменах», о характере и взаимосвязи балканского языка и местного славянского языка, об оценке позиции солунских братьев в решении спорных вопросов между католичеством и православием, о роли франкского духовенства в развитии славянской письменности, об авторстве дошедших до нас древнейших памятников славянской письменности⁶⁵. Некоторые из этих вопросов, как показал автор, остаются дискуссионными, некоторые, с точки зрения советских ученых, уже не могут служить предметом дискуссии (например, пресловутая попытка реабилитации франкских миссионеров в истории христианизации и славянской письменности в Великой Моравии), а для многих вопросов решающее значение приобретает источниковедческое исследование памятников Великой Моравии.

Большой интерес поэтому представляет новая советская публикация перевода текстов житий Константина и Мефодия, предпринятая советским историком Б. Н. Флорей⁶⁶ под названием «Сказания о начале славянской письменности. Обширный и подробный научный

комментарий, полный русский перевод памятников и исследование вводятся в курс исторических и культурных проблем, связанных с Великой Моравией. Особенно следует отметить историографическое значение освещения основных вопросов, связанных с историей этой страны. Четко очерчены социально-экономические и политические причины христианизации Моравии, вскрыты причины формирования славянской письменности в условиях раннефеодального моравского общества. В работе дан очерк основных направлений изучения житий Константина и Мефодия, сделано мотивированное заключение по вопросу об авторстве, времени и основной направленности содержания этих исторических памятников. Новым является рассмотрение их в аспекте острой политической борьбы, происходившей в моравском обществе в IX в., выяснение лейтмотива Жития Константина (создание славянского языка) и Жития Мефодия (защита ортодоксии героя). По-новому интерпретирована история формирования идеи создания славянской письменности, показаны мотивы создания славянской письменности (мотивы византийских господствующих слоев и мотивы солунских братьев). Принципиальное значение имеет констатация и доказательство того, что успех деятельности солунских братьев (во всех областях) был результатом их сотрудничества с господствующим феодальным классом Моравии. Становится очевидной несостоятельность попыток некоторых западнонемецких и австрийских историков приравнять деятельность немецких миссионеров к великому подвигу солунских братьев.

Автор вместе с тем с полным основанием заключил, что культурный переворот в Болгарии в конце IX—X в. «привел к окончательному сложению славянского варианта византийского круга европейской средневековой культуры»⁶⁷.

Большой интерес представляет публикация перевода и анализ «Сказания черноризца Храбра «О письменах» и вывод о его значении для формирования славянской азбуки, о том, что последняя, будучи создана «на основе говоров славянского населения района Солуни уже в Великой Моравии подвергалась ряду изменений в связи с необходимостью учесть и отразить специфику местного языка»⁶⁸.

В итоге обзора советской историографии по вопросу истории и культуры Великой Моравии можно отметить:

1. Советская историография на более широком материале источников (рукописей, хранящихся в советских собраниях) продолжила лучшие традиции русской дореволюционной историографии в выявлении, изучении и научном издании основных памятников по истории и культуре Великой Моравии. Большое научное значение имели работы в этой области И. Б. Евсеева, П. А. Лаврова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Милова, Б. Н. Флори. Исследования советских ученых в этой области получили международное признание и послужили основой для новейших научных изданий за рубежом.

2. На основании изучения новых данных чехословацкой археологии Великой Моравии и сопоставления их с результатами исследований зарубежных и советских археологов и историков дана новая интерпретация социально-экономической и политической истории Великой Моравии как раннефеодального государства (работы П. Н. Третьякова, В. Д. Корольюка).

3. Сформировалась новая концепция моравско-византийских и моравско-франкских отношений: в противовес взглядам буржуазных исследователей дано освещение политического аспекта кирилло-мефодиевской миссии, ее политического и культурного значения в истории формирования самосознания и государственности Великой Моравии, ее значения для судеб славянских народов (работы Н. П. Грацианского, Ф. М. Россейкина).

4. В свете нового методологического подхода дана аргументированная критика националистических немецких, чешских, русских славянофильских концепций (работы П. Н. Третьякова, Б. Н. Флори).

5. История Великой Моравии рассмотрена в аспекте исторического процесса в Чехии и всего региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Впервые на основе материалистической концепции и в свете данных о развитии феодальной социально-экономической формации история Великой Моравии была включена в общие курсы по истории средних веков и по истории Чехословакии (работы А. Д. Удальцова, В. И. Пичеты, В. Д. Корольюка).

6. Завершено издание капитальной библиографии по кирилло-мефодиевской проблеме за 1945—1974 гг. (работа И. Е. Мажаевой).

7. Расширены рамки научного сотрудничества с учеными Чехословакии. Советские ученые использовали большие успехи чешских и словацких археологов в области изучения Великой Моравии. Достаточно указать на публикацию на русском языке трудов крупнейших чешских ученых (Л. Нидерле, З. Неедлы), ведущих специалистов по археологии, истории, языку, праву и культуре Великой Моравии (статьи Й. Поулика, Л. Гавлика, Й. Вашицы, Р. Вечерки)⁶⁹. В чехословацкой историографии нашли признание труды советских ученых⁷⁰.

8. Сотрудничество советских и чехословацких ученых в области изучения Великой Моравии создает благоприятные предпосылки для совместного комплексного изучения раннефеодальной государственности народов Центральной и Юго-Восточной Европы в аспекте типологии раннефеодального общества.

¹ Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. Л., 1968, с. 70; Дьяков В. А. Политическая интерпретация идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (С конца XVIII в. до 1939 г.). — В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 232—260.

- ² Пичета В. И. Советское славяноведение за 25 лет. — В кн.: 25 лет советской исторической науки. М., 1942.
- ³ Королук В. Д. Славяноведческие историографические исследования. — СС, 1967, № 5, с. 40 и след.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Перечень рукописей, подготовленных к изданию И. Е. Евсеевым, см. в работе: Логачев А. И. Отечественная кирилло-мефодиевская текстология за 1910—1920 гг. — СС, 1977, № 4, с. 70.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
- ⁸ Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962; Он же. Славянская кирилловская палеография. М., 1979.
- ⁹ Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, с. 1—36.
- ¹⁰ Лавров П. А. Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві. Київ, 1928.
- ¹¹ MMFH, d. II, s. 57—115.
- ¹² Ibid., s. 57.
- ¹³ Логачев К. И. Отечественная кирилло-мефодиевская текстология. . . , с. 97.
- ¹⁴ П. А. Лавров. — «Сказание о предложении книг у Нестора в отношении к его источникам», Н. К. Никольский. — «Сказание о предложении книг на славянский язык, как составная часть Повести временных лет». О представлении названных докладов на обсуждение Славянской научной комиссии в 1925—1926 гг. подробнее см.: Логачев К. И. Отечественная кирилло-мефодиевская текстология. . . , с. 99. Доклады П. А. Лаврова и Н. К. Никольского вошли составной частью в изданные ими позже труды: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930; Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. — В кн.: Сборник по русскому языку и словесности. Л., 1930, т. II, вып. 1, с. 1—108.
- ¹⁵ Грунски Н. К. Київські листки та Фрейзінгенські уривки (з факсимільними знімками). Київ, 1928; ср.: Isačenko A. V. Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok. Bratislava, 1943.
- ¹⁶ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Л., 1927, т. II, ч. 2, с. 418.
- ¹⁷ Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. . . , с. 72.
- ¹⁸ Любавский М. К. История западных славян. М., 1918, с. 28—30.
- ¹⁹ Там же, с. 29.
- ²⁰ Историки-слависты Московского университета 1939—1979. М., 1979, с. 189.
- ²¹ История средних веков / Под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского, О. Л. Вайнштейна. М., 1938, т. 1, с. 151.
- ²² Семенов В. Ф. История средних веков для учительских институтов. М., 1951, с. 68 и след.
- ²³ Санчук Г. Э. В. И. Пичета и изучение истории Чехословакии. — В кн.: Славяне в эпоху феодализма. М., 1978, с. 85.
- ²⁴ Руколь Б. М. Профессор З. Р. Неедлы в МГУ. — В кн.: Зданек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964; Sančuk G. Přednášky Z. Nejedlého na Moskevské universitě. — Česká literatura, 1978, N 6, s. 514 n.
- ²⁵ З. Неедлы стал ведущим научным сотрудником Сектора славяноведения АН СССР и приступил к марксистскому анализу феодальной государственности в Чехии. См.: Королук В. Д. Московский период в жизни З. Р. Неедлы. — В кн.: З. Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый.
- ²⁶ Неедлы З. Р. История чешского народа. М., 1952, т. 1.
- ²⁷ Греков Б. Д. Предисловие к кн.: Неедлы З. Р. История чешского народа, с. 13.
- ²⁸ Неедлы З. Р. Образование чешского государства. — В кн.: Славянский сборник. М., 1942, с. 81—88.
- ²⁹ Державин Н. С. Славяне в древности. М., 1946, с. 167—178.

- ³⁰ Там же, с. 170.
- ³¹ Горяинов А. Н. Советская славистика 20-х гг. — В кн.: Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981.
- ³² История Чехии / под ред. В. И. Пичеты. М., 1947.
- ³³ Там же, с. 25.
- ³⁴ Миллер И. С., Никитин С. А. (ред.). «История Чехии» под ред. В. И. Пичеты. — ВИ, 1948, № 6; Санчук Г. Э. В. И. Пичета и изучение истории Чехословакии. — В кн.: Славяне в эпоху феодализма, с. 86.
- ³⁵ Пушкаревич К. Чехи. М., 1942, с. 8 и след.; Державин Н. С. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943; Вековая борьба славянских народов с немецкой агрессией / Под ред. З. Р. Неедлы. М., 1944.
- ³⁶ Грацианский Н. П. Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве. — ВИ, 1945, № 1, с. 84—105.
- ³⁷ Житие Мефодия, Х. — В кн.: Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981, с. 99.
- ³⁸ Грацианский Н. П. Деятельность... , с. 110.
- ³⁹ Россейкин Ф. М. Буржуазная историография о византийско-моравских отношениях в середине IX в. — Византийский временник, 1950, т. III, с. 245 и след.
- ⁴⁰ Там же, с. 256.
- ⁴¹ История Чехословакии. М., 1956, т. 1.
- ⁴² Королюк В. Д. Славяноведческие исторические исследования, с. 40.
- ⁴³ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
- ⁴⁴ История Чехословакии, т. 1, гл. 1.
- ⁴⁵ Третьяков П. Н. Любор Нидерле и его «Славянские древности». — В кн.: Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, с. 11.
- ⁴⁶ Н. Р. Научная конференция о характере Великоморавской державы. — ВИ, 1954, № 5, с. 188—189.
- ⁴⁷ Королюк В. Д. Великая Моравия. — В кн.: История Чехословакии, т. 1, с. 18 и след. Раздел о социально-экономическом развитии моравских и чешских племен IX—X вв. написан В. Д. Королюком совместно с Г. Э. Санчуком.
- ⁴⁸ Přehled dějin Československa. Praha, 1958, d. 1; История западных и южных славян. М., 1957.
- ⁴⁹ Третьяков П. П. Новые данные о Великоморавском государстве. — ВИ, 1961, № 5, с. 72—80.
- ⁵⁰ Preidel H. Die von- und frühgeschichte Besiedlung Böhmens und Mährens. — In: Die Anfänge der slavischen Besiedlung Böhmens und Mährens. München, 1954—1957, Bd. I—II.
- ⁵¹ См.: Королюк В. Д. Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.). — В кн.: КСИС. М., 1961, № 33—34, с. 6, 105—112.
- ⁵² Удальцова З. В., Гутникова Е. В. К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе. — В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 12—23.
- ⁵³ Бромлей Ю. В., Королюк В. Д. Славяне и волохи в великом переселении народов и феодализации Центральной и Юго-Восточной Европы (К вопросу о соотношении внутренних и внешних факторов). — В кн.: Юго-Восточная Европа... , с. 24—33.
- ⁵⁴ Королюк В. Д. Особенности становления феодализма и формирования славянских раннефеодальных государств и народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. — СС, 1970, № 5, с. 8.
- ⁵⁵ Закон судный людем / Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961.
- ⁵⁶ MMFH, d. IV, s. 147.
- ⁵⁷ Ibid., s. 147—198.
- ⁵⁸ Застерова Б. Кирилло-мефодиевская миссия и становление Великоморавского государства. — Византийский временник. М., 1977, т. 38, с. 11.

- ⁵⁹ MMFH, d. V, s. 155. Высокую оценку издания М. Н. Тихомирова дал И. Вашица: *Vašica J.* Moskevské vydání kratke redakce Zakona Sudného ljudem. — *Slavia*, 1962, г. 31; *Idem.* Obširna a smíšená redakce Zakona Sudného ljudem. — *Slavia*, 1963, г. 32, s. 251—259.
- ⁶⁰ *Никитин С. А.* Происхождение славянской письменности. — В кн.: КСИС. М., 1963, № 39, с. 25—26.
- ⁶¹ *Толстой Н. И.* Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности. — В кн.: КСИС. М., 1963, № 39, с. 27—39.
- ⁶² *Можаяева И. Е.* Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике 1945—1974 гг. М., 1980.
- ⁶³ *Ильинский Г. А.* Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934.
- ⁶⁴ *Попруженко М., Романский С.* Кирилло-мефодиевская библиография за 1934—1940 гг. София, 1942.
- ⁶⁵ *Бернштейн С. Б.* Предисловие к кн.: Можаяева И. Е. Библиография. . . , с. 1—20.
- ⁶⁶ Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст. пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981.
- ⁶⁷ *Флора Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха. — В кн.: Сказания о начале славянской письменности, с. 54.
- ⁶⁸ Там же, с. 59.
- ⁶⁹ Библиографию указанных работ см. в кн.: *Можаяева И. Е.* Библиография. . .
- ⁷⁰ MMFH, d. II, s. 57—58.

П. РАТКОШ

ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ — ТЕРРИТОРИЯ И ОБЩЕСТВО

О местоположении и размерах государственного образования придунайских славян, получившего название Великая Моравия, о характере славянского заселения и общественном строе на территории этого государственного образования в IX в. в литературе существуют различные и даже противоположные мнения не только потому, что постоянно появляются новые источники, но и потому, что некоторые историки не используют комплексно имеющуюся источниковедческую базу. Историю Великой Моравии (833—906) можно весьма хорошо изучить путем научной интерпретации письменных, лингвистических и археологических источников.

ТЕРРИТОРИЯ

Формирование Моймировского и Прибиновского княжеств

В чехословацкой историографии вопрос о генезисе первых славянских княжеств на Среднем Дунае в первой трети IX в. (Моймировского в долине р. Моравы и Прибиновского в Нитранской области)

из-за недостатка источников остается нерешенным. Все же нам кажется, что процесс образования обоих княжеств продолжал традиции державы Само и завершился падением власти аваров на Среднем Дунае в 791—804 гг.¹ Процесс возникновения княжеской власти у придунайских славян стал имманентной частью освободительной борьбы против аваров, носителями которой стало население, находившееся вне сферы аварского подчинения (севернее области современной Моравии и Словакии).

В 791 г. состоялся подход Карла Великого против аваров, в котором, хотя источники и молчат об этом, очевидно, участвовали моравские славяне как союзники франков. То, что Карл поселил часть покоренных аваров на краю Венского леса, и то, что восточное Моравское поле не вошло в состав Франкской империи, является основанием для гипотезы, что северный берег Дуная уже в 791 г. был занят славянами. О том, что Дунай был до 2-й трети IX в. естественной границей империи франков и княжеств Моймира и Прибины, свидетельствует сочинение «Об обращении в веру баварцев и хорутов»². Из сообщения об изгнании Прибины и его дружины из Нитранского княжества староморавским князем Моймиром I (ок. 833 г.) и о зальцбургской миссии в Нитре у Прибины (ок. 830 г.)³, как и из сообщения утраченных пассауских анналов о крещении «моравян» в 831 г. епископом Пассау Регинхаром⁴, ясно видно, что в первой трети IX в. на Дунае уже существовали два славянских княжества: западное староморавское и восточное — Нитранское. Поскольку всем Нитранским княжеством Прибины где-то в 831—833 гг. овладел князь Моймир I, мы можем говорить со второй трети IX в. об этом расширенном моймировском княжестве как о великоморавском княжестве.

Территориальные размеры Великой Моравии в период Моймира I и Ростислава

Относительно постоянной и естественной границей центра Великой Моравии была южная граница по Дунаю от устья р. Камп по устью р. Ипель и южным склонам Матры, служившая рубежом между Восточнофранкской и Великоморавской державами.

Задунайская область в целом не стала доменом, административно связанным с Великой Моравией⁵. В зальцбургских источниках IX в. старое, римско-административное понимание Паннонии перемежается с франкскими географическими представлениями IX в. и авары отождествляются с гуннами, что вызывает разногласия среди историков.

Если в 870 г. папская курия сделала архиепископа миссии Мефодия организатором паннонской церковной провинции с центром в Сирмии, занятом в середине IX в. болгарами, и если великоморав-

ский князь Ростислав должен был стать светским покровителем нового церковного иерарха, то можно предположить, что какая-то часть так называемой Северо-восточной Паннонии могла уже около 870 г. принадлежать Великой Моравии. Это предположение согласуется с упоминанием о точно не установленном размере присоединенной территории под 858 г., когда Ростислав и Карломан должны были начать обновление пустошей «боев»⁶. Так как Великая Моравия находилась по соседству с доменом баварского графа Карломана на Дунае (по р. Раб), то Ростиславу могла отойти только область «пустошей» северо-восточного Задубавья, т. е. холмы Пилиша с бродами через Дунай. Об этом говорят и архаические венгерские названия (до XII в.) двух поселений: Piliš-Marót и Pusta-Marót (от славянского Морауци), а также другие первоначально славянские топонимы, например: Vyšehrad, Bojná (венг. Bajna), Ostrihom (венг. Estergom), Kostolec (венг. Kestöle), гора Göröc от слав. Grič и т. д.

Предположение о приобретении этой небольшой территории противоречит так называемому Баварскому географу⁷.

Из источниковедческого анализа следует, что архетип Баварского географа возник после захвата Нитранского княжества Моймиром I, т. е. после 833 г., но до 890 г., ибо источник содержит упоминание о самостоятельной Чехии, что могло быть только до 890 г.

Определенная сложность при толковании Баварского географа связана с тем, что после болгар упоминаются еще другие мораване (Merehani) на север от Дуная с 30 civitates. После их упоминания написано: «Земли, соседствующие с нашими границами на север от Дуная». Судя по всему, в первоначальном тексте упоминания о других мораванах еще не было, оно появилось при переписке первоначального текста, где-то в 882—889 гг.

Предположение, что «другие мораване» — это жители южной, сербской Моравии, является неправильным, так как эта Моравия находилась на юге от Дуная. Предположение, что при упоминании первых мораван речь идет о старой Моравии, а при упоминании о других мораванах — о Нитранской области, тоже неправдоподобно, так как и вторая группа мораван в таком случае упоминалась бы перед болгарями, которые вплоть до 881 г. были соседями Франкской империи в междуречье нижней Тиссы и Дуная. Мы считаем, что эти другие мораване тождественны с первыми, но с большим количеством укрепленных центров и с большей территорией, чем в 843 г. Поэтому упоминание о других мораванах нужно считать более поздней вставкой в первоначальный текст, сделанной после 843 г.⁸

То, что Великая Моравия и Болгария до 881 г. граничили где-то в нижнем междуречье Дуная и Тиссы, косвенно вытекает не только из обещания болгарского царя Бориса от 864 г. стать союзником

франков против Ростислава⁹, но главным образом из староанглийской переработки описания восточной «Германии» Оросия, приписываемой королю Альфреду Великому. Это основной источник для определения местоположения и размеров Великой Моравии около 870 г.¹⁰ По сообщению информатора короля Альфреда, Великой Моравии еще не принадлежали ни Вислянское княжество, ни Чехия, ни Лужицы, ни левая сторона среднего Потисья, что отвечает геополитической ситуации до 874 г.

Информатор понимал Великую Моравию (Maroaroland) как ориентировочный центр Дунайской низменности. Соседями Великой Моравии на западе были чехи и часть баварцев, на юг за Дунаем была Хорутания, с другой стороны «Пустого края» — Болгария. И дальше информатор остается в целом точным. На «восток» (правильнее — на северо-восток) от Великой Моравии было Вислянское княжество, на восток от Моравы — Дакия, где, согласно сочинению Альфреда, ранее жили готы. Информатор Альфреда, пребывавший, вероятно, около 873 г. в Регенсбурге, ошибочно поместил далеминцев-гломачей на северо-восток от Великой Моравии (правильно — на северо-запад), на восток от далеминцев он поместил хорватов, на север от далеминцев — сербов. Если не брать во внимание ошибочное размещение далеминцев, то Альфред Великий дал глобальную, в целом объективную картину местоположения Великой Моравии и ее соседей в 873—879 гг., до начала экспансии князя Святополка в Вислянскую область. Описание опровергает мнение пржемысловского летописца Козьмы, согласно которому восточной границей Великой Моравии была р. Грон. Описание доказывает также, что мнение об этой восточной границе мифического княжества Зубура в Нитранской области, высказанное венгерским Анонимом¹¹, для собственной истории Великой Моравии не имеет исторической ценности.

С 833 г. по 874 г. границы ядра Великой Моравии определяются источниками примерно так: на юге — течением Дуная (после 858 г. — включая нагорье Пилиш на правом берегу Дуная), далее — южное подножье Матры до Токайских холмов, далее — возможно, по течению реки Уг; на севере граница совпадала с гребнями Карпат, а на западе — с Чешско-Моравской возвышенностью и р. Камп до Дуная.

«Империя» Святополка — результат территориальной экспансии

После заключения в 874 г. Форшхаймского мира с Людовиком Немским Святополк I (871—894) начал агрессивные «христианизаторские» походы для расширения своей власти за счет славянских соседей на севере. Источник рассказывает о походе в Вислянскую

землю, во время которого архиепископ Мефодий послал обращение к языческому князю вислян, призывая его добровольно креститься. В результате этот князь был крещен насильно как пленник Великой Моравии между 874—885 гг.¹² Вислянское княжество и, вероятно, верхнесилезская область были первыми землями, которые завоевал князь Святополк.

Вскоре для Святополка представилась возможность расширить свою державу на юго-восток. Хорутанский воевода Арнульф интриговал вместе с болгарами против Святополка, своего кума. Когда в 882 г. болгары вторглись в Великую Моравию, войско Святополка изгнало их и захватило не только дунайский «Пустой край», т. е. междуречье Дуная и Тиссы¹³, но и территорию на левой стороне среднего Потисья, включая речной путь торговли солью на нижнем Мароше. Присоединение этих земель дало возможность Святополку следить за возможными передвижениями дружин древних мадьяр вдоль Дуная, контролировать франкских послов и болгарских торговцев солью. Эту территорию Константин Багрянородный назвал «некрещеная Великая Моравия», очевидно, это была та территория, которую посетил в 882—884 гг. архиепископ Мефодий, где он встретился с дружиной одного древнемадьярского предводителя¹⁴ и откуда на территорию Болгарии попали из Великой Моравии некоторые ученики Мефодия¹⁵.

Приобретениями в Потисье не исчерпывались устремления Святополка. В 883—884 гг. он в ответ на интриги Арнульфа предпринял ряд опустошительных походов против франкской части Паннонии, но не сумел укрепить там свое положение и на переговорах с императором Карлом III, вероятно, обещал, что не будет вести экспансию в Задунавье¹⁶.

Другой областью, где временно создались благоприятные условия для расширения военно-политического влияния великоморавского князя Святополка, была собственно Восточная Марка, ослабленная внутренней борьбой за власть, и ее пограничье на правом берегу р. Камп. Но и в этой области Святополк I не стремился к окончательному присоединению имперской территории; это говорит о том, что военные акции Святополка против Франкской империи имели ответный, оборонительный характер.

Более успешный, но временный характер имела также экспансия Святополка в Чехию. Около 890 г. ему удалось превратить Чехию в провинцию Великой Моравии. Этот политический шаг Святополка, обязавшегося при этом платить дань, был одобрен королем Арнульфом¹⁷. Из более позднего сообщения Титмара вытекает, что Святополк попытался расширить свою державу также за счет области верхнелужицких гломачей-далеминцев и, вероятно, сербов¹⁸.

Константин Багрянородный упоминает Великую Моравию в связи с переселением древних мадьяр («тюрков») в 896 г. и, прежде всего,

с местоположением этих «тюрков» ок. 945 г. Поэтому его сообщение о древних мадьярах, на север от которых должны были быть печенеги, на юг — Великая Моравия, а в направлении Карпатских гор — белые хорваты, как и другое сообщение о «некрещеной Великой Моравии» Святополка, которая должна была находиться на север от Белграда и Срема (с точки зрения Константинополя), в левом Потисье, в области рек Криш, Марош и Темеш, отвечает, вероятно, геополитической ситуации до 896 г.¹⁹ На Потисье, как на владение Великой Моравии при Святополке, косвенно указывает и арабский источник — так называемая «Анонимная реляция», где соседями древних мадьяр на (нижнем) Дунае считаются болгары (Nandaz), а за (Карпатскими) горами — мораване-христиане (Mrwat, Mrdat)²⁰; источник этой информации также нужно отнести ко времени до 896 г.

Приведенные сообщения источников показывают, что Святополк I создавал свою империю постепенно, в результате экспансии, распространяя свою власть на Чехию, Вислянскую область и, вероятно, также на Силезию и Лужицы, на «Пустой край» между Дунаем и Тиссой и на Затисье.

Распад территориальной целостности великоморавской «империи»

После смерти Святополка I почти во всех присоединенных землях поднялась волна протеста местных князей и их дружин. Это можно видеть на примере чешских пржемысловцев, которые признали в 895 г. вассальную зависимость от Восточно-Франкской империи и даже были готовы в 897 г. выступить против моймировичей²¹. Утрата Чехии была тяжелым ударом для князя Моймира II. За потерей Чехии логически последовала утрата области современных лужицких сербов, которые в 897 г. также признали зависимость от франков²². Возможно, что с утратой Чехии и Лужиц связана также потеря Силезии. Соседнее Вислянское княжество, вероятно, были единственной областью, которая оставалась и дальше в союзе с Великой Моравией, что косвенно следует из хроники Адама Бременского²³.

Сведения о покорении Великой Моравии древними мадьярами в основном содержатся в труде Константина Багрянородного²⁴. С ними совпадают сообщения как западнофранкского хрониста Регинона²⁵, так и неизвестного автора «Жития Наума»: «Венгры опустошили их страну. . . страна их осталась во власти венгров»²⁶.

Не может быть сомнения, что с 896 г. древние мадьяры постепенно занимают восточные области бывшей державы Святополка и ядра Великой Моравии, ускорив тем самым падение власти моймировичей. С захватом военными отрядами древних мадьяр Потисья были поставлены под угрозу торговые коммуникации и в Паннонии. Был

прегражден путь доставке соли по Тиссе. Однако еще в 899 г. на территории уменьшенной Великой Моравии папа Иоанн IX установил моравскую церковную провинцию с одним архиепископом и тремя епископами²⁷. Поэтому можно предположить, что в это время территория Великой Моравии простиралась на север от гребня горы Матры до русла Дуная, на восток от р. Камп и Чешско-Моравской возвышенности и до р. Уг.

Решающим в распаде государственной власти династии моймировичей и, прежде всего, опоры княжеской власти — дружины — был 907 г., когда пала власть враждовавших между собой моймировских князей, которые уже не упоминаются в числе участников баварско-мадьярских битв под Братиславой летом 907 г.²⁸ Вероятно, тогда древние мадьяры захватили Земплин, затем — южные склоны Буковых гор и Матры. Позже они продвинулись от нижнего течения Ипеля через Западнорусскую низменность за Малые Карпаты. Древнемадьярские дружины опустошили главные великоморавские центры и их окрестности как в южной части Словакии, так и в юго-восточной Моравии, что видно по археологическим раскопкам²⁹. Часть их дружин осела среди покоренного славянского населения на нижнем течении Вага, Грона и Ипеля.

Внутреннее деление территории Великой Моравии

Ядро Великоморавского государства без насильственно присоединенных окраин при Святополке I состояло с 833 г. из двух основных областей: западной, моймировской, и восточной, бывшего княжества Прибины. Археологи установили, что после вступления моймировцев в Нитранское княжество его центры, как, например, Победим на правом берегу Вага или Чингов на Спише, исчезли³⁰. Хотя приближенные Прибины бежали из Нитранского княжества, большая часть населения осталась, сохранились также и определенные следы административной самостоятельности, восстановленной в 867—870 гг., когда великий князь Ростислав уступил Святополку удел на восток от своего домена³¹. Это деление было возобновлено, вероятно, при разделении власти между сыновьями Святополка I — Моймиром II и Святополком II в 894—896 гг. Если в 880—885 гг. в Великой Моравии были две церковно-административные области, которыми управляли Мефодий и Вихинг, то в 899 г. папские легаты при поддержке князя Моймира II создали из ядра Великой Моравии моравскую церковную провинцию с архиепископом во главе и тремя подчиненными ему епископами (один из них определенно был в Нитре), т. е. с четырьмя диоцезами³².

В политической жизни раннефеодального великоморавского государства куда более важной составной частью внутреннего государ-

ственного управления, чем Нитранское удельное княжество или же формирующиеся церковные диоцезы, были градские жупанства, которые можно отождествить с 11 укрепленными центрами (*civitates*) моравян, упоминающимися у Баварского географа на северной границе Каролингской империи до 843 г. и 30 укрепленными центрами в 882—890 гг.³³ В протографе этого источника термин *civitas* означал прежде всего укрепленный центр-град. Однако конкретная идентификация первых 11 градов в Великой Моравии представляется затруднительной, кроме таких, как Нитра, Братислава и Девин³⁴, или же агломерация в Микульчицах и Старом Месте. Сюда можно включить и такие поселения, как Угерске Градиште, Зноймо-Градиште, Оломоуц-Градиште, Кирхберг-над-Штильфридом (на Моравском поле), Новоград, Вышеград, Земплин и Турна. Этот перечень скорее всего отражает положение на 843 г. Если же сюда прибавить другие известные поселения: Старе Место, Райград, Петрова Лука у Страхотина, Пржедмости у Пржерова, Шаптин, Тренчин, Теков, Бреков, Гарадна³⁵, не считая градов в присоединенных Вислянской и Силезской землях, то можно приблизиться к указанному числу в 30 укрепленных центров и городов.

Позднее термин *civitas* стал обозначать градскую жупу. Это обозначение кажется оправданным и потому, что дороги, соединявшие градские центры в Словакии и Моравии, называются «градскими» до сих пор. Можно с достаточной уверенностью предполагать существование термина «жупа» в Великой Моравии, ибо с ним связана должность жупана (первоначально жъпанъ, с XI в. — *špan*)³⁶.

Когда началось распространение частной собственности на землю, известной в Нитре в 828—830 гг.³⁷, и когда под властью наследственного князя территория начала делиться на отдельные административные и податные, военные и судебные единицы, между ними стали возникать межи или хотары. Межа показывала населению границы жупы. Лишь так можно объяснить метонимический перенос значения западнославянского термина «медза» в венгерский язык (*mégye*) в значении «комитат» (жупа). Поскольку самим межам в равнинных и холмистых областях намеренно придавалась форма густых зарослей³⁸, специально сторожили лишь проходы в них, главным образом в пограничных областях. В гористых областях межи приспособляли к естественному рельефу местности.

В соответствии с географическими условиями отдельные жупы делились на более мелкие поселения простого населения в рамках региона (словац. *vidiek*, диал. морав. *vidík*), что напоминает организацию силезско-польского «ополья»³⁹. *Vidiek* делился на первичные территориальные единицы — общины, которые подобно немецким маркам складывались из «дедины», т. е. полевой и луговой части, из пастбищ и лесов, вод и дорог. На территории общины находилось основное поселение, часто с культовым центром и дру-

гими более мелкими поселениями. В основном поселении сосредоточивалась политическая жизнь общины, во главе которой стоял совет старейшин, подобный русскому «вече» во главе со старостой⁴⁰. В соответствии с потребностями дела общины обсуждались на собрании глав отдельных семей, которое называлось «обец» (рус. «мир»)⁴¹.

Кроме больших сельских поселений, существовали укрепленные усадьбы вельмож с резиденцией феодала, жилищами крепостных и рабов, иногда также и с собственным храмом и жилищем священника.

Сложным вопросом является также административное управление укрепленных городов, таких, как микульчицкие Валы, Старе Место и Нитра. Мы не знаем, осуществляла ли тогдашняя общественная верхушка свою власть над агломерацией как целым, или же агломерация могла иметь самоуправление, возможно, расчлененное в соответствии с ее составными частями. Может быть, эту проблему смогут решить археологи.

ОБЩЕСТВО

Аварское завоевание нарушило первоначальную племенную организацию славян в Дунайской низменности. Для органов племенной демократии у славян также не было теперь условий; самым низшим организационным звеном общества в этот период остается соседская община, которая в целом пережила все политические перемены VIII—XI вв. как на территории Моравии, так и Словакии.

Имущественная дифференциация

Частная собственность (*proprietas*) князя Прибины в Нитре⁴² является единственным свидетельством принципиального значения общественной дифференциации, которая более четко проявляется в инвентаре захоронений. Можно возразить, что разное количество оружия и драгоценностей, обнаруженных в погребениях, говорит лишь о личном имуществе умершего, которое не должно быть источником или результатом эксплуатации. Однако несомненным является то, что положенные в гроб драгоценности и оружие были сделаны ремесленниками, поставлявшими оружие и украшения в качестве товара или прибавочного продукта. Справедливо при этом предположить, что определенная часть украшений и оружия могла принадлежать лишь лицам более высокого положения и их семьям.

Такие вещи, как меч на поясе с коваными украшениями, встречающиеся сравнительно редко, явно были личной собственностью, обладание которой подчеркивало отличие свободных, паделенных властью, от несвободных, подчиненных; к топорам и ножам это не относится. При интерпретации функции пояса с мечом необходимо

исходить также из письменных свидетельств: на синоде в Майнце в 852 г. франкский феодал Альбгис, бежавший в Великую Моравию, был осужден за похищение замужней женщины, он должен был отправиться в изгнание и, если «у него отберут военный пояс», то должен остаться без жены⁴³. Это показывает, что военный пояс с мечом являлись частью амуниции князей и знати, т. е. были типичным знаком принадлежности к свободным, богатым и эксплуататорским группам населения.

Сокровища были видом имущества, которое отличало княжеский род и его дружину от народных масс. Сокровища нельзя рассматривать только как военные трофеи или приобретения путем торговли; часть их, безусловно, возникла в результате реализации прибавочного труда и прибавочного продукта эксплуатируемых масс.

Социальная дифференциация

Население Великой Моравии было социально дифференцированным. Это население обозначается старославянским термином «чадь» в значении «народ»⁴⁴. Соответствующий ему латинский термин *populus* встречается и в более узком значении для обозначения свободных или же дружинных людей. Так, в 898 г. произошли раздоры между князьями и их *populus*'ом, т. е. свободными сторонниками того или иного князя. В 899 г. баварцы освободили из заключения Святополка II и его *populus* — дружину⁴⁵.

Во главе великоморавского общества стояли члены княжеского рода, которые назывались по первому известному в письменных источниках князю Моймиру I (ок. 825—846) моймировичами. Фульдские анналы, «Обращение в веру баварцев и хорунтан» используют для обозначения положения Моймира I, его преемников, а также Прибины латинский термин «*dux*»⁴⁶.

В латинских источниках 830—906 гг. восточнофранкского происхождения великоморавские князья обозначаются чаще всего термином «*dux*», но встречаются также термины «*princeps*», «*regulus*» и «*rex*»⁴⁷. Папские грамоты обозначают Святополка как «*rex*», «*princeps*», «*comes*»⁴⁸, в греческом источнике употребляется титул «*ἄρχων*»⁴⁹, в арабских — *raisu-g-ruaza*⁵⁰, в персидских — «*malik*»⁵¹, а в старославянских текстах — *кнѧзь*⁵².

В связи с обозначением *кнѧзь* нужно привести и другое значение этого термина — «благородный вельможа»⁵³. Для объяснения содержания термина *кнѧзь*-вельможа можно использовать верхнелужицкое «*knez*» в значении «господин», а также словацкий архаизм, известный лишь в женском роде «*kňahuňa*» — «вельможная, благородная»⁵⁴. Латинские источники обозначают группу вельмож термином «*iudices*» или «*primates*», имея в виду княжеский совет⁵⁵. Княжеские вассалы обозначались термином «*nobiles*», «*viri fideles*»⁵⁶.

От вельмож следует отличать дружинников князя, которых можно отождествить с обнаруженными при археологических раскопках людьми в гробах с остатками конской сбруи, т. е. с «milites» — воинами, которые упоминаются в период споров великого князя Ростислава и удельного князя Святополка в 870 г. и во время похода Святополка против язычников⁵⁷. Термин «propulus» иногда следует понимать как воинский эскорт князя, например, при освобождении Святополка II и его людей, находившихся в заключении в Баварии в 899 г.⁵⁸

На уровне вельмож-советников князя находились военачальники. Высшим из них был надворный жупан (палатин), о котором сообщает ибн Руст под термином «sbandz»⁵⁹. Можно предположить, что служилые слои лично свободного населения (подобные франкским министриалам) подчинялись отдельным жупанам — магистрам, известным, в частности, в Хорватии, а позже — в Венгрии⁶⁰. По аналогии с хорватскими отношениями можно предполагать при княжеском дворе Моймировичей, кроме надворного жупана, коморных шпанов, разбросанных по княжеству, жупана (шпана) стольников, оруженосцев и, вероятно, конюших, наличие немалого числа храбрых витязей-конников. Для княжеской охоты создавались специальные службы во главе с княжеским сокольником и псарем. К низшему слою господствующей верхушки принадлежали начальники небольших воинских отрядов: сотники, старшие (десятники) и лица, ведавшие сбором десятины для снабжения военных отрядов⁶¹.

К господствующему слою, несомненно, относилось высшее духовенство (архиепископ Мефодий, епископ Вихинг), а также священник, член княжеской семьи Славомир, проповедник Горазд, Ян из Венеции, который в 873—879 гг. по поручению Святополка I вел дипломатические переговоры. К господствующему слою можно отнести архипресвитеров, управляющих приходами в крупных центрах, и низший клир местного славянского и баварского происхождения, который стоял во главе приходов вне крепостей. Число клира в 880 г. могло доходить до 300 человек⁶². Уже в этот период священником не мог стать без соответствующего разрешения выходец из народных слоев, зависимых от князя, вельмож или духовного феодала.

Большую часть великоморавского общества составляли лично свободные народные массы. Кроме лично свободных (прежде всего общинников), которые были обязаны в период военной опасности сражаться в войске, в Великой Моравии существовали крепостные, прикрепленные к земле (домену) своего господина. Они обрабатывали свой надел собственными орудиями труда. Существовали также слуги-рабы, не имевшие собственных орудий труда и жившие в резиденции своего господина; будучи отпущенными на свободу, они могли перейти лишь в разряд крепостных.

Существование массы свободного населения отразилось в папской грамоте 880 г., согласно которой патронат св. Петра и его представителя (папы) предоставлялся князю Святополку с его верными благородными мужами и со всем «народом страны»⁶³. Вероятно, в этом сочетании термин «народ» (*populus*) не совпадает с понятием «население». Из последнего надо исключить бесправных рабов-слуг и, конечно, крепостных. Под «народом» здесь понимается полностью или же частично свободная часть населения, которая хотя и платила князю подати и несла военную повинность, но считалась правомочной принять патронацию св. Петра.

Несколько по-иному употребляется термин «народ» в грамоте папы Стефана V (осень 885 г.), в которой разрешается употребление славянского языка при толковании Нового завета «*ad simplicis populi et non intelligentis edificationem*»⁶⁴. Здесь речь идет как о крепостных, так и о рабах-слугах.

В юридических источниках, в основу которых положены переводы текстов с греческого (Закон судный людем, далее — ЗСЛ) или с латыни (Заповеди святых отец), также есть свидетельства о дифференциации великоморавского общества, однако они менее убедительны, чем оригинальные тексты великоморавского происхождения. Тем не менее нельзя обойти то место из ЗСЛ, где упоминаются с правом на долю добычи в первую очередь «жупаны», после них приводятся особо отличившиеся воины «или кметы или простые люди» (не знатные, но лично свободные), которых нужно вознаградить из княжеской части добычи⁶⁵. Это показывает, что термин «простолудин» означал простого крестьянина-общинника, а под термином «кмет» скорее всего следует понимать старейшину, имевшего в рамках общины судебную и, возможно, военную власть.

Определенной проблемой остается проблема рабов, так как старославянские источники хотя и знают термин «раб»⁶⁶, но употребляют его в значении «слуга» (*servus*), а во множественном числе «рабы» можно понимать также в значении «*servi*» — крепостные. Группу рабов у Ростислава в Великой Моравии и у Коцела в Задунавье фиксирует ЖК, гл. XV, где сказано, что Константин потребовал от обоих князей отпустить на свободу 900 «пленников»⁶⁷. Античному «*mancipium*» ближе всего по содержанию соответствует термин «пленник» — раб без собственных орудий производства. Из позднейшей практики в Моравии и Словакии известно, что отпущенный на свободу раб становился крепостным. Часть таких отпущенников называли в Великой Моравии термином «душники», т. е. подаренные церкви за спасение души светскими феодалами рабы, которые оставались в наследственной крепостной зависимости⁶⁸.

В Великой Моравии существовало также неземледельческое население, которое можно разделить на три основные группы:

1) слуги (дворовые, душники и т. п.),

2) ремесленники (гончары, кузнецы, щитники, плотники, ткачи, виноделы, медовары и т. п.),

3) лица, выполнявшие определенную службу (лесные сторожа, охотники, ловчие, псары, сокольничьи, конюхи, рыбаки и т. п.)⁶⁹. Из приведенных групп ни одна (кроме душников) не состояла только из крепостных или рабов-пленников. Эти группы включали в себя как часть лично свободного населения, пользующегося землей в рамках общины, так и часть крепостных, посаженных на землю вне резиденции феодала и обладавших орудиями производства.

Генезис неземледельческого населения отражается частично и в венгерских географических названиях; эти топонимы, славянские по генезису, говорят за то, что происхождение этих групп населения можно связывать с развитием экономики в IX в.

Характеристика государственной власти в Великой Моравии

Во главе великоморавского государства стоял великий князь. Он делился своей властью с более молодым членом династии. Характер власти князя можно назвать деспотическим. Он опирался на действенную помощь церковных институтов и христианскую идеологию. Князья при необходимости созывали узкий совещательный орган — совет⁷⁰, членов которого источники называют «советниками» или «судьями», что указывает на функции совета (прежде всего в спорах между вельможами).

Более широким совещательным органом при князе был сейм⁷¹, в котором, кроме членов совета, участвовали правители отдельных жуп (жупаны) и представители военных дружин. Следует предполагать, что в княжеском совете и на сейме с середины IX в. участвовали также представители духовенства. Важнейшим актом сейма было избрание моймировича — священника Славомира воеводой в период освободительной борьбы в 871 г.

На репрессивную функцию моймировского государства в союзе с церковью внутри страны указывают переводы западных и византийских законодательных актов. Можно предполагать тесное сотрудничество жупанов и клира при наказании политических противников изгнанием на окраины страны. Великоморавский государственный аппарат, исполнительная силой которого были дружины, выполнял прогрессивную роль в борьбе за независимость Великой Моравии и в дипломатической деятельности, направленной против экспансии соседнего Восточно-Франкского королевства. В результате экспансии при Святополке I был истощен военный потенциал, поэтому государство не сумело защитить от набегов древних мадьяр ни юго-восточные области в 896—906 гг., ни даже главные центры, расположенные недалеко от р. Моравы. Поэтому процесс формирования

(велико)моравской народности в восточной части Великой Моравии прекратился. В западной части, в собственно Моравии, этот процесс шел еще во время пястовско-пржемысловских споров в начале XI в., но и здесь после окончательного присоединения к пржемысловскому чешскому государству он постепенно ослабевал. Великоморавские славяне, жившие на восток от р. Моравы, в X в. вошли в состав венгерского государства. В последующие века эти славяне формировались как угнетенная словацкая народность («subiugati Slavi» Анонима, 1200 г.). Картина социальной дифференциации и государственной власти дает основание оценивать великоморавское общество и государство как раннефеодальные.

- ¹ MMFH, d. I, s. 38—39; PDVM, s. 66—68.
- ² MMFH, d. III, s. 310—311; PDVM, s. 82, 402.
- ³ MMFH, d. III, s. 310—312; PDVM, s. 82, 402—403.
- ⁴ PDVM, s. 331; MMFH, d. IV, s. 307.
- ⁵ Л. Гавлик (*Havlík L. Velká Morava a středoevropsťi Slované*. Praha, 1964, s. 253—270) придерживается противоположного мнения, которому, однако, противоречит присутствие Арнульфа в Блатнограде (ср.: MMFH, d. I, s. 117—119; d. III, s. 21, 78).
- ⁶ MMFH, d. I, s. 337; PDVM, s. 118.
- ⁷ MMFH, d. III, s. 285—291.
- ⁸ В PDVM (s. 128—129) мы датировали архетип 815—817 гг., что теперь представляется ошибочным.
- ⁹ MMFH, d. III, s. 146—147; PDVM, s. 91—92, 108, 156—157.
- ¹⁰ MMFH, d. III, s. 28—34; PDVM, s. 131—133.
- ¹¹ *Scriptores rerum Hungaricarum*. Budapest, 1937, t. 1, p. 33—117; PDVM, s. 365—370, 447—453.
- ¹² MMFH, d. II, s. 154—156; PDVM, s. 242.
- ¹³ MMFH, d. II, s. 154—155.
- ¹⁴ MMFH, d. II, s. 160—161; PDVM, s. 244.
- ¹⁵ MMFH, d. II, s. 233; PDVM, s. 313—354.
- ¹⁶ MMFH, d. I, s. 111—117; PDVM, s. 99—101, 415—417.
- ¹⁷ MMFH, d. I, s. 117, 121, 137—138; PDVM, s. 102—103, 139, 417—419, 425.
- ¹⁸ MMFH, d. I, s. 156; PDVM, s. 328—329.
- ¹⁹ MMFH, d. III, s. 323—401; PDVM, s. 287—296.
- ²⁰ PDVM, s. 301—308; MMFH, d. III, s. 343—348, 425—429.
- ²¹ MMFH, d. I, s. 124; PDVM, s. 104, 419.
- ²² MMFH, d. I, s. 123; PDVM, s. 104, 419.
- ²³ MMFH, d. I, s. 172; PDVM, s. 330.
- ²⁴ См. примеч. 19.
- ²⁵ MMFH, d. I, s. 132—140; PDVM, s. 139, 425.
- ²⁶ MMFH, d. II, s. 179; PDVM, s. 270.
- ²⁷ CDES, d. I, s. 32—35.
- ²⁸ PDVM, s. 117, 380—382.
- ²⁹ *Chropovský B. Na úsvite dejín*. Bratislava, 1970, s. 119—182; *Eisner J. Slovensko v pravéku*. Bratislava, 1933, s. 277—282.
- ³⁰ *Významné slovanské náleziská na Slovensku*. Bratislava, 1978, s. 159—167; *Bialeková D. Osídlenie oblastí so surovinovými zdrojmi na Slovensku*. — *Archaeologia historica*, 1978, r. 3, s. 11—15.
- ³¹ MMFH, d. I, s. 101—102.
- ³² CDES, d. I, s. 32—37.

- ³³ MMFH, d. III, s. 285—291.
- ³⁴ PDVM, s. 82, 91, 117; MMFH, d. I, s. 98; *Ratkoš P.* Civitas Dowina — slovenský Devín. — HC, 1970, s. 337—346.
- ³⁵ *Havlík L.* Velká Morava a středoevropští Slované. Praha, 1964, s. 82—103; Významné slovenské náleziská na Slovensku, s. 32, 40, 46, 133, 217, 253.
- ³⁶ *Knieza I.* Magyarország népei a XI. században. Szt. István Emlékkönyv. Budapest, 1938, t. II, s. 399—412; *Idem.* Středověké české listiny. Budapest, 1952, s. 69.
- ³⁷ PDVM, s. 93, 402; MMFH, d. III, s. 312.
- ³⁸ PDVM, s. 130—131.
- ³⁹ Mały słownik kultury dawnych słowian. Warszawa, 1972, s. 276.
- ⁴⁰ *Marsina R., Kušik M.* Urbáre feudálnych panstiev. Bratislava, 1959, t. II, s. 49, 56.
- ⁴¹ Slovenský letopis (Skalica), 1886, r. VI, s. 142.
- ⁴² MMFH, d. III, s. 126—313.
- ⁴³ MMFH, d. IV, s. 34—35; CDES, s. 8, č. 8.
- ⁴⁴ PDVM, s. 94—95; 412; MMFH, d. I, s. 104.
- ⁴⁵ PDVM, s. 104, 420; MMFH, d. I, s. 125—126.
- ⁴⁶ MMFH, d. III, s. 90, 93, 97, 103—104, 108, 112, 114, 117—121, 135, 237, 310; CDES, s. 9, č. 10.
- ⁴⁷ MMFH, d. I, s. 36, 138, 139.
- ⁴⁸ CDES, s. 23, 27.
- ⁴⁹ *Moravcsik G.* Bíborbanszületett Konstantin a birodalom kormányzósa. Budapest, 1950, s. 180.
- ⁵⁰ MMFH, d. III, s. 346.
- ⁵¹ MMFH, d. III, s. 428.
- ⁵² MMFH, d. II, s. 154.
- ⁵³ MMFH, d. II, s. 98.
- ⁵⁴ *Dorula J.* Slováci v dejinách jazykových vzt'ahov. Bratislava, 1977, s. 22—23.
- ⁵⁵ CDES, s. 25, č. 30; MMFH, d. I, s. 116.
- ⁵⁶ CDES, s. 25, č. 25.
- ⁵⁷ PDVM, s. 242; MMFH, d. II, s. 156.
- ⁵⁸ MMFH, d. I, s. 125—126; PDVM, s. 104.
- ⁵⁹ Źródła arabskie do dziejów Słowianszczyzny. Warszawa; Kraków, 1977, t. II, cz. 2, s. 108.
- ⁶⁰ Codex diplomaticus et epistolaris regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Zagreb, 1967, t. I, p. 3—6.
- ⁶¹ *Pécs A.* Magyarország bányamívelésének története. Budapest, 1884, t. I, s. 493—497.
- ⁶² MMFH, d. II, s. 102—154, 218, 227; PDVM, s. 226, 241, 346, 351.
- ⁶³ CDES, s. 24, 30.
- ⁶⁴ CDES, s. 29, 35.
- ⁶⁵ PDVM, s. 247; MMFH, d. IV, s. 180.
- ⁶⁶ Житие Константина, XVII; Житие Мефодия, VIII.
- ⁶⁷ PDVM, s. 227; MMFH, d. II, s. 105.
- ⁶⁸ *Kučera M.* «Dušníci» najstaršia skupina poddanského obyvateľ'stva na našom území. — Historica, 1958, r. IX, s. 165—179.
- ⁶⁹ PDVM, s. 94, 412; MMFH, d. I, s. 102.
- ⁷⁰ MMFH, d. II, s. 99; PDVM, s. 224; CDES, s. 25, č. 30.
- ⁷¹ О существовании сейма в Великой Моравии косвенно свидетельствует Житие Мефодия, гл. XI, где сказано, что Мефодий принял Святополк «со всеми моравянами» и поручил его попечению церкви и клир во всех городах (MMFH, d. II, s. 154; PDVM, s. 241).

Перевод А. И. Виноградовой под редакцией Г. П. Мельникова

Л. ГАВЛИК

ГОСУДАРСТВО И ДЕРЖАВА МОРАВАН

(К вопросу о месте Великой Моравии
в политическом и социальном
развитии Европы)

Предлагая вниманию читателей данный очерк политического и общественного развития Великой Моравии, считаем необходимым оговорить, что речь идет о кратком резюме итогов исследования. В этой связи мы можем лишь кратко охарактеризовать главное направление развития и наиболее существенные моменты внешнеполитического положения Моравии, кратко остановиться на характеристике общественной и государственной структуры моравского общества¹, оставляя за пределами очерка анализ этнического развития Моравии².

МОРАВИЯ МЕЖДУ ФРАНКСКОЙ ИМПЕРИЕЙ, ВИЗАНТИЕЙ И РИМОМ

Вопрос о том, в какой степени моравское государство было наследником державы Само, остается дискуссионным. Нам представляется, что держава Само распалась на меньшие политические образования. Моравская государственность оказалась в поле зрения зарубежных хронистов, особенно в связи с походами Карла Великого против аваров. Что касается наименования «Великая Моравия», то его можно отнести только ко времени Святополка I, хотя уже в предшествующий период речь шла о мораванах и Моравии. Наименование «Великая Моравия» ввел в оборот Константин Багрянородный в сочинении «Об управлении империей» (гл. 13, 38, 40). Это обозначение затем появилось в легенде Успение Кирилла (XIII в.).

Центр тяжести политического, общественного и культурного развития Моравии приходится, несомненно, именно на вторую половину IX в. Тем не менее термин «Великая Моравия», «Великоморавская держава» применяется к большей части IX в. и к началу X в. Однако источники употребляли в большинстве случаев простое обозначение *Морава*, *Моурава*³, *Моравѣска(ѣ) земѣ*⁴, *Moravia*⁵, *Maroara*⁶, *Mwr'w*⁷, *M-ráwa(t)*⁸, *Mirwát*⁹, *M-r-dát*¹⁰, *Maravia*, *terra Maravorum*¹¹, *regnum Margorum*¹², *regnum Marahensium*¹³ и др. Территория Моравии, которую следует отличать от более широкого понятия «Великая Моравия» или «Великоморавская держава», была заселена народностью, которая сама себя называла и другими имено-

валась мораванами: *Моравиане*, *люди Моравьштии*¹⁴, *Marvani*¹⁵, *Marharii*, *Merehani*¹⁶, *Margi*¹⁷, *Marau*¹⁸, *Maravenses*¹⁹, *Maravi*²⁰, *gens Maraensium*²¹, *Marahi*²², *Marahenses* или *Mari*²³, *Marahenses* *Slavi*²⁴, *Slavi Margenses*, *Marahenses*, *Margentes*, а также *Marauani*, *Marahabitaе*, *gens Maraheusium*²⁵. Моравой обозначалась территория между Есениками (*saltus Marahorum*) и Дунаем, точнее северным берегом реки. На западе широкая полоса в 100 км лесного массива Чешско-Моравской возвышенности отделяла мораван от чехов, а так называемая учредительная грамота Пражского епископства говорит о восточной границе Моравы на р. Ваг (ок. 1030 г.).

Территория Моравии охватывала около 40 тыс. кв. км, на ней жило не менее 300 000 человек. Вопрос о том, в какой степени территорию, расположенную восточнее, т. е. Нитранскую область, можно именовать Моравией, остается дискуссионным. Нам представляется, что следует учитывать следующие сведения. Так, имя тамошнего князя (до 833 г., когда он был изгнан моравским правителем Моймиром I) звучало Привина, что дословно означает «сын от другой жены» (*priviginus*). Имя это наводит на мысль о том, что в данном случае речь шла, возможно, о моравском удельном князе. Следует обратить также внимание на обозначение «королевства (мн. ч.! — Л. Г.) Мораван», «королевство, которое имел Святополк»²⁶. Равным образом и обозначение «Мораване над Дунаем»²⁷ имеет в виду мораван ниже по Дунаю, по аналогии с Верхней и Нижней Паннонией. Нет сомнения, что употребление термина во множественном числе в некоторых источниках (*Вышьнии Моравѣ*, *Вышьнии Моравы*, *Моравьскыи страны*²⁸) имеет в виду как Нитру, так и Моравию. Некоторые позднейшие сообщения также употребляют множественное число: *Mesie occidentales*²⁹. Еще несколько столетий спустя (в 1556 г.) Нитранская область была обозначена В. Лациусом как *Nieder Marhern* — «Нижняя Моравия»³⁰.

В развитии внешнеполитических отношений государства мораван в раннесредневековой Европе можно проследить несколько главных направлений. Первое из них составляет отношение Моравии к восстановленной незадолго до этого Римской империи на западе³¹. На основании «*Ordinatio imperii*» (817 г.) можно сделать вывод о том, что в отличие от Чехии, а также сорбского Полабья, Паннонии и территории аваров Моравия была в те времена вне интересов империи и не входила в ее сферу. Визит моравских послов к императору в 822 г. во Франкфурте свидетельствует лишь об установлении контакта Моравии с императором на Западе, как светским главой римского универсума. Не исключено, что именно в результате этого визита стала возможной усиленная деятельность по христианизации славян со стороны баварских миссионеров. Заслугу в этом отношении приписывало себе Пассауское епископство, предпринявшее попытку (в 831 г.) официальной христианизации мораван. Из сообще-

ний, относящихся к позднему времени, нам известно, что в Моравии были учреждены архипресвитеры³². В Нитре развернули деятельность представители Зальцбургского архиепископства³³.

Несколько иначе выглядят отношения Моравии с Западной империей в свете данных «*Divisio imperii*» (843 г.), поскольку восточнофранкский король Людовик выступил с претензией на установление своего суверенитета над Моравией. От этих претензий он не отказался в течение всей своей жизни. Ему, правда, удалось добиться успеха в своих домогательствах в первые годы правления Ростислава (846—870), тем не менее его последующие претензии и натиск потерпели неудачу (855, 869 гг.) и увенчались получением от моравского князя некоей присяги в так называемой «межгосударственной верности»³⁴, что представляло собой, по существу, пакт о ненападении³⁵. При этом моравяне активно выступали против восточнофранкского короля, они поступали так и в Восточной марке, и в Паннонии, о чем говорят Бертинские и Фульдские анналы³⁶. Внутриполитический кризис в Моравии позволил франкскому государю лишь временно занять моравскую территорию, поскольку сопротивление со стороны Моравии, возглавленное Славомиром, привело вскоре к освобождению страны от франков и баварцев. Моравский престол занял Святополк I (871—894), который одержал над франками несколько побед. О том, чем кончились попытки со стороны восточнофранкского короля возобновить прежний «договор о ненападении»³⁷ и добиться дани, источник (Фульдские анналы) умалчивает.

Стремление к установлению контакта и союза с Византией в 862—863 гг. послужило основой для другого направления во внешнеполитических актах Великой Моравии. Ростаслав добился в Константинополе от византийского (восточноримского) императора санкции на свое самостоятельное церковное положение, заручившись поддержкой в борьбе против восточнофранкского короля, заключившего союз с Болгарией. Тем не менее пожелание моравян прислать епископа и создать самостоятельную церковную организацию по-прежнему оставалось неосуществленным.

Непреходящая заслуга византийской миссии братьев Константина Философа и Мефодия состоит в их культурной деятельности, поскольку в результате ее Моравия стала первым центром письменности и образования всех славянских народов³⁸. Немалой заслугой моравских просветителей явилось установление контакта с римским папой и последующее его углубление. Это имело особое значение, поскольку папа претендовал на роль духовного главы всего христианского мира, возвышавшегося над обоими римскими императорами (восточным и западным)³⁹.

Политические отношения Моравии с Римом в период правления Ростислава и Святополка послужили основой для нового направле-

ния внешней политики. Ростислав закрепил принадлежность соответствующей территории к западной части римского универсума; в 869—870 гг. удалось добиться учреждения архиепископства, которое стало функционировать в Моравии с 873 г.⁴⁰

Святополк I стал еще более последовательно проводить антифранкскую политику и так же, как его предшественник, стремился к укреплению связей с Римом, видя в нем особенно важную опору в борьбе за осуществление своих планов, направленных на усиление самостоятельного положения Моравского государства. При содействии архиепископа Мефодия Святополк I получил в 880 г. в Риме подтверждение самостоятельного положения своей страны, что сопровождалось пожалованием патроната св. Петра. Патронат св. Петра приобретал особое значение, поскольку играл роль противовеса претензиям Западной империи и расчетам Восточнофранкского королевства. Провозглашение Святополка I «единственным сыном» папы свидетельствовало о его месте в планах папского Рима и в его политике по отношению к Империи, оказавшейся во власти франков. Рим подтвердил право на существование отдельного моравского архиепископства с последующим подчинением ему епископств, создание которых предполагалось в дальнейшем (прямо говорилось о епископстве в Нитре, в качестве возможных предполагалось еще два епископства). Рим дал разрешение также на использование местного языка (в его старославянском моравском варианте) и азбуки (глаголицы) в литургии, хотя при этом подчеркивался и оговаривался приоритет латинского языка⁴¹.

Учитывая римский патронат, возобновленный и подтвержденный еще раз спустя пять лет вместе с согласием на королевский титул⁴², следует оценивать тот *modus vivendi*, который удалось моравскому князю установить с 884 г. с западноримским императором и королем франков⁴³.

Внешняя политика Великой Моравии на этом этапе получила идеологическую поддержку со стороны Рима. Открылась перспектива христианизации окружающих славянских земель, что создавало благоприятные условия для усиления и расширения власти моравского государя. Появилась возможность расширения границ Моравского государства за счет таких областей, как Силезия, южная Польша (Вислянско), сорбское Полабье, Чехия, Потисье, часть Паннонии, оказавшихся в результате под властью Моравии⁴⁴. Так образовалась в 874—885 гг. Великоморавская держава, что нашло отражение в упоминавшемся сообщении Константина Багрянородного, впервые употребившего название «Великая Моравия». Современник Святополка Моравского англосаксонский король Альфред Великий также выделил в своем описании стран Моравию, которая служила для него ориентиром для локализации соседних с ней областей и стран. В Житии Мефодия отмечается, что *Моравска*

область пространства нахдтъ вса страны и врагы своа побѣжати и съ непогрѣшеніемъ ⁴⁵.

Римская ориентация Великой Моравии и действия франкско-баварского клира содействовали вытеснению старославянской литургии из практики моравской церкви. Это стало происходить особенно интенсивно после смерти Мефодия. При его преемнике Горазде тенденция привела в конечном счете к изгнанию славянского духовенства из Моравии и узурпации архиепископства нитратским епископом Вихингом ⁴⁶.

После смерти короля Святополка I при его преемнике Моймире II (894—?) Великая Моравия пережила процесс дезинтеграции: отпала Чехия (895 г.), полабские сорбы (897 г.), в Потисье закрепились венгры (896 г.) ⁴⁷. Regnum Moravorum вновь оказалось в границах собственно Моравии и Нитранской области. О Силезии и Вислянской земле мы уже не имеем сведений. Моймир II попытался, правда, выступить против чехов в 896 г., однако ему удалось только на время установить свою власть (в роли защитника) над Восточной ⁴⁸ маркой. Новая консолидация моравского государственного организма наметилась в 899—900 гг. в связи с усилением внешнеполитической ориентации Моравии на Рим. В Рим стала поступать значительная денежная сумма (так называемая «дань св. Петра»). В связи с этим папа поддерживал и обновил моравскую церковь и подтвердил назначение архиепископа и трех подчиненных ему епископов ⁴⁹. Эта церковная организация существовала еще около 910 г., о чем можно судить на основе сообщений пассауского епископа Пильгрима, а также данных анналов ⁵⁰. Из сообщений позднейших источников ⁵¹ следует, что только при Генрихе I Птицелове около 924—925 гг. в связи с венгерским вторжением последовал упадок власти моймировской династии, вместе с тем пришли в упадок и епископства. Мораване стали платить дань Венгрии ⁵².

Темный период в истории Моравии, наступивший в X в., выглядит уже неким эпилогом и закатом былого величия. До нас дошли разрозненные, единичные сведения, которые могут свидетельствовать лишь о том, что моравский государственный организм не был уничтожен полностью. Трудно судить о Моравии того времени: в результате крайне тяжелого положения, в котором оказалась Моравия ввиду крайнего сокращения ее территории и в результате заслона, который образовали венгры, отгородившие Моравию от внешнего мира, она стала выпадать из поля зрения окружающих ее современников. Лишь в 40-х годах X в. появляется сообщение (аль-Масуди) о том, что в Моравии, в области у Дуная поселилось много венгров, а в 976 г. упоминается о существовании моравского епископа. Около 1000 г. Моравией завладел польский князь Болеслав Храбрый. Чешский князь Олдржих занял Моравию где-то перед 1030 г. Затем он передал ее в правление своему сыну Бржети-

славу, что по существу положило конец прежнему положению Моравии и возвестило о начале нового периода ее истории уже в системе чешского государственного образования Пржемысловцев.

(ВЕЛИКО)МОРАВСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Картину внутреннего устройства моравского общества, создавшего свой государственный организм и определившего облик Великой Моравии в целом, можно кратко обрисовать следующим образом⁵³. Прежде всего, нужно констатировать наличие крупной земельной собственности, явившейся результатом экспроприации и представлявшей собой с самого начала средство эксплуатации в форме присвоения части прибавочного продукта в виде натуральной ренты и барщины в пользу формирующегося высшего слоя моравян, которые утвердили и закрепили в стране свою власть. Земельная собственность, базирующаяся на эксплуатации непосредственного производителя, оказалась сконцентрированной в руках господствующего класса и государства, которое представлял государь, захвативший в свои руки верховную власть и монопольное право распоряжаться всей собственностью. Крупная земельная собственность в корпоративной или государственной форме принадлежала лишь меньшей части общества, которая с помощью своей власти над этой собственностью получила возможность эксплуатировать другую (большую) часть общества. Эта государственная земельная собственность стала приобретать со временем фискальный характер, стала превращаться частью в собственность правящей династии, служить источником пожалований⁵⁴.

Лично свободные члены сельских общин («свободный», «простий людье», «простъ людинъ», *simplex populus*⁵⁵), в экономическом отношении самая многочисленная и самая важная часть населения, в правовом отношении были зависимы от государства и государя. Их наследственная поземельная собственность в рамках сельских общин представляла собой, с точки зрения государства, простое держание. Свободные общинники имели свои права (участие в войне, участие в суде и в собраниях, право на долю при дележе добычи) и обязанности (несение службы, участие в строительстве крепостей, дорог и т. п., натуральные повинности — «оброкъ»⁵⁶), которые по отношению к верховному собственнику (государю) приобретали характер публично-правовой феодальной ренты. Последняя, насильно взимаемая в пользу господствующего класса и государства или лица, представляющего этот класс, являлась выражением зависимости членов общин, выражением их экономической эксплуатации. Существовала крупная частная земельная собственность государя и династии (*proprietas*). С точки зрения государства держанием

являлась также крупная частная поземельная собственность (*possessiones*) вельмож. Поземельная собственность была связана с дворами-усадьбами («села») ⁵⁷, иногда представлявшими собой укрепления (*castella*) ⁵⁸. Эту землю обрабатывали несвободные люди, отчасти посаженные на землю (в целом они именуются «раби», *челадъ*, лат. *mancipia*, *familia*), которые выполняли для своих господ (*господы*, *господини*) повинность — отработочную ренту (*работи*). В частное временное условное держание государь давал часть фискальной поземельной собственности, особенно публично-правовой ренты в общинах и в усадьбах. С установлением ренты в пользу отдельных лиц свободные люди стали утрачивать часть своих публичных (общественных) прав, они стали постепенно переходить в частно-правовую сферу и, таким образом, из их рядов стал пополняться слой феодально-зависимых людей. В эту категорию входили также невольники-рабы, посаженные на землю. Рост этой категории был связан и с заселением деревень и усадеб, опустошенных в ходе франко-баварских вторжений. Этим новым населением были пленники и сервы из земель, завоеванных Святополком I. Существовали и другие категории феодально-зависимых людей, такие, как *дълъжници*, *мъдъници*, *доушници*, *свободници* (освобожденные рабы).

Господствующий класс состоял из аристократии во главе с государем (*владыка*) и привилегированного слоя людей, связанных с двором, династией и аристократией ⁵⁹. Во главе государства находилась династия Моймировцев. В местной среде глава династии именуется *кѣназь*, что для того времени означало то же, что герм. *chuning* или лат. *rex*. Новое наименование *кѣраль* стало употребляться в IX в., причем только для франкских государей ⁶⁰. Восточные источники называют моравских князей «малик» и «падшах», греческие — «(ме-гас) архон», латинские — *rex*, *princeps*, *regulus*, *dux*. Государь правил с советом (*сѣѣтъ*), привлекая также других князей ⁶¹. Источники далее упоминают вельможей (*nobiles viri*, *primates*, *optimates*, *вельмажи* ⁶²) и других привилегированных лиц, которых уже трудно отличить от предшествующих (*чѣстьнии*, *чѣстьви*, *добро-родънии* и *богатыи мажи*) ⁶³, к ним очевидно, относится и «*porulus terrae*» или «*porulus*» Святополка ⁶⁴, которому в моравских источниках соответствуют термины *людье странъ моравьскыи*, *людье наши* ⁶⁵. Все они обозначались как *вѣрнии* (*fideles*) своего государя ⁶⁶.

Центром государственного управления был государев двор ⁶⁷. В деятельности администрации принимали участие служащие высшей и низшей степени. Это были прежде всего жупаны ⁶⁸, позже иногда отождествляемые с «*comites*», некоторые из них стояли во главе жуп, отождествлявшихся с областями вокруг значительных центров. Низшими служащими были обычно *кѣмети* ⁶⁹, выполнявшие такие же функции, как сотники и центархи в других землях ⁷⁰, среди про-

чего — и судебные функции⁷¹. Значительная роль принадлежала дружине (*чадь*)⁷², состоявшей из знатных вельмож (*друцъ богатъ*⁷³) и оруженосцев (*слоузы*⁷⁴). Защиту страны и наступательные военные действия обеспечивало войско⁷⁵ во главе с военачальниками (*воевода*⁷⁶). Государственная организация заботилась о мерах, направленных на аккумуляцию средств, обеспечивающих существование государства. Имеются сведения о распространении обычая созывать собрания свободных моравян. Такие собрания происходили эпизодически, лишь в особо важных случаях, когда нужно было обсудить неотложное дело и высказать свое отношение к нему, дать согласие на то или другое решение.

Во второй половине IX в. в Моравии можно уже отметить наличие относительно стабильного государственного аппарата, располагающего всеми необходимыми признаками, присущими государственной организации, хотя иногда некоторые функции последней были развиты слабо. Характерной чертой раннесредневековой моравской монархии явилось образование на ее основе обширной державы. Вслед за франко-баварскими нашествиями, когда ощущался недостаток прибавочного продукта, а с другой стороны, возросла потребность удовлетворить запросы государства и обеспечить существование в новых условиях, господствующие слои моравского общества стали организаторами внешней экспансии, мотивируя ее необходимостью христианизации соседних стран. В действительности в основе завоевательных походов было стремление получить добычу и гарантировать себе дань с соседних народов, а также по возможности захватить как можно больше земельных владений, и в конечном счете включить их в моравскую государственную систему.

Великая Моравия, однако, не пошла далее установления экзархических (административно-территориальных) даней и определенной зависимости местных князей, причем в захваченных землях размещались моравские гарнизоны, назначались князья-наместники, а с местного населения взималась дань. До полной узурпации земельной собственности, до насаждения собственных моравских порядков в захваченных землях дело не дошло, хотя наличие военных гарнизонов и взимание дани, бесспорно, было первым шагом в этом направлении.

На основании данного краткого очерка перед нами вырисовывается, несомненно, классовое общество на его ранней стадии. Но встает вопрос: к какому типу классовых образований следует отнести это общество?

Моравское общество не может быть отнесено к типу рабовладельческих, поскольку решающим экономическим фактором его существо-

вания стала эксплуатация свободного населения, простых людей, находящихся в зависимости от государя. Вместе с тем нельзя недооценивать и удельный вес рабского труда, который использовался в этом обществе. Лишь с течением времени, в процессе феодализации, моравское общество приобретает элементы западноевропейского, так называемого классического феодального организма. При характеристике моравского общества и государства, как нам представляется, не следует ограничиваться чертами, характерными для феодализации типичного западноевропейского общества раннего средневековья. Как нам представляется, в историографии до сих пор недостаточное внимание было обращено на сравнение имеющихся у нас данных по интересующей нас проблеме с теми результатами, которые получены учеными в итоге изучения восточного типа феодального общества⁷⁷. Такое сравнение, как мы полагаем, дает возможность по-новому осветить важные моменты, относящиеся к проблеме генезиса феодализма и государства в Моравии⁷⁸.

В свете новейших исследований в изучении проблемы генезиса феодализма⁷⁹ следует сделать вывод, что существовало, собственно говоря, два главных типа раннефеодального общества в Европе и в Азии. Оба эти типа были основаны в общественном и экономическом отношениях на насильственной эксплуатации непосредственных производителей — крестьян. Первый тип был основан на крупной поземельной собственности частного характера — это был западноевропейский тип феодализма. Второй тип был основан на крупной поземельной собственности государственного характера, собственником выступал господствующий класс в целом. Это был восточный тип феодализма. Оба указанных типа в социальном и экономическом отношениях были равноценными: прибавочный продукт в обоих случаях экспроприировался у непосредственных производителей посредством насилия⁸⁰.

Раннесредневековая социальная и государственная структура моравского общества во многом аналогична восточному типу феодализма. Несмотря на явное наличие в моравском обществе некоторых черт раннего феодализма восточного типа, следует иметь в виду, что в Моравии развивались также социально-экономические феномены, аналогичные некоторым явлениям западноевропейского ареала феодализации. В моравском обществе явно преобладали феодальные производственные отношения. Ввиду их весьма неразвитых форм, а также их сочетания с элементами рабства в Моравии развивалось общество, которое некоторые ученые считают моравской моделью раннефеодального славянского общества и государства. Полагаю, что моравское общество второй половины IX в. правильнее было бы охарактеризовать как общество, соответствующее первой или старейшей фазе раннего феодализма. Социально-экономическое развитие последующих государственных организмов, отчасти или пол-

ностью вобравших в себя территорию бывшей Великой Моравии, т. е. Чехии, Польши и Венгрии, следует рассматривать уже как вторую, более прогрессивную фазу раннего феодализма⁸¹.

- ¹ Гавлик Л. Ранняя стадия развития феодализма в Моравии. — СС, 1975, № 1, с. 37—55; Havlík L. E. Morava v 9. až 10. století. K problematice politického postavení, sociální a vládní struktury a organizace. Praha, 1978, s. 42—85.
- ² Об этом см.: Гавлик Л. Моравская народность в эпоху раннего феодализма. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 156—185.
- ³ MMFH, d. II, s. 101, 143—145, 164—166.
- ⁴ MMFH, d. II, s. 166, 178.
- ⁵ MMFH, d. II, s. 127.
- ⁶ MMFH, d. III, s. 337.
- ⁷ MMFH, d. III, s. 127.
- ⁸ MMFH, d. III, s. 406.
- ⁹ MMFH, d. III, s. 423.
- ¹⁰ MMFH, d. III, s. 426.
- ¹¹ MMFH, d. I, s. 118, 119.
- ¹² MMFH, d. I, s. 67—69.
- ¹³ MMFH, d. I, s. 136, 138.
- ¹⁴ MMFH, d. II, s. 153, 157.
- ¹⁵ MMFH, d. I, s. 50.
- ¹⁶ MMFH, d. III, s. 287.
- ¹⁷ MMFH, d. I, s. 67—69.
- ¹⁸ MMFH, d. III, s. 310, 318.
- ¹⁹ MMFH, d. I, s. 32, 143.
- ²⁰ MMFH, d. I, s. 111—113, 118—123.
- ²¹ MMFH, d. IV, s. 34.
- ²² MMFH, d. IV, s. 119, 400—401.
- ²³ MMFH, d. I, s. 163—170.
- ²⁴ MMFH, d. I, s. 103, 106, 108, 138, 139, 163.
- ²⁵ MMFH, d. I, s. 85—130.
- ²⁶ MMFH, d. I, s. 102—103.
- ²⁷ MMFH, d. III, s. 310.
- ²⁸ MMFH, d. II, s. 164—167.
- ²⁹ MMFH, d. IV, s. 404—405.
- ³⁰ MMFH, d. IV, s. 379.
- ³¹ Об этих отношениях см.: Havlík L. E. Velká Morava a franská říše. — HS, 1963, т. 8, s. 129—180; ср. коммент. к нарративным источникам в кн.: MMFH, d. I, IV.
- ³² MMFH, d. II, s. 98—101.
- ³³ MMFH, d. III, s. 312—316.
- ³⁴ MMFH, d. I, s. 98.
- ³⁵ Dekan J. Začiatky slovenských dejín a Ríša veľkomoravská. Bratislava, 1951, s. 84; Vaněček V. Über die Aussenpolitik des Mährischen Staates. — In: Das Grossmährische Reich. Praha, 1966, s. 288.
- ³⁶ MMFH, d. I, s. 73—76, 96—99.
- ³⁷ Vaněček V. Über die Aussenpolitik. . . , S. 291; установление fidelitas и уплата вознаграждения не могут свидетельствовать о подчинении. Например, Византия платила аналогичное вознаграждение хорватскому князю, Людовик IV платил венграм точно так же, как и Генрих Птицелов. Приведенные факты не служат, однако, основанием для заключения о подчинении соответствующих стран.

- ³⁸ *Dvorník F.* Les Slaves, Byzance et ome au IXe siècle. Paris, 1926; *Idem.* Byzantine Missions among the Slavs. New Brunswick, 1970; *Vavřínek V.* Církevní misie v dějinách Velké Moravy. Praha, 1963; *Macurek J.* La mission byzantine en Moravie au cours des années 863—885 et la porte de son héritage dans l'histoire de nos pays et de l'Europe. — In: *Magna Moravia*. Praha, 1965, p. 17—70; *Гейл Ф.* Византийское посольство в Великую Моравию на политическом фоне тогдашней Европы. — *Ibid.*, s. 86—119; *Havlík L. E.* Constantine and Methodius in Moravia. — *SFFUPB*, 1964, č. 11, r. XIII, s. 27—50.
- ³⁹ *Lapotre A.* L'Europe et le Saint-Siège. Paris, 1895; *Dvorník F.* Les Slaves. . . , p. 268; *Havlík L.* The Relationship between the Great Moravian Empire and the Papal Court in the Years 880—885 A. D. — *Byzantinoslavica*, 1965, r. 24, p. 100—116.
- ⁴⁰ Das Pannonische Erzbistum im 9. Jahrhundert im Lichte der wechselseitigen Beziehungen zwischen Papsttum und den Ost- und Weströmischen Imperien. — In: *Annales Instituti Slavici*, 9, 1976, S. 45—60.
- ⁴¹ Подробнее об этом см.: *Dvorník F.* Les Slaves. . . , p. 268; *Vaněček V.* Über die Ausenpolitik. . . , s. 294; *Havlík L.* Der päpstliche Schutz und die slavischen Völker. Zur Problematik der den Herrschern in den Leandero Südost-, Mittel- und Osteuropa Mewahrten päpstlichen patronatus (protectio). — *Annales Instituti Slavici*, 1969, 11/2, S. 10—32; *Idem.* The Roman Privilege «Industriae tuae» for Moravia (1100-th Anniversary). — *Cyrillomethodianum*, 1983, VII, p. 23—37.
- ⁴² «Святополк был возведен в достоинство короля» (MMFH, d. I, s. 138; d. IV, s. 385).
- ⁴³ MMFH, d. IV, s. 380—381.
- ⁴⁴ *Havlík L.* Územní rozsah Velkomoravské říše v době posledních let vlády krále Svatopluka. — *Slovanské štúdie*, 1960, r. 3, s. 9—76; *Idem.* Morava. . . , s. 31—34; *Ratkoš P.* Die grossmährischen Slawen und die Altmagyaren. — In: *Das Grossmährische Reich*, S. 227—256; см. также: *Grafenauer B.* Karantansko kraljevstvo i Dolnja Panonija u velkomoravsko razdoblje Srednjego Podunavlja. — In: 10. zasedání československo-jugoslavské historické komise. Beograd, 1976, где автор относит всю Паннонию к Каринтии; *Havlík L. E.* Panonie ve světle franských pramenů 9. století. — *Slavia Antiqua*, 1971, r. 17, s. 1—36, автор показал временную власть Святополка над частью Паннонии.
- ⁴⁵ MMFH, d. II, s. 154.
- ⁴⁶ Представляется ошибочным мнение (*Dvorník F.* Byzantské misie. . . , s. 202 n.) о профранкских симпатиях Святополка I, основанное на Житии Клементя.
- ⁴⁷ Константин Багрянородный говорит, что венгры поселились на территории Великой Моравии по рекам Тиссе, Темеш, Тут, Муреш, Гриш, Кёреш (MMFH, d. III, s. 394—399). Петиция баварских епископов замечает, однако, что моравяне сами селили у себя много венгров (MMFH, d. III, s. 232—244); ср.: *Ratkoš P.* La conquete de la Slovaquie par les Magyars. — *Studia historica Slovaca*, 1965, r. 3, p. 7—57.
- ⁴⁸ MMFH, d. I, s. 121—129.
- ⁴⁹ MMFH, d. III, s. 232—244. Архиепископство отождествляется с Моравией, причем одним из епископств была Нитра. Локализация двух других неясна.
- ⁵⁰ *Havlík L. E.* Moesie a listy pasovského biskupa Pilgrima. — *Jižní Morava*, 1972, r. 8, s. 7—20.
- ⁵¹ MMFH, d. I, s. 147; d. II, s. 45; *Видукинд Корвейский.* Деяния саксов. М., 1975, с. 80.
- ⁵² Подробнее об этом см.: *Havlík L. E.* Slované a Mad'ari ve středním Podunají v IX—X. století. — In: *Studia hungarica Bohemoslovaca*. Brno, 1984, t. I.
- ⁵³ Подробнее об этом см.: *Havlík L. E.* Velké pozemkové vlastnictví na Moravě v 9. století. — *Slovácko*, 1978, t. XX, s. 15—20.
- ⁵⁴ Подробнее об этом см.: *Havlík L. E.* Morava. . . ; *Idem.* Moravská společnost, její struktura a organizace v 9. století. — *Slavia Antiqua*, 1980, r. 27, s. 1—42.

- ⁵⁵ MMFH, d. IV, s. 141, 180, 190; d. II, s. 161—163; d. III, s. 225.
- ⁵⁶ MMFH, d. IV, s. 180.
- ⁵⁷ См. примечания 53, 54.
- ⁵⁸ MMFH, d. I, s. 102—103; d. IV, s. 178.
- ⁵⁹ *Havlík L. E. Moravský stát a jeho vládní organizace v 9. století. — Slavia Antiqua*, 1971, r. 28, s. 71—112.
- ⁶⁰ *Wiekі średnie*, Warszawa, 1962, s. 57 n.
- ⁶¹ MMFH, d. II, s. 98; d. I, s. 116.
- ⁶² MMFH, d. I, s. 98, 129; d. II, s. 168—176; d. III, s. 199—208.
- ⁶³ MMFH, d. II, s. 61, 91, 101, 161—162.
- ⁶⁴ MMFH, d. III, s. 199—208, 217—225.
- ⁶⁵ MMFH, d. II, s. 157, 168—176.
- ⁶⁶ MMFH, d. III, s. 199—208, 217—225.
- ⁶⁷ *Z polskich studiów sławistycznych*, 1972, 4, s. 67—82.
- ⁶⁸ MMFH, d. IV, s. 180, 191; в форме «súbandž» упоминается Ибн-Рустом (MMFH, d. III, s. 346). П. Поуха (*Poucha P. Avarská problematika. — In: Studia Balkanica Bohemo-Slovaca. Brno*, 1970, d. I, s. 42) термин «жупан» выводит из китайского *šu-ban*, т. е. служащий.
- ⁶⁹ MMFH, d. IV, s. 180.
- ⁷⁰ См.: Дуклянская летопись, IX; Винодолский статут, 5, 26, 61.
- ⁷¹ MMFH, d. IV, s. 178—179, 184—185; d. III, s. 199—208.
- ⁷² MMFH, d. II, s. 147—150, 168—176.
- ⁷³ MMFH, d. II, s. 153—154.
- ⁷⁴ MMFH, d. II, s. 70—75, 112—115.
- ⁷⁵ *Chos P. S mečem a štítem. Praha*, 1957 s. 57—58.
- ⁷⁶ MMFH, d. IV, s. 180.
- ⁷⁷ Феодализм. — В кн.: Сов. ист. энциклопедия. М., 1974, т. XV.
- ⁷⁸ *Гавлик Л. Вопросы типологии феодализма в Европе и Передней Азии и славянские народы. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М.*, 1978, с. 131—143; *Havlík L. E. Die soziale und staatliche Entwicklung der frühen slawischen Völker als Problem der allgemeinen Weltgeschichte. — In: XVe Congress international des sciences historiques. Bucuresti*, 1980.
- ⁷⁹ Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975; *Herrmann J., Sellnow I. Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. Berlin*, 1975.
- ⁸⁰ *Herrmann J. Die Rolle der gentilgesellschaftlichen Stämme und des Klassenkampfes der Volksmassen bei der Herausbildung und Entwicklung der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 1977, N 25, S. 1156.
- ⁸¹ *Havlík L. E. Mähren und die gesellschaftlich-wirtschaftlichen Grundlagen der frühfeudalen Staaten Mitteleuropas. — In: IV Международный конгресс на славянската археология. София*, 1980.

Перевод Г. П. Мельникова и Г. Э. Санчука

Д. БЯЛЕКОВА

РАЗВИТИЕ ФОРМ ПОСЕЛЕНИЙ В ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ

Цель данной статьи — показать изменения в структуре и формах поселений на фоне процесса феодализации старославянского общества в Великой Моравии, исходя в основном из археологических данных.

Исследования поселений, проведенные в последние десятилетия, продолжили старую традицию¹, но на более совершенной основе. На первый план встала необходимость комплексного решения проблематики поселений, т. е. при изучении городищ, поселений и погребений внимание обращалось не только на сам обследуемый объект, но и на его экономическую основу, природное окружение, источники сырья и на целый ряд других процессов. Наряду с самыми известными центрами Великой Моравии² изучались менее значительные укрепленные центры и относящиеся к ним поселения, броды, орудия производства³. Как правило, исследование значительного объекта становилось импульсом для систематического обследования и изучения целого микрорегиона⁴.

С точки зрения развития поселений в IX в. важно исследование природных условий отдельных областей, потому что от них в значительной мере зависели экономические возможности старославянского общества, как в области сельского хозяйства, так и ремесла⁵. Однако исследование климатических и экономических условий прошлого все еще наталкивается на методологические трудности, ибо при реконструкции климатических условий используют свежие сведения, корректируя их с данными исторической климатологии, что для Чехословакии можно использовать лишь в ограниченной мере. Палеоботаника и палеозоология также располагают весьма ограниченным фактическим фондом⁶, причем уже известно, что первоначальный растительный и животный мир отдельных областей под влиянием деятельности человека изменился до такой степени, что местами произошла смена экотипа. С течением времени менялись гидрологические и климатические условия, природный рельеф местности. Все это вынуждает нас быть очень осторожными при оценке оптимальных условий для поселений IX в. Поэтому необходимо иметь в виду, что известная нам картина заселения Великой Моравии не адекватна действительному процессу колонизации этой территории в IX в. Неполнота исследования позволяет рассматривать этот процесс лишь в общих чертах.

При основании поселений в IX в. значительную роль играл комплекс оптимальных условий: плодородие почвы, состав леса, наличие

пастбищ, воды, близость укрепленных центров, коммуникации, броды, военно-стратегические соображения и т. д.

В VIII в. в Западной и Центральной Европе произошли существенные перемены климата. Сухой климат, преобладавший со времен переселения народов, сменился влажным, с большим количеством осадков. Так продолжалось до середины XI в., когда влажность вновь начала уменьшаться⁷. Это сказалось на выборе мест для основания поселков и укрепленных центров. Географический ареал и высотная зона поселений IX в., в сущности, совпадают с раннеславянским периодом, однако в рамках микрорегионов поселения стали перемещаться из затопляемой местности в места с ярче выраженным рельефом. Замечательным примером этих тенденций служит развитие славянских поселений в юго-западной Словакии (Победим, Комятице)⁸. Изменение гидрологических условий было использовано при создании древнейших славянских «болотных» городищ (Микульчицы, Поганско у Бржецлава, Старое Место, Победим, Майцихов), причем болотистая местность была естественной составной частью оборонительной системы.

Для сельского хозяйства наибольшее значение имели черноземные и бурые, т. е. не слишком влажные почвы, поля чередовались с дубравами, где преобладали щелочные или нейтральные почвы. Эти области были пригодны для выращивания пшеницы и проса, что с точки зрения обеспечения продовольствием населения имело огромное значение.

В Моравии самые благоприятные условия для жизни в VIII—IX вв. были в Верхне- и Нижнеморавской долинах и вдоль р. Моравы и ее притоков, где возникли самые значительные центры Великой Моравии (Микульчицы, Старое Место), а также в долинах рек Дьи, Иглавы и Свратки с их притоками (самые значительные городища — Поганско у Бржецлава и Зноймо) и вдоль р. Свитава.

В Словакии наибольшее количество следов обитания человека обнаружено в Подунайской низменности и на холмистой местности возле Трнавы, а также по р. Мораве, в меньшей степени в районах со щебневыми наносами (от Братиславы — Devinского озера до Секуле) и песчаными дюнами (область Шаптин — Яблоница — Лозорно)⁹. В IX в. было заселено течение Ипеля¹⁰. Хотя расположенные рядом Матранская и Буковогорская области (на территории современной Венгрии) в IX в. имели густую сеть славянских поселений, до нас дошли лишь отдельные находки в окрестностях Лученца и Римавской Сobotы. Такую диспропорцию вполне можно отнести на счет недостаточного полевого исследования. В Восточной Словакии поселения IX в. обнаружены в Восточнословацкой низменности, где они существовали с раннеславянского периода, далее — на Ондавской возвышенности, в Кошицкой котловине и по течению Гор-

нада и Торысы¹¹. В IX в. были заселены даже котловины горной части Словакии¹².

Размер территории, заселенной в чешских землях в IX в., совпадает с предшествующим периодом, что является результатом постепенного развития начиная с прихода славян вплоть до возникновения Великой Моравии и Чешского государства. В Словакии же, напротив, первоначальная структура раннеславянских поселений в низменностях Южной Словакии в последней четверти VII в. была разрушена из-за перемещения северной границы аварского каганата вглубь славянских земель, расположенных к северу от Дуная. Граница аварского каганата была установлена приблизительно по северной оконечности Подунайской низменности и Ипельской и Лученской (может быть, и Римавской) котловинам. Во многих славянских поселениях Юго-Западной Словакии археологически можно проследить перерыв в их заселении начиная с конца VII в. до конца VIII в. Очевидно, аварская экспансия была причиной того, что определенная часть местного населения ушла на север¹³ вплоть до областей горной Словакии. Вхождение южных частей Словакии в аварский каганат, с одной стороны, не исключает возможность существования замкнутых славянских колоний на занятой территории, в особенности на окраинах, но с другой стороны, оно, естественно, разрушило первоначальные славянские племенные объединения¹⁴. О распространении населения на территории, занятой аварами, можно составить представление только на основе многочисленных могильников, так как от этого периода не сохранилось типично славянских поселений¹⁵. Могильники сосредоточены в местах бродов (у Братиславы, в Комарно, Штурове, Желовцах), а также около Шале, Новых Замков и южнее Кошиц. Иная ситуация сложилась на славянских землях севернее каганата. Опасное соседство побудило славян ускорить объединение бывших племенных областей, но главным импульсом этого процесса было внутреннее социально-экономическое и культурное развитие старославянского общества. Доказательством этого служат недавно обнаруженные городища с окружающими их поселениями в горных областях Словакии, которые возникли уже в конце VIII в., например, Спишске Томашовце, Вышний Кубин.

Картина поселений в Юго-Западной Словакии вновь изменилась после уничтожения аварской державы Карлом Великим. Победное продвижение франкских войск по берегам Дуная в 791 г., в котором приняли участие также славянские князья, вынудило аваров оставить укрепленные позиции на Кампе, территорию между Дьей и Дунаем и потом всю территорию Словакии. Эффективность этого похода была настолько велика, что следующий поход франков в 796 г. был направлен лишь в Паннонию и Потисье. После 791 г. на территории к северу от Дуная свободные авары уже не могли существовать,

а их оставшиеся группы, на которые постоянно нападали славяне, просуществовали здесь лишь до начала IX в. и были потом ассимилированы. В этом сходятся данные франкских источников и могильников аварского периода, где виден перерыв в захоронениях в следующем, IX в.¹⁶

В IX в. в Моравии и Словакии возникло раннефеодальное государство, основанное на феодальных отношениях переходного типа от восточного к западному феодализму¹⁷. Великоморавский государь стал патримониальным собственником всей земли, часть которой он мог предоставить вельможам и церкви *«in feudum»* или *«in proprium»* как благодарность за оказанную ему службу.

Характерной чертой средневропейских раннефеодальных государств, к которым относилась и Великая Моравия, было создание административной системы градов, подчиненной государю. Опорой государственного управления (территориального, судебного, военного) стали грады, в дальнейшем — жупанства, которыми управляли назначенные государем лица, позднее — жупаны¹⁸. Их власть распространялась на всех людей данной округи, включая и церковную организацию. Центрами округ (жупанств) стали *«civitates»* — укрепленные центры с экономически обеспечивавшей их округой. Возможно, что организация военно-оборонной системы Пржемысловцев по десяткам и сотням в X—XI вв. происходит от великоморавской административной системы IX в.¹⁹

Великоморавские грады в административной системе имели четко дифференцированное положение. Этому отвечала их локализация в рамках населенных местностей, способ укреплений, внутреннее членение ареала и его застройка, характер светских и церковных зданий. Эта дифференциация частично отражена в латинской и старославянской терминологии письменных источников. Термины *«burg»* и *«civitas»* соответствуют старославянскому «град», таким образом, они обозначают административные центры системы градов²⁰. Функциональное различие градских центров *«civitates»* и сторожевых крепостей в письменных источниках терминологически дифференцировано: *moenio*, *munitio*, *lokus cum vallo firmissimo*, даже *castellum*. *Suburbium* и *burgus*, означающие укрепленный посад, относятся к последующему периоду²¹.

В великоморавский период каждому граду принадлежала окружающая территория в 25—100 кв. км с поселениями ремесленного и сельскохозяйственного характера. Центральные грады имели более широкую округу. Размер ареала града и длина его укреплений, как правило, соразмерны округе и ее населению, так как в постройке, ремонте и обороне градов в форме отработочной ренты участвовало население, жившее в округе и зависимое от феодала (вельможи)²².

Грады в Великой Моравии являются комплексным общественно-историческим организмом, объединяющим целый ряд основных

функций, представлявших тогда политическо-административную власть. Они были центрами торговли, ремесла, культа, а в период христианизации — местами первых христианских храмов, скрипториев и, очевидно, церковных общин. Все составные части организма града имели свое определенное место в отношениях со всей территорией²³.

Внутреннее членение и использование ареала града со временем изменялось в соответствии с развитием феодализма, вследствие чего изменялись характер и функции этих укрепленных центров. В ранних градах ремесленное производство сосредоточивалось внутри ареала, позднее, с первой трети IX в. эта деятельность перемещается в специализированные производственные поселения в непосредственной близости от града. Вместо этого внутри града последовательно выделяется часть для феодала и его дружины (усадьба вельможи), окруженная частоколом. Немалую роль в этом сыграло франкское влияние, проникавшее в Великую Моравию скорее всего посредством христианизации, которая была составной частью процесса феодализации.

Дислокация жилых и хозяйственных построек во всех великоморавских градах одинакова, они сосредоточены вблизи валов, центр остается пустым.

Тип строений был обусловлен функцией града. В княжеских крепостях репрезентативные здания — «дворцы» — строили из камня. Фундамент такой постройки, разделенный перегородкой на две неравные части, был обнаружен в Микульчицах²⁴. Каменные постройки составляли жилое крыло княжеской усадьбы в Поганско у Бржецлава²⁵. Фундамент каменного дворца на Братиславском Граде своими размерами (26 × 10 м) и способом членения жилых помещений на две части напоминает каменный дворец в Микульчицах. Здесь были найдены, кроме каменной репрезентативной постройки, жилые объекты с каменным фундаментом и однокамерные срубные или же частично углубленные жилища²⁶. Особое место в светской архитектуре великоморавского периода занимают большие зальные постройки (Поганско у Бржецлава, Стара Коуржим, Либице, Градец у Неметиц), которые напоминают восточнославянские «хоромы», «гридницы» или франкские зальные постройки — помещения для князя с дружиной²⁷. Очевидно, западное влияние было решающим. Остатки зальной постройки в Садах у Угерского Градиште (36 × 8 м) со свайной конструкцией, которая делит всю площадь на два параллельных ряда квадратных помещений, интерпретируются как здание для готовящихся к крещению или как монастырь²⁸.

В градах как административных центрах располагались церковные постройки. Это было связано с укреплением позиций государственного аппарата посредством христианизации. Центры гражданского и военного управления становились центрами церковного

управления, куда простой народ приходил отдавать налоги князю или его представителю, а также священнику. Вначале храмы в великоморавских градах были предназначены для их жителей (феодал и его дружина), но со второй половины IX в. стали служить для всего остального населения, принадлежащего к данному домену. В связи с находками стилей²⁹ можно предполагать существование скрипториев и даже монастырских художественных мастерских (Сады у Угерского Градиште, Модра, Микульчицы), связанных с деятельностью монастырских общин³⁰.

Типичной формой административной системы IX в. были грады с широким ареалом. В IX в. их фортификационная система не только на территории Великой Моравии, но и в славянском мире характеризуется определенной унификацией³¹ (деревянный корпус вала, поставленный клетским или ростверковым способом, каменная стена с внешней стороны вала). Локальные особенности проявляются лишь в деталях конструкций, иногда в использованном строительном материале, но не в общем типе укреплений. Тип входа в крепость, башен и сторожевой вышки³² также относительно одинаков. Он был обусловлен новыми военно-стратегическими аспектами, а не прошлой племенной спецификой, так же как размер и характер ареала. Функцию акрополя здесь выполняет укрепленная усадьба, находящаяся в ареале града; укрепленное подградье, где раньше сосредоточивалось производство, уступает место поселениям производственного характера вблизи града. Эти лишь кажущиеся типологическими черты отвечают структурным изменениям старославянского общества, вызванным углублением феодальных отношений в общественной и производственной сферах.

В Моравии бывшие племенные центры уже в конце VIII в. начали включаться в территориально-административную систему управления рождающегося государства как естественные центры отдельных округов. Одновременно в этот же период на важнейших перекрестках торговых путей, у значительных бродов, проходов в страну и в местах с сырьевыми источниками возникали новые грады (Поганско у Бржецлава, Зноймо, Оломоуц, Райград, Нейдек, Зелена Гора у Вышкова и др.). Административная система градов охватывала всю старую область собственно моравской территории, а также прилегающую часть Нижней Австрии от Дуная до Вышковской Браны, где на юго-западной границе Великой Моравии возникли поселения Штайн-на-Дунае, Бургсталл у Лангенлепса, Тунау-над-Кампой и Хайденштадт у Ламберга (ныне на территории Австрии)³³.

Древнейшее городище в среднем течении Моравы — Микульчицы, игравшее значительную роль уже во времена державы Само, в IX в. стало одним из политических и организационных центров Великой Моравии. В начале IX в. первоначальная великоморавская

крепость (4 га) и подградье (3 га) были вновь укреплены, на этот раз мощными сооружениями с клетской конструкцией, облицованными снаружи камнем; акрополь увеличился на 3 га. Акрополь и подградье были взаимосвязаны и соединены коммуникациями. В подградье однокамерные дома, поставленные рядами, можно считать жилищами дружины князя и слуг. Вокруг княжеского града было пять укрепленных усадеб вельмож с их собственными храмами³⁴.

При слиянии Моравы и Дьи в лугах около Поганско у Бржецлава уже в начале IX в. была основана крепость площадью в 28 га. В северо-восточной части укрепленной территории находилась усадьба, построенная в два этапа. В связи с постройкой храма усадьба была перестроена (около 863 г.). На рубеже IX—X вв. усадьба прекратила свое существование. Экономической базой града и усадьбы были неукрепленные поселения сельскохозяйственного и ремесленного характера, обнаруженные в подградье. Самую усадьбу можно охарактеризовать как *curtis regalis*³⁵.

Град, построенный на скалистом склоне в Старых Замках у Лишне, существовал уже в VIII в. Его оборонял частокол, который в начале IX в. был заменен мощными укреплениями деревянной клетской конструкции. К акрополю града примыкали два укрепленных подградья. После падения Великой Моравии ареал града был разделен рвом и каменной стеной на две части, таким образом возникла укрепленная усадьба феодала с прилегающим укрепленным поселением.

Известнейшим великоморавским центром является укрепленный в IX в. комплекс поселений и усадеб в Старом Месте³⁶. Он был заселен в VI—VII вв., но наибольшее значение приобрел в IX в. Ядром позднейшего великоморавского центра было поселение I («На валах»), которое в VIII в. было укреплено рвом с частоколом и в IX в. должно было быть градом или хотя бы укрепленной усадьбой. Около древнейшего ядра постепенно выросла целая агломерация с функционально дифференцированными поселениями (поселения II—VIII), характерная для периода наивысшего развития Великой Моравии.

В Словакии из 50 зарегистрированных славянских городищ едва ли половина была в той или иной мере изучена, и из этого числа лишь несколько можно точно датировать и определить то место, которое они занимали в великоморавский период (например, Братислава, Девин, Нитра, Юр у Братиславы, Победим, Спишке Томашовце, Дивинка, Словенске Правно).

Развитие административной системы градов в Словакии происходило в несколько иных условиях, чем в Моравии. Это было вызвано аварской экспансией в долинах Южной Словакии, способствовавшей разрушению первоначальных племенных областей. В результате исследований, проведенных за последние 20 лет, начинает яснее вы-

рисовываться система градов в горных частях Словакии, что вносит коррективы в предшествующие безосновательные выводы о заселении горной Словакии лишь в период средневековой колонизации. В период становления государства эти территории, ранее племенные, лишь постепенно входили в состав Великоморавского государства, аналогичный процесс происходил и при становлении Венгерского государства. Во время похода Моймира в Нитру некоторые грады были уничтожены пожаром, а их функции перешли к новым центрам. Например, после опустошения городища в Победиме на другой стороне р. Ваг возник новый центр в Дуцовом. На юге Словакии возникновение административной системы градов можно предполагать лишь после свержения аварской власти, т. е. в последнее десятилетие VIII в. или на рубеже VIII—IX вв.

Пять градов с различными функциями и густая сеть поселений и захоронений в центре Нитранского удельного княжества имеют свое историческое обоснование. Однако вопрос о княжеском граде до сих пор не решен. Очевидно, это был град, построенный на возвышенности в центре современного города (район «У пиаристов»), укрепленный двойным земляным валом с деревянным частоколом, датируемый рубежом VIII—IX вв. В ареале бывшей крепости (площадью 13 га) находится барочный костел, под которым, судя по погребениям с типично великоморавским набором вещей, мог находиться великоморавский храм. Произвести реконструкцию невозможно из-за позднейшей застройки. Другое городище (Мартинский холм) на юго-западных отрогах Зобора, на котором был найден древнейший храм на территории Нитры, возникло на рубеже VIII—IX вв. Около града находились три неукрепленных поселения ремесленного характера и одно — сельскохозяйственного. В град вела выложенная камнями дорога, хорошо сохранившаяся на том отрезке, где были производственные мастерские. Функцию сторожевого поста и убежища выполняла крепость на вершине Зобора, вторично использовавшая укрепления галыштатского периода. Аналогичную функцию выполняла крепость в районе Люпка, к которой примыкало укрепленное подградье, но мастерские (гончарные печи) и кладбище находились вне городища. К системе градов на территории великоморавской Нитры относится городище в районе Борина и городище в Нитре-Дражовцах, в ареале которого стоит романский костел св. Михаила. Пока что остается открытым вопрос о датировке городища на городском холме³⁷.

Такое же скопление городищ находится при слиянии Дуная с Моравой и в предгорьях Малых Карпат. Два городища охраняли отроги Девинской Кубылы, закрывая с запада подход к Девину³⁸. Однако непонятно, учитывая близость городищ друг к другу, существовали ли они одновременно, или одно из них было построено позднее, после разрушения другого (оба городища уничтожил по-

жар), чтобы выполнять ту же роль на этом стратегически важном пункте, так как реконструкция старого городища потребовала бы не меньше времени, чем постройка нового. Ремонт и перестройки укреплений обнаружены лишь в самых значительных центрах.

Крепость Девин, упоминаемая в Фульдских анналах в 864 г.³⁹, интерпретируется по-разному. Некоторые понимали под ней Велеград — центр Великой Моравии⁴⁰, однако после археологических раскопок в Микульчицах и Старом Месте эта неверная точка зрения была оставлена. Ныне Девин считается частью системы градов, охранявших так называемые Братиславские ворота, и подчеркивается его военно-стратегическое значение. Однако сообщение о пребывании в Девине Ростислава и относительно плотно заселенная округа показывают, что здесь могло существовать поселение типа *curtis regalis*⁴¹.

Братиславский Град был построен в IX в.⁴² Небольшую площадь (5,5 га) охраняли мощные деревянные укрепления. В рамках ареала града акрополь не был вычленен, но не исключено, что здесь была усадьба, укрепления которой исчезли при многочисленных позднейших изменениях этой территории. Судя по характеру застройки, по остаткам храма и светских каменных зданий, по стратегическому положению и не в последней мере — по континуитету поселения, просуществовавшего до XII в., Братиславский Град должен был быть одним из центров административной системы градов.

Небольшое городище в Юре у Братиславы (площадь 3,26 га) имело функции сторожевого поста и убежища⁴³. Сторожевую функцию выполняла, очевидно, и крепость в Смоленицах, находящаяся поблизости от дороги, позже названной Чешской, которая была в IX в. важным путем, а также крепость в Подбранчи на дороге Мийава—Тренчин⁴⁴.

В нижнем Поважье у брода уже в конце VIII в. возникло городище в Майцихове, в окрестностях которого сохранились населенные пункты со старейшими названиями, означающими занятия⁴⁵, а также центр ремесла и торговли в Победиме с населением, специализировавшимся на кузнечном деле⁴⁶. Очевидно, городище в Победиме исчезло в процессе объединения Центральной Моравии и Нитранской области. Вместо него вскоре на противоположном берегу Вага, в Дуцовом был создан центр нового типа с усадьбой вельможи⁴⁷.

В Погронье система городищ в так называемой Словацкой бране (Гронский Бенядик, Тлмаче, Мале Козмаловце, Рыбник, Нова Баня) еще не изучена систематически, но уже сегодня есть все основания считать, что некоторые из них существовали уже в великоморавский период⁴⁸. Благодаря своему значению — охране пути в среднесловацкую горнорудную область они существовали и в X в. В нижнем течении Грона по стратиграфическим соображениям и на основе конкретных данных о поселениях IX в. великоморавские

укрепленные центры необходимо искать в окрестностях Старого Текова и Бине, однако в Бине сохранившиеся до сих пор остатки укреплений нельзя отождествлять с укреплениями великоморавского града ⁴⁹.

В важнейшей области Словацких Рудных Гор, где до сих пор разрабатываются залежи железных руд, славянское население конца VIII—IX в. концентрировалось около городищ в Спишских Томашовцах и Смижанах, первое из которых было уничтожено, очевидно, во время вхождения северных областей Словакии в Великую Моравию ⁵⁰.

Новой характерной чертой развития форм поселений в великоморавский период было возникновение агломераций предгородского типа, которые появились около самых значительных укрепленных центров. Однако эти агломерации нельзя путать с густой сетью поселений вокруг отдельных городищ, составлявших экономическую базу данной округи. Агломерация предгородского типа характеризуется дифференцированным характером поселений, наличием поселений торгового характера и рядом других признаков, которые характерны лишь для этого типа поселений, называемого посадом. Самые развитые агломерации возникли около княжеских резиденций. Там находилось и предполагаемое главное торжище мораван (Микульчицы) ⁵¹.

На начальной стадии развития агломераций лишь некоторые виды специализированных ремесел сосредоточивались около крепостного центра в неукрепленных поселениях. В развитом великоморавском государстве агломерации приобретают характер прототипа средневекового города, причем узкоспециализированное ремесло начало отделяться от сельскохозяйственного производства. Такую форму городской агломерации представляет собой комплекс поселений в Старом Месте, который в середине IX в. был защищен мощными укреплениями и занимал площадь около 400 га. На этом замкнутом пространстве находились поселения литейщиков, кузнецов, стекольщиков, каменщиков, гончаров, золотых дел мастеров; там были поселения, жители которых занимались сельским хозяйством, охотой и рыбной ловлей; поселения, специализировавшиеся на обычной и художественной обработке кости, рога, кожи, дерева и тканей; там также находились центры светской и духовной власти, кладбища и места для торгова. Агломерация Старого Места располагалась в важном стратегическом узле, на перекрестке внутренних и транзитных торговых путей. Считается, что в период расцвета в ней могло быть 5—6 тыс. жителей: представители правящего слоя, военная дружина, духовенство, свои и пришлые ремесленники, купцы, рабы и др. ⁵²

Остается невыясненным вопрос об административном управлении этих агломераций — подчинялись ли они административной системе градов и таким образом — князю, или же в рамках отдельных

составных частей агломерации существовало еще какое-то внутреннее управление. К агломерации предгородского типа можно применить латинские термины *urbs* или же *civitas*. Некоторые агломерации предгородского типа стали субстратом позднейших средневековых городов (Старое Место, Нитра, Братислава, Прага). Полицентрическая модель древнейших славянских городов, характерная прежде всего для славян Центральной Европы, возникла путем соединения нескольких самостоятельных административных, экономических и церковных единиц, типичных для великоморавских агломераций предгородского типа. Органическая трансформация такой агломерации в средневековый город была возможна в том случае, если здесь сохранялся континуитет развития после падения великоморавского государства, проистекавший из сохранения стратегических и экономических позиций в рамках региона⁵³.

Феноменом развития форм поселений в Великой Моравии было возникновение системы усадеб вельмож и служебной организации, существовавших наряду с административной системой градов. Усадьбы были идентифицированы лишь в последние десятилетия благодаря большому систематическому раскопкам. Укрепленный двор, аналогичный каролингскому *curtis*⁵⁴, в великоморавский период предстает новым типом поселения, являвшегося административным и экономическим центром малой территориальной округи. С морфологической и функциональной стороны он не связан с внутренним развитием. Существенную роль в его возникновении, вероятно, сыграло франкское влияние, которое на территории моравских славян начало проявляться с конца VIII в. В рамках государственной организации система усадеб была тем звеном, которое должно было поддерживать укрепление власти государя, прежде всего по отношению к старой племенной аристократии. Возникновение системы усадеб было тесно связано с патримониальным характером государства и с укреплением феодальных производственных отношений.

На территории великоморавского государства были идентифицированы усадьбы светской (Дуцове) и церковной (Сады у Угерского Градиште) аристократии, а также княжеские усадьбы, отличающиеся своей застройкой, размерами, географическим положением. Очевидно, великоморавские князья не имели постоянной резиденции, как это было и в других европейских государствах того времени. Князья, выполняя свою государственную и судебную функцию, объезжали отдельные области своей державы, и меняя свое местопребывание, временно останавливались в усадьбах⁵⁵.

Весьма интересно географическое расположение усадеб. Новый тип раннефеодального укрепленного центра или располагался вблизи града, который прекратил свое существование в процессе становления государства, или же ареал усадьбы вычленялся в рамках уже существующего града, включенного в административную систему градов.

Огороженные частоколом и функционально разделенные на несколько частей усадьбы небольшой площади (не более 1 га) отличаются планомерной застройкой. Там находится жилье князя или вельможи, говорящее о более высоком уровне бытовой культуры (так называемый дворец). На этом участке находятся и жилища дружинников и слуг, иногда большие зальные постройки для собраний дружины и монастырские здания. Церковный участок в рамках усадьбы состоял из храма, принадлежащего феодалу, и кладбища при нем, где хоронили лишь жителей усадьбы. В хозяйственной части находились склады, амбары, хлевы, колодцы, печи и другие объекты, зачастую и загоны для скота. Части усадьбы, разделенные частоколом, с отдельными входами, связывала дорога, иногда хорошо выложенная камнями. Производство было вычлениено из ареала усадьбы и дислоцировано в ближайших поселениях. Размеры, тип застройки и общий вид усадьбы отвечали общественному положению и богатству ее владельца. Усадьбы существовали два—три поколения, при этом происходили перестройки жилой части.

Первоначальный тип каролингского *curtis* в славянской среде был модифицирован и приспособлен к местным условиям, что отразилось в планировке некоторых усадеб. Великоморавская усадьба не всегда имела правильный квадратный или прямоугольный план, как это бывало у каролингского *curtis*, иногда иными были укрепления, но ясно, что функцию усадьбы нельзя отождествлять с функцией града, как это делают некоторые исследователи⁵⁶.

С системой княжеских дворов и крепостей была связана служебная организация, имевшая прочную структуру в области производства и служб. Она была детищем княжеской власти и проникла в жизнь общества так же глубоко, как и система управления. Она была направлена на удовлетворение потребностей государя, и прежде всего на обеспечение и обслуживание государственного аппарата. Слуги, посаженные князем на землю в окрестностях княжеских усадеб и градов, сами обеспечивали себя и отдавали князю часть своего труда в форме продуктов или услуг. Случалось, что князь освобождал слуг от большей части налогов и служб и поручал им «навечно» одну службу (*officium*); часто людей, занимающихся одним занятием, селили в одном поселке, таким образом всему поселению была определена одинаковая служба. Служебная организация включала в себя службы при дворе (кравчие, ключники, коморники, толмачи), область ремесла, сельскохозяйственное производство, охоту, рыболовство и другие службы. Отчасти это было свободное население, по-общинному пользовавшееся землей, отчасти — крепостные, посаженные на землю возле усадьбы.

Служебная организация, как показывает топонимика и терминология, обозначающая занятия, должна была сформироваться одновременно с системой усадеб уже в великоморавский период. К нему

относится возникновение древнейших топонимических систем, локализованных вблизи великоморавских центров и усадеб, и хотя следующим благоприятным периодом для их распространения был XI в. (в составе венгерского государства), названия ремесленно-производственного характера после XII в. уже не возникали. Названия с суффиксами -агь (*ščitarь*), -никъ (*dvornikъ*), -аць (*ko-váčь*), -ьсь (*lovьсь*), -инъ (*vozokaninъ*) или без суффиксов, типа *čel'dь* наиболее распространены на территории бывшего Братиславского и Нитранского комитатов, т. е. в наиболее заселенной части Словакии в IX в., далее — в Текове, Гонте, Новограде и в Задунавье в окрестностях озера Балатон — везде, где жило славянское население. При вхождении старой славянской топонимики в старовенгерскую топонимику фонетическая и лексическая форма славянских названий законсервировалась⁵⁷. Этот вывод подтверждает и археология, которая сейчас уже располагает достаточно убедительными материалами. За последние десятилетия подобные специализированные поселения были найдены поблизости от великоморавских центров, например гончаров и стекольщиков в Нитре и Старом Месте, дегтярей — в Бойницах и Коши, кузнецов — в Победиме и т. д.

Процесс феодализации проявился и в поселениях сельскохозяйственного характера. Они являлись экономической базой усадеб и градов и составляли территориальные округа, находившиеся в определенных формах зависимости от этих центров. Их подвижность, обусловленная природными условиями района, когда приходилось менять место поселения через 20—25 лет, прослеживается вплоть до стабилизации системы крестьянских усадеб в сельском хозяйстве. Это было обусловлено экстенсивным ведением хозяйства, приводившим к истощению почвы, поэтому поля и вместе с ними деревню было необходимо переносить в другое место. По истечении определенного срока поселение возвращалось на свое первоначальное место. Это ясно прослеживается в Победиме, в районе «На лазе», где слой за слоем перемежались в течение одного столетия три фазы поселения и две фазы кладбища⁵⁸. Тип поселения в IX в. по сравнению с предшествующим периодом частично изменился. Заметна тенденция сосредоточения жилья и хозяйственных построек на меньшей территории, иногда встречаются признаки возникновения улиц или поселения с площадью в центре. Рассеянный тип поселений в IX в. вблизи укрепленных центров практически не встречается.

В заключение можно констатировать, что процесс феодализации в Великой Моравии, кроме ряда характерных явлений в материальной и духовной сферах, проявился и в реорганизации административной системы и в возникновении системы усадеб и служебной организации.

¹ Janšák Š. Niektoré novoobjavené hradiská slovenské. — SMSS, 1928, r. XXII, s. 1—24; *Idem*. Slovenské hradiská z doby halštatskej. — SMSS, 1929, r. XXIII, s. 1—32; *Idem*. Staré osídlenie Slovenska (Dolný Hron a Ipel' v pravku). Tur-

- čianský Martin, 1938; *Červinka I. L.* Slované na Moravě a Říše Velkomoravská. Brno, 1928; *Schránil J.* Země české za doby knížecí. Praha, 1932; *Eisner J.* Slovensko v pravěku. Bratislava, 1933, s. 270—276; *Idem.* Výzkum na Děvine v letech 1933—1937. — HS, 1940—41, r. I—II, s. 108—157; *Idem.* Sídliště ze starší doby hradištní v slovenském Pomoraví. — PA, 1939—1946, r. 42, s. 94—105; *Idem.* Pohřebiště z doby velkomoravské na Děvine. — HS, 1940—41, r. I—II, s. 300—303; *Idem.* Slovensko v době kultury hradištní. — In: Slovenské dejiny. Bratislava, 1947, d. I, s. 142—146; *Idem.* Devínska Nová Ves. Slovenské pohřebiště. Bratislava, 1952; *Böhm J.* O výzkumu našich hradišť. — Zprávy památkové péče, 1940, r. IV, s. 92; *Borkovský I.* Přemyslovská hradiště jako pramen historického poznání. — PA, 1956, r. 47, s. 348—361; *Poullík J.* Jižní Morava — země давных Slovanů. Brno, 1948; *Turek R.* Čechy na úsvitě dějin. Praha, 1963; *Dekan J.* K problémem slovenského osídlení na Slovensku. — HS, 1948—49, r. 6—7, s. 55—82; *Chropovský B.* Slovenské osídlení na Slovensku a jeho problémy. — HC, 1962, r. 10, s. 216—237; *Idem.* K otázce postavenia slovenských hradisk na Slovensku a úloha ich výskumu. — ZFFUK, 1964, r. 15, s. 9—29; *Stěpánek M.* Opevněná sídliště 8.—12. století ve střední Evropě. Praha, 1965; *Idem.* Příspěvky k dějinám osídlení. — ČSČH, 1967, r. 15, s. 725—746; 1968, r. 16, s. 247—274, 415—434, 551—570; *Idem.* Strukturální změny středověkého osídlení. — ČSČH, 1969, r. 17, s. 457—488, 649—680.
- ² *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravské pohřebiště «Na Valách». Praha, 1955; *Idem.* Staré Město, velkomoravský Velehrad. Praha, 1965; *Poullík J.* Mikulčice — sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975; *Cibulka J.* Velkomoravský kostel v Modré u Velehradu a začátky křesťanství na Moravě. Praha, 1958; *Turek R.* Velkomoravský horizont v českých mohylách. — PA, 1963, r. 54, s. 227—230; *Solle M.* Stará Kouřim a projevy velkomoravské hmotné kultury v Čechách. Praha, 1966; *Borkovský I.* O počátcích pražského hradu. Praha, 1949; *Idem.* Pražský hrad v době přemyslovských knížat. Praha, 1969; *Kudrnáč J.* Klučov — staroslovenské hradiště ve středních Čechách (K počátkům nejstarších slovenských hradišť v Čechách). Praha, 1970; *Kalousek F.* Břeslav-Pohansko. Velkomoravské pohřebiště u kostela. Brno, 1971; *Dostál B.* Slovanská pohřebiště ze střední doby hradištní na Moravě. Praha, 1966; *Idem.* Břeslav-Pohansko. Velkomoravský velmožský dvorec. Brno, 1975; *Staňa Č.* K poznání vývoje velkomoravských výšinných hradišť. — AR, 1967, r. 19, s. 699—704; *Idem.* Velkomoravské hradiště Staré Zámky u Líšně. — Monumentorum tutela, 1972, r. 8, s. 109—171; *Štefanovičová T.* Bratislavský hrad v 9.—12. storočí. Bratislava, 1975; *Chropovský B.* The Situation of Nitra in the Light of Archaeological Finds. — Historica, 1964, r. 8, p. 5—33; *Idem.* Das frühmittelalterliche Nitra. Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. — In: Bericht über ein Symposium in Reinhausen bei Göttingen von 18. bis 24. April 1972. Göttingen, 1974, S. 159—175; *Idem.* Nitra. Archeologický výskum slovenských lokalit. Nitra, 1975; *Plachá V.* Devín. Národná kultúrna pamiatka. Nitra, 1975; *Kraskovská Ľ.* Slovenské hradisko pri Devínskej Novej Vsi. — SLA, 1962, r. 10, s. 241—249; *Eadem.* Velkomoravské hradisko v Jure pri Bratislave. — SSNM, 1963, r. 3, s. 67—102; *Eadem.* Slovenské pohrebisko v Devíne (Staré vinohrady). — SLA, 1963, r. XI, s. 391—406; *Eadem.* Slovenské hradisko v Devínskej Novej Vsi «Nad lomom». — SLA, 1966, r. XIV, s. 147—160; *Eadem.* Bratislava v dobe slovenskej. — Ročenka Bratislava, 1969, r. 4, s. 9—32; *Ruttkay A.* Ducové. Velkomoravský velmožský dvorec a včasnostredoveké pohrebisko. Nitra, 1975; *Habovštiak A.* Hradisko z 9.—10. stor. v Tlmačoch. — SLA, 1975, r. 23, s. 97—118; *Bialeková D.* Pobedim. Slovenské hradisko a sídliská z 9. storočia. Nitra, 1975. *Eadem.* Výskum a rekonštrukcia fortifikácie na slovenskom hradisku v Pobedime. — SLA, 1978, r. 26, s. 149—179.

- ³ *Pleiner R.* Základy slovanského železařského hutnictví v českých zemích. Praha, 1958; *Idem.* Das Eisenhüttenwesen bei den Slawen im frühen Mittelalter. — In: Vita pro ferro. Schaffhausen, 1965, S. 135—162; *Bialeková D.* Slovanské příbytky a dechtářské jamy v Bojniciach. — AR, 1962, r. 14, s. 823—824, 827—841; *Hrubý V.* Větrný mlýn z doby hradištní. — SFFUPB, 1956, s. 107; *Chropovský B.* Slovanské hrnčářské pece v Nitře. — SIA, 1959, r. 11, s. 818—825; *Remišová M., Rutkay A.* Zist'ovací výskum v Koši. — SIA, 1967, r. 15, s. 455—464.
- ⁴ *Budinský-Krička V.* Slovanské osídlenie na severovýchodnom Slovensku. — SIA, 1961, r. 9, s. 347—390; *Kraskovská Ľ.* Slovanské sídliská v Pomoraví. — PA, 1961, r. 52, s. 477—483; *Petrovský-Sichman A.* Slovanské lokality v Žilinskej kotline. — ŠZAÚSAV, 1964, r. 14, s. 175—186; *Vendtová V.* Slovanské osídlenie Pobedima a okolia. — SIA, 1969, r. 17, s. 119—232; *Šalkovský P.* K vývoju a štruktúre slovanského osídlenia v hornatých oblastiach Slovenska. — In: IV. medzinárodný kongres slovanskej archeológie. Sofia, 1980. Zborník referátov ČSSR. Nitra, 1980, s. 166—173; *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 1—104, 374—398.
- ⁵ *Filip J.* Porost a podnebí Čech v pravěku. — PA, 1929—30, r. 36, s. 169—188; *Idem.* Pravěké Československo. Praha, 1948, s. 28—33; *Firbas F.* Vegetationsentwicklung und Klimawandel in der mitteleuropäischen Spät- und Neolithzeit. — Naturwissenschaft (Berlin), 1939, N 27; *Böhm J.* Kronika objeveného věku. Praha, 1941, s. 96—154; *Ložek V.* Studie českých stepí na zákládě recentních i fosilních měkkýšů. — Rozpravy ČSAV, 1949, r. 18, II tr., N 58; *Kudrnáč J.* Rekonstrukce přirozené krajiny v okolí zkoumaných hradišť a osad. — PA, 1961, r. 52, s. 609—615.
- ⁶ *Dohnal Z.* Užité rostliny a jejich upotřebení na slovanském hradišti v Klučově u Českého brodu. — PA, 1958, r. 49, s. 499—512; *Hajnalová E.* Aussagefähigkeit slawischer archäobotanischer Reste aus der Slowakei. — In: Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave, Bratislava, 7—14 septembre 1975. Bratislava, 1979, t. 2, s. 125—132; *Novák V. J.* Kolísání podnebí v dobách historických a geologických. Praha, 1933, s. 25—26, 126; *Stloukal M., Vyhnanek L.* Slované z velkomoravských Mikulčic. Praha, 1976.
- ⁷ *Novák V. J.* Kolísání. . . , s. 25—26, 126; *Kudrnáč J.* Vývoj slovanského osídlení mezi pražským Povltavím, Labem, Sázavou a Výrovkou. — PA, 1963, r. 54, s. 173; *Idem.* Klučov. . . , s. 12—13.
- ⁸ *Točtek A.* Záchranný výskum v Komjaticiach. — In: Archeologické výskumy a nálezy na Slovensku v roku 1977. Nitra, 1978, s. 246—266; *Bialeková D.* Náčrt demografického obrazu v Pobedime v 6—12. storočí. — In: Aktuálne otázky výskumu slovanských populácií na území Československa v 6.—13. storočí. Nitra, 1979, s. 60—67.
- ⁹ *Kraskovská Ľ.* Slovanské sídliská. . . , s. 477—478; *Hromádka J.* Všeobecný zemepis Slovenská. — In: Slovenská vlastiveda. Bratislava, 1943, s. 85, 104—106, 109—110, 242, mapa 2.
- ¹⁰ *Petrovský-Sichman A.* Archeologický prieskum stredného Poipia roku 1955. — ŠZAÚSAV, 1961, N 7; *Janšák S.* Staré osídlenie. . . , s. 94—96.
- ¹¹ *Benadik B.* Slovanské nálezy z výskumu valu hradiska v Zemplíne. — ŠZAÚSAV, 1964, N 14, s. 151—159; *Budinský-Krička V.* Slovanské sídlisko v Blatných Remetách. — AVANS, 1974, s. 27—28; *Idem.* Slovanské sídlisko v Blatných Remetách. — AVANS, 1975, s. 55—56; *Idem.* Slovanské sídlisko vo Vranove nad Topľou — Čemernom. — AVANS, 1974, s. 37—38; *Idem.* Slovanské mohyly na východnom Slovensku. — SIA, 1958, r. 6, s. 138—205; *Idem.* Príspevok k poznaniu slovanského osídlenia na juhovýchodnom Slovensku. — ŠZAÚSAV, 1963, N 11, s. 209—228; *Idem.* Pokusný výskum na slovanskom hradisku v Ša-

- ríšských Sokolovciach, okres Prešov. — In: *Nové obzory* (Košice), 1967, N 9, s. 164—185; *Idem*. Kráľovský Chlmec. Záchranný výskum na slovanskom mohylníku. Nitra, 1980.
- ¹² *Rejholcová M.* Osídlenie stredoslovenského kraja. — SIA, 1971, r. 19, s. 95—133; *Petrovský-Sichman A.* Archeologický prieskum . . .; *Budinský-Krička V.* Správa o predbežnom archeologickom prieskume v Liptove roku 1963. — ŠZAÚSAV, 1965, N 15, s. 177—187; *Točík A.* Význam posledných archeologických výskumov na Slovensku pre dejiny najstarších Slovanov a Veľkomoravskej ríše. — HČ, 1955, r. III, s. 415; *Pieta K.* Slovenské osídlenie Liptova v 9.—12. storočí. — In: *Vlastivedný zborník. Liptov*, 1972, N 2, s. 67—82.
- ¹³ *Salkovský P.* K vývoju. . ., s. 168—170; *Javorský F.* Výskumy a prieskumy Výskumnej expedície Spiš v okrese Spišská Nová Ves. — AVANS, 1976, s. 103—120; *Idem*. Výsledky archeologického výskumu v Slovenskom raji. — AVANS, 1976, s. 153—156.
- ¹⁴ *Bialeková D.* Záchranný výskum slovanských sídlisk v Nitranském Hrádku a Bešeňove. — SIA, 1958, r. 6, s. 388—414; *Eadem*. Záverečná zpráva z výskumov slovanských sídlisk v Nitranském Hrádku a Bešeňove. — SIA, 1959, r. 7, s. 439—459; *Eadem*. Nové včasnoslovenské nálezy z juhozápadného Slovenska. — SIA, 1962, r. 10, s. 122, 124, 135; *Eadem*. Osídlenie oblastí so surovinovými zdrojmi na Slovensku v 9.—11. storočí. — *Archaeologia historica*, 1978, r. 3, s. 12—14; *Eadem*. Slovenské obdobie. — SIA, 1980, r. 28, s. 219; *Salkovský P.* K vývoju. . ., s. 169—170.
- ¹⁵ Об отсутствии поселений VIII в. в Австрии в областях, занятых аварами, см.: *Mitscha-Märheim H.* Dunkler Jahrhunderte goldene Spuren. Wien, 1963, S. 155.
- ¹⁶ MMFH, d. I, s. 38, 40—43, 55, 58—59, 63—64, 87; *Cibulka J.* Veľkomoravský kostel. . ., s. 225, 230; *Eisner J.* Devínska Nová Ves, s. 332—333; *Budinský-Krička V.* Pohrebisko z neskorej doby avarskej v Žitavskej Tóni na Slovensku. — SIA, 1956, r. 4, s. 62—63; *Kraskovská Ľ.* Pohrebisko v Bernolákove. — SIA, 1962, r. 10, s. 459; *Točík A.* K otázke etnicity pohrebísk z 10. storočia na Slovensku. — In: *Aktuálne otázky výskumu slovanských populácií na území Československa v 6.—13. storočí*. Nitra, 1979, s. 72—74.
- ¹⁷ *Ratkoš P.* Počiatky feudalizmu na Slovensku. — HČ, 1954, r. 2, s. 252—276; *Idem*. Predpoklady vzniku Veľkej Moravy. — In: *Československé prednášky pre VII. medzinárodný zjazd slavistov*. Warszawa, 1973, s. 355—361; *Idem*. Veľkomoravské obdobie v slovanských dejinách. — HČ, 1958, r. 6, s. 3—31; *Неусыгин А. И.* Дофеодалный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодалному. — ВИ, 1967, № 1, с. 75—87; *Havlík L.* Nové pohledy na genézi státu ve slovanském prostředí. — SFFUPB, 1980, с. 27, s. 31—41.
- ¹⁸ MMFH, d. III, s. 346—347; d. V, s. 24, pozn. 24; *Krzemieňská B., Treštík D.* Hospodárske základy raně středověkého státu ve střední Evropě (Čechy, Polsko, Uhry v 10.—11. století). — ČSCH, 1979, r. 22, s. 116; *Chropovský B.* Včasnostredoveké osídlenie Slovenska. — In: *I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej*, Warszawa 14—18.IX 1965. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970, s. 164.
- ¹⁹ *Kučera M.* Slovensko po páde Veľkej Moravy. Bratislava, 1974, s. 358.
- ²⁰ *Ratkoš P.* Sídliskové útvary v latinskej terminológii 9.—12. stor. — *Archaeologia historica*, 1978, r. 3, s. 247—251; MMFH, d. I, s. 98, 131.
- ²¹ MMFH, d. I, s. 101, 103, 105; d. V, s. 28.
- ²² *Choc P.* Stavební technika našich hradíšť jako doklad vývoje společenských vztahů. — In: *Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze. Filosofie, historie*. Praha, 1953, č. 1, s. 27—41; *Vignatiová J.* K otázkám obrany a údržby velkomo-

ravských valů. — SFFUPB, 1961, E 16, s. 199—204; *Bialeková D.* Výskum a rekonštrukcia. . . , s. 171—172.

- ²³ *Solle M.* K otázce řádu českých hradišť velkomoravského období. — ČMM, 1972, r. 57, s. 195—202.
- ²⁴ *Poulik J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 89—91.
- ²⁵ *Dostál B.* Břeclav-Pohansko. Velkomoravský velmožský dvorec, s. 64, 66—67.
- ²⁶ *Štefanovičová T.* Bratislavský hrad. . . , s. 84—91.
- ²⁷ *Štěpánek M.* K problematice halových staveb na časně historických hradištích. — SČSSA, 1961, r. I, s. 120—123; *Solle M.* Stará Kouřim. . . , s. 109—120, obr. 26; *Turek R.* Výzkum libického hradiště v roce 1950. — AR, 1951, r. 3, s. 191; *Idem.* Výzkum hradiště v Libici nad Cidlinou. — ČNM, 1953, r. 22, s. 19; *Idem.* Výzkum v Libici nad Cidlinou v roce 1952. — AR, 1953, r. 5, s. 609; *Idem.* Výzkum v Libici nad Cidlinou v r. 1953. — AR, 1954, r. 6, s. 797; *Dubský B.* Hradec u Nemetlic na Volyňsku. — PA, 1925, r. 34, s. 458; *Dostál B.* Břeclav-Pohansko. Velkomoravský velmožský dvorec, s. 86—87; *Idem.* Opevnění velmožského dvorce na Pohansku u Břeclavi. — SFFUPB, 1969, N 14, s. 195.
- ²⁸ *Hrubý V.* Metropolitní vyšina. — In: Uherské Hradiště — Sady. Středisko velkomoravské kultury a moci. Brno, 1975, s. 14, obr. 4.
- ²⁹ *Poulik J.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . . , s. 67; *Hrubý V.* Metropolitní vyšina, s. 10; *Vavřínek V.* Antické tradice na Velké Moravě. — LF, 1978, r. 101, s. 134.
- ³⁰ *Hrubý V.* Metropolitní vyšina, s. 14; *Cibulka J.* Velkomoravský kostel. . . , s. 242—243; *Vavřínek V.* Církevní misie v dějinách Velké Moravy. Praha, 1963.
- ³¹ *Bialeková D.* Výskum a rekonštrukcia. . . , s. 167.
- ³² *Solle M.* Tor und Turm bei den Westslawen in frühgeschichtlicher Zeit. — In: Siedlung, Burg und Stadt. Berlin, 1969, S. 219—231.
- ³³ *Staňa Č.* Slovanská hradiště v Dolních Rakousích. — Sborník AU ČSAV. Brno, 1963, s. 90—95; *Friesinger H., Mitscha-Märheim H.* Výskum na hradisku Schanze v Thunau pri Garsee. — Monumentorum tutela, 1972, r. 8, s. 209—228.
- ³⁴ *Poulik J.* Výsledky výzkumu na velkomoravském hradišti «Valy» u Mikulčic. — PA, 1957, r. 48, s. 241; *Idem.* Staří Moravané budují svůj stát. Gottwaldow, 1963; *Idem.* Velkomoravské hradiště Mikulčice. Brno, 1962; *Idem.* Pevnost v lužním lese. Praha, 1967; *Idem.* Dvě velkomoravské rotundy v Mikulčicích. — In: Monumenta Archaeologica. Praha, 1963, t. XII; *Idem.* Velkomoravské mocenské centrum v Mikulčicích. — Monumentorum tutela, 1972, r. 8, s. 5—56; *Idem.* Mikulčice — sídlo a pevnost. . .
- ³⁵ *Dostál B.* Břeclav-Pohansko. Velkomoravský velmožský dvorec; *Idem.* Zemnice s depotem pod valem hradiska Břeclavi-Pohanska. — SFFUPB, 1977—1978, N 22—23, s. 103—134.
- ³⁶ *Hrubý V.* Staré Město — velkomoravské pohřebiště «Na Valách»; *Idem.* Staré Město, velkomoravský Velehrad.
- ³⁷ *Chropovský B.* The Situation of Nitra. . . , p. 5—33; *Idem.* Príspevok k problematike cirkevnej architektúry a počiatkov kresťanstva na Slovensku. — Monumentorum tutela, 1972, r. 8, s. 173—194; *Idem.* Die grossmährische Periode in der Slowakei. — In: Das grossmährische Reich. Praha, 1966, S. 61—62; *Bialeková D.* Sporen von slawischen Fundplätzen in Pobedim (Typologie und Datierung). — SIA, 1977, r. 25; *Kraskovská Ľ.* Výskum na hradisku v Dražovicach. — ŠZAÚSAV, 1961, N 6, s. 161—184.
- ³⁸ Красковская Л. Славянские городища в Малых Карпатах. — AAC, 1964, r. VI, N 1—3, s. 27—34; *Kraskovská Ľ.* Les portes de Bratislava aux VIII—Xe siècles. — In: Les questions fondamentales du peuplement du Bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siècle. Conférence Internationale 1971 à Szeged. Budapest, 1972, p. 77—83.

- 39 MMFH, d. I, s. 98; PDVM, s. 91.
- 40 *Cervinka I. L.* Děvín-Velehrad říše Velkomoravské. Brno, 1914; *Zavadil J.* Velehrady Děvín a Nitra. Kroměříž, 1912.
- 41 *Ratkoš P.* «Civitas Dowina» — Slovenský Devín. — HČ, 1970, r. 18, s. 340; *Plachá V.* Z archeologického výzkumu Devínského hradu v letech 1966—1970. — AR, 1972, r. 24, s. 73—78, 117—118.
- 42 *Štefanovičová T.* Bratislavský hrad. . . , s. 18, 21—24, 32, 39, obr. 10, 22—26, tab. 1—14.
- 43 *Kraskovská Ľ.* Vel'komoravské hradisko v Jure. . . , s. 67—102.
- 44 *Dekan J. K.* Problémom slovanského osídlenia. . . , s. 67; *Dušek S.* Vel'komoravské pohrebisko v Smoleniciach. — SLA, 1979, r. 27, s. 372.
- 45 *Chropovský B.* K otázke postavenia. . . , s. 16; *Krajčovič R.* Z historickej toponymie služobníckych osadných názvov v Podunajsku. — In: O počiatkoch slovenských dejín. Bratislava, 1965, s. 225.
- 46 *Bialeková D.* Výskum slovanského hradiska v Pobedime v rokoch 1959—1962. — AR, 1963, r. 15, s. 349—364, 369—372; *Eadem.* Výskum slovanského hradiska v Pobedime r. 1964. — AR, 1965, r. 17, s. 516, 530—538; *Eadem.* Výskum slovanského hradiska v Pobedime, okr. Trenčín. — AR, 1972, r. 24, s. 121—129.
- 47 *Ruttkay A.* Ducové. . . , s. 3—9.
- 48 *Habovštiak A.* Praveké a ranohistorické sídliská v oblasti Slovenskej brány. — Vlastivedný časopis (Bratislava), 1974, r. 23, s. 8; *Idem.* Hradisko z 9.—10. stor. v Tlmačoch, s. 97—118.
- 49 *Chropovský B.* K otázke postavenia. . . , s. 16; *Habovštiak A.* K otázke datovania hradiska v Bini. — SLA, 1966, r. 14, s. 439—486.
- 50 *Ratkoš P.* Podmanenie Slovenska Maďarmi. — In: O počiatkoch slovenských dejín. Bratislava, 1965, s. 15; *Bialeková D.* Osídlenie oblastí. . . , s. 13.
- 51 *Třeštlík D.* Trh Moravanů — ústřední trh Moravy. — ČSČH, 1973, r. 21, s. 869—894.
- 52 *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravské pohřebiště «Na Valách», s. 294; *Idem.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 352—353; *Stloukal M., Vyhnaněk L.* Slované. . . , s. 41—42.
- 53 *Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave*, Bratislava 7—14 septembre 1975. Bratislava, 1979, t. 1, p. 37—47.
- 54 *Borkovský I.* Staročeský dvorec na Levém Hradci. — AR, 1953, r. 5, s. 621—624; *Hrubý V.* Velkomoravská města a velmožské dvorce. — In: Referáty o pracovných výsledcích československé archeologie za r. 1960. Libice, 1961, č. 1, s. 101; *Idem.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 353, 358; *Dostál B.* Opevnění velmožského dvorce na Pohansku u Břeclavi. — SFFUPB, 1969, E 14, s. 210—215; *Idem.* K otázce velmožských dvorců u Slovanů. — PA, 1970, r. 61, s. 270—279; *Idem.* Břeclav-Pohansko, velkomoravský velmožský dvorec, s. 239—262; *Ruttkay A.* Výskum včasnostredovekého opevneného sídla v Ducovom, okr. Trnava. — AR, 1972, r. 24, s. 130—139; *Donat P.* Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7.—12. Jahrhundert. Berlin, 1979.
- 55 *Třeštlík D.* Trh Moravanů. . . , s. 879—880.
- 56 *Preidel H.* Slawische Altertumskunde des östlichen Mitteleuropas im 9. und 10. Jahrhundert. Gräffeling bei München, 1966, Bd. III, S. 13, 77, 146.
- 57 *Krzemieňská B., Třeštlík D.* Hospodárske základy. . . , s. 119—122; *Kučera M.* Slovensko. . . , s. 368—381; *Ratkoš P.* K problematike raného feudalizmu. — In: O počiatkoch slovenských dejín. Bratislava, 1965, s. 15—16; *Krajčovič R.* Z historickej toponymie. . . , s. 205—252.
- 58 *Bialeková D.* Náčrt demografického obrazu v Pobedime v 6.—12. storočí. — In: Aktuálne otázky výskumu slovenských populácií na území Československa v 6.—13. storočí. Nitra, 1979, s. 60—67; *Stěpánek M.* Strukturální změny. . . s. 464, 485, 487.

Перевод Г. П. Мельникова

Б. ХРОПОВСКИЙ

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ РЕМЕСЕЛ В ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ

В начале IX в. славянское население, жившее на север от Дуная, находилось еще на начальной стадии этнической дифференциации. Во второй трети IX в. наступает эпоха их политического объединения в рамках державы, получившей название Великая Моравия. Об экономической и социальной жизни великоморавских славян сохранились очень скудные письменные источники, поэтому при исследовании социально-экономического развития мы должны прежде всего исходить из археологических материалов.

В самых ранних средневековых грамотах встречаются упоминания различных слуг и ремесленников (различные «ministeriales» и их «ministeria» или «officio») ¹. Среди них можно выделить несколько групп. Прежде всего это были люди, которые обеспечивали княжеский двор продуктами сельского хозяйства. Вторую группу составляли пастухи. Третью большую группу, которая в данном случае нас больше всего интересует, составляли кузнецы, золотых дел мастера, гончары, бондари, щитники, котельщики, плотники и др. Четвертую составляли лица, выполнявшие различные охотничьи службы.

При тщательном изучении частотности встречающихся названий отдельных видов профессий по содержанию и роду занятий можем выделить региональные комплексы с характерной хозяйственной спецификой. Помимо археологических объектов, наиболее ценные материалы для понимания эволюции общественно-экономической жизни дают нам так называемые социальные топонимы, которые по своему содержанию указывают на некоторые факты общественной жизни и связанные с ними явления.

Представляет интерес то, что при древнеславянских городищах IX в. на нашей территории встречаются названия поселений, носящие древнеславянские названия, а около них находятся поселения с более сложной системой названий, которая указывает на экономические и социальные сферы жизни, характерные для тогдашнего общества. ² Самым большим недостатком является то, что именно тот период, когда археологический материал позволил бы проследить следы специализированных ремесел, поселения и объекты, которые непосредственно документировали бы ремесленное производство, во всей широте не исследован. Поэтому при интерпретации и обобщении фактов мы исходим прежде всего из предметов про-

изводства, которые хотя и представлены в широком ассортименте, но тем не менее были извлечены лишь из погребений. Мы исходим из трех основных видов изделий: керамических, металлических (прежде всего кузнечных) и ювелирных. Производство этих видов считается продукцией специализированных ремесленных мастерских.

В то время как в течение VIII в. на территории Словакии и Моравии развивалось мелкотоварное производство, а ремесла возникали лишь как частично специализированный производственный компонент домашнего ремесла, в великоморавский период можно наблюдать всесторонний подъем ремесла, прежде всего специализированного производства. Ремесленники, которые начали специализироваться на отдельных видах ремесла, использовали новую производственную технику, а при изготовлении ювелирных изделий и предметов прикладного искусства — новые художественные образцы. По-прежнему работа велась в деревенских мастерских, но для удовлетворения потребностей господствующего класса и торговли возникали новые мастерские и даже целые селения на территории городищ или вблизи политических и экономических центров. Но прежде всего ремесленное специализированное мелкое производство сосредоточивалось вблизи источников сырья.

В центральной части Великой Моравии на княжеских дворах сформировался особый слой ремесленников, которые изготавливали богатые и высокохудожественные ювелирные изделия, изделия из дерева, камня и др. Наряду с этими мастерами, находившимися на особом положении в тогдашнем обществе, работали и другие специалисты, прежде всего кузнецы, которые обеспечивали население не только изделиями, необходимыми в хозяйстве, но работали и для военных нужд. Хотя нам известно множество предметов, а в некоторых случаях и производственных объектов, которые являются убедительным свидетельством наличия местного производства, тем не менее мы не можем с полной точностью проследить процесс развития отдельных ремесел. Однако результаты исследований последних лет свидетельствуют о том, что великоморавское производство было зрелым и в культурной Европе того времени занимало одно из первых мест.

Для развития некоторых специализированных ремесел большое значение имела добыча руд и полезных ископаемых. О добыче руды на территории Словакии свидетельствует анализ остатков пустой породы в Шпане Долине, Словинках, Высоких Татрах и др. Особое значение имела область Словацкого рудогорья, которая в великоморавский период представляла собой сырьевую базу для производства железа и ювелирных изделий. Доказательством этого является относительно густое славянское заселение Спиша и Гемера, а также металлографический анализ находок VII—IX вв. Наличие

этих объектов показывает и топонимика, особенно производственно-эксплуатационные названия западнославянского происхождения типа на -ikъ (rudnikъ, zlatnikъ и др.), добычу железной руды документируют названия типа baňa, guda, rudnici³. О добыче полезных ископаемых и драгоценных металлов говорят многочисленные находки различных руд на отдельных местах раскопок вблизи производственных объектов, в которых руда непосредственно плавилась или же вторично переплавлялась. С добычей руды, несомненно, была тесно связана добыча минералов. Эту работу могли выполнять искусные, имеющие специальную квалификацию горняки, которые могли посвятить себя только этому делу. В развитии великоморавского хозяйства большое значение имели также добыча соли и торговля ею⁴.

В великоморавский период предметом занятий специализированных коллективов стало производство железа⁵. Следы плавки железа мы находим не в обычных поселениях или городищах, а в местах, близко расположенных к рудам и топливу. Они представляли собой зародыши будущих горнорудных бассейнов. Одним из таких мест была область около Уничёва в северной Моравии, где добывались очень качественные и труднообрабатываемые гематито-магнетитовые руды.

Наличие металлургических мастерских у Желеховиц⁶ с системой 24 печей своеобразного типа и очень продуманной конструкции, а также в Дольных Суколимах, Брничке и Жеротине доказывает производство железа⁷. Желеховицкие печи, проверенные экспериментальной плавкой, были способны выплавлять твердую углеродистую сталь. Великоморавские ремесленники создали своеобразную технологию производства железа редуционным способом (путем химического окисления) из богатых и бедных руд в относительно больших железоплавильных печах, углубленных в землю. Металлурги были искусными мастерами и систематически совершенствовали свое производство. Они могли обрабатывать и наиболее тугоплавкие руды (магнетит, гематит) и умело конструировали искусственную подачу воздуха в печи. Для того чтобы стенки печи противостояли высоким температурам (1400 °C), их обмазывали высококачественной огнеупорной глиной — печи нагревались соответствующим древесным углем из сосны, граба, дуба и других древесных пород. Оборудование печи и сам технологический процесс регулировался таким образом, чтобы по мере необходимости можно было получить мягкое железо, легко поддающееся обработке, или же сталь с низким или средним содержанием углерода. Система железоплавильных печей в Желеховицах свидетельствует об общем уровне обработки железа. В лессовой лавке (высота 75 см) были вытесаны туннельно-подобные, пробуранные сверху круговые отверстия, которые

выходили в более широкие части печи. Внутри находились наклонно пробуровленные отверстия, через которые посредством воздушных мехов поступал воздух. Подобная печь за сезон производила 6—18 т железа. Данный тип печей был распространен по всей великоморавской территории. Не исключено, что каждое крупное городище имело свою собственную печь, снабжавшую его необходимым количеством железа⁸. На территории Словакии прямые подтверждения металлургии железа пока немногочисленны (Победим, Нитра)⁹.

Поселения металлургов и кузнецов располагались в районах месторождения руды; металлургические печи возводились непосредственно у месторождений, где, как правило, было достаточное количество воды и древесины. Там осуществлялся весь процесс, т. е. получение сырья и его металлургическая обработка вплоть до изготовления полуфабриката, оформленного либо в виде железных брусков, имеющих форму калача, либо в виде топорообразных гривен. Функцию полуфабриката приписывают также железным тарелкам — мискам так называемого силезского типа¹⁰. Полуфабрикат направлялся в кузнечные центры и мастерские для дальнейшей обработки. Аналогичным образом поступали и при получении других металлов.

Особого внимания заслуживают топорообразные гривны (длина от 60 до 470 мм). На основе технических свойств гривен мы не можем установить их непосредственную производственную функцию, однако есть основания предполагать, что они служили сварочным материалом. Помимо того, они могли выполнять и функцию примитивной, домонетной платежной единицы¹¹.

В областях с концентрацией железнорудных объектов вполне закономерно встречаются болотная руда или же глубинные рудные месторождения. На основании этого можно заключить о наличии шахт открытой болотной руды, а также открытой и глубинной разработки рудных жил. Непосредственным доказательством развития горнодобывающего дела являются массовые находки железных инструментов в Турце в северной Словакии, которые позволяют не только лучше познакомиться с кузнечным ремеслом, но и выявить возможности использования подобных инструментов при добыче руды в среднесловацкой горнодобывающей области¹².

С железной металлургией было непосредственно связано кузнечное дело¹³. Кузнецы из Великой Моравии, судя по имеющимся у нас сведениям, выковывали до 500 видов изделий из железа; нам детально известна не только технология многих из них, но и эксплуатационные качества. Мастера — кузнецы, имевшие высокую квалификацию, использовали такие сложные технические приемы, как, например, сваривание твердой стали с мягким железом, закалка, приваривание стального острия, инкрустация и т. д.

На основе металлографического анализа, выявляющего чистоту металла и количество неметаллических примесей, микро- и макроскопических наблюдений, измерения твердости и микротвердости, а также в результате химического анализа удалось реконструировать технологию изделий. Как было установлено, изготовление различных изделий предполагает неодинаковое количество производственных операций: впрочем, их количество зависит и от сноровки и профессионализма мастера. Все изделия можно разделить на предметы, для изготовления которых необходимо: 1) от 3 до 6 операций, 2) от 7 до 9, 3) от 10 до 14, для изготовления самых сложных затрачивается от 15 до 19 операций. При анализе и интерпретации железных предметов, происходящих из великоморавских мастерских, применяется и балльная система, при этом операция пластической обработки равняется 1 баллу, цементирование, сварка железа и стали или же закалка равняется 5 баллам, закалка и инкрустация — 8 баллам ¹⁴.

Результаты, полученные подобным путем, свидетельствуют о следующем. Простейшие группы изделий, (от 3 до 6 баллов) составляют гвозди, крючки, удочки, наконечники ромбовидных стрел, простые ножи, топорообразные гривны. Все это составляет 23 % от общего количества кузнечных изделий. Группа от 7 до 10 баллов составляет 12 % изделий. Сюда относятся сельскохозяйственные инструменты, стальные ножи и простейшие топоры. К группе предметов от 12 до 15 баллов относятся более сложные ножи, косы и копья, они составляют 9 % кузнечной продукции. К группе предметов от 17 до 20 баллов относятся изделия, составляющие 25 % кузнечной продукции: ножи сложной обработки, кинжалы, топоры и инструменты ремесленников. Некоторые предметы, несмотря на малое количество операций, высоко оцениваются по балльной системе. Это означает, что некоторые простые по форме предметы выполнялись посредством сложной технологии ¹⁵.

В последнее время уделяется значительное внимание химическому анализу. В зависимости от содержания определенных элементов в исследуемых предметах устанавливается происхождение рудного сырья. На основе этих анализов находки с более высоким содержанием углерода (0,07—0,30 %), а также никеля и фосфора (0,12—0,30 %) соотносятся с лимонитическими госсанами, находящимися над железоникелевыми рудами западной Моравии, снабжавшими моравские мастерские. Группа находок с содержанием никеля и меди или же никеля, меди и фосфора относится скорее всего к лимонитическим госсанам, расположенным над месторождениями пирита в Малых Карпатах, снабжавшим мастерские в районе Братиславы. Третью группу, где удельный вес меди — 0,07—0,85 %, а смеси меди и фосфора — 0,10—0,58 % меди и 0,06—0,53 % фосфора, относят к месторождениям в Словацком рудогорье. Эта об-

ласть снабжала прежде всего центральные мастерские в районе Нитры. Впрочем, великоморавская сырьевая база была намного больше, об этом свидетельствуют современные археологические исследования железоплавильных и кузнечных объектов. Кроме того, в отдельных поселениях обрабатывался металл различного происхождения из разных горнодобывающих бассейнов.

Однако изделия и сырье по своему происхождению не всегда совпадают друг с другом. Значительные различия в качестве и происхождении материала отмечаются не только в производственных мастерских, но и в находках, обнаруженных в местах погребений. Изделия из железа очень высокого качества встречаются в бедных могилах и, наоборот, очень богатые могилы наряду с предметами высокого качества содержат изделия низкого качества. Было также установлено, что в крупных городищах и центрах находятся предметы, имеющие как высокое, так и низкое количество баллов.

Аналогичное явление можно наблюдать и при анализе массовых находок. Данный факт свидетельствует о технологии производства, связанной с отдельными видами изделий, таким образом, вряд ли можно относить некачественные изделия к неспециализированным мастерским. Здесь следует поставить также вопрос о бедных и богатых могилах — всегда ли археологический материал отражает степень богатства и бедности? Впрочем, на основе детального анализа и классификации можно прийти к заключению, что более качественные изделия встречаются в центральной части Великой Моравии, менее качественные — на периферии.

Великоморавские мастера кузнечного дела прежде всего снабжали княжеский двор, но, кроме того, они поставляли свои изделия и другим ремесленникам, крестьянам и пастухам. Ассортимент кузнечных изделий в IX в. был очень широким: сельскохозяйственные инструменты (лемехи, сошники, косы, серпы, лопаты, заступы, мотыги, и т. д.), детали конской упряжи (уздечки, пряжки, подковы и т. д.), оковки повозок, все виды инструментов ремесленников (молотки, клещи, долота, пилы, напильники, гравировальные иглы, шила, инструменты и приспособления для обработки дерева, камня, для горнодобывающего дела), детали одежды, различные предметы общего и специального назначения (оселки, скобы, гвозди, металлические детали мебели, котлы, тарелки, ведерки). Несомненно, высоко специализированными были оружейные мастерские, изготавлившие оружие и военное оснащение (мечи, копья, дротики, боевые секиры, стрмена, шпоры, шлемы и т. д.), а также слесарные мастерские, делавшие сложные пружинные замки¹⁶.

Вряд ли возможно и целесообразно перечислять отдельные виды изделий, а также оборудование мастерских. Следует, однако, сказать, что особенно в крупных великоморавских городищах мы наблюдаем наличие специализированных приемов в кузнечном деле, например,

у ножовщиков, инструментальщиков, оружейников, слесарей и т. д.; это подтверждают мастерские в Микульчицах, Старом Месте, Победиме, Нитре и др.¹⁷ Помимо археологических источников, это находит свое подтверждение и в языке — в виде названий профессиональных поселений, включающих компонент «кузнецы» или же «щитники» и «мечники» и т. д.¹⁸

Из сказанного можно заключить, что здесь образовывались и объединения производственного характера¹⁹. Многочисленные находки кузнечных изделий на территории Великой Моравии свидетельствуют о том, что с возрастанием спроса ускорялось развитие кузнечного производства и по мере роста торговли увеличивалась продукция мастерских. Распространение изделий кузнечных мастерских свидетельствует о том, что и в рамках замкнутого самообеспечивающего феодального хозяйства благодаря рынку отдельные области Великой Моравии были экономически тесно связаны друг с другом.

Разумеется, не все кузнечные изделия и не все мастерские были специализированными. Наиболее отчетливо специализация проявляется прежде всего у предметов, имеющих характер художественных изделий. Об этом свидетельствуют находки в блатницко-микульчицком слое: тщательно обработанные гарнитуры поясных украшений, шпоры, детали конской упряжи, декоративная металлическая отделка ножей, колчанов и т. д.²⁰ Значительную специализацию мастеров предполагала пластическая обработка (формовка). Эта техника применялась при изготовлении ножей и кинжалов, рукоятей мечей, шпор, оселков, декоративных деталей поясов, пряжек и металлической отделки конской упряжи. Самая сложная кузнечная техника — закаливание могло применяться лишь в специализированных мастерских; в этом случае нужно было выполнить около пятнадцати основных операций. Мечи, изготовленные посредством этой сложной техники, относятся к самым высококачественным и богатым видам оружия. Они, несомненно, предназначались для высших общественных слоев; для обычных оружейных мастерских изготовление подобной продукции было непосильным. В специализированных мастерских применялась и эффектная декоративная техника плакировки и насечки.

В великоморавский период уже отчетливо проявляется и общественная дифференциация кузнецов в зависимости от степени их специализации и владения сложнейшими технологическими приемами. Самое высокое положение, несомненно, занимали кузнецы, работавшие на княжеский двор и принадлежавшие к свободному и зажиточному слою. Особую группу составляли кузнецы, обслуживающие городища, которые селились в городищах и усадьбах светских и церковных феодалов, а также кузнецы, жившие в посадах и агломерациях предгородского типа, из которых впоследствии образовалась категория городских кузнецов. Вблизи металлургических пе-

чей и в сельских поселениях жили кузнецы-универсалы, либо кузнецы, специализирующиеся на определенных операциях. Они были более связаны с землей и феодалом.

Доказательством значительного развития цивилизации служат ювелирные украшения, изготовленные в мастерских ремесленников Великой Моравии, в искусстве которой византийские и восточные влияния соседствовали с франкскими ²¹.

Наиболее типичным и в известном смысле наиболее красивым произведением местного художественного ремесла являются женские украшения, прежде всего — серьги, ожерелья и пуговицы. Наиболее типичными и распространенными были серьги с кистью винограда на нижней дужке. Кисть состоит из отдельных гранул или же имеет вид колоса. Кроме того, эти серьги бывают украшены гранулированной или же цепочечной филигранью, верхнюю и нижнюю дужки разделяют гранулированные кольца. О высоком уровне техники специализированного ремесла свидетельствуют великолепные серьги, имеющие вид либо барабанчиков, либо корзиночек. Серьги в виде барабанчиков были прессованные, состоявшие из трех, четырех или же семи отдельно нанизанных декоративных барабанчиков. Более нарядными и технически более сложными были серьги в виде корзиночек, изготовленные из тонкой переплетенной филигранной проволоки. Заслуживают внимания серьги, у которых подвески имеют вид разнообразных гранулированных, спиралевидных или же гладких столбиков. К дорогим украшениям относятся серьги в форме полумесяца, украшенные снизу барабанчиком, пирамидкой, корзинкой или же маленькой гроздью. Среди них наиболее сложным изделием являются серьги, у которых дужка представляет собой трехконечную лунетку, украшенную тонкой грануляцией, на их нижней части прикреплены тонкие цепочки, заканчивающиеся узкими листочками ²². Доказательством зрелости и специализации ювелирного ремесла в Великой Моравии являются и украшения для простого народа, представленные в первую очередь серьгами из Нитры. Отдельные виды этих украшений свидетельствуют о сложности технологии их изготовления. О том, что изделия изготавливались специализированными ремесленниками, говорит факт использования нескольких операций, непосредственно следующих одна за другой ²³.

О высокой специализации ювелирного ремесла Великой Моравии свидетельствуют различные золотые, серебряные и медные пуговицы, изготовление которых отличалось большим разнообразием производственных операций ²⁴. Они состоят из двух полукружий или же сделаны из одного куска. Наряду с очень сложными растительными орнаментами широко использовались геометрические узоры в виде чеканных спиралей, вдавленных ребрышек, бусинок, грануляции и филиграни. Что касается технологии производства и художествен-

ных особенностей, то каждое изделие представляет собой своеобразное произведение искусства, получившее широкое распространение лишь на территории Великой Моравии и принадлежащее к вершинам ее художественного ремесла. Использование указанных изделий, несомненно, было связано с наличием определенного высоко развитого общественного слоя.

Нет необходимости более подробного рассмотрения широкого ассортимента различного рода ювелирных изделий, а также их художественно-исторического анализа, равно как и территориального либо хронологического сопоставления. Более целесообразно кратко остановиться на особенностях производства ювелирных изделий Великой Моравии, а также на анализе фактов, подтверждающих их местное производство. Наиболее ранние доказательства обработки драгоценных металлов в местах славянских городищ на территории ЧССР были обнаружены в Микульчицах²⁵. Здесь были открыты поселения, в которых, судя по всему, производились ювелирные изделия, — об этом свидетельствуют находки небольших тиглей, маленьких наковален, используемых для изготовления ювелирных изделий, молоточков, клещей, множества различных обломков, оловянных заготовок и т. д. Важной находкой, подтверждающей, что в данных местах обрабатывалось золото, является обломок маленького тигля, сохранившего вплавленные золотые крупинки. В городище Поганско у Бржецлава была найдена матрица из белого металла, служившая для прессовки металлических сережек с подвесками в виде звезд. К IX в. относится матрица, использовавшаяся для формовки сережек с тремя барабанчиками и глиняный тигель²⁶. В Старом Месте были найдены отливочные формы, обломки тиглей и железные клещи; золото-сырец, обрезки золотых пластин и крупинки золота были обнаружены в погребениях «На валах» и на территории «Шпиталки»²⁷. В Нитре были найдены мастерские, в которых были обнаружены маленькая наковальня, молоточек, клещи для резки металла, пластинки белого металла и свинца, обломки бронзы²⁸. В Братиславском граде был найден фрагмент матрицы, где на плоскости круга на точечном фоне выступал рельеф с изображением всадника на коне и фигурки, лежащей под конем. По технике исполнения этот вид производства представляет собой подлинно творческий художественный процесс²⁹.

Каменные формы для отливки украшений относятся к числу наиболее убедительных доказательств местного производства ювелирных изделий в районе славянских городищ. В каменной литейной форме из объекта 23 в Старом Месте производилась отливка декоративных кружков; в объекте 32 там же был найден фрагмент глиняной формы³⁰. Из ювелирных инструментов можно отметить клещи, молоточки, напильники и маленькие наковальни из Микульчиц и Нитры. Система металлолитейных мастерских была обнаружена

поблизости града в Старом Месте. Это были ямы диаметром 110—200 см, глубиной 10—60 см. Их вертикальные стены и дно были прожжены на 5—14 см. В центре дна был купол в виде конуса, под которым находился чистый металл, заливаемый на бронзу, таким образом, в этих печах металл не выплавлялся непосредственно из руды. В отдельных видах печей производственный процесс не мог повторяться многократно, так как печи в ходе плавки сильно повреждались. В печах плавил привозной металл, переплавляли металлические предметы и украшения, о чем свидетельствуют их обломки, обнаруженные непосредственно в плавильных печах. То, что речь идет не о полуфабрикатах или же испорченных изделиях из этих мастерских, подтверждается тем, что обломки имеют в целом иной состав, чем отливки, полученные из печей. До сих пор не решен вопрос о степени участия в этом производстве иностранных мастеров, однако создается впечатление, что позже именно великоморавские ювелиры уходили ко двору в Чехию, где происходило дальнейшее развитие прикладного искусства³¹.

К числу очень распространенных находок, обнаруженных в великоморавских погребениях, относятся стеклянные бусы, встречающиеся как по отдельности, так и в комплектах парадных ожерелий. Начиная с VIII в. в течение всего великоморавского периода были очень распространены стеклянные расчлененные бусы с перламутровым налетом, которые наряду с бусами, имеющими вид многосторонней призмы, или же с бусами в виде спирали, дыни, дискообразными бусами с прорезанной планкой принадлежат к эффектным славянским украшениям. Во многих погребениях находят бусы из дутого стекла; весьма разнообразен ассортимент бус, украшенных пластичной нитью другого цвета или же с вплавленным украшением в виде розетки и геометрических многоцветных узоров. Часто встречаются продолговатые, а также разделенные бусы из протертого стекла. Широкий ассортимент бус, а также их количество свидетельствуют о том, что у великоморавских славян стекло было одним из важнейших декоративных материалов. О происхождении этого вида изделий в специальной литературе имеются различные мнения³².

Не только множество находок, но прежде всего так называемые парадные бусы, найденные в сельских погребениях, позволяют высказать предположение о местном происхождении стеклянной продукции. Доказательством этого является находка стекольных печей в Нитре³³. К сожалению, печи были сильно повреждены, поэтому нельзя было изучить все их строение, и таким образом, восстановить их общий вид. Три печи овального вида (одна шириной 130 см, другая — 130×170 см, третья — 135×110 см) с частично сохранившимися сводами, имеющими отверстия для нагнетания воздуха, и с четырехслойным подом из камня, черепков и глины, где сохранилось большое количество стекла, однозначно говорили о том, что здесь

производилось стекло. Это подтверждают и другие аналогичные находки³⁴. Стекланные обломки в Микульчицах³⁵ и Старом Месте подтверждают факт обработки стекла. Вне всякого сомнения речь идет еще об одном виде специализированного великоморавского ремесла, предназначенного не только для внутреннего, но и для внешнего рынка.

Пожалуй, самой распространенной отраслью великоморавского ремесла было гончарное дело. До сих пор самыми многочисленными находками, обнаруженными при исследовании поселений и погребений, а также случайно, были керамические изделия или же их обломки. После обнаружения большой гончарной мастерской в Нитре на городище Лупка³⁶ появилась возможность лучше узнать важное и самое распространенное специализированное ремесло в Великой Моравии.

Были изучены 13 печей, объединенных в 3 батареи. Они состояли из двух частей: нижней отопительной камеры и верхней для обжига. Отопительная камера в проекции имела вид вытянутой груши с размерами в поперечнике 80—85 см, в длину 130—230 см, в разрезе она имела овальную форму. Она была вырыта в лёссе, дно сужалось к центру, к горловине камера постепенно языкообразно сужалась; непосредственно около горловины находилось небольшое возвышение, отделявшее камеру от предпечной ямы. Дно было гладкое, очень хорошо обожженное. Горловина около предпечной ямы в направлении к центру была очень узкой; ее диаметр составлял 50 см, диаметр центра — 125 см. Размеру отопительной камеры соответствовала форма боковых стенок, хотя в принципе они были овальными или же неправильной формы. В некоторых печах одна сторона была более высокой и закругленной, другая же — почти наклонная; у других печей обе стороны были практически одинаковыми.

На стенах отопительной камеры сохранились борозды шириной 8 см от округло заостренной мотыги или корчевального орудия, посредством которых углублялись камеры. Внутри отопительных камер находился пеплообразный слой с большим количеством черепков и упавших печных решеток.

На верхнюю часть отопительной камеры в виде свода насаживалась глиняная решетка, по краям утолщавшаяся (до 25 см), в центре — более тонкая (8—11 см). Решетка была из чистого лесса, без какой-либо скрепляющей конструкции; ее нижняя часть была неровной, верхняя — гладкой. В решетке находились углубленные тепловые каналы округлой формы, диаметром 7—8 см, которые располагались в виде двух венчиков правильной формы — один из них проходил около купола, другой располагался ближе к центру, где находилось большое четырехугольное отверстие, через которое выходил дым и которое вместе с тем обеспечивало лучшую циркуляцию воздуха и огня. Все решетка была очень сильно, до красноты

обожжена, в некоторых случаях в нижней части отопительной камеры она даже разрушилась. Ограниченная куполом решетка имела неправильную круглую или же овальную форму, ее более короткая (поперечная) ось составляла 100—150 см, более длинная (продольная) — 130—200 см.

Над решеткой поднимался купол, частично вмонтированный в лесс, так что он образовывал вместе с отопительной камерой единое целое. Лишь верхняя часть купола была незакрытой, что свидетельствует о том, что сосуды закладывались в печь сверху. К самим печам примыкали небольшие круглые или же овальные предпечные ямки диаметром 100 см, глубиной 10—15 см. Их содержимое составляли пепел и мелкие черепки.

Помимо описанных печей, были обнаружены еще три небольшие печи, имевшие в разрезе аналогичную форму, однако без решетки, т. е. они состояли из одной части. На дно печи укладывали камни; поверх которых наносился глиняный под. У этих печей также был купол, достигавший первоначально высоты 60—70 см. В печах были обнаружены остатки необожженных сосудов, что свидетельствует о том, что они служили для предварительной сушки керамики, которая лишь впоследствии поступала в печь для обжига. Вероятно, этим ускорялся процесс производства.

Заслуживает внимания одна печь без решетки, предназначенная для обжига извести, добавляемой в качестве примеси в массу, из которой изготавливалась керамика. Гончары Великой Моравии уже использовали быстровращающийся гончарный круг. Как свидетельствует находка гончарных мастерских в Нитре, в великоморавский период при княжеских городищах возникали самостоятельные, высоко специализированные гончарные мастерские, снабжавшие своими изделиями княжеский двор, а также более широкий рынок. Керамика изготавливавшаяся в мастерских на усовершенствованном гончарном круге, имела ровную форму; значительно возросло количество продукции, поэтому мастерские могли обеспечить более широкий круг потребителей. На территории Великой Моравии мы можем наблюдать несколько местных вариантов керамических изделий, характеризующихся определенными производственно-техническими отличиями; некоторые из них по своему территориальному распространению составляют большие группы. Существование поселений гончаров подтверждает топонимика — речь идет о названиях типа *glnčari*. Великоморавское гончарное ремесло сохранялось и в последующее столетие, оно стало базой, на которой возникали новые виды керамики и новая технология ее производства.

Многочисленные находки изделий из кости и рога, равно как и некоторые обнаруженные мастерские, подтверждают справедливость предположения о том, что обработку кости и рога, т. е. костяное ремесленное производство, можно считать специализированным

видом великоморавского ремесла³⁷. Добыча сырья была делом относительно простым, использование его, однако, зависело от естественного вида кости и рога, и прежде всего от их различных свойств. Они подвергались либо непосредственной обработке, либо этому предшествовала предварительная особая обработка, подтверждением чего являются глубокие, длинные и гладкие ножевые надрезы на полуфабрикатах, тонкая насечка зубцов на гребнях и резко обозначенные украшения на самых различных предметах. Кустарными изделиями считаются шила, вязальные крючки, коньки, свистки и др.; продукцией специализированных мастерских считаются изделия, требующие сложной обработки сырья, использования специальных инструментов при производстве и украшении. Это — гребни, рукоятки и черенки ножей, игольники, ткацкие дощечки, многочисленные духовые инструменты.

Костяные мастерские Великой Моравии, несомненно, производили предметы, предназначенные для более широкой области, заменяя некоторые импортные предметы.

Несмотря на то, что в великоморавских поселениях мы находим небольшое количество изделий из дерева, тем не менее многочисленные прямые и косвенные данные свидетельствуют о том, что в период Великой Моравии сформировались в качестве специализированных ремесел плотничество, бондарное и токарное дело³⁸. При постройке мощных укреплений было нужно не только множество различных балок, досок и т. д., но прежде всего это предполагало использование сложных деревянных конструкций.

К сфере специализированного мелкого производства, несомненно, относилось бондарное дело³⁹, предполагавшее наличие определенного опыта, практических навыков и специальных инструментов. Непосредственным доказательством существования этого вида ремесла являются деревянные ведерки очень тщательной обработки, хотя по письменным источникам нужно предполагать и существование винных бочек и деревянных сосудов различного назначения. Сюда относятся деревянные фляги, равно как и некоторые токарные изделия, иллюстрирующие тщательную технику обработки дерева⁴⁰.

Еще одним звеном в развитии ремесленного производства Великой Моравии, вышедшего за рамки натурального хозяйства, было производство дегтя⁴¹, до недавнего времени представленное лишь в топонимах (названия, произведенные от корня *degъtъ*, *smolъ* *reklъ*), которые можно было отнести к великоморавскому периоду. В письменных источниках данная отрасль не упоминается. Лишь система дегтярных ям, обнаруженных в Бойницах и Коши⁴² определенно позволила отнести этот способ производства к IX в. Ямы, в которых производился деготь, имели слегка выгнутые стенки, под некоторыми находилось углубление, а в нем — сосуд для сбора дегтя. На прочном дне ямы находился слой качественной серой глины,

на нем — толстая, грубая полукруглая доска, также покрытая слоем качественной серой глины, имеющая наклон вниз. Производство дегтя из древесной щепы или же березовой коры было относительно простым делом, тем не менее предполагало наличие определенных специфических знаний и рабочих навыков. Деготь, производимый в большом количестве, удовлетворял не только нужды местного потребления, но становился предметом торговли с ближайшими и более отдаленными областями.

До сих пор не было точно установлено наличие непосредственной связи между производством дегтя и древесного угля⁴³. Известно, однако, что и тот и другой производственные процессы были сосредоточены на возвышенных лесистых территориях, что говорит о некоторой специализации производства. Это подтверждается и масштабом производства, выходявшего за рамки потребностей непосредственных производителей.

Открытие великоморавских светских и церковных построек позволило объяснить развитие строительного дела⁴⁴. Принимая во внимание довольно обширное строительство в Великой Моравии, мы должны высказать предположение о существовании специализированных отечественных ремесленников, что не исключает, конечно, участия иностранных мастеров. О развитии каменной архитектуры говорят обнаруженные каменоломни и мастерские по обработке камня, специализировавшиеся также на изготовлении брусков и жерновов для обмолота зерна.

На высоком уровне находилось в Великой Моравии ткачество⁴⁵. Пряжа изготовлялась из сырья животного или растительного происхождения (шерсть, лен, шелк). Помимо грубой пряжи, используемой для шитья рабочей одежды, пряли также более тонкую шерстяную и льняную пряжу. Большинство тканей имело структуру полотна, меньше изготовлялось тканей с саржевой структурой. Парадные ткани изготовлялись с помощью челноков, наносящих узоры. С точки зрения общественного развития важное значение имеют сложнотканые импортные шелковые ткани⁴⁶. Впрочем, плохо сохранившиеся остатки таких тканей, обнаруженные в погребениях, не принадлежащих членам княжеской дружины, позволяют делать далеко идущие выводы. Данные об использовании вертикальных и горизонтальных ткацких станков говорят о постепенной специализации в изготовлении тканей.

Аналогичные выводы можно делать и о скорняжном ремесле, которое, равно как и кожевенное дело, наверняка имело умелых специализированных мастеров⁴⁷.

Многочисленные находки предметов ремесленного производства на территории Великой Моравии являются доказательством того, что великоморавские мастера не только могли воспроизводить иностранные образцы и владеть иностранной техникой, но что они соз-

дали оригинальную отечественную материальную культуру, очаги которой находились на дворах феодалов и в крупных центрах. Одновременно развивались и другие виды материального производства, необходимого для обеспечения потребностей широких слоев населения.

Изучая расположение отдельных мастерских мы можем установить, что они преимущественно концентрируются около городищ, т. е. в агломерациях, служивших не только экономическими, но и политическими и культурными центрами. Обращает на себя внимание концентрация вокруг этих агломераций поселений, называемых по характеру занятия населения. До сих пор неясно их отношение ко двору феодала. Можно предположить, что система зависимости в Великой Моравии была приблизительно такой же, какую мы знаем на нашей территории в более поздний период. Впрочем, не все поселения, получившие названия по роду занятия населения, возникли в этот период, они появлялись и позже — в X и XI в. Следует подчеркнуть, что в IX в. на территории Великой Моравии мы встречаемся с производственными агломерациями, имеющими очень много сходства с позднейшими городскими кварталами ремесленников. Таким образом, можно высказать мысль о том, что концентрация ремесел в великоморавских центрах одновременно создавала экономические предпосылки для возникновения начальных поселений городского типа.

Исходя из прямых и косвенных доказательств наличия специализированного ремесленного производства и принимая во внимание серийное и массовое производство не только отдельными ремесленниками, но прежде всего специализированными мастерскими, тесно взаимосвязанными друг с другом в процессе производства, мы можем заключить, что основы подобного производства в некоторых отраслях закладывались с середины VIII в. Специализация производства в ее полном виде развилась в IX в., когда не только возросло производство основных продуктов, но и производился прибавочный продукт в остальных отраслях ремесла. Эта эволюция существенно ускорила процесс феодализации великоморавского общества, она создала основу для последующего, более высокого типа городских ремесел.

¹ Krzemeňská B., Třeštík D. Služebná organizace v raně středověkých Čechách. — ČSČH, 1964, r. 12, s. 637.

² Stanislav J. Zo slovenského sociálneho miestopisu. Odraz rozkladu rodového zriadenia v miestnych menách na Slovensku. — In: Jazykovedný Zborník. Bratislava, 1951, d. 5, s. 58—93; Kučera M. K problému včasnostredovekej služobníckej organizácie na Slovensku. — HČ, 1964, r. 12, s. 557—574; Krajčovič R. Z. historickej toponymie služobníckych osadných názvov v Podunajsku. — In: O počiatkoch slovenských dejín. Bratislava, 1965, s. 205—252; Smilauer V. Osídlení Čech ve světle místních jmen. Praha, 1960; Krzemeňská B.,

- Tréštk D.* Přemyslovská hradiště a služební organizace přemyslovského státu. — AR, 1965, r. 17, s. 624—644, 649—655.
- ³ *Ratkoš P.* Príspevok k dejinám banského práva a baníctva na Slovensku. Bratislava, 1951; *Pošváv J.* K počátkům hornictví u západních Slovanů. — In: Slovenské historické studie. Praha, 1957, d. 2, s. 61—104; *Krajčovič R.* K otázke sociálneho rozvrstvenia staroslovanského etnika na Slovensku. — Slovenský národopis, 1956, r. 4, s. 340—354.
- ⁴ *Ratkoš P.* K otázke hranice Veľkej Moravy a Bulharska. — HČ, 1955, r. 3, s. 215; *Halaga R. O.* Sol'né hrady v Potiši a ranofeudálne pohraničie. — Nové Obzory, (Košice), 1962, r. 4, s. 77—107.
- ⁵ *Pleiner R.* Základy slovanského železářského hutnictví v českých zemích. Praha, 1958.
- ⁶ *Pleiner R.* Výroba železa ve slovanské huti u Želechovic na Uničovsku. — Rozpravy ČSAV, 1956, r. 65, seš. 6.
- ⁷ *Neustupný J.* Pravěk Československa. Praha, 1960, s. 425; *Ludíkovský K.* Staroslovanské železářské pece v Žerotíně u Šternberka. — In: Sborník Československé Společnosti archeologické. Brno, 1961, s. 48—57.
- ⁸ *Pleiner R.* Staré evropské kovářství. Praha, 1962.
- ⁹ *Bialeková D.* Stav remeselné výroby na Slovensku v 9—11 stor. — In: O počiatkoch slovenských dejín, s. 83.
- ¹⁰ *Herrmann J.* Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lautsitz. Berlin, 1966, S. 108—112; *Kurtz H.* Slawische Bodenfunde in Schlesien. Breslau, 1936, S. 33—34; *Bubeník J.* K problematice železní misky tzv. slezského typu. — AR, 1972, r. 24, s. 542—567.
- ¹¹ *Pleiner R.* Slovanské sekerovité hřivny. — SIA, 1961, r. 9, s. 405—450; *Pošváv J.* Velkomoravské železné hřivny jako platidlo. — NL, 1963, r. 18, s. 134—144.
- ¹² *Hrubec I.* Depot železných nástrojů z Sklabine. — SIA, 1965, r. 13, s. 415—422.
- ¹³ *Eisner J.* Základy kovářství v době hradištní v Československu. — Slavia Antiqua, 1948, N 1, s. 367—394.
- ¹⁴ *Pleiner R.* Die Technologie des Schmiedes in der Grossmährischen Kultur. — SIA, 1967, r. 15, s. 77—188; *Idem.* Experimental Smelting of Steel in Early Medieval Furnace. — PA, 1969, r. 60, s. 458—487; *Pleiner R., Plzák F., Quadrat O.* Poznámky k výrobní technice staroslovanských čepelí. — PA, 1956, r. 47, s. 314—344.
- ¹⁵ *Pleiner R.* Metallographische Untersuchung von vor- und frühgeschichtlichen eisernen Gegenständen aus der Tschechoslowakei. — Stahl und Eisen, (Düsseldorf), 1959, N 79, S. 294—298.
- ¹⁶ *Bialeková D.* Dávne slovanské kováčstvo. Bratislava, 1981.
- ¹⁷ *Klanica Z.* Velkomoravské řemeslo. — In: Materiály z výzkumu AÚ ČSAV v Mikulčicích. Liberec, 1972, s. 15—16; *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad. Praha, 1975, s. 320—323; *Vendtová V.* Slovanské osídlení Pobedima a okolí. — SIA, 1969, r. 17, s. 119—232; *Chropovský B.* Nitra au début du moyen âge. — AAC, 1964, N 6, c. 5—25; *Šiška S.* Slovanské sídliskové objekty v Hnojnom, okr. Michalovce. — AR, 1964, r. 16, s. 379—395.
- ¹⁸ *Krajčovič R.* K otázke sociálneho rozvrstvenia. . . , s. 353.
- ¹⁹ *Vendtová V.* Přehľad slovanských lokalít v Pobedime a okolí. — ŠZAÚSAV, 1964, r. 14, s. 171.
- ²⁰ *Eisner J.* Kultura normanská a naše země. — In: Cestami umění. Praha, 1946, s. 36—44; *Benda K.* Karolinská složka blatnického nálezu. — SIA, 1963, r. 11, s. 199—222; *Bialeková D.* Influence carolingienne sur l'art de la Slovaquie du sud-ouest sous le jour des recherches effectuées à Pobedim — district Trenčín. — In: Les questions fondamentales du peuplement du Bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siècle. Budapest, 1972, s. 103—110.

- ²¹ *Dekan J.* O genéze výtvarného prejavu Vel'kej Moravy. — Výtvarný život, 1963, r. 8, s. 283—290; *Idem.* Vel'ka Morava: Doba a umenie. Bratislava, 1976, s. 123—125; *Benda K.* Das Grossmährische Kunsthandwerk. Grossmähren — Slawenreich zwischen Byzantinern und Franken. — In: Ausstellungskatalog des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz; Bonn, 1966, S. 69; *Capelle T.* Karolingischer Schmuck in der Tschechoslowakei. — SlA, 1968, r. 16, s. 229—244.
- ²² *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravské pohřebiště «Na valách». Praha, 1955, s. 222—245; *Dostál B.* Slovanská pohřebiště ze střední doby hradištní na Moravě. Praha, 1966, s. 33—44; *Chropovský B.* Krása slovienského šperku. Bratislava, 1978, s. 19—23.
- ²³ *Chropovský B.* Slovanské pohrebisko v Nitre na Lupke. — SlA, 1962, r. 10, s. 211—212.
- ²⁴ *Klanica Z.* Velkomoravský gombík. — AR, 1970, r. 22, s. 421—446.
- ²⁵ *Poullík J.* Pevnost v lužním lese. Praha, 1967, s. 151—157.
- ²⁶ *Dostál B.* Břeslav-Pohansko, velkomoravský velmožský dvorec. Brno, 1975.
- ²⁷ *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 332.
- ²⁸ *Chropovský B.* Das frühmittelalterliche Nitrava. — In: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Höttingen, 1974, T. II, tab. 51.
- ²⁹ *Štefanovičová T.* Bratislavský hrad v 9.—12. storočí. Bratislava, 1975, s. 110—111.
- ³⁰ *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 333.
- ³¹ *Smetánka Z., Hrdlička L., Blajerová M.* Výzkum slovanského pohřebiště za jízdnou Pražského hradu v roce 1973. — AR, 1974, r. 26, s. 398.
- ³² *Eisner J.* K dejinám našeho hradištního šperku. — ČNM, 1947, r. 116, s. 142—162; *Kraskovská L.* Skvosty z doby hradištní na Slovensku. — Slavia Antiqua, 1948, r. 1, s. 536—550; *Krumphanzlová Z.* Skleněné perly doby hradištní v Čechách. — PA, 1965, r. 56, s. 161—188; *Chropovský B.* Krása slovienského šperku, s. 25.
- ³³ *Chropovský B.* Das frühmittelalterliche Nitrava, S. 165.
- ³⁴ *Čilinská Z., Točil A.* Šal'a, okres Galanta. — In: Významné slovanské náleziště na Slovensku. Bratislava, 1978, s. 200.
- ³⁵ *Poullík J.* Mikulčice, sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975, s. 144.
- ³⁶ *Chropovský B.* Slovanské pohrebisko v Nitre. . . , s. 208—210.
- ³⁷ *Hrubý V.* Slovanské kostěné předměty a jejich výroba na Moravě. — PA, 1957, r. 18, s. 118—217.
- ³⁸ *Bialeková D.* Stav remeselnej výroby. . . , s. 92; *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 256; *Klanica Z.* Velkomoravské řemeslo, s. 12; *Solle M.* Stará Kouřim a projevy velkomoravské hmotné kultury v Čechách. Praha, 1970, s. 123; *Kavan J.* Nekteré zvláštnosti v konstrukci valů slovanských hradišť v IX. a X. století. — AR, 1960, r. 12, s. 181—184.
- ³⁹ *Böhm J.* K otázce o vzniku feudalismu v Českých zemích. — Český lid, 1951, 4. 6, s. 171.
- ⁴⁰ *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 257.
- ⁴¹ *Bialeková D.* Stav remeselnej výroby. . . , s. 85—86; *Pleiner R.* Technologie kovářství a dehtařství. — In: O počiatkoch slovenských dejín, s. 101—102.
- ⁴² *Bialeková D.* Slovanské príbytky a dehtarske jamy v Bojniciach. — AR, 1963, r. 14, s. 823—824, 827—841; *Remiášová M., Ruttkay A.* Zist'ovací výskum v Koši. — SlA, 1967, r. 15, s. 455—464.
- ⁴³ *Pleiner R.* Staré evropské kovářství, s. 22.
- ⁴⁴ *Pořmourný J.* Stavební umění Velkomoravské říše. — Architektura ČSSR, 1961, N 2.
- ⁴⁵ *Kostelníková M.* Velkomoravský textil v archeologických nálezech na Moravě. —

- In: Studie AÚ ČSAV v Brně. Praha, 1972.
⁴⁶ *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 255; *Solle M.* Stará Kouřim a projevy. . . , s. 127.
⁴⁷ *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad, s. 256; *Bialeková D.* Stav remeselné výroby. . . , s. 92.

Перевод А. И. Виноградовой

А. РУТКАН

ВОЙСКО И ВООРУЖЕНИЕ В ВЕЛИКОМОРАВСКИЙ ПЕРИОД

Письменные источники раннего средневековья упоминают о 65 военных действиях, которые касались Великой Моравии. Содержащиеся в этих источниках сведения можно классифицировать, с точки зрения характера событий, о которых идет речь, следующим образом (в скобках указано количество сведений): внутренние распри (6), великоморавская экспансия (16), оборонительные действия на собственной территории (23), освободительные наступательные войны (6), подготовленные, но не осуществленные военные действия против Великой Моравии (3) и, наконец, сведения, касающиеся заключения перемирия (11)¹.

В структуре великоморавского войска мы ясно обнаруживаем элементы классового раннефеодального устройства, что проявляется прежде всего в трактовке самой военной службы: последняя рассматривается как первоочередная обязанность, а организация военной службы относится к прерогативам господствующего слоя моравского общества². Военные формирования, состоявшие из представителей привилегированного слоя (так называемая старшая и младшая дружины), являлись постоянным фактором военных акций моравских князей³. Помимо вельмож и придворной аристократии к этому слою относились выходцы из княжеских военных дружин. Часть этого военного слоя вела свое происхождение от остатков родовой аристократии, однако в преобладающей своей части это были уже представители новых военных формирований, пополняемых за счет выходцев из свободных слоев населения. В составе великоморавских дружин были, несомненно, также и воины, а возможно и малые отряды их, по происхождению относящиеся к другой этнической среде⁴.

Дружинники (*amici, milites, populus, familiares, socii* и др.) своим собственным возвышением были обязаны покровительству и привилегиям со стороны князя, взамен чего они оказывали ему поддержку. Дело заключалось не только в поставке провианта и вооружения, но также в различного рода вознаграждениях, особенно за счет военной добычи. Часть дружины составляла военное окружение

(свиту) князя, остальные отряды выступали в качестве постоянного вооруженного и по-военному организованного контингента, который размещался в градах. Такая форма военной организации, с одной стороны, отчасти решала проблему обеспечения питанием массы вооруженных людей, с другой стороны, могла успешно содействовать осуществлению принудительных функций и военно-организационных задач.

Одним из средств экономической стабилизации положения некоторых членов дружины и формой усиливающегося процесса феодализации являлось пожалование земли. В частных владениях возникали также вооруженные отряды, меньшие по численности, которые в интересах феодального собственника выполняли функцию защиты и принуждения. В составе княжеской военной организации появилась новая группа — военная дружина, находящаяся на содержании феодала и в то же время в военном отношении она в случае необходимости могла выступить в качестве составной части княжеского войска. В критических ситуациях эта особенность военной дружины феодала могла стать фактором децентрализации, поскольку дружина эта могла стать (и становилась иногда) опорой политических акций и сепаратистских тенденций отдельных представителей новой аристократии. Наиболее надежной опорой князя могли стать, в конечном счете, те дружинники, которые в материальном отношении оказывались полностью зависимыми непосредственно от князя. Таких дружинников было преобладающее большинство. Видимо, как раз к этим представителям военного окружения князя относятся те сообщения источников, которые свидетельствуют о поддержке, оказываемой ими своему государю в условиях крайне неблагоприятной для него ситуации⁵. Такие случаи, однако, были нетипичны.

В раннее средневековье дружина, однако, утрачивает в общем свой первоначальный определенный этнический характер. В условиях общих государственных и политических изменений дружинники зачастую не разделяли судьбу своих господ и, выступая в качестве воинов, меняли место своего действия. Сведения о распаде Великой Моравии, данные, согласно которым оставшийся народ распался и искал убежище в соседних странах — у болгар, мадьяр и хорватов, — все это в равной мере относится и к судьбе бывших членов дружины⁶. Другую часть великоморавского вооруженного формирования, потенциально и фактически значительно более многочисленную, представляло военное ополчение, состоящее из низшего слоя свободного населения (чадь). Эта часть моравского войска в основе своей имела, видимо, более ранние традиции военной организации, исходящей от общины, возглавлялась старшинами (кметами). Центральная организация войска применительно к регионам осуществлялась в великоморавский период в условиях системы градов, функционирование которой обеспечивали градские «шпаны» или «жупаны»⁷.

При организации ополчения речь не шла о профессиональных воинах, тем не менее, ввиду большой численности ополчения и благодаря умению владеть оружием, отряды ополчения представляли собой большую силу, причем решающее значение его сказывалось особенно при защите собственной территории. В меньшей степени характерным было участие в завоевательных походах, лишь в некоторых странах стимулом могли послужить виды на добычу, обещание (со стороны военачальников) участия в дележе захваченных трофеев. Можно предположить, что при формировании ополчения в границах градских центров и остальных градов, а также на территории отдельных феодальных владений применялись принудительные меры, что осуществлялось с помощью расположенных там частей дружины.

Стабильным военным фактором, относительно постоянной по численности своего состава была дружина. На основании письменных источников, несомненно можно сделать вывод о том, что великоморавскую дружину составляли всадники⁸. Общая численность дружины, включая центральные и периферийные грады и частные феодальные владения, колебалась, по-видимому, в пределах от 3000 до 5000 человек⁹.

Размер ополчения мог в значительной степени варьироваться. Франкские анналы именуют великоморавское войско терминами, которые свидетельствуют о том, что и по своей численности, и по производимому эффекту моравское войско представлялось франкам весьма сильным вполне сопоставимым и равноценным по сравнению со своими собственными военными силами.

Сообщение источника о войске, которое можно было наблюдать «идущим с рассвета до захода солнца», можно взять за основу при приблизительном подсчете общей численности войска, включая дружину и ополчение. Оно составляло около 8 тыс. всадников и 20—25 тыс. пехотинцев¹⁰.

Некоторые фрагментарные сведения, которые могут быть использованы при подсчете численности войска, мы можем почерпнуть из археологических источников. Дело в том, что в захоронениях, расположенных на территории градов, до трети мужчин имеют военные атрибуты.

В усадьбах феодалов удельный вес захоронений воинов еще больше — 20—40 %¹¹. С методической точки зрения представляет интерес попытка подсчитать, используя сравнение с другими странами Европы, приблизительную численность военных сил, которые использовались как минимум для защиты града. В результате оказывается, что для этого было необходимо несколько сот воинов — столько же, сколько требовалось для сооружения данного укрепления¹².

На основании демографических расчетов, связанных с определением численности населения коренной территории Великой Мора-

вии, его социального состава и предполагаемой системы организаций войска, можно высказать предположение относительно возможного максимального размера войска, достигаемого, вероятно, лишь в отдельных случаях. В этих случаях контингент войска достигал 20—30 тыс. человек. Такая численность была адекватна максимальному размеру войска европейских государственных образований того времени и была достаточной как для защиты собственной территории, так и для организации военных походов великоморавских князей за пределы страны. При отражении вторжения неприятеля в военных и диверсионных действиях, связанных с этим, принимали участие, по существу, все слои населения, включая, конечно, и невоенное население¹³. Принимая во внимание существовавшие тогда средства информации, коммуникации и формы организации следует полагать, что сбор и мобилизация войска длились относительно продолжительное время. При сборе войска сами князья выступали, конечно, непосредственно со своей дружиной, которую они имели в своем распоряжении, а посланцы князя передавали распоряжения о сборе войска другим дружинам, расположенным в отдельных центрах градской системы и в укрепленных пунктах и владениях. Военное ополчение свободного населения собиралось и формировалось уже на основании распоряжений, идущих из градских центров и соответствовало контингенту, который обеспечивали общины.

В тех случаях, когда предпринимался поход за пределы страны, шла подготовка к нападению на чужую территорию, собранные для этого военные отряды прибывали на один или несколько назначенных сборных пунктов. Сбор дружины при этом продолжался не менее 3—4 дней, а сбор ополчения — до нескольких недель. При военных действиях, связанных с защитой собственной территории, значение приобретал, прежде всего, первый этап сбора войска, сосредоточение вооруженных отрядов в пределах отведенных и предназначенных для защиты областей отдельных административных центров, которые вместе с тем выступали в виде убежища для собственного населения. В таком случае сбор войска и подготовка защиты продолжались от 1 до 3 дней.

При относительно частых, нередко значительных по масштабу военных столкновениях Великой Моравии с иноземными силами, великоморавское войско нуждалось в значительном количестве оружия.

Контингент дружины, находящейся в собственном распоряжении князя, получал оружие и пополнение лошадьми за счет средств и табунов князя. Для профессиональных воинов, прослойка которых становилась все более стабильной, в роли интендантов выступали и остальные феодалы, в том числе и церковные институты¹⁴. Великоморавское ополчение прибывало в большинстве случаев с собственным оружием, что соответствовало старой традиции, а отчасти также и сохранившейся еще системе компактных общин.

Потери в оружии, неизбежные в результате военных столкновений, пополнялись за счет поставок торговцев, сопровождавших, как правило, войско¹⁵. Починку оружия производили кузнецы и другие ремесленники, обслуживавшие князя.

Относительно высокий уровень металлургического производства отразился в изготовлении собственного вооружения¹⁶. Изготавливались, по существу, все известные в те времена виды оружия и снаряжения, при этом в процессе производства применялась высокая технология¹⁷.

В специальной литературе нередко переоценивается значение франкского оружия в экипировке славянского войска, решающее значение франкского вооружения принимается как фактор, якобы имманентно присущий славянскому обществу¹⁸. Анализ источников свидетельствует, однако, что импорт франкского оружия становился неизбежным лишь там, где менее развито собственное производство. В таком случае имело бы существенное значение запрещение экспорта оружия. Однако подобное эмбарго по отношению к Великой Моравии с ее развитым производством практически не привело бы к позитивным результатам. Поэтому франкским торговцам при соблюдении ими существовавших таможенных условий разрешалось торговать на славянской территории. Капитулярии упоминают торги мораван, где фигурировали все виды товаров¹⁹, следовательно, ограничения или запрета торговли оружием не было. Часть предметов военного снаряжения, изготовленных франками, появлялась на территории Великой Моравии как предмет торговли, часть же — как военная добыча, иногда — в виде даров в ходе дипломатических контактов или же в качестве снаряжения перебежчиков и их слуг. Вооружение франкского производства составляло в общей массе великоморавского вооружения лишь незначительную долю, но часто служило прототипом при изготовлении некоторых типов оружия в Великой Моравии.

Великая Моравия с точки зрения состояния ее военного дела и вооружения представляла собой в значительной мере однородный комплекс, в составе которого трудно различить региональную специфику и особенно отклонения, которые могли быть возможны ввиду различий западной и восточной частей страны, если учесть их различное развитие в довеликоморавский период. Хронологическая датировка представляется возможной в некоторых случаях в пределах так называемого блатнишко-микульчицкого (1-я половина IX в.) и верхнего великоморавского слоя.

Анализ выявленного фонда великоморавского вооружения (около 1400 предметов) с учетом морфологических, хронологических и функциональных критериев позволяет установить следующую генетическую и эволюционную связь²⁰.

1. Среди оружия преобладают образцы, используемые до IX в. С точки зрения их генезиса можно говорить о трех группах:

а) в первоначальном своем виде восточноевропейский тип вооружения (относящийся к так называемому аварскому, номадскому вооружению), использовавшийся также в Центральной Европе, особенно в Карпатах (узкие топоры с удлиненным обухом, боевые молоты, наконечники стрел в виде острия и в виде трехлистника или простого трехлистного острия, так называемые аварские стремена);

б) тип вооружения, преемственно связанный с оружием, восходящим к римской эпохе и последующему длительному развитию в Карпатах (узкие топоры с коротким обухом, широкие топоры, так называемые широчины, топоры «брадатицы», наконечники копий с плоским листовидным острием и с коротким колчаном) или же в более широком ареале (втульчатые наконечники — болты);

в) предметы вооружения, возникшие и сформировавшиеся в Западной Европе, попавшие затем в среду подунайских славян довеликоморавского периода (середина VIII в. и позднее) и претерпевшие здесь местную эволюцию (шпоры с крючками и петлями, образцы которых исчезают уже около IX в.).

2. В великоморавском слое отсутствуют виды вооружения, которые в VII—VIII вв. были связаны с техникой номадов-авар (сабли, наконечники копий с узким четырехгранным острием, сложный лук).

3. С точки зрения количества и частоты находок на первое место выступают некоторые виды вооружения, относящиеся к западноевропейскому типу, и именно те, которые в довеликоморавском слое встречаются лишь эпизодически (двуострые мечи); с 1-й половины IX в. появляются в нескольких вариантах шпоры с конечными пластинками. О влиянии вооружения западного типа свидетельствуют и стремена с широкой массивной ступней и более частые находки наконечников копий с крылышками.

4. Относительно редко встречаются такие виды военного снаряжения, которые не являются «номадскими» образцами VII—VIII вв., но имеют много аналогий в Восточной Европе IX в. (наконечники стрел ромбовидной или вилообразной формы, некоторые разновидности уздечек с боковыми палочками). Такие образцы появляются уже в слое, относящемся к 1-й половине IX в., и поэтому их нельзя, как это иногда делают, всецело связывать с древними мадьярами.

Около 6 % из найденных предметов военного снаряжения и вооружения зафиксированы при одиночных находках, 11 % — в укрепленных и неукрепленных поселениях и 83 % — в погребениях.

Количество захоронений, содержащих оружие, колеблется в зависимости от их местоположения. Такие захоронения почти отсутствуют в погребениях деревенского типа, до 3—4 % насчитывается их на территории градов, в укрепленных усадьбах их количество возрастает до 20—30 %.

Распространение христианского погребального обряда дает возможность определить социальное положение воинов на основании их погребений, ибо с исчезновением предметов, представлявших собой разного рода приношения, именно предметы вооружения, прежде всего мечи и шпоры, становятся символическим атрибутом общественного положения.

По сравнению с так называемыми славяно-аварскими погребениями явно уменьшается число случаев, когда в погребениях встречаются пояса, причем подобные находки становятся однообразнее ²¹. Термин *cingulum*, встречающийся в источниках IX в. ²², на основании которого поясу приписывают особое место среди предметов, символизирующих военное положение, следует понимать в переносном смысле как название пояса с висящим на нем оружием. Выражение «носить военный пояс» указывает на основные права и обязанности определенного представителя раннефеодального общества, т. е. имелось в виду полноправное положение данного лица по отношению к своему повелителю.

Существует весьма сложная, притом лишь косвенная связь между действительно существовавшим составом войска и оружием, которое представлено в захоронениях воинов. Тем не менее наличие различного оружия в захоронениях, а также констатация различных комбинаций обнаруженных видов этого оружия составляют до сих пор основу для наших суждений по вопросу о характере и видах великоморавского оружия. Девять обнаруженных видов оружия и предметов снаряжения представлены следующим образом: боевые ножи, кинжалы — 26 %, наконечники стрел — 24 %, обоюдоострые мечи — 7 %, стремяна — 2,5 %, уздечки — 1 %, топоры — 27 %, шпоры — 18 %, наконечники копий — 9 %. Случаи, когда встречается отдельно боевой нож или кинжал, составляют 5,4 %. Сочетание двух или нескольких видов оружия в одном захоронении редко, а комплекты полного вооружения представлены в исключительных случаях. Из надежно засвидетельствованных комплектов, обнаруженных в захоронениях, в наибольшем количестве представлено сочетание из четырех предметов снаряжения (топор, копье, нож, шпоры). На первое место в качестве главного вида оружия выступает обоюдоострый меч, затем следует копье и, наконец, боевой топор и стрелы.

Большое количество топоров в великоморавских захоронениях отражает ту роль, которую играл этот вид оружия в вооружении войска в западнославянском ареале ²³. Другим наиболее часто обнаруживаемым в захоронениях предметом были шпоры. Весьма характерно их наличие в захоронениях у храмов. Естественно предположить, что относительно частые случаи обнаружения шпор в указанных захоронениях свидетельствуют не о том, что шпоры были положены в качестве приношения, а о том, что они являлись составной частью снаряжения и были атрибутом представителя соответствующей

щего общественного слоя. Если сравнивать обнаруженные в захоронениях предметы с фактически существовавшим вооружением того времени, то наряду с изменениями, происходившими в погребальном обряде под влиянием христианства, можно отметить и другие факторы, благоприятствовавшие сокращению видов вооружения, обнаруженного в погребениях. Так, например, следует учесть высокую стоимость некоторых предметов вооружения; имело значение и то, что иногда оружие могло не быть собственностью умершего воина или же использовалось редко (панцирь, шлем). Влияли и чисто практические соображения, связанные с условиями захоронения в данной могиле ²⁴.

Сочетания и комбинации оружия, обнаруженного в захоронениях, проанализированы нами с помощью статистического метода с точки зрения боевого применения данного оружия. Захоронения воинов с атрибутами всадника составляют 36,7 %, без этих атрибутов — 63,3 %. Если шпоры, равно как и редко встречающиеся стремяна и уздечки, отнести к характерным признакам конницы, то процентное соотношение прочих видов вооружения в захоронениях всадников и пехотинцев будет выглядеть следующим образом: обоюдоострые мечи — 85,2 : 14,8; копья — 48,1 : 51,9; топоры — 17,0 : 83,0; стрелы — 11,4 : 88,6. Эти данные соответствуют известному факту — связи такого оружия, как меч, с конным войском, точно так же, как и употребление копий связано с конницей и пехотой. Топор — хорошо известное оружие пехоты, что косвенно нашло отражение в находках топоров в захоронениях. Минимальное наличие наконечников стрел в сочетании с предметами, характерными для конницы, свидетельствует о существенном отличии великоморавской конницы от войска, о котором мы можем судить на основании данных так называемых славяно-аварских погребений довеликоморавского периода. В IX в. стрелки из лука являлись главным образом составной частью пехоты.

Приобретение вооружения требовало значительных расходов, поэтому иметь полный комплект вооружения было под силу лишь представителю господствующего класса. В состав такого комплекта должны были входить шлем, панцирь и латы. Сведения об этих предметах великоморавского снаряжения, не обнаруженных в известных нам захоронениях, мы можем почерпнуть из франкских источников ²⁵. Полный комплект вооружения (его составляли шлем, панцирь, меч с поясом, латы, щит, копьё, шпоры и конь с соответствующим снаряжением) по своей стоимости был равен в те времена приблизительно стоимости 50 коров. Знатные представители господствующего класса иногда располагали несколькими такими комплектами. Однако подавляющее большинство воинов — пеших и конных — имело лишь основные предметы — копьё и щит, а простые представители свободного населения имели в своем распоряжении во время боя, помимо лука, нередко всего лишь дубину ²⁶.

В письменных источниках имеется немало ценных сведений относительно стратегических и тактических приемов, применявшихся в ходе военных действий во времена Великой Моравии. Мы имеем в виду сведения, относящиеся к борьбе моравян с франкским войском. Что касается военной конфронтации Моравии с Болгарией и мадьярами, то аналогичных конкретных сведений мы в источниках не находим.

В подавляющем большинстве случаев во время военных действий главным предводителем войска Великой Моравии выступал непосредственно князь. Предводительство князя и его авторитет обеспечивали сплоченность войска, которое было весьма разнородным по своему социальному составу. Оно было разнородным и с точки зрения вооружения различных его частей, и с точки зрения различных функций последних. Тем не менее великоморавское войско являлось надежной политической опорой князя. Мы не располагаем сведениями о волнениях или мятежах дружины. Об обычных нарушениях дисциплины свидетельствуют упоминания о наказаниях за кражу оружия или лошади, за незаконное присвоение части военной добычи²⁷.

Войско было разделено на конницу и пехоту. Конница, которая формировалась прежде всего из княжеских дружинников, в условиях всеобщей мобилизации дополнительно пополнялась отрядами из дружин отдельных феодалов, а также, хотя и в незначительной степени, за счет конного ополчения общин. В основе организации конницы, вероятно, была система десятков, что нашло отражение в славянской военной терминологии. Самым большим формированием согласно этой системе был полк, численность которого составляла около 1 тыс. человек, тем самым он приближался к римскому легиону. Также необходимо учесть франкскую дружину (*scaza*), которая состояла из 250—300 всадников²⁸.

Отряды ополчения (пехота) выступали в военных действиях под водительством старейшин. Не исключено, конечно, что и в составе конницы имелись отряды, формировавшиеся за счет общин, и особенно за счет отрядов других феодалов, выступавших в качестве самостоятельных единиц.

Выбор времени для ведения военных действий зависел от нападающей стороны, причем в расчет принимался, конечно, многолетний опыт. Если речь шла о походе в чужую страну, то следовало прежде всего учесть возможности обеспечения войска провиантом, одним из наиболее существенных мотивов было обеспечение максимальной добычи в результате предпринимаемой экспедиции. С точки зрения таких расчетов наиболее подходящими были июль, август и сентябрь, ибо завершение сбора урожая давало возможность собрать максимальное количество войска, обеспечив его при этом необходимым провиантом. При наступательных действиях в расчет принимались также и условия обеспечения своего войска на неприятельской

территории. Упомянутое время года соответствовало также наиболее благоприятным условиям для продвижения войска (низкий уровень рек, просохшие дороги и т. п.). Из числа достоверно установленных военных действий, относящихся к IX в., более 80 % приходится на упомянутое время. Реже военные походы совершались в других сезонных условиях, причем в таких случаях принимали участие, как правило, лишь конные отряды.

Для организации наступательных действий, подготовки нападения принимались в расчет прежде всего имевшиеся данные об оборонительной системе неприятеля, а также сведения о международном положении. Во многих завоевательных походах Восточной франкской державы, направленных против Великой Моравии, продвижение войск шло в двух или в трех направлениях, причем на каждом из них соответствующее войско преследовало самостоятельную цель. Например, в 869 г. одно войско направилось против владений Ростислава в Моравии, другое — против нитранского удела Святополка, третье было направлено на усмирение сорбов. В 872 г. два войска были направлены против Великой Моравии, а третье — против Чехии²⁹. Нападение было организовано таким образом, чтобы подвергнушая ему страну лишиться возможной помощи со стороны уже имевшихся или потенциальных союзников. Характерным явлением было концентрированное наступление, рассчитанное на явное численное превосходство. В 892 г. в наступательных действиях против Великой Моравии принимали участие два войска, возглавляемых Арнульфом, третье войско во главе с паннонским князем Вратиславом и на четвертом направлении — войско венгров³⁰.

План наступления часто основывался на информации о стратегических планах противника. Примером такой своеобразной военно-стратегической информации, дающей представление о силе и системе обороны противника на обширной территории, окружающей Франкское государство, является Баварский географ³¹. Первый вариант этого описания, действительно, мог стать ориентиром для войска, предполагающего вступить на территорию подунайских славян. Позднейшие интерполяции и дополнения к тексту, конечно, уже не преследовали таких целей.

Для наступательных действий и планов нападения реальное значение приобретала та информация, которую доставляли отряды, специально занимавшиеся рекогносцировкой и разведкой. В задачу таких отрядов входили также превентивная диверсия, уничтожение слабо охраняемых военных и хозяйственных объектов на территории неприятеля. Такую цель преследовали, например, «разведчики» (*speculatores*), которых Святополк выслал в 883 г. за Дунай, поручив им разорить владения сыновей Вильгельма и Энгельшалка, т. е. осуществить диверсию в тылу неприятеля³².

Что касается способа передвижения войска, то осуществлялось

оно, как правило, в походном порядке, который, естественно, мог видоизменяться и варьироваться в зависимости от условий местности и доступности соответствующих средств коммуникаций. Скорость передвижения войска в среднем составляла около 30—40 км в день. Значительным препятствием при переходах были водные рубежи.

К числу повинностей низших слоев местного населения относились различные саперные работы, а также снаряжение и доставка лодок, плотов и строительство мостов. Чаще всего войско переходило через реки, пользуясь бродом. На вражеской территории обследовали удобные переходы и выясняли силы врага, что делалось с помощью высланных вперед разведчиков. Переправа через большие реки (Дунай) осуществлялась с помощью лодок, челнов и т. п. Об этом прямо говорится в источниках, как, например, в связи с переходом франкского войска на территорию Великой Моравии³³.

Основной формой военного построения в раннее средневековье была глубоко эшелонированная передовая колонна. О наступлении славянского войска в форме колонн дает представление сообщение источника под 898 г.³⁴, хотя в нем содержатся некоторые спорные данные. Великоморавское войско в глубину нередко подразделялось на два эшелона. Конкретные примеры такого построения известны в славянском регионе в VII—IX в.³⁵

Даже в тех случаях, когда в источниках не содержится прямых упоминаний о великоморавских отрядах, оставляемых в резерве с целью последующего введения их в действие, следует предполагать, что использование таких отрядов, безусловно, входило в стратегические расчеты. Так, например, в ходе искусных маневров Святополка в 871 и 872 г. введение резервных отрядов, появившихся неожиданно перед франками, сыграло решающую роль в достижении победы³⁶.

Возможность непосредственного руководства боем командующий утрачивал, видимо, с момента своего приказа о начале сражения, по которому в атаку шла конница, оснащенная копьями. Такая атака становилась более эффективной в том случае, если всадники сохраняли прямую линию по всему развернутому строю. Вслед за атакой конницы сражение принимало стихийный характер и превращалось в множество разрозненных военных поединков. В этом случае дело решали численность воинов, их сноровка и качество их оружия. В том случае, если начальная атака не приносила решающего перевеса атакующим и ни одна из сторон не добивалась успеха, военные действия начинали разворачиваться на определенном, часто ограниченном поле сражения, причем в этом случае уже начинали решающим образом сказываться численное превосходство пехоты и ее способность лучше маневрировать. В этих условиях всадники нередко сходили с коней и пополняли ряды пехоты³⁷. Каждая из воюющих сторон стремилась при этом убить или пленить командующего вражеским

войском³⁸. Стихийности, явно проявлявшейся в средневековых сражениях, соответствовало, как правило, беспорядочное отступление потерпевших поражение, обычно завершавшееся паническим бегством. При этом отступающих воинов добивало местное население. Источники упоминают о большом количестве воинов, тонувших в реках³⁹. Однако такие «типичные» сражения происходили не часто. Прямое столкновение главных военных сил с целью окончательно решить спорный вопрос имело место преимущественно во время внутренних военных раздоров. Исход войны в целом решала в большинстве случаев совокупность мелких столкновений и тактических маневров.

Военная тактика великоморавского войска, отражавшего франкскую агрессию, проявлялась чаще всего в дроблении военных действий с целью непрерывно беспокоить неприятеля. К тактическим приемам относились, кроме того, максимальная активизация всех частей собственного войска и использование укрепленных пунктов, имеющих различное назначение, а также максимальная мобилизация военных сил и значительной части простого населения, укрытие его в укрепленных центрах, выполнявших роль убежища и подобно франкским крепостям являвшихся почти неприступными. Безуспешная осада подобных укрепленных пунктов, получение заложников, обещание вассалитета или уплаты дани и, наконец, возможность опустошить территорию Великой Моравии — вот тот максимум, добиться которого могло франкское войско в Великой Моравии.

Завоевательные походы великоморавских князей были обусловлены теми же факторами. Продолжительность походов Святополка в Задунавье лимитировалась в конечном счете трудностями, возникшими в результате недостаточного снабжения, из-за чего становилось невозможным оставить большое войско в чужой стране более чем на 1—2 месяца. Один из задунайских походов в 884 г. длился 12 дней, затем Святополк вернулся и лишь решив вопросы, связанные со снабжением, смог вновь послать часть своего войска в Задунавье⁴⁰.

Если оценивать характер войн Великой Моравии в целом, то можно сказать, что, с точки зрения стратегии и тактики, в этих войнах оборона преобладала над наступлением. Нередко единственным, что гарантировало успех нападающей стороны, было опустошение и разорение территории неприятеля. Из сообщений источников о разорениях, производимых на территории Великой Моравии, становятся очевидными две цели, которые преследовало франкское войско. Во-первых, франки стремились обеспечить свое войско всем необходимым, во-вторых, — гарантировать ему максимальную добычу. Об опустошениях и разорениях мы узнаем почти из каждого сообщения о франко-великоморавских конфликтах.

Население укрывало свое имущество и запасы в различных ямах, пещерах и т. п. Неприятель нередко узнавал об этом. В 869 г.,

например, Карломан разорил моравскую и нитранскую части Великой Моравии и «все, что нашел укрытым в лесах или закопанным в полях, взял в качестве трофея»⁴¹.

Другой вид опустошения преследовал стратегические цели. Целью такого разорения и опустошения был подрыв экономики страны, уничтожение источников снабжения противника и в результате этого — принуждение его к капитуляции. Уничтожая урожаи в целых областях или, как сообщается, например, под 890 г. в связи с нападением Арнульфа на Великую Моравию, уничтожая сады и виноградники, враг стремился основательно разрушить экономику страны на длительное время⁴².

Двойную цель преследовали и захватнические действия великоморавского войска. Описание похода Святополка по Задунавью явно отражает тактику выжженной земли и стремление превратить захваченные области, разделявшие Франкскую империю и Великую Моравию, в зону грабежа и опустошения⁴³.

Как было уже отмечено, одним из главных мотивов мобилизации войска была перспектива военной добычи, в которую входило оружие и снаряжение убитых и пленных врагов, а также все имущество, захваченное на территории, подвергавшейся нападению. Неудивительно поэтому, что и в Великой Моравии, как результат общей раннефеодальной тенденции, начинает заметно проявляться стремление кодифицировать правила дележа добычи.

Привилегированное положение князя, равно как и часть богатства господствующего рода, основывались в значительной степени на добыче, захваченной во время войн. Согласно «Закона судного людям» добыча, полученная в результате победы, делилась следующим образом: «шестая часть должна отходить князю, а остальное следует взять для всех людей, разделить дома равным образом между великими и малыми (людьми), или же княжеская доля отходит жупанам, а остальную добычу пусть раздают их людям». При дележе добычи не должны были обойти ни стражу, ни тех людей, которые непосредственно в битве не участвовали. Вознаграждение за храбрость следовало выплачивать за счет княжеской доли⁴⁴.

О реальном применении положений «Закона судного людям» в великоморавском обществе высказываются некоторые сомнения. Тем не менее необходимо отметить, что в этом памятнике, бытовавшем в Великой Моравии, имеются упоминания о покупке пленных и о возможности их выкупа. Во франкских анналах также есть упоминания о пленных. Чаше встречаются упоминания о предоставлении заложников как гарантии взятых на себя обязательств. В одном из сообщений (871 г.) говорится об обмене славянских заложников, при этом явно преследовалась цель вернуть пленных баварских воинов⁴⁵. Представляются необоснованными предположения о том, что со стороны великоморавского войска практиковалось преимущественно уничто-

жение вражеских воинов, что отказ от пленения их свидетельствует якобы о сильных пережитках родового строя и незрелости феодальных отношений в Великой Моравии ⁴⁶. Дело в том, что пленные представляли собой рабочую силу, а ее, причем в самом широком смысле, следует рассматривать для того времени весьма существенной частью военной добычи. Старославянская общественная структура включала в себя уже явно оформившийся слой несвободного населения. Часть этого слоя, несомненно, состояла преимущественно из военнопленных. Завоевательные походы Святополка после 874 г. ⁴⁷ свидетельствуют о стремлении великоморавского князя под предлогом распространения христианской веры захватить пленных, которые представляли собой самую дешевую, притом бесправную рабочую силу, в которой нуждалось раннефеодальное государство.

Развитие великоморавского войска, и особенно его вооружения, несет на себе отпечаток общей тенденции, характерной для значительной части Западной Европы IX—X вв., — тенденции к единообразию в терминологии и функциональной деятельности. При этом особенно проявлялась черта, присущая военному делу, — быстрое распространение целесообразных нововведений как в боевой тактике, так и в приемах ведения войны. Единообразием содействовал еще и другой фактор — эволюция в соотношении наступательного и оборонительного оружия. Перемены в наступательных формах ведения военных действий являются показателем качественных изменений в оборонительном оружии и снаряжении, и наоборот.

Важным фактором, благоприятствующим усилению единообразия в снаряжении, был процесс феодализации с сопутствующим ему развитием унификации критериев и требований по отношению к составу снаряжения феодалов, в значительной своей части вышедших из военных дружин.

С VII—VIII вв. в Европе ясно проявились два основных направления в развитии войска, причем главное отличие их состояло в особенностях организации и действий конного войска:

а) в Западной Европе господствующее положение получила тяжелая конница, наряду с которой уже со второй половины X в. большую роль стала играть пехота, организация которой основывалась, как правило, на местных традициях и формах;

б) в южных частях Восточной Европы возобладала легкая конница, формирование и развитие которой было связано преимущественно с традициями военной техники степных народов, причем пехота в этой военной организации, как правило, не имела практического значения.

Трудно установить четкую границу между этими двумя сферами. По мере проникновения степных народов в Центральную и Юго-Восточную Европу еще со времени великого переселения народов заметным становится влияние восточноевропейской военной органи-

зации. С другой стороны, формирование государственности в восточноевропейском обществе IX—X вв., связанное с процессом феодализации, приводило на этой территории к использованию конницы тяжелого типа, что неизбежно вело к использованию предметов снаряжения и оружия, генетически связанных с Западной Европой.

Определенная гетерогенность, обусловленная различным генезисом разных элементов, переплетение элементов раннефеодального западного и восточного типов вооружения явно дают себя знать при изучении великоморавского войска и его оружия. Однако наиболее характерным компонентом последних представляются те элементы, происхождение и развитие которых связано с местными историческими и общественными условиями.

Если говорить о формах организации войска, то с этой точки зрения наиболее характерно военное ополчение, отвечавшее местным традициям. На вооружении его были, прежде всего, топор, лук со стрелами, копье и щит.

Следует отметить, что с VII—VIII вв. у славян Подунавья большое значение приобрело конное войско. Существование конных отрядов часто непосредственно связывают с господством аваров, которые, как отмечается, во многом предопределили военные приемы и характер снаряжения других этнических групп, оказавшихся у них в подчинении. Следует признать, что подобную «мимикрию» в области военного дела должны были, несомненно, проявить те славяне, которые оказались непосредственно вовлеченными в политическую сферу Аварского каганата, который в этническом отношении был пестрым конгломератом племен, а в политической области не был стабильным. В соответствии с этим нет оснований рассматривать аварское вооружение как явление, которое было обусловлено формой военной организации одних лишь аваров. Аварское вооружение и снаряжение следует считать лишь частью общего культурного слоя VII—VIII вв., характерного для значительного региона — Дунайского бассейна в целом.

Снаряжение конницы так называемого аварского типа, как характерное проявление развития культуры того времени, безусловно, оказало влияние и на войско центральноевропейских славян VII—VIII вв.; употребление в конном войске стремян свидетельствует о влиянии этого типа снаряжения в более широком, даже общеевропейском масштабе. Вооружение так называемого аварского типа было проявлением, прежде всего, восточной формы организации войска, однако эта форма в VII—VIII вв. не достигла еще своего оптимального развития, если иметь в виду отдельные виды оружия и снаряжения (так, например, изгиб клинка сабли не обрел еще наиболее эффективной формы, профилировка ступни у стремян еще не была четкой, ушки у стремян еще не имели достаточно прочного крепления, форма

наконечников стрел с точки зрения эффективности и различного действия еще не была совершенной).

Вследствие постепенных изменений, происходивших в политическом и экономическом положении Подунавья в VIII в., в аварское войско стали проникать предметы франкского, славянского и, возможно, византийского оружия и снаряжения. В то же время восточные элементы не получают дальнейшего развития и с конца VIII в. начинают исчезать. Дальнейшая эволюция степного войска наблюдается в IX в. только в восточных областях европейского континента. О тех переменах, которые претерпела эта форма войска, можно судить на основании сравнения оружия так называемого аварского типа и оружия венгров, которые явились с конца IX в. преемниками восточной формы войска в Центральной Европе.

С первой половины IX в. господствующим видом оружия становится обоюдоострый меч. При обращении с ним от всадника требовалось значительное усилие. Наиболее эффективному использованию такого меча соответствовала новая форма стремени, которое должно было стать надежной и твердой опорой для всадника, вынужденного прилагать значительное усилие при обращении с мечом. Широкая, ровная и очень прочная ступня стремени стала характерной чертой этого нового вида снаряжения. Одним из основных атрибутов великоморавского всадника стали шпоры. Свидетельством явного отличия великоморавской конницы от аварской можно считать то, что в IX в. в составе конного войска все реже появляются стрелки из лука.

Анализ имеющегося материала убеждает нас в том, что войско подунайских славян в IX в. нельзя считать наследником так называемого аварского войска. В основе структуры и организации великоморавского войска была прежде всего местная славянская традиция, причем в IX в. моравское войско было пополнено тяжелой конницей, характерной для западноевропейских дружин раннего средневековья. С точки зрения закономерности развития военного дела представляется вполне естественным, что совпадения или аналогии можно наблюдать, прежде всего, в тех случаях, когда военное противостояние неизбежно приводило к проверке имеющихся военных средств и к последующему выравниванию сил враждующих сторон. Представляется поэтому вполне естественным, что в великоморавском войске мы обнаруживаем много компонентов, которые были связаны не только с развитием в соседних славянских землях, но и в Восточнофранкском королевстве.

¹ См.: PDVM.

² Bialeková D. Včasnofeudálny charakter Vel'kej Moravy. Z hl'adiska konfrontácie historických a archeologických pramenov. — In: Zakladné metodologické problémy a marxistické kategorie v archeologii. Nitra, 1978, s. 157.

³ Choc P. S mečem i štítem. České raně feudální vojenství. Praha, 1967, s. 51.

- ⁴ Ruttkay A. Vojenstvo Vel'kej Moravy. — In: IV. Medzinarodný kongres slovenskej archeologie v Sofii (1980). Zborník referatov ČSSR. Nitra, 1980, s. 132.
- ⁵ Ibidem.
- ⁶ PDVM, s. 296.
- ⁷ Hrubý V. Staré Město, velkomoravské pohřebiště «Na Valech». Praha, 1955, s. 315; Poulik J. Staří Moravané budují svůj stát. Gottwaldov, 1963; Chrapovský B. Slovensko na úsvite dejín. Bratislava, 1970, s. 78—80; Choc P. S mečem. . . , s. 53.
- ⁸ PDVM, s. 95—96.
- ⁹ Нет оснований предполагать массовое использование повозок, как это делает П. Хоп. (Choc P. S mečem. . . , s. 58).
- ¹⁰ Choc P. S mečem. . . , s. 53—56.
- ¹¹ Ruttkay A. Waffen und Reiterausrüstung. — SlA, 1975, r. 23, s. 140—142; Kalousek F. Břeslav-Pohansko. Velkomoravské pohřebiště u kostela I. — SFFUPB, 1971.
- ¹² Bialeková D. Výskum a rekonstrukcia fortifikacie na slovenskom hradisku v Pobedime. — SlA, 1978, r. 26, s. 149—177.
- ¹³ PVDM, s. 97.
- ¹⁴ Last M. Die Beweffnung der Karolingerzeit. — Nachrichten niedersächse Urgeschichte, 1972, 41, S. 77—93.
- ¹⁵ Ibid., s. 180.
- ¹⁶ Bialeková D. Sporen von slawischen Fundplätzen in Pobedim. — SlA, 1977, r. 25, s. 103—160.
- ¹⁷ Pleiner R. Die technologie des Schmiedes in der grossmährischen Kultur. — SlA, 1965, r. 15, s. 77—95; Pleiner R., Plzák F., Quadrat O. Poznámky k výrobní technice staroslovanských čepelí. — PA, 1956, r. 47, s. 314—334.
- ¹⁸ Preidel H. Die Karolingischen Schwerter bei den Westslawen. — In: Gandert Festschrift. Berlin, 1959, s. 128—142.
- ¹⁹ PDVM, s. 198—201.
- ²⁰ Подробнее об этом см.: Ruttkay A. Waffen und Reiteranrüstung. — SlA, 1976; Dostál B. Slovanská pohřebiště ze střední doby hradištní na Moravě. Praha, 1966.
- ²¹ Poulik J. Mikulčice-sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975, s. 49.
- ²² PDVM, s. 137, 150.
- ²³ Poulik J. Staroslovanská Morava. Praha, 1948, s. 33; Hrubý V. Staré Město, velkomoravske pohřebiště. . . , s. 170; Dostál B. Slovanská pohřebiště. . . , s. 70—72.
- ²⁴ Soudská E. Zbraně v našich hradištních hrobech. — ČNM, 1954, r. 123, s. 7—27.
- ²⁵ Last M. Die Bewaffnung. . . , S. 77—93; Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Berlin; N. Y., 1977, Bd. 2, Lief. 4/5, S. 466—473.
- ²⁶ PDVM, s. 97.
- ²⁷ PDVM, s. 250.
- ²⁸ Choc P. S mečem. . . , s. 93.
- ²⁹ PDVM, s. 93—95.
- ³⁰ PDVM, s. 102.
- ³¹ PDVM, s. 128.
- ³² PDVM, s. 100.
- ³³ PDVM, s. 97.
- ³⁴ Choc P. S mečem. . . , s. 368.
- ³⁵ Ibid., s. 369.
- ³⁶ PDVM, s. 95, 96.
- ³⁷ Last M. Die Bewaffnung. . .
- ³⁸ Choc P. S mečem. . . , s. 383.

³⁹ PDVM, s. 97, 101.

⁴⁰ PDVM, s. 93, 94.

⁴¹ PDVM, s. 91.

⁴² PDVM, s. 139.

⁴³ PDVM, s. 99—101.

⁴⁴ PDVM, s. 245.

⁴⁵ PDVM, s. 195.

⁴⁶ Choc P. S mečem. . . , s. 411, 412.

⁴⁷ PDVM, s. 233.

Перевод Г. Э. Санчука

Д. ТРЖЕШТИК

ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ПРЖЕМЫСЛОВЦЕВ

(Святополк и Борживой)

В статье рассматриваются отношения между Великой Моравией и Чехией как двумя политическими образованиями, крещение чешского князя Борживоя в Моравии как политический акт и значение завоевания Чехии Святополком для судеб чешской государственности.

Для исследования вопроса, оказывала ли Великая Моравия на Чехию в IX в. какое-либо серьезное влияние в политической области¹, послужила ли она своим примером как прогрессивное образование, идущее к созданию раннефеодального, основанного на классовом господстве государства, мы должны попытаться представить Чехию до завоевания ее Святополком не конгломератом разрозненных племен², а относительно единым образованием под властью одного князя, из чего следует, что Чехия была равноценным политическим партнером Великоморавского государства и что крещение Борживоя со своими политическими последствиями коснулось всей Чехии. Мы не высказываем ничего нового, подобные взгляды защищал еще Ф. Палацкий и его школа, от них отказались только в связи с общей ревизией концепции чешской истории Ф. Палацкого, которую провела школа Я. Голла в начале XX в.

Трудность исследования заключается в том, что о крещении Борживоя³ Мефодием не говорит ни один источник, который можно было бы считать современным описываемым событиям. Об этом упоминает позднее Кристиан, а затем Хроника Козьмы Пражского, возникшая около 1120 г. Из нее следует, что в начале XII в. существовала какая-то традиция, считавшаяся настолько аутентичной, что Козьма включил ее в свою Хронику. Однако это не означает ее действительной аутентичности, она могла возникнуть когда угодно на

протяжении двух столетий, отделявших крещение Борживоя от эпохи Козьмы Пражского. Причин для этого было достаточно: например, могло сказаться стремление обосновать учреждение моравского епископства в Оломоуце Вратиславом II в 1063 г. Поэтому значительное большинство историков считало крещение Борживоя Мефодием фактом весьма вероятным, хотя недоказуемым.

Однако в действительности можно довольно хорошо проследить развитие этой традиции задолго до возникновения Хроники Козьмы. Непосредственным источником Козьмы здесь были несохранившиеся «Старые пражские анналы»⁴, составленные где-то около середины XI в. на основе местных записей, одной из немецких летописей и Хроники Регинона. Их редактор поставил себе задачей составить схему начала чешской истории, это начало он видел именно в крещении Борживоя Мефодием в период власти Святополка над Чехией. Редактор «Анналов» встал перед задачей составить хронологическую последовательность, действуя на основе логических рассуждений. У Регинона он нашел сообщение, что в 890 г. король Арнульф предоставил Святополку «герцогство чехов». Это послужило ему для датировки власти Святополка в Чехии. Он не знал, когда умер Мефодий, однако у Регинона выяснил, то Святополк умер в 894 г., поэтому датировал крещение Борживоя именно этим годом. В немецкой летописи он нашел сообщение (неверное), что Арнульф умер в 901 г., поэтому датировал смерть Борживоя 901 г. Необходимо учесть, что все сведения, из которых исходил пражский хронист при реконструкции дат вокруг крещения Борживоя, имеются только в Легенде Кристиана, поэтому лишь она могла быть его источником. Только она сообщает о том, что Борживой вместе со своим народом еще до крещения был подданным Святополка и что крещение совершил Мефодий. Однако источники, которыми располагал Кристиан, содержали в себе взаимопротивоположные сведения.

Легенда «Crescente fide»⁵, автором которой был один из регенсбургских монахов, находившихся в Праге около 974 г., утверждала, что первым христианским князем в Чехии был не Борживой, а его сын Спитигнев. Это же утверждение около 983 г. повторил и Гумпольд. Напротив, Легенда о св. Людмиле⁶, написанная также в Праге и также регенсбургским монахом вскоре после написания «Crescente fide», которую автор Легенды о св. Людмиле знал, утверждала обратное: крещение приняли Борживой вместе с Людмилой.

Если бы Спитигнев, действительно, принял крещение «вместе с войском и всем народом», то это было бы, несомненно, политическим актом, а не частным делом. Это могло бы произойти только в связи с подчинением чешских князей во главе со Спитигневым королю Арнульфу в 895 г., когда Спитигнев вступил на чешский трон. Крещение подтверждало бы политический союз с Восточно-франкским королевством. Такое значительное событие обязательно упомянул бы

регенсбургский продолжатель Фульдских анналов, который внимательно следил за отношениями с Чехией — важной союзницей против Великой Моравии. Однако поскольку о крещении Спитигнева он ничего не говорит, мы должны утверждать, что оно произошло в другое время.

Автор «Crescente» явно написал неправду. Это не могло быть ошибкой, поскольку его коллега, автор Легенды о св. Людмиле, хорошо знал, что крещение приняли уже отец и мать Спитигнева. Единственным объяснением может быть то, что автор «Crescente» не признавал крещения Борживоя потому, что Мефодий окрестил чешского князя, земля которого входила в державу Святополка; следовательно, эта земля могла подлежать церковной юрисдикции Мефодия, которую, как известно, баварская церковь вообще не признавала даже на территории собственно Моравии. Для регенсбургских епископов и тем самым для автора «Crescente» первым, действительно христианским князем в Чехии был тот, который в церковно-правовом отношении подчинился Регенсбургу, а им был именно Спитигнев. Однако в 975 г. такая тенденциозность была уже излишней, так как новый регенсбургский епископ Вольфганг добровольно отказался от своих притязаний на Чехию и дал согласие на учреждение самостоятельного епископства в Праге. Поэтому понятно, что автор Легенды о св. Людмиле, говоря о крещении Людмилы и ее мужа Борживоя, не видел в этом ничего, что могло бы осложнить его отношения с епископом. Однако характерно, что даже он не упомянул о том, где и кем были крещены супруги. Очевидно, и он хотел умолчать об участии Мефодия.

Из всего этого следует, что традиция о крещении Борживоя Мефодием в связи с подчинением Чехии Святополку была жива в Праге еще в 975 г. Только как полемику с ней можно понять умышленную фальсификацию автора «Crescente». Если Кристиан, решая, какой из своих двух источников предпочесть, выбрал мнение автора Легенды о св. Людмиле, то не только потому, что, намереваясь писать о Людмиле, не мог обойти молчанием ее крещение, но и потому, что он сам хорошо знал эту традицию, которая к тому времени насчитывала уже почти 90 лет. Однако в вопросе о жизненности любой традиции решающим бывает наличие ее носителей. В нашем случае их было двое. Прежде всего это была среда пражских священников, которые до 921 г. были связаны с Людмилой. Из них нам довольно хорошо известен священник Павел, любимец Людмилы и Вацлава, который был еще жив в 935 г. Люди, его знавшие, вполне могли быть живы в семидесятых годах X в. Вторым носителем традиции, безусловно, было родовое предание Пржемысловцев. Традиции больших и малых родов в раннем средневековье всегда обладали удивительной жизнеспособностью. Эту живую традицию мог знать и Кристиан, если он, действительно, писал в 992—994 гг.⁷

Однако Легенда Кристиана⁸, как известно, относится к наиболее

дискуссионным источникам раннего средневековья⁹. Ее рассказ о крещении Борживоя¹⁰ всегда возбуждал подозрения, из-за этого Й. Добровский ее отверг и объявил фальсификацией XIV в. Однако прежде всего подозрительной представлялась ее исключительность. Действительно, ее автор объявляет себя братом чешского князя Болеслава II, родственника и сподвижника Войтеха, поэтому понятно, что легенда, написанная Пржемысловцем под патронатом такой значительной личности, как Войтех, реконструировавшая к тому же начало чешской истории как продолжение Великой Моравии и дела Мефодия, произведение, содержащее защиту славянской литургии, что очень напоминает соответствующие места великоморавского Жития Мефодия, должно было быть первостепенным источником. В неисчислимом количестве аргументов, выдвинутых за и против подлинности этой Легенды, весьма непросто ориентироваться. На основе нашего анализа Легенды Кристиана¹¹ мы считаем, что до тех пор, пока в ее тексте не будут обнаружены какие-либо явные анахронизмы и пока не будет доказано, что она была использована в каком-либо произведении, возникшем после 992—994 гг., или что она сама использовала такое произведение, мы должны считать Легенду Кристиана подлинной. Поэтому мы вправе использовать ее как источник, поскольку никто не доказал, что она не могла возникнуть в тот период, который в ней самой указан, и должны считаться с тем, что ее рассказ о крещении Борживоя основан на традиции, которая жила как в среде пражского духовенства, так и в роде Пржемысловцев. Кристиан был Пржемысловцем и одновременно монахом монастыря св. Имрама в Регенсбурге, таким образом он находился в самых тесных связях с обоими носителями этой традиции.

О Борживое Кристиан вряд ли знал больше того, что он приводит в рассказе о его крещении. Однажды, еще в молодости Борживой якобы посетил «по какому-то делу своему и народа, ему доверенного, своего господина или короля Святополка в Моравии» и был там позван на пир. Однако ему не было разрешено сесть среди христиан, а было сказано, чтобы он сел по обычаю язычников у стола на пол. Над его унижением сжалился Мефодий и предложил ему принять крещение, обещая, что он «станет господином господ своих, и все неприятели будут подчинены власти его, и потомство его будет каждый день преумножаться, как огромная река, в которую сливаются струи различных потоков». Борживой был этим убежден и попросил окрестить его. Поэтому Мефодий сразу же на другой день наставил Борживоя и тридцать его дружинников вере и после выполнения ими обычного поста окрестил их. Лишь после этого он подробно изложил христианское вероучение Борживою и богато одарил его. В дорогу домой он дал ему священника Каиха, которого Борживой поселил в Левом Градце и построил там церковь св. Климента.

Проанализируем этот небольшой текст по пунктам.

1. Кристиан — единственный из чешских авторов, который знает о том, что Святополку некоторое время принадлежала Чехия. Он, несомненно, основывался на местной чешской традиции, которая легко могла сохраниться до его времени. Чешская традиция знала о том, что Борживой получил свой народ в управление от Святополка, таким образом, Борживой был как бы наместником Святополка. С этим связано у Кристиана предсказание судьбы Борживоя Мефодием, обещавшим, что тот станет «господином господ своих», т. е. будет повелевать мораванами. Это, естественно, не могло относиться к самому Борживою, но лишь к его потомкам, о которых в этой связи здесь же и говорится. Следовательно, Кристиан должен был жить тогда, когда потомки Борживоя владели Моравией, однако остается неясным, когда это было: в 992—994 гг., как сказано в Легенде, или после 1019 г., когда князь Олдржих уже окончательно присоединил Моравию к Чехии.

2. Крещение Борживоя было проведено в Моравии, т. е. за границей. Этот факт соответствует общей ситуации и подтверждает зависимость Борживоя от Святополка, поскольку суверенные правители всегда стремились креститься у себя дома, если же некоторые из них принимали крещение за границей, то это говорит о подчиненном положении по отношению к тому, кто предоставлял им крещение.

3. Борживоя крестил Мефодий. Это обстоятельство так же, как и крещение князя вислян, указывает на то, что Мефодий сотрудничал со Святополком в деле подчинения князей покоренных земель тем, что принуждал их креститься. В этом смысле Житие Мефодия подтверждает данные Кристиана. Однако необходимо констатировать, что Житие Мефодия ничего не знает о том, что Мефодий крестил Борживоя¹². По мнению многих исследователей это заставляет серьезно усомниться в участии Мефодия в этом акте, если и не совсем его отрицать. Житие Мефодия обстоятельно перечисляет все заслуги своего героя, среди них и то, что он окрестил князя вислян, однако же о таком важном событии, как крещение чешского князя, оно молчит. Этот аргумент проистекает из ошибочного предположения, что Житие Мефодия — историческое сочинение, имеющее целью упомянуть обо всех важных делах своего героя. В действительности же это биография, написанная с явно апологетической целью. Житие возникло во второй половине 885 г. или в начале 886 г., в период, когда ученики Мефодия с трудом сопротивлялись гонениям. Биография Мефодия в этой ситуации должна была доказать, что паннонский архиепископ всегда был правоверным и действовал в интересах церкви (прежде всего папы) и Моравского государства.

Этой тенденции подчинен и выбор фактов из жизни Мефодия. Они очень точны, так как автор не мог себе позволить, чтобы противники облегчили себе полемику тем, что уличили бы его в явной неправде, однако ничто не побуждало его к тому, чтобы он приводил все факты.

Действительно, легко можно представить, что автор обошел молчанием многие действительно важные события жизни Мефодия. О крещении князя висян он упомянул в пассаже, доказывающем, что Мефодий обладал пророческим даром. Если бы автор хотел упомянуть о крещении Борживоя, связанном с подчинением Чехии, он должен был это сделать именно здесь. Однако автор не хотел перечислять земли, завоеванные Святополком, ведь он не считал нужным назвать тех язычников, против которых воевал Святополк, и даже четко не сказал, что именно Святополк победил висянского князя и именно Мефодий его окрестил. Об этом мы догадываемся. Автор здесь был занят исключительно изложением общеизвестных и успешно осуществившихся предсказаний Мефодия, а крещения Борживоя Мефодий не предсказывал. Сам факт крещения Мефодием чешского князя не имел для его цели никакого значения, ведь он также не отметил аналогичное событие в случае с князем висян.

4. Вызывала сомнения и мотивировка Кристианом принятия крещения чешским князем. Действительно, вряд ли бы кто-нибудь сейчас поверил, что Борживой крестился ради того, чтобы не сидеть как язычник на земле, в то время как христиане пируют за столом. Однако такова была практика каролингских миссионеров в Хорутании, Паннонии и, несомненно, в Моравии. Для этого юго-восточного региона миссионерской деятельности был установлен цикл проповедей к язычникам, сохранившийся в регенсбургской библиотеке, где среди вопросов, адресованных к язычникам, содержится также вопрос, не хотят ли они принять крещение для достижения определенных выгод, например, для того, чтобы они могли есть за одним столом с христианами. Это свидетельствует о том, что в этом регионе миссионерской деятельности действительно соблюдался приказ, содержащийся в некоторых пенитенциалах, о запрещении христианам есть вместе с язычниками¹³.

5. Борживой был сначала окрещен и лишь затем наставлен в вере. Такая последовательность явно противоречит обычной, когда, наоборот, основное внимание уделяется наставлению новообращенных перед крещением, но прямо соответствует, как показал Й. Цибулька¹⁴, директивам, принятым в 796 г. по инициативе Алкуина.

6. Борживой после крещения был щедро одарен. Казалось бы, речь идет об обычном и несущественном цветистом выражении, долженствующем подчеркнуть дружеские чувства, однако в действительности в то время дары были необходимой составной частью каждого «политического» крещения и должны были скреплять политическую договоренность, связанную с крещением¹⁵. Хотя Кристиан говорит о дарах Мефодия, на самом деле речь шла о дарах Святополка.

7. Борживую был дан священник Каих, которого князь поселил в Левом Градце и построил там церковь св. Климента. Верно за-

мечено, что если бы Кристиан выдумал этого Каиха, то он, несомненно, упомянул бы о большем количестве миссионеров в Чехии¹⁶. То, что он говорит лишь об одном священнике, свидетельствует о том, что Каиху вообще не была доверена миссионерская деятельность, прежде всего он не мог крестить (хотя Кристиан утверждает противоположное), потому что крещение взрослых мог проводить только епископ, а им Каих, естественно, не был. Он был придан Борживою лишь для того, чтобы новообращенный князь мог осуществлять свои обязанности христианина. Для этого была необходима церковь. Выбор патрона и места для нее не был случайным. Известно, что Климент был любимым святым кирилло-мефодиевской миссии, и хотя нельзя возникновение каждого из многочисленных храмов св. Климента в Чехии приписывать влиянию Великой Моравии, очевидно, что эта патронация была самой древней. Левый Градец, лежащий на Влтаве на север от Праги, был относительно старым городищем, возникшем ранее Праги в течение первой половины IX в. В период крещения он был скорее всего резиденцией Борживоя. Археологам до сих пор не удалось найти храм Борживоя; фундаменты ротонды, лежащие под существующим костелом, явно моложе, однако нельзя исключить, что они положены на месте более древней постройки, также ротонды. Сегодня нам точно известно, что тип ротонды был принесен в Чехию именно из Великой Моравии, поэтому вполне возможно, что он был использован уже при строительстве самого древнего храма в Чехии¹⁷.

В итоге мы должны констатировать, что в рассказе Кристиана о крещении Борживоя нельзя обнаружить ничего, что бы было в современном ему контексте неправдоподобным. Не только все факты вполне соответствуют эпохе, некоторые из них были бы просто невозможны после X в. Это в особенности относится к запрещению совместных трапез христиан с язычниками и особой форме крещения, что было связано с деятельностью каролингской миссии на юго-востоке и отмерло вместе с ее завершением где-то в течение IX в.

Во второй части рассказа Кристиан говорит о том, как после крещения Борживоя произошло восстание против князя, так как он отверг обычай отцов и принял новый и неслыханный закон христианской веры. Борживой был вынужден бежать в Моравию к Святополку и Мефодию, где и пробыл некоторое время. Между тем чехи избрали нового князя Строймира, который жил до того времени в изгнании у немцев, причем так давно, что «забыл свою родную речь». Сторонники Борживоя использовали это и стремились настроить народ против Строймира. Поэтому обе стороны договорились, что выйдут из Праги и на сеймовом поле решат, что делать. Однако сторонники Строймира тайком вооружились и договорились, что как только будет произнесен пароль «Изменимся!», обнажат оружие

и поразят сторонников Борживоя. Те, однако, узнали об этом и сами вооружились, а когда услышали пароль, быстро вынули мечи и обратили врагов в бегство. Строймир бежал, а Борживой был призван вернуться. Сразу после своего возвращения он исполнил обещание воздвигнуть храм в честь Девы Марии. Этот храм он построил в Праге.

На первом этапе христианизации такая реакция была почти закономерностью для всей Европы. Однако это историческое событие у Кристиана украшено мотивами, взятыми из какого-то эпического произведения — мотивом князя, который не может понять своих подданных, и мотивом «Изменимся!». К исторической основе событий относятся восстание против Борживоя, избрание антикнязя Строймира, бегство Борживоя в Моравию, его возвращение и постройка храма Девы Марии. Эта историческая основа не может возбуждать никаких сомнений, она весьма удачно восполняет пробелы франкских источников.

Вряд ли можно сомневаться, что чешским князем, которого Святополк сменил на престоле, был Борживой. Это, однако, означает, что к 890 г. Борживой умер, что весьма вероятно. Реконструкция дат жизни Борживоя, опирающаяся на сведения Легенды о св. Людмиле, позволяет определить, что Борживой умер в 889 г. Совершенно точно известно, что в 894 г. он был уже мертв, потому что уже весной следующего года как чешский князь фигурирует Спитигнев, но Борживой был еще жив в 888 г., когда у него родился сын Вратислав. Так как по Легенде о св. Людмиле он прожил 36 лет, то родился он в 852/3 г. Спитигнев, по некоторым сообщениям, родился в 875 г., в 889 г. ему было 14 лет. Вратислав был еще младенцем¹⁸. Поэтому ясно, что княжеский престол со смертью Борживоя освободился, так как его сыновья были еще слишком малы, чтобы принять власть. Святополк явно не хотел, чтобы был избран кто-нибудь из большого рода Пржемысловцев: случай со Строймиром был достаточным предостережением, поэтому он сам сел на престол чешских князей.

Ясно, что для чехов он не должен был искать никаких юридических оправданий, не должен был ссылаться на родство с Пржемысловцами (которого не существовало), однако какое-то обоснование своего шага он должен был иметь для переговоров с Арнульфом, который не отказывался от своих претензий на Чехию¹⁹. И он нашел его в крещении Борживоя, которое делало его «родственником» Борживоя и возлагало на него также обязанности по отношению к Борживою и его семье. Такое использование крещения как политического средства в раннем средневековье было типичным²⁰, поэтому мы можем почти с полной уверенностью предполагать, что крестным отцом Борживоя был Святополк и что Борживой одновременно установил тесные связи со своим «духовным отцом» Мефодием.

Естественно, Борживой решил креститься не для того, чтобы сидеть за одним столом со Святополком, но чтобы вести с ним переговоры в принципе на равном уровне, чтобы принадлежать к тому же обществу, что и Святополк, хотя с сохранением отношения превосходства и подчинения. В этом смысле мотивировка крещения у Кристиана отвечала действительности. Менее ясно решение Святополка окрестить именно Борживоя. В Чехии в это время было несколько князей, и сам Борживой еще в 872 г. выступал лишь как один из них. У нас нет никаких оснований предполагать, что Мефодий окрестил еще кого-нибудь из чешских князей. При этом ясно, что инициатива исходила от Святополка и Мефодия. Какие цели преследовал этим Святополк мы поймем, если вспомним сообщение Регина, что около 890 г., т. е. после крещения, чехи имели над собой одного князя «из своего рода и нации». Им мог быть только Борживой. Единственным (или главным) князем в Чехии он стал явно вследствие подчинения Святополку и крещения. Логическим объяснением здесь может быть лишь то, что Борживой стал как бы наместником Святополка в Чехии, главным по отношению к остальным князьям. Его крещение, несомненно, было условием достижения подобного положения. Это имело свои далеко идущие последствия. Вначале план Святополка явно наткнулся на серьезные препятствия, прежде всего в собственном среднечешском княжестве Борживоя. Произошло восстание, предлогом которого было именно крещение князя, и Борживой был вынужден бежать в Моравию. Главной целью восстания было освобождение от моравского господства. Однако трудно сказать, действительно ли чехи выбрали антикнязем Строймира и действительно ли произошли столкновения между сторонниками обоих князей. Кристиан или его источник не упомянули о прямом вторжении Святополка, в результате которого Борживой был вновь посажен на престол, но в этом в данной ситуации вряд ли приходится сомневаться.

§ Однако все это зависит от абсолютной хронологии событий. Мы должны исходить из того, что Святополк мог стать хозяином Чехии только в то время, когда он был во враждебных отношениях с Империей, считавшей Чехию сферой своего влияния. Поэтому невозможно полагать, что Святополк завладел Чехией сразу после форххаймского мира 874 г. Этот мир, несомненно, сохранялся до ноября 882 г., когда посланцы моравян еще приняли участие в ландтаге в Вормсе. Потом последовал период вражды из-за Паннонии, закончившийся миром осенью 884 г. Святополк обещал, что не будет при жизни Карла III нападать на земли, находившиеся в его власти. К ним относилось и «*regnum Sclavorum Behemensium*», которое, по Регину, досталось Карломану в 876 г., при разделе Империи и которое унаследовал Карл III. Хотя это не означает, что в 884 г. велись переговоры о Чехии, источник этому не противо-

речит. В любом случае Святополк должен был овладеть Чехией в период между осенью 882 г. и осенью 884 г.²¹ Крещение Борживоя произошло до 6 апреля 885 г., когда умер Мефодий. Принимая во внимание общий ход событий, можно представить себе интересующую нас хронологию примерно так: войско Святополка завладело Чехией (в результате небольшой военной акции) весной 883 г.; после этого сразу же последовало крещение Борживоя, возможно, на Троицын день; после этого должно было весьма скоро произойти восстание, очевидно еще в 883 г.; в течение следующего года Святополк был занят войной в Паннонии, поэтому не мог вмешаться в чешские дела, а Борживой находился в изгнании в Моравии; он вернулся в Чехию скорее всего в 885 г., когда у Святополка уже были развязаны руки, и вмешался в события в Чехии.

Первым актом Борживоя после возвращения было основание церкви Девы Марии в Праге²². Казалось бы, речь идет о несущественной вещи, которая могла интересовать лишь автора легенды. Но в свете археологических исследований на Пражском Граде это сообщение воспринимается совсем по-иному. И. Борковскому удалось найти остатки церкви Девы Марии. Археологические находки точно датируют постройку церкви IX в. и подтверждают, таким образом, сообщение Кристиана. Церковь, однако, была построена вне самого Града, в месте столь необычном, что в идентичности постройки церкви Девы Марии часто сомневались, ибо было непонятно, почему Борживой построил первую церковь за пределами стен. Объяснение этому дал И. Борковский на основе археологических наблюдений. Возникновение Пражского Града археологически можно датировать последней четвертью IX в., т. е. временем Борживоя или же Спитигнева. Если здесь мы находим церковь, возникшую именно в этот период, церковь, которую можно идентифицировать как церковь Девы Марии, упоминаемую на Граде позднейшими источниками, мы вряд ли можем сомневаться, что это именно та церковь, которую упоминает Кристиан как постройку Борживоя. Если же эта церковь своим местоположением явно не связана с Градом, то мы должны предполагать, что она была построена в то время, когда Града еще не было²³.

Тогда вопрос состоит в том, почему Борживой заложил церковь на каком-то пустом мысу над Влтавой. И. Борковский объяснял это тем, что на территории современного Града в раннем Средневековье был холм, называвшийся «Жижи», на южном склоне которого было обнаружено дохристианское кладбище. Загадочное название «Жижи» он объяснял, как происходящее от слова «žár» (огонь, пламя), т. е. место языческих огненных жертвоприношений, и считал, что Борживой заложил церковь Девы Марии на западном склоне этого холма-капища потому, что здесь был центр сопротивления христианству²⁴. Однако на этом месте издавна было нечто намного

более важное, чем языческое капище. Холм Жижи, по Козьме, находился в центре Града²⁵, там же находился каменный престол чешских князей, на который они садились по очень старому, лишь слегка христианизированному обычаю (в конце XII в.). Название Žiži можно выводить не только от žag, но и от *sieža, возникшего от *sēd-ja — место, где сидят, т. е. место, где князь был посажен на престол²⁶. Вряд ли можно сомневаться в том, что именно об этом престоле говорят легенды X в. о св. Вацлаве, когда рассказывают о посадении Вацлава и его отца на престол предков²⁷. И. Борковский, полагая, что Борживой перенес свой трон в Прагу из Левого Града, где была его резиденция до постройки Пражского Града, исходил из предположения, что трон всегда должен стоять в центре града²⁸. Однако это предположение ошибочно.

Пражский каменный престол далеко не единственный, известный нам в Европе²⁹. По описанию Винценция (конец XII в.), пражский престол представлял собой простую болванку, необработанный камень³⁰. Важно, что аналогичные престольные камни в других странах находились вне градов, на свободных пространствах, служивших для собраний (сеймовое поле). Из этого следует, что до возникновения Пражского Града на мысу над Влтавой, очевидно, находился княжеский престол. Это место служило полем для собраний и выборов еще задолго до того, как Борживой построил там церковь Девы Марии, а затем град. Оба его начинания имели далеко идущее значение. Тем, что он построил церковь на месте, где издавна избирались и сажались на престол чешские князья по воле всего свободного народа, он поставил это место под патронат христианского бога. Тем, что потом он поселился здесь со своей дружиной, он поставил место избрания и престол под свою власть. Таким образом, он перестал быть князем по воле народа и ограниченным народом в своих решениях и стал самодержцем, как и его господин и крестный Святополк. Он сделал так не только по примеру Святополка, но и при его непосредственной помощи. Мы уже говорили, что возвращение Борживоя в Прагу состоялось явно с помощью моравских воинов, однако это было всего лишь предположение. Теперь же для этого у нас есть материальные основания — обширное погребение, обнаруженное в предполье Пражского Града с богатыми захоронениями, содержащими типично великоморавские украшения последней четверти IX в.³¹ Погребение носит типично дружинный характер, и можно с уверенностью предполагать, что похороненные здесь люди составляли дружину Борживоя или же часть гарнизона, находившегося на Граде в период, когда здесь правил Святополк (в 889—894 гг.). Великоморавские традиции на погребении прослеживаются и далее в X в.

Таким образом, постройка церкви Девы Марии символизирует начало коренного переворота в княжестве Борживоя. Борживой

перестал быть племенным князем; тем, что он окружил важнейший племенной символ стенами своего града, он демонстративно разорвал со всей предшествующей традицией княжеской власти и общественного устройства. Чешское общество в IX в. не было, конечно, родовым обществом в чистом виде, его скорее можно обозначить, как «варварское» или как общество «военной демократии», хотя и с князьями, но избираемыми и в своих решениях ограниченными народом, органом которого было народное собрание. Борживою явно удалось с моравской помощью сломить власть этого собрания как важнейшего племенного института; он это показал как строительством храма на поле, где происходило собрание, так и позднейшим включением его в собственный град. Так был сделан первый шаг к созданию государства. Чешское предание о происхождении княжеской власти (в ее раннефеодальной форме) устанавливало причинную связь между вокняжением первого князя и основанием Праги. Исторической основой здесь явно был поступок Борживоя. Однако его имя предание не могло привести (даже если бы знало его), так как должно было представить княжескую власть справедливой, возникшей в мифическом прошлом и, следовательно, незыблемой.

Мы также видели, что без прямой поддержки Великой Моравии это было бы невозможно. Борживой стал автократом именно по отношению к народу своего княжества в Средней Чехии, где он мог опираться на свою дружину и прямую военную помощь Святополка. Однако лишь ему из всех чешских князей удалось окончательно сломить власть племенных институтов, хотя это пытались сделать многие ³².

Борживой был также князем всей Чехии. Кажется ясным, что этим положением он был обязан Святополку. Скорее всего это можно представить как форму наместничества, обеспечивающую поступление дани и военной помощи. Для этих целей в качестве посредников всегда выбирались местные князья. В Чехии было много князей: так, в 872 г. шесть из них вместе с Борживоем встали во главе чешского войска; в 895 г. в Регенсбурге принесли вассальную присягу «все чешские князья», во главе которых стояли Спитигнев и Витизла ³³. Ясно, что Спитигнев, хотя уже и не опирался на силу Великой Моравии, унаследовал положение своего отца, которое было выше остальных князей. У него, однако, был соперник, скорее всего тождественный Витиславу, упоминающемуся в 872 г. наряду с Борживоем. Исходя из положения в X в., когда соперниками Пржемысловцев были восточночешские Славниковцы, нередко считают, что этот Витизла был их предшественником в Восточной Чехии. Однако это сомнительно. Ясно лишь то, что именно 895 г. — последняя дата, когда наряду с Пржемысловцами упоминается равный им князь. Пржемысловцы опирались на крепнущую и все более «посударственному» организуемую территорию собственного средне-

чешского княжества, превращать которое в раннефеодальное государство начал именно Борживой. На рубеже IX—X вв. мы должны представлять Чехию как конгломерат княжеств, зависимых от центрального пржемысловского княжества, которое уже организовано как государство, в котором видны зародыши административной системы градов, предназначенной для сбора дани, тогда как зависимые княжества были организованы намного свободнее, в сущности еще на старых «племенных» началах³⁴. Хорошо известно, что такая картина не является необычной в начале развития раннефеодальных государств.

После всех этих рассуждений мы можем положительно ответить на вопрос, можно ли связывать возникновение чешского государства с Великой Моравией. Сотрудничество Борживоя со Святополком, внешне проявившееся в крещении, имело двоякое последствие: с одной стороны, на его основе Борживою удалось, действительно, стать раннефеодальным властителем своего народа и направить свое княжество на путь, ведущий к раннефеодальному государству; с другой стороны, как наместник Святополка Борживой стал выше остальных чешских князей, что вело к их подчинению Пржемысловцам около их среднечешского ядра, и, наконец, к возникновению в середине X в. единого чешского государства. Таким образом, чешская государственность в Праге Борживоя была наследницей великоморавской государственности.

¹ *Halaga R. O. Pomer vel' komoravskej ríše k Čechám a otázka násilia.* — Slovanický přehled, 1967, r. 53, s. 215—221.

² *Turek R. Die frühmittelalterlichen Stämmegebiete in Böhmen.* Praha, 1957; *Dobiáš J. Seit wann bilden die natürlichen Grenzen von Böhmen auch seine politische Landesgrenze?* — Historica, 1963, r. 16, s. 5—44; *Wenskus R. Die slawischen Stämme in Böhmen als ethnische Einheiten.* — In: Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit. Wiesbaden, 1967, S. 33—41; *Fiala Z. Hlavní problémy politických a kulturních dějin českých podle dnešních znalostí.* — ČSČH, 1966, r. 14, s. 54—65; *Nový R. Die Anfänge des böhmischen Staates.* Prag, 1968, s. 195—229; *Łowmiański H. Początki Polski.* Warszawa, 1970, t. IV, s. 394—444.

³ О крещении Борживоя существует обширная литература. Указываем лишь наиболее значительные работы: *Jagič V. Entstehungsgeschichte der kirchenslawischen Sprache.* Berlin, 1913, S. 69—73; *Novotný V. České dějiny.* Praha, 1913, d. 1, č. 1, s. 382—439; *Naegel A. Kirchengeschichte Böhmens.* Wien; Leipzig, 1915, Bd I/1, S. 108—226; *Chaloupecký V. Prameny X. století legendy Kristiánovy o svatém Václavovi a svatě Ludmile.* — In: Svatováclavský sborník. Praha, 1939, d. II, č. 2, s. 177—236; *Wostry W. Die Ursprünge der Primysliden.* — In: Prager Festgabe für Th. Mayer. Freilassing; Salzburg, 1953, S. 218, 237—241; *Bartoš F. M. Kníže Bořivoj na Moravě a založení Prahy.* — In: Josef Dobrovský 1753—1953. Praha, 1953, s. 430—440; *Králík O. Josef Dobrovský a bádání o počátcích českých dějin.* — In: Pocta Zdeňku Nejedlému. Olomouc, 1959, s. 123—129; *Idem. V příšeří české protohistorie.* Praha, 1969, s. 67—100; *Idem. Nejstarší rodokmen české literatury.* Praha, 1971, s. 29—42; *Králík O. Крещение Борживоя и вопрос о непрерывности старославянской литературы*

- v Чехии. — ТОДРЛ. М., 1963, т. 19, с. 148—168; *Havlík L.* Územní rozsah velkomoravské říše v posledních letech vlády krále Svatopluka. — *Slovanské štúdie*, 1960, r. 3, s. 47—60; *Idem.* Tři kapitoly z nejstarších česko-polských vztahů. — *Slovanské historické studie*, 1961, r. 4, s. 50—59; *Cibulka J.* Vypravování legendy Kristiánovy o pokřtění Bořivoje. — In: *Sborník k sedmdesátinám Jana Květa*. Praha, 1965, s. 65—72; *Fiala Z.* Hlavní problémy... , s. 58—60; *Dvorník F.* Byzantské misie u Slovanů. Praha, 1970, s. 215—222, 346—348; *Turek R.* Problémy křtu knížete Bořivoje I. — In: *Zpravodaj středočeské vlastivědy a kronikářství*. Praha, 1970, č. 2, s. 144—158; *Łowmiański H.* Początki Polski, t. IV, s. 409—423; *Idem.* Religia Słowian i jej upadek (w. VI—XII). Warszawa, 1979, s. 297—398.
- ⁴ *Třeštík D.* Die Anfänge der böhmischen Geschichtsschreibung. Die ältesten Prager Annalen. — *Studia Źródłoznawcze*, 1978, r. 22, s. 1—37.
- ⁵ *Fontes rerum bohemicarum*. Praha, 1878, d. I.
- ⁶ *Chaloupecký V.* Prameny... , s. 459—475.
- ⁷ Подробнее об этом см.: *Třeštík D.* Počátky Přemyslovců. Praha, 1981; *Idem.* Kosmovo pojetí přemyslovské pověsti. — *Český lid*, 1965, r. 52, s. 305—314; *Idem.* Historické povědomí českého raného středověku. — In: *Dawna świadomość historyczna w Polsce, Czechach, Słowacji*. Wrocław, 1978, s. 9, 14.
- ⁸ См. новейшее издание: *Ludvíkovský J.* Kristiánova legenda «Život a umučení svatého Václava a jeho báby Ludmily». Praha, 1978.
- ⁹ См. обзоры огромного количества литературы вопроса в работах: *Urbánek R.* Legenda tzv. Kristiána ve vývoji předhusitských legend ludmilských a václavských a její autor. Praha, 1977, s. 7—42; *Králík O.* Labyrint dávných dějin českých. Praha, 1970, s. 39—80; *Fiala Z.* Hlavní prameny legendy Kristiánovy. — *Rozprawy ČSAV*, 1974, r. 84, ses. 1, s. 3—7; *Jilek H.* Die Wenzels- und Ludmila — Legenden des 10. und 11. Jahrhunderts. Neuere Forschungsergebnisse. — *Zeitschrift für Ostforschung*, 1975, N 24, S. 79—148; *Ludvíkovský J.* Latinské legendy českého středověku. — *SFFUPB*, 1973/4, č. 18—19, s. 267—272.
- ¹⁰ О сообщении Кристиана см.: *Кралик О.* Крещение Борживоя... .
- ¹¹ *Třeštík D.* Deset tezí o Kristiánově legendě. — In: *Folia historica Bohemica*. Praha, 1980, č. 2, s. 7—33.
- ¹² *Dvorník F.* Byzantské misie... , s. 219.
- ¹³ *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*. — In: *Razprave Znanstvenega društva v Ljubljani*. Ljubljana, 1936, N 11. Historični odsek, N 3, s. 132—133; *Löwe H.* Die karolingische Reichsgründung und das Südosten. Stuttgart, 1937, S. 112—129.
- ¹⁴ *Cibulka J.* Vypravování legendy... , s. 65—72.
- ¹⁵ *Angenedt A.* Taufe und Politik im frühen Mittelalter. — *Frühmittelalterliche Studien*, 1973, N 7, S. 154.
- ¹⁶ *Łowmiański H.* Początki Polski, t. IV, s. 418.
- ¹⁷ *Merhautová A.* Raně středověká architektura v Čechách. Praha, 1971, s. 154—155; *Borkovský I.* Levy Hradec. Praha, 1965.
- ¹⁸ *Třeštík D.* Počátky Přemyslovců, kap. IV.
- ¹⁹ *Fiala Z.* Vztah českého státu k německé říši do počátku 13. století. — *Sborník historický*, 1959, r. 8, s. 39; *Hoffmann H.* Böhmen und das Reich im hohen Mittelalter. — *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*, 1969, N 18, S. 13.
- ²⁰ О политическом значении акта крещения см.: *Angenedt A.* Taufe... , S. 142—168; об узком понимании этого значения см.: *Kretschmar G.* Die Geschichte des Taufgottesdienstes in der alten Kirche. Kassel, 1970, S. 304.
- ²¹ *Novotný V.* České dějiny, s. 880; *Łowmiański H.* Początki Polski, t. IV, s. 355—357; *Л. Гавлик* же датирует присоединение Чехии к Моравии 874—880 гг. (*Havlík L.* Tři kapitoly... , s. 50—58).
- ²² *Merhautová A.* Raně středověká architektura... , s. 218—224.

- ²³ Borkovský I. Kostel Panny Marie na Pražském hradě. — PA, 1953, r. 44, s. 129—200; *Idem.* K otázce nejstarších kostelů na Pražském hradě. — PA, 1960, r. 51, s. 332—387; *Idem.* Der althöhmische Přemysliden—Fürstensitz Praha. Seine Anfänge und seine Entwicklung. — Historica, 1961, r. 3, s. 57—72; *Idem.* Pražský hrad v době přemyslovských knížat. — In: Památníky naší minulosti. Praha, 1969, d. VI. s. 90.
- ²⁴ Borkovský I. O počátcích Pražského hradu a o nejstarším kostele v Praze. — In: Naše minulost. Praha, 1949, d. 5, s. 38; *Idem.* Poloha kopce «Žiži» na Pražském hradě. — Časopis Společnosti přátel starožitností, 1954, r. 62, s. 15—21.
- ²⁵ Kosmas, I, 36.
- ²⁶ Mašek J. Pokus o výklad slova, jež vydavatelé Kosmovy kroniky přepisují «Žizi». — In: Výroční zpráva vyššího gymnasia českého na Novém Městě v Praze za školní rok 1876—7. Praha, 1887, s. 3—8.
- ²⁷ Der Herrschaftsantritt Sankt Wenzels in den Legenden. — In: Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Köln; Wien, 1977, s. 287—299.
- ²⁸ Borkovský J. Pražský hrad... s. 79.
- ²⁹ Holmgren G. Taga och vråka konung. Forvbänen, 1937, s. 19—26; Oliverrona K. Döma till konung. — Historisk Tidskrift (Svensk), 1942, s. 412; Hoffmann E. Königserhebung und Thronfolgeordnung in Dänemark bis zum Ausgang des Mittelalters. — In: Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Mittelalters. Köln; Wien, 1976, Bd. 5, S. 183; Macalister R. Tara. A Pagan Sanctuary of Ancient Ireland. London, 1931; Dubnison D. L'équipement de l'inauguration royale dans l'Inde védique et en Irlande. — Revue de l'histoire des religions, 1978, N 2, p. 153—164; Bloch M. Les rois thaumaturges. — In: Publications de la Faculté des lettres de l'Université de Strassbourg. Strassbourg, 1924, f. 19, p. 242.
- ³⁰ Fontes Rerum Bohemicarum. Praha, 1874, d. II, s. 412.
- ³¹ Smetánka Z., Hradlička L., Blajerová M. Výzkum slovanského pohřebiště za Jízdárnou na Pražském hradě. — AR, 1973, r. 25, s. 265—270; *Idem.* Výzkum slovanského pohřebiště za Jízdárnou Pražského hradu v roce 1973. — AR, 1974, r. 26, s. 386—405.
- ³² Sláma J. Civitas Wistrachi ducis. — Historická geografie, 1973, r. 11, s. 3—28; Łowmiański H. Początki Polski, t. IV, s. 402.
- ³³ Novotný V. České dějiny, s. 444.
- ³⁴ Подробнее о процессе становления раннефеодального государства в Чехии см.: Třeštík D. Počátky Přemyslovců.

Перевод Г. П. Мельникова

Р. ВЕЧЕРКА

ПИСЬМЕННОСТЬ ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ

Великоморавская письменность во второй половине IX в., связанная с употреблением особого письма и славянского языка в литературе, означала собой начало литературной активности в общеславянских масштабах. Это было настолько значительное и важное культурно-историческое явление, что оно привлекало к себе постоянное внимание специалистов, как в течение всего средневековья, так и с момента зарождения современной научной славистики —

с работ Йозефа Добровского, Бартоломея Копитара, Александра Христофоровича Востокова и др. — вплоть до наших дней. Благодаря длительным интенсивным усилиям нескольких поколений исследователей, в настоящее время картина великоморавской литературы в целом детально и ясно освещена¹. Однако нет общего согласия по всем вопросам, и некоторые проблемы остаются открытыми и окончательно нерешенными. Причина такого положения заключается в том, что из великоморавского литературного творчества до нас не дошло ни одного оригинала рукописи. Все, что есть до сих пор в распоряжении науки, — это более поздние списки памятников, протографы которых могли возникнуть в великоморавский период (863—885), и древние свидетельства источников о литературной деятельности Константина Философа и Мефодия и их литературной дружины.

Следовательно, конкретный облик великоморавского литературного творчества можно познать только на основе научной реконструкции.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ПИСЬМО

Литературный язык принесли в Великоморавскую державу из Византии два брата, Константин Философ и Мефодий; это был так называемый старославянский язык. Поскольку оба они были уроженцами Солуни, то уже с детского возраста хорошо владели наряду с греческим также языком славянского населения окрестностей Солуни. Именно эти славянские диалекты они взяли в основу литературного языка, на который начали переводить тексты, нужные для миссионерской и церковно-организаторской деятельности в Великой Моравии.

Простые народные диалекты, конечно, не могли полностью выполнить сложные коммуникативные задачи, возлагаемые на литературный язык, не были достаточно отшлифованным орудием для того, чтобы немедленно, без всяких модификаций служить точному и безупречному выражению сложных и часто семантически тонко оттененных философских, научных, правовых, теологических и общекультурных понятий. Поэтому система выражения должна была быть модифицирована, обогащена и дополнена так, чтобы полностью служить новым коммуникативным задачам. А так как новые потребности выражения встали перед древнейшей славянской литературной школой при переводах первых текстов с греческого, именно греческий язык, изысканный литературный язык, отшлифованный длительной и блестящей литературной традицией, послужил источником обогащения литературного языка Великой Моравии. Под влиянием греческого словарный состав старославянского языка был пополнен посредством прямых заимствований, например, таких, как *алавастръ*, *ароматъ*, *власфимъ*, *газогимакиа*, *ипокритъ* и др.

(в древнейших новозаветных текстах их засвидетельствовано около 90, в других библейских и литургических памятниках — около 40), и словообразовательной и семантической кальки (например, *благословити* является словообразовательным подражанием греч. *εὐλογεῖν*; *вина* не только имеет значение «вина», но и является эквивалентом греч. *αἴμα* — также «причина, повод, предлог, отговорка»). Таким образом под влиянием греческого обогатилась и семантическая шкала славянского слова. Подобные примеры встречаются в древнейших памятниках сотнями. В области синтаксиса греческий язык стал для старославянского образцом — прямым и косвенным — многих конструкций и оборотов. Под его влиянием укрепилась и окончательно сформировалась прежде всего система союзных слов, средств и типов сложного предложения; помимо того, греческий язык повлиял на частотность применения некоторых языковых средств в текстах и определил, таким образом, их фреквенционный индекс и их общую функционально-стилистическую характеристику; кроме того, под влиянием греческого особенно сильно увеличилась дистрибуция средств конденсации, так что многочисленные инфинитивные и причастные конструкции стали характерной чертой литературного образа выражения, чертой литературного, высокого стиля².

Но несмотря на воздействие греческого языка, старославянский сохранял свое своеобразие и коммуникативность во всем славянском мире, начиная с Великой Моравии; под влиянием греческого он приобрел только новые выразительные качества и новый функционально-стилистический облик, характер в полном смысле слова литературного, т. е. в свое время литургического языка.

Впрочем, известное первоначальное «урегулирование» и дополнение языковой системы нового славянского литературного языка было также результатом творческой языковой деятельности филологически талантливой и образованной личности Константина Философа и его представлений о том, какой должна быть структура культурного языка.

Несмотря на всю «стилизованность», которая в особенности подчеркивается лингвистикой XX в., и свое балканское происхождение, старославянский язык был, однако, и в далекой Моравии хорошо понятен народу и воспринимался как торжественная, «литературная» форма местного языка. Ведь разница между языком солунских славян и языком древних моравян и вообще языковые различия внутри славянского мира не были в это время, вероятно, больше, чем в наше время различия между диалектами одного славянского языка. Впрочем сознание языковой общности и языкового единства славян было живым и позже, в течение всего средневековья вплоть до Нового времени. Например, еще почти три века спустя после прибытия Кирилло-мефодиевского посольства в Моравию было опреде-

ленно сформулировано древним русским летописцем в «Повести временных лет» следующее: *Бѣ единѣ языкѣ словѣнскѣ; словѣни, иже сѣдяху по Дунаевѣ, иже прияха угри, и моравѣ, и чеси, и ляхове, и поляне, аже нынѣ зовомая Русь. Сѣмѣ бо первое предложены книги, моравѣ, аже прозвася грамота словѣнская, аже грамота есть в Руси и в болгарѣхъ дунайскихъ. . . А словенский языкъ и русский одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене; еще и поляне звахуся, но словенская рѣчь бѣ. Поляни же прозвани быша, зане в поли сѣдяху, а языкъ словенски единъ*³.

Из различий между диалектами солунских славян, легшими в основу старославянского языка, и диалектами моравских славян в IX в. можно привести из области фонологии следующие примеры (из старославянского и чешского языков): с ~ š за *ch после 2-й и 3-й палатализации задненебных, например: дат. п. *моуѣ*, *ѡѣсь* ~ *mouše, vše-chen*, цв- св-/зв- ~ *kv-, gv* за *kv-, *gv- перед ě < *oi, *ai, например: *ѡѣтъ*, *сѣѣзда/зѣѣзда* ~ *květ, hvězda* < *gvězda, л ~ dl, tl, например: *велѣ*, *плелѣ*, *мыло* ~ *vedl, pletl, mýdlo*, л эпен-тетическое ~ o, * например: *землѣ*, *сыплѣ* ~ *země* < *zēmā, syru* < *syru*.

Специфическим, не общеславянским являлось также произношение, фоническая реализация некоторых фонем, особенно ѣ, ю, носовых гласных, йотации, степени палатализованности согласных в положении перед передними гласными и др.

В области морфологии известны следующие древние различия: -а ~ ě в род. п. ед. ч.; в им., вин., зват. п. мн. ч. *ја-основ* и в вин. п. мн. ч. мужских *ја-основ*, например: *доушѣ* ~ *duše* др.-чеш. *duše*, *мижѣ* ~ *miže* др.-чеш. *mižě*, -ѣ ~ -а в им. п. ед. ч. причастий наст. вр. тематических глаголов 1-го и 2-го классов, например: *несѣ* ~ *nesa*, -ѣ ~ *šѣ* во 2 л. ед. ч. тематических глаголов, например: *несѣши* ~ *neseš* < *nesešѣ*, -ѣ ~ *ѣѣ*?/ѡ в 3 л. ед. ч. глаголов, например: *несѣтъ* ~ *nese* < **nesetѣ* (?).

Далее, характерным для старославянского языка является применение союза-частицы *ѡ*, неизвестной в языке моравских славян, например: *ѡ сѣѣтитѣ сѣѣ имѣѣ твоѣѣ ѡ posvěť se jméno tvé*, широкое применение предлога *отѣ* в тех случаях, в которых для чешского и некоторых других славянских языков характерен предлог **ъz*, например: *ѡдинѣ отѣ нихѣѣ ѡ jeden z nich* < **jedъnъ ѣz nъchъ*, рус. 'один из них', широкое применение дательного приименного и др.⁴

Названные и некоторые другие различия литературного языка, отличающие его от живого местного языка, не были препятствием общей понятности старославянского языка в Великой Моравии, а оценивались скорее стилистически, как черта его «высокого», книжного назначения.

Сверх того, старославянский язык в Моравии отчасти приспособлен к местным языковым условиям, так же как в более поздние времена он отчасти приспособлялся к языковой ситуации всюду, где им пользовались как литературным языком. Так, в Великой Моравии были введены в литературный язык «домашние» рефлексy с, z вместо праславянских *tj/kt, *dj, например: *помощь*, *проси́аще*, *дазь*, как это последовательно засвидетельствовано Киевским миссалом, считаемым со времен Трубецкого образцом языковой нормы старославянского языка «моравского» извода⁵. Было высказано мнение, будто эти специфические рефлексy сменили в Великой Моравии непроизносимые здесь «солунские» (t') и (d'); во всяком случае, в так называемых канонических памятниках старославянского языка появляются в приведенных позициях почти последовательно болгарские *щ/шт*, *жд*, например: *помощь/помощь*, *просаще/просаште*, *даждь*, и лишь совсем в единичных, изолированных примерах следы моравских рефлексов, например: *розъство*. Последовательным богемизмом Киевского миссала является также окончание -ъмь твор. п. ед. ч. о-основ, между тем, как в канонических памятниках имеется окончание -омь (редко также -ъмь). Систематичность приведенных богемизмов Киевского миссала объясняется иногда как проявление продуманной реформы литературного языка в Великой Моравии и его целесообразного приспособления к местной языковой ситуации⁶. Следы несистематической богемизации старославянского языка в Великой Моравии можно обнаружить, помимо того, в западно-болгарских списках X—XI вв., в которых имеются отдельные, изолированные случаи род. п. *мне* (особенно в Синайской псалтири) наряду с обыкновенным *мене*, примеры глаголов с префиксом *въ-*, например: *въвертици*, *въгнати* и др., некоторые отдельные слова, как *вельми*, *миса* и др.⁷

Эта гибкость приспособления к разной этнической и языковой среде была хорошо известна славянским средневековым литераторам, как это, например, вытекает из формулировки Константина Костенецкого Грамматика, болгарского писателя XV в., жившего в Сербии: «Когда эти добрые и удивительные мужи поразмыслили, они выбрали как самый тонкий и самый прекрасный русский язык, и к нему в помощь прибавлен был болгарский, сербский, боснийский и словенский, отчасти также чешский и хорватский языки, чтобы им охватить божественное Писание. И так переводили. . . Таким образом, дела получили свой порядок. Поэтому знатоки книг не называют этот язык ни болгарским, ни сербским, а славянским, что означает язык всех этих народов»⁸. Приведенное высказывание нельзя, конечно, воспринимать дословно в том смысле, что старославянский был искусственным смешанным образованием, созданным из элементов разных славянских языков; современная палеославистика со времен Ягича и Лескина не сомневается в его происхождении от

местного славянского диалекта. Но из того, каким образом в средневековые литераторы оценивали старославянский язык, можно делать выводы о его широкой понятности и его известной открытости по отношению к другим славянским языкам. А эти качества, которые древнейший славянский литературный язык получил уже в самом начале в Великой Моравии, давали возможность широкого международного восприятия литературы, написанной на нем, как будет показано ниже.

Что же касается письма, мы принимаем (не входя в подробности) мнение, широко распространенное в славистике со времен Шафарика, что новоизобретением Константина Философа была глаголица и что она и была тем письмом, которым писались литературные произведения, созданные на старославянском языке в Великой Моравии.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Письменность, созданная в Великой Моравии на старославянском языке и записанная глаголицей, вызывает уважение своим количественным размахом и выдающимся формуляционным и стилистическим уровнем⁹. Это была, конечно, литература по своему содержанию религиозная, потому что письменная образованность была в это время монополией церкви и религиозное мировоззрение было господствующей идеологической формой общественного сознания. В свое время эта идеология отлично служила правящему обществу слою и тогдашней классовой структуре общества.

С точки зрения ее включения в великоморавскую действительность, литературу Великой Моравии можно разделить на три цикла.

В Великой Моравии возникали прежде всего переводы (главным образом с греческого языка) литературных произведений, оригиналы которых были сюда перенесены извне и поэтому ничего не говорят о собственно великоморавской действительности. Это были уже готовые и в другом месте испробованные идеологические, пропагандистские и агитационные жанры (говоря современным языком), которые должны были укреплять новое христианское мировоззрение и новую мораль и, таким образом, обосновывать и освящать новую классовую структуру общества и новый общественный строй. Это были переводы библейских книг, молитв и литургических текстов, проповедей, житий святых и т. п.

Начальный период перевода библейских текстов на старославянский язык относится еще к Византии. По Житию Константина, после изобретения письма, но еще до отбытия в Моравию Константин начал переводить «евангельскую беседу» — *искони бѣ слово и слово бѣ у бога и богъ бѣ слово* и т. д. Это начало Евангелия от Иоанна и одновременно также начало избранных частей из евангелий, предназначенных для чтения во время службы, так называемое евангелие-

апракос. Самые древние рукописи этого типа — Ассеманиев кодекс, возникший на Юго-Западе Балкан в X—XI вв., написанный глаголицей, Саввина книга из северо-восточной Болгарии XI в., написанная кириллицей, древнерусское Остромирово евангелие середины XI в. и др.

В Великой Моравии были переведены отсутствующие или дополняющие части евангельского текста, так что вместе с первоначально переведенными частями возник полный перевод всех четырех евангелий, так называемое евангелие-тетра. Этот тип рукописей представляют Зографское четвероевангелие и Мариинское четвероевангелие, глаголические рукописи X—XI вв. Одновременно здесь возник также перевод других частей Нового завета, называемых иногда Апостол; переводились как избранные части, предназначенные для литургических целей («праксапостол»), так и весь текст в целом. Было, однако, высказано весьма правдоподобное мнение, что собственно великоморавское происхождение имеет лишь текст праксапостола; древнейшей доселе известной рукописью этого типа является Энинский апостол XI в., памятник болгарского происхождения, написанный кириллицей¹⁰.

Из библейских книг Ветхого завета в великоморавский период прежде всего была переведена Псалтирь; сохранились рукописи Синайской псалтири, написанной глаголицей, Болонской псалтири болгарского происхождения, написанной кириллицей, древнерусской Чудовской псалтири и т. д.

О том, какие другие книги Ветхого завета были переведены в кирилло-мефодиевской литературной школе Великой Моравии, можно только догадываться. По данным Жития Мефодия, под конец своей жизни Мефодий перевел при помощи двух «борзописцев» всю Библию, за исключением Маккавейских книг. В достоверности этого сообщения, однако, многие исследователи сомневаются, потому что полная версия Библии для древнейшего периода церковнославянской письменности вообще не засвидетельствована и, очевидно, не существовала и в средние века. Когда в XV в. новгородский архиепископ Геннадий в борьбе против церковной ереси хотел опереться на аутентичный текст Библии, то приказал искать библейские тексты по монастырям Древней Руси и на Балканах, но полный библейский текст ему собрать не удалось. Поэтому он сам взялся за перевод и редакцию всего свода, результатом этой работы была так называемая Библия Геннадия 1499 г. Для историка великоморавской литературы этот культурно-исторический эпизод является, конечно, важным аргументом против признания возможности существования кирилло-мефодиевского перевода всей Библии. Поэтому многие ученые толкуют процитированное место из Жития Мефодия таким образом, что Мефодий перевел только избранные части ветхозаветных книг для целей службы, называющиеся паримейник; древ-

нейшие сохранившиеся рукописи этого типа — Паримейник Григоровича XII—XIII вв. или же Паримейник Лобкова 1294—1320 гг. (оба болгарского происхождения, написаны кириллицей) отличаются⁷ обращающими на себя внимание языковыми архаизмами, связанными с кирилло-мефодиевским периодом. Но ограничение переводов Ветхого завета только рамками паримейника небесспорно, поскольку некоторые ветхозаветные тексты были открыты, помимо прочего, также в хорватских глаголических списках, язык которых выдает их кирилло-мефодиевское происхождение, но которые в паримейниках не встречаются (например, книга Руфь). Вопрос об объеме кирилло-мефодиевского перевода Библии, в особенности Ветхого завета, остается, следовательно, все еще открытым¹¹.

Что касается литургических текстов, то можно опять-таки сослаться на сообщение в Житии Мефодия о том, что в Великой Моравии был переведен весь церковный чин, т. е. по отдельности «утреня, часы, вечерня, повечерие и литургия». И в самом деле, знатоки славянской литургии констатируют, что засвидетельствованы старославянские переводы почти всех литургических книг, которыми тогда пользовались в Византии. Для того чтобы охарактеризовать ситуацию в Великой Моравии, особо важна древняя глаголическая рукопись XI в., так называемый Синайский требник, большая часть которой представляет собой списки с моравских протографов (некоторые молитвы — более позднего болгарского происхождения). Синайский требник содержит основные византийские богослужебные тексты, а именно — избранные тексты молитв из молитвенника, т. е. настоящий «требник», а с другой стороны, — «служебник» с литургией Иоанна Златоуста. В особенности характерны молитвы, написанные на первом листке служебника; это так называемая проскомидия, т. е. сборник подготовительных молитв, предшествующих собственно обедне. Характерно, что эта проскомидия великоморавского происхождения отличается от греческой литургической традиции (и от более поздней православной славянской литургии), поскольку содержит некоторые бесспорно западные черты; поэтому в ней искали следы самостоятельного литургического творчества Константина. Так же и в формулах собственно требника проявляется западное влияние, например, в форме исповеди, несмотря на то, что к ней до сих пор не была найдена соответствующая латинская параллель; сохранилась одна ее часть, известная в науке как Молитва св. Имрима (в древневерхне-немецкой версии), а поскольку наряду с этим ее славянское звучание содержится в Фрейзингенских фрагментах — рукописи, написанной латиницей (примитивной орфографией) и вышедшей из словенской языковой среды X в., была высказана правдоподобная гипотеза о том, что мы имеем дело с примером того, как Константин и Мефодий использовали формулы и молитвы, переведенные франкскими миссионерами уже раньше и вошедшие в обиход в Моравии и Паннонии

в докирилло-мефодиевский период. Но Константин эти формулы не принимал без изменений, а приспособлял их соответственно своему литургическому замыслу и всей культурной ориентации своей школы таким образом, что включал в них молитвы и псалмы византийского образца¹².

Другие рукописи, освещающие литургическую практику в Великой Моравии, — Киевский миссал (Киевские листки), глаголическая рукопись чешского происхождения начала X в., содержащая молитвы обедни, переведенные с латинского языка; Венские листки, фрагменты книги такого же характера из хорватской языковой среды XI—XII вв.; наконец, канон мессы, засвидетельствованный только в младших хорватских глаголических служебниках XIV в. Все они, вероятно, образуют часть так называемой литургии Петра, т. е. литургии западного типа, но распространенной одновременно (в греческой языковой версии) среди греков в Иллирии¹³.

Следовательно, в общем можно литургию, введенную Константином и Мефодием в Великой Моравии, охарактеризовать как оригинальную комбинацию разных элементов византийской и римской (C) литургической практики¹⁴.

В великоморавский период, кроме того, вошел в обиход панегирик, известный под названием «Слово на пренесение мощей преславного Климента, или Херсонская легенда». Это славянская компиляция (перевод) трех греческих произведений Константина Философа о перенесении мощей св. Климента, о чем дал информацию еще в IX в. папский библиотекарь Анастасий через латинское письмо епископу Гаудериху из Веллетри; это, по его указанию, были исторический рассказ, речь и гимн. Современная славистика склоняется к точке зрения, что эта славянская версия, дошедшая до нас, правда, только в младших списках кириллицей, но относящаяся по-видимому, к глаголическому оригиналу, вероятно, тоже произведение самого Константина Философа¹⁵.

До сих пор окончательно не выяснен также вопрос о великоморавских переводах произведений, которые Житие Мефодия называет отъчьскыѣ книги. Некоторые слависты подразумевают под этими книгами произведения церковных отцов, другие же — произведения о церковных отцах, т. е. в сущности агиографию (жития святых). Новейшие исследователи склоняются скорее к первому решению, они считают, что это были в сущности гомилии, излагающие библейские и другие религиозные мотивы. Открывается великоморавское происхождение некоторых гомилий, содержащихся в глаголической рукописи Клоца XI в., в Супрасльской рукописи болгарского происхождения, написанной кириллицей в XI в. (подавляющее большинство статей Супрасльской рукописи в литературном отношении уже является послевеликоморавским, болгарским) и в младшем сборнике Михановича сербского извода¹⁶.

Это были переводы «первого цикла». Переводами «второго цикла» мы считаем произведения, которые с великоморавской действительностью и общественным строем были связаны более непосредственно — не только идеологически, но и в отношении организации и управления, а именно — произведения правового содержания¹⁷.

Мефодий прежде всего перевел с греческого Номоканон, или же, по словам древних источников, «закону правило», т. е. сборник церковного права. В византийской литературе существовали два типа номоканонов: с одной стороны, так называемая Синагога 50 титулов Иоанна Схоластика, с другой стороны, более обширная анонимная Синтагма 14 титулов. В новейшее время в славистике общепринято мнение, что Мефодий перевел Синагогу Иоанна Схоластика; этот перевод сохранился только в списках XIII в. в рукописи русской редакции, называемой Устюжская кормчая. Вскоре после перевода в Великой Моравии в Болгарии при царе Симеоне возник новый перевод сборника церковного права, на этот раз более пространной и более полной Синтагмы 14 титулов, но, вероятно, был использован и более ранний перевод Мефодия, который был на болгарской почве по греческому образцу исправлен и дополнен. Список этого болгарского перевода, сохранившийся в русской рукописи XI—XII вв., называемой Ефремовская кормчая, содержит, следовательно, также следы древнего перевода Мефодия¹⁸. Фрагменты из него, кроме того, засвидетельствованы в так называемых Ибрамских глоссах, вписанных латиницей (примитивной орфографией) в латинскую рукопись церковных канонов, может быть, уже в IX в.¹⁹

Вторым великоморавским памятником этого тематического круга является судебный кодекс для мирян, названный «Закон судный людем» (далее — ЗСЛ), тесно связанный с Номоканоном, сохранившийся в ряде младших списков в составе тех же рукописных сборников. Это, в сущности, перевод предписаний из византийской Эклоги, дополненный несколькими оригинальными статьями. В некоторых случаях суровые наказания византийского образца смягчаются по западному праву. Это не систематическое пособие, а скорее всего какой-то «вспомогательный кодекс», в котором речь идет прежде всего о вопросах имущественной сферы и брачного права. Его тесная связь с Номоканоном, а также язык свидетельствуют об авторстве Мефодия, мнение об авторстве Константина в славистике пока что встречается в единичных случаях²⁰.

Третьим памятником великоморавского происхождения правового характера являются так называемые «Заповѣди сватыхъ отьць», сборник предписаний для кающихся (пенитенциал), предназначенный для нужд священников, принимающих исповедь. Этот сборник был переведен с латинского языка с какой-нибудь из не установленных до сих пор редакций латинского Мерзбургского пенитенциала. Славянская версия засвидетельствована, с одной стороны,

в упомянутом уже Синайском требнике, памятнике глаголической письменности, с другой стороны, в двух младших списках русской редакции (вместе с Номоканоном)²¹. Достойны внимания связи этого памятника с ЗСЛ в области содержания: кажется, что ЗСЛ создавался уже с учетом Заповедей, поскольку опускает некоторые статьи, в них содержащиеся, несмотря на то, что в его образце (т. е. греческой Эклоге) они толкуются.

К памятникам правового назначения в более узком смысле слова принадлежит также оригинальная, непереведенная проповедь, которую современные исследователи приписали Мефодию. Она сохранилась в единственном списке, а именно — в глаголическом сборнике Клоца XI в. Ее содержание — призыв к светским властям следить за соблюдением предписаний ЗСЛ²². Для историка эти памятники наряду с ценными реалиями своего времени содержат подтверждение того, что в Великой Моравии должна была уже в IX в. существовать правовая и исполнительная власть, которая заботилась о соблюдении соответствующих законов, хотя остается вопросом, в какой мере и вообще имели ли силу эти кодексы в юридической практике Великой Моравии.

Самым ценным плодом великоморавской литературной активности — памятниками «третьего цикла» — являются оригинальные, непереведенные произведения, отражающие непосредственно моравскую действительность IX в. Первое место среди них, бесспорно, занимают два памятника-жизнеописания: Житие Константина и Житие Мефодия, иногда называемые также не совсем точно Паннонскими легендами. К ним относится древнейшее славянское (нерифмованное) стихотворение «Проглас» к евангелию Константина Философа, литургический канон в честь Дмитрия Солунского и, наконец, два панегирика (торжественные речи) — «Похвала Кириллу» и «Похвальное слово в честь Кирилла и Мефодия», автором которых или же, по крайней мере, одного из них был, вероятно, один из видных представителей великоморавской литературной школы, а затем создатель охридского центра болгарской литературы Климент Охридский (Величский). Все они дошли до нас в более поздних церковнославянских списках разных изводов.

В обоих жизнеописаниях в общей композиции и стиле сказывается зависимость от житийной и византийской литературы, однако всем своим идейным направлением и локализацией они принадлежат Великой Моравии. В отношении содержания они связаны друг с другом таким образом, что Житие Мефодия только кратко резюмирует факты, описанные в Житии Константина, и более подробно изображает события после смерти Константина, в его Житии уже не отраженные. Оба памятника внутренне связаны также идеологически, оба они выливаются в страстную защиту дела Кирилла и Мефодия. Житие Константина полемически заострено против предста-

вителей духовенства, одобряющих церковную письменность только на трех «священных» языках: еврейском, греческом, латинском. Но в нем отражены также само начало деятельности Константина и Мефодия в Великой Моравии и борьба за признание права пользоваться здесь старославянским языком как языком литургии и письменности вообще. Впрочем, мотив полемики с трехязычием появляется и в других произведениях «третьего цикла» — это своего рода общее место произведений великоморавской литературной школы. «Житие Мефодия» полемически направлено против баварского духовенства и, следовательно, пронизано идеологией, типичной для эпохи после смерти Константина, для времени правления князя Святополка.

Между обоими памятниками есть известное отличие. Житие Мефодия короче и написано более простым стилем, чем сложное Житие Константина с фигурами, присущими стилю ученого и оратора. Эти жития представляют собой исторический источник первостепенной важности, историческая ценность и достоверность которого, в особенности для моравской истории второй половины IX в., снова и снова подтверждается. Но эти произведения — не только пассивное отражение своего времени, мертвый документ его политической и культурной жизни и идеологической борьбы, они сами являются активным звеном и орудием в этой борьбе, они возникли как средство пропаганды и защиты славянской книжной образованности. Именно эта их ясная и определенная направленность вместе с изысканным стилистическим мастерством и отшлифованностью выражения поднимает их на уровень лучших произведений средневековой славянской и вообще европейской письменности²³.

Идея защиты и обороны прав славянского языка — основа практически всех произведений «третьего цикла». При этом формулировка аргументов и целей отличается таким свободолобием и прогрессивностью, что даже у современного читателя вызывает большие симпатии.

Наряду с социальными функциями, идейным зарядом и художественным мастерством великоморавского литературного творчества историка литературы интересуют также вопросы более узкие, прежде всего — об авторстве памятников. Кроме Константина-Кирилла и Мефодия, нам по имени известен еще только один литературно активный член великоморавской литературной дружины — Климент Охридский (Величский). Ему иногда приписывают Житие Константина или же Житие Мефодия. Характеризуя великоморавские памятники и их стиль, говорят о пласте «константиновском» и о пласте «мефодиевском», но и здесь исследователи не пришли к единству, например ЗСЛ и литургический канон в честь Димитрия Солунского приписывают то первому, то второму из братьев.

Однако положение в Великой Моравии — в отношении авторства текстов — было, вероятно, гораздо сложнее, чем это отражается

в простой двухсторонней схеме «Мефодий—Константин» или же в трехсторонней «Константин—Мефодий—Климент». В результате детального анализа языка и стиля памятников, возникших в Великой Моравии, в последнее время обнаруживаются поразительные различия, как в стиле оригинальных произведений, так, в особенности, в стиле переводных памятников. Еще раньше были известны различия между первоначально переведенными и дополнительными частями Евангелия и Апостола (см. примеч. 10). Достоинные внимания отличия в технике перевода появляются между текстом евангелий и псалтири, между великоморавскими молитвами Синайского требника и великоморавскими проповедями сборника Клоца²⁴. Стилистические различия между обоими житиями также настолько существенны, что практически исключают возможность одного общего авторства²⁵.

§ Кажется, что и впредь необходимо будет считаться с наличием целого коллектива различных творческих личностей, принимавших участие в становлении великоморавской письменности. С этой точки зрения, ее принятое обозначение «кирилло-мефодиевская» литература, строго говоря, не совсем точно. Как устоявшееся рабочее название, мы, однако, можем его принять, тем самым мы высказываем признание обоим гениальным создателям не только за их вклад как авторов и переводчиков в эту письменность, но также за их деятельность учителей и за организацию первой славянской литературной школы.

Международные связи великоморавской письменности

Для историка чешской и словацкой литературы письменность великоморавского периода является, естественно, первым этапом развития чешской и словацкой литературы, органической частью национальной культуры, поскольку литература кирилло-мефодиевского периода была создана и в свой начальный период предназначена для Великой Моравии. Сверх того, она была написана языком, живая основа которого хотя и уходила своими корнями в среду говоров балканских славян, однако существенно не отличалась от языка моравских славян, поэтому этот язык воспринимался в Великой Моравии как свой. Историческое и международное положение и связи великоморавской письменности носили, однако, особый характер, и оценка этой письменности отнюдь не исчерпывается ее включением в развитие местной письменной образованности: как по своему генезису, так и по своей исторической миссии великоморавская письменность вышла далеко за рамки узко местных отношений и стала активным фактором средневековой европейской культуры огромного значения.

Все дальнейшее развитие церковнославянской литературной деятельности было в принципе предвосхищено тем фактом, что ее

зародышевый этап проходил в благоприятном климате византийской культуры. Здесь религиозно-образовательная и культурная программа Константина и Мефодия могла получить сразу же при своем возникновении славянский языковой характер, потому что в культурном сознании византийцев еще доживали традиции терпимости и учета языкового своеобразия разных этнических групп в миссионерской деятельности при наличии церковной организации. И наконец, славянская письменность получила возможность соприкосновения с византийской литературной традицией и культурой в целом. Это отразилось как в идейной области (в науке, философии, теологии, праве и т. п.), так и в области, так сказать, технической, в формах письма и в культивировании и обогащении литературного языка, в особенности в лексике и синтаксисе, как об этом было сказано выше.

В Великой Моравии молодая славянская культура встретила, к своей пользе, с латинской образованностью, отчасти через восточно-франкское посредничество. Эти традиции здесь уходили корнями уже в докирилломефодиевский период; их доказательство — особый слой языковых средств, обогативших в Великой Моравии и в Паннонии старославянский язык, и некоторые старые переводы с латинского языка ²⁶.

Великоморавская литература, следовательно, продолжала оба кульминационных культурных течения европейского средневековья, которые были для новых народностей, вступающих на арену европейской истории, посредником в деле восприятия наследия европейской античности: культурное течение греческо-византийское и в меньшей мере — также латинско-римское. Но тем самым специфичность письменной образованности Великой Моравии не исчерпывается.

Как уже было сказано, старославянская письменность в Великой Моравии образует начальный этап истории чешской и словацкой литературы. Но одновременно ее нельзя исключить и из истории других славянских литератур. Специфический характер и дальнейшая историческая миссия ставят ее в начало литературного развития других славян и тех неславянских народов, которые на заре истории пользовались старославянским и позже — церковнославянским языком. Можно считать, что такое широкое назначение старославянской письменности было составной частью замысла самих ее создателей. Его программную формулировку можно дословно прочесть уже в Житии Константина, где великоморавскому посольству в Византию вложены в уста следующие слова: «У нас нет такого учителя, который изложил бы нам на нашем языке истинную христианскую веру, чтобы и другие страны, видя это, подражали нам» ²⁷.

В самом деле, из Великой Моравии славянская грамотность, знание письма и старославянского литературного языка распро-

странились почти на весь славянский мир. Старославянским языком, ставшим орудием первых литературных произведений в Великой Моравии во второй половине IX в., пользовалась уже в течение следующих двух—трех веков вся Восточная Европа. Старославянский язык здесь играл такую же выдающуюся роль международного языка книжной образованности, как, например, в западном мире латынь²⁸, но в отличие от нее он был везде в славянской среде доступен пониманию, потому что приспособлялся к местным языковым условиям и преобразовывался в так называемый церковнославянский язык разных изводов — русского, сербского и т. п.²⁹ Таким образом, славянская письменная культура с самого начала получила относительно широкий народный базис в массах населения, способного без особого обучения воспринимать произведения, написанные на этом языке, и принимать таким образом хотя бы пассивное участие в «высокой» образованности.

Традиция письменности на этом языке была еще в 60-е годы IX в. из ядра Великой Моравии, занимавшего большинство территории современной Моравии и Словакии, часть Венгрии и Австрии, перенесена на юг, в соседнюю Паннонию, где Константин и Мефодий пробыли некоторое время по дороге в Венецию и Рим при дворе князя Коцела, сына Прибины. Паннонию населяли предки современных словенцев (отчасти также словаков и хорватов). В младшей словенизированной языковой версии дошел до нас единичный и редкий письменный памятник старославянской письменности из паннонской области, написанный примитивным правописанием латиницей и восходящий к X—XI вв., так называемый II фрейзингенский фрагмент; он содержит проповедь, призывающую слушателей к покаянию³⁰.

Славянский литературный язык и письменная образованность распространялись и дальше по мере того, как распространялось политическое могущество Великоморавской державы: в Чехию Славниковцев и Пржемысловцев, в часть Польши (так называемое Вислянское княжество), а может быть, и в Лужицу³¹.

Даже гонение на славянскую письменность в Великой Моравии после смерти Мефодия (885) не означало собой конца в развитии старославянской письменности. Изгнанные ученики и сотрудники Мефодия повсюду разносили произведения, возникшие в Великой Моравии, знание литературного языка и способность к литературному творчеству.

Главный поток изгнанников из Великой Моравии нашел убежище в Болгарии, где развитием письменности прославились в особенности два центра — столичный город Преслав на северо-востоке и Охрид на юго-западе страны. Нам известны даже имена некоторых выдающихся авторов этого «золотого времени болгарской литературы», которые свое образование и свои литературные способ-

ности и знания приобрели в Великой Моравии в кирилло-мефодиевской литературной школе, как например, Климент Охридский (Величкий). Здесь, в Болгарии, было в конце IX в. и в X в. создано огромное количество литературных памятников, и здесь возникло (на северо-востоке) новое славянское письмо — кириллица (между тем как традиционная и связанная с Великой Моравией глаголица развивалась в центрах на юго-западе державы). Эта великолепная литературная эпоха, конечно, не могла ускользнуть от внимания специалистов и была после первых работ ученых XIX в., вышедших из-под пера К. Ф. Калайдовича, П. Шафарика, М. Дринова и других исследователей, подробно изучена, научно описана и истолкована в работах таких исследователей, как А. Теодоров-Балан, Б. Ангелов, М. Генов, И. Дуйчев, Э. Георгиев и др.³²

Также правдоподобно, что часть учеников Мефодия бежала на юг в Хорватию, а часть из них, может быть, осталась в отдаленных уголках Великоморавской державы, в бассейне среднего Дуная и в закарпатской низменности, но неоспоримых доказательств этого у нас нет. Отсутствуют также прямые данные о том, что славянские монахи из Великой Моравии нашли убежище в Чехии. Однако удалось найти и собрать такое количество косвенных доказательств, что в настоящее время мы уже с полным правом можем предполагать, что здесь, в чешском государстве Пржемысловцев старославянский язык был еще в течение двух столетий более чем равноправным партнером латыни. Только в самом конце XI — начале XII в. старославянский язык был в Чехии запрещен, старославянская письменность была подвергнута гонениям и книги уничтожены. Стремительность и свирепость этих репрессивных мер была такова, что от этой довольно-таки большой эпохи чешской литературной истории сохранилось в рукописях только весьма немного: написанный глаголицей Киевский миссал X в. и Пражские глаголические отрывки XI в., написанные кириллицей глоссы в латинской рукописи, называемой Мартирологиум Адонис, и в двух случаях — написанные латиницей глоссы (Ягича и Патеры), так что неудивительно, что в современной науке долго держались сомнения в существовании этой письменности.

Итак, старославянская письменность в Чехии осталась скрытой и от проникновенного взора патриарха славистики Йозефа Добровского, и от почти всей славистики XIX в., которая только в XI в. допускала деятельность «славянского» Сазавского монастыря, потому что о нем сохранились данные в латинских источниках. Поворот во взглядах на чешский период старославянской культуры начался в XIX в. в русской славистике работами А. Х. Востокова и К. И. Невострюева, но настоящий переворот в традиционных представлениях о старославянской литературе в Чехии совершил только на рубеже XIX и XX вв. А. И. Соболевский. После него уточняли картину

начала литературы в государстве Пржемысловичей в основном чешские слависты Й. Вайс, Й. Вашица, М. Вейнгарт, Б. Гавранек, К. Горалек и другие вместе со славистами из других стран: Н. К. Никольским, Р. Якобсоном, С. Б. Бернштейном, А. С. Львовым, Н. ван Вейком, Ф. Гривцом и другими. В настоящее время на страницах научной печати еще ведутся дискуссии по этим вопросам, но современное состояние науки уже с достаточной четкостью обрисовало значительный объем, зрелость выражения, стилистическое и жанровое разнообразие и дифференцированность старославянской письменности на чешской территории.

Здесь возникли, например, такие памятники, как Житие князя Вацлава (или I старославянская легенда о св. Вацлаве), переводы с латинского языка и компиляции такие, как II легенда о св. Вацлаве (называемая также легендой Никольского), Житие св. Вита, Беседы папы Григория Великого и др. Все они дошли до нас только в более поздних рукописях, церковнославянских списках других, не чешских изводов³³.

Современная наука приходит, следовательно, к выводу, что непосредственными активными продолжателями традиции литературы на славянском языке, начавшейся в Великой Моравии в IX в., были в следующем веке две страны: Болгария и Чехия. Из этих двух очагов — одного далеко на западе, другого на юго-востоке славянского мира — славянская письменная образованность быстро перешла и к другим славянам. Из Болгарии славянская письменность распространялась через территорию современной Румынии на Русь, другая, западная ветвь этого течения охватила Сербию, Боснию и Хорватию. На Руси, в Сербии и Хорватии славянская письменность пустила прочные корни. Она представлена здесь сотнями рукописей, плодами усилий нескольких веков. В научной литературе это достаточно хорошо описано.

Чехия стала источником литературного и языкового воздействия, с одной стороны, на славянский юг, Хорватию, где сохранились в списках памятники чешского происхождения, записанные хорватской прямоугольной глаголицей, например, Житие князя Вацлава, с другой стороны, — на славянский восток, через южную Польшу вплоть до Киевского государства. На польской территории это течение старославянской образованности чешского происхождения засвидетельствовано единичным памятником — древнейшей польской песней «Богородица», написанной на древнепольском языке со следами церковнославянского языка чешского извода.

Но наиболее документированы литературными памятниками чешско-русские взаимоотношения на заре истории славянской литературы. Можно без преувеличения сказать, что подавляющее большинство литературных произведений чешского раннего средневековья, написанных на старославянском языке, сохранилось именно

в русских списках. Среди них, например, и такие сокровища чешской письменности, как оба Жития князя Вацлава. Далее важен тот факт, что эта литература чешского происхождения влияла и на оригинальное литературное творчество Киевской Руси, например, на жития Бориса и Глеба, и, наоборот, в Сазавском монастыре до запрета славянского богослужения уже в конце XI в. этим двум русским святым, принадлежавшим к правящей династии, был посвящен алтарь³⁴.

Итак, в течение двух столетий грамотность распространилась почти у всех славянских народов и старославянский язык, созданный и предназначенный первоначально для Великой Моравии, стал посредником оживленных славянских взаимоотношений и взаимного обмена культурными ценностями.

Но старославянская письменность, созданная для великоморавского общества, имела значение не только в славянских масштабах. Помимо того, что старославянский язык стал литературным языком Центральной и Восточной Европы, он был известен также и на западе Европы как образец местного литературного языка, понятного всем, и его употребление в славянской письменности, таким образом, способствовало в общеевропейских масштабах проникновению идей процесса постепенного развития национальной культуры и письменной образованности. Было бы, конечно, недопустимым анахронизмом переносить современные идеалы народности и демократичности культуры в полном объеме уже в раннее средневековье. Термины «народность» и «доступность» мы поэтому должны понимать только в весьма ограниченном смысле. Тем не менее можно считать определенными зародышами такого процесса, в общественном смысле передового и близкого современному человеку, например, высказывание эльзасца Готтфрида из Вейсенбурга, написавшего в период деятельности кирилло-мефодиевской миссии в Великой Моравии, что ныне уже многие почтенные мужи начинают писать и славить бога на собственном языке и что франки не должны были бы в этом отношении отставать; современная наука объясняет это место как намек на деятельность моравской литературной дружины³⁵.

Более широкий взгляд на европейскую историю раннего средневековья, следовательно, показывает, что славянская литература, питающаяся из византийско-греческих источников, а отчасти также из латинских, развивавшаяся сначала в Великой Моравии, не осталась узко локальной. Она, с одной стороны, распространилась вместе с древнейшим славянским литературным языком по обширным пространствам Центральной и Восточной Европы, с другой стороны, она послужила примером для Западной Европы. В этом и заключается международный вклад великоморавской литературы в сокровищницу европейской культуры и образованности.

- ¹ *Grivec F.* Slovanska blagovestnika sv. Ciril in Metod. Celje, 1963; *Havráněk B.* Počátky slovanského písma a psané literatury v době velkomoravské. — In: *Velká Morava*. Praha, 1963, s. 77—96; *Idem.* Die Bedeutung Konstantins und Methods für die Anfänge der geschriebenen Literatur in Grossmähren. — In: *Cyrillo-Methodianische Fragen*. Wiesbaden, 1968, S. 1—12; *Večerka R.* Slovanské počátky české knižní vzdělanosti. Praha, 1963; *Pauliny E.* Slovesnost' a kulturní jazyk Vel'kej Moravy. Bratislava, 1964.
- ² О влиянии греческого на старославянский язык см.: *Вережагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. М. 1971—1972. I. Переводческая техника Кирилла и Мефодия, II. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия; *Večerka R.* Vliv řečtiny na staroslověňštinu. — LF, 1971, r. 94, s. 129—151. О более широких культурных связях см.: *Vavrinek V., Zasterova B.* Byzantium's Role in the Formation of Great Moravian Culture. — *Byzantinoslavica*, 1982, N 2, p. 161—188. В этих работах приводится список литературы по данной проблематике.
- ³ MMFH, d. I, s. 194, 196.
- ⁴ *Чейка М., Лампрехт А.* К вопросу о славянском единстве в период прихода в Моравию Константина и Мефодия. — In: *Magna Moravia*. Praha, 1965, s. 461—468; *Бауэр Я.* Старославянский язык и язык жителей Великой Моравии. Сопоставление синтаксического строя. — In: *Magna Moravia*, s. 469—492; *Večerka R.* Das Altkirchenslawische als Schriftsprache Grossmährens. — *Wiener slawistischer Almanach*, 1980, Bd. 6, S. 279—297.
- ⁵ *Trubetzkoy N.* Altkirchenslawische Grammatik. Wien, 1954.
- ⁶ *Мареш Ф. В.* Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве. — *Вопросы языкознания*, 1961, № 2, с. 12—23; *Tkadlčík V.* Dvě reformy hlholského písemnictví. — *Slavia*, 1963, r. 32, s. 340—366.
- ⁷ *Jansen O.* Český podíl na církevněslovanské kultuře. — In: *Co daly naše země Evropě a lidstvu*. Praha, 1940, s. 9—20; *Horálek K.* K otázce lexikálních bohemismů v staroslověnských památkách. — In: *Slovanské studie*. Praha, 1948, s. 115—119; *Бернштейн С. Б.* Об одном чехоморавизме в памятниках старославянского языка. — *Учен. зап. ин-та славяноведения*. М., 1951, т. 3, с. 320—327; *Stanislav J.* O prehodnotenie veľkomoravských prvkov v cyrilometodějskej literatúre. — In: *Сборник в чест на акад. А. Теодоров-Балан*. София, 1955, с. 357—363; *Shevelov G. Y.* Trŭt-type Groups and the Problem of Moravian Components in Old Church Slavonic. — *The Slavonic and East European Review*, 1957, v. 85, p. 379—398; *Matějka L.* Moravian Codification of the First Slavonic Literary Language. — In: *The Czechoslovak Contribution to World Culture*. The Hague, 1964, p. 105—111; *Вечерка Р.* Великоморавские истоки церковнославянской письменности в Чешском княжестве. — In: *Magna Moravia*, s. 493—524; *Львов А. С.* К вопросу о моравизмах в языке памятников старославянской письменности. — *Slavia*, 1965, r. 34, с. 236—272.
- ⁸ MMFH, d. III, s. 443—444.
- ⁹ *Vašica J.* Literární památky epochy velkomoravské. Praha, 1966; см. также работы, указанные в примеч. 1.
- ¹⁰ О кирилло-мефодиевских переводах новозаветных текстов см.: *Horálek K.* Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954; *Vrana J.* O tipovima, redakcijama i međusobnom odnosu staroslavenskih evandjela. — *Slavia*, 1957, r. 26, s. 321—336; 1968, r. 29, s. 552—571; *Жуковская Л. П.* Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием. — *Вопросы славянского языкознания*. М., 1963, № 7, с. 73—81; *Hauptová Z.* K otázce vztahu perikopního a doplňkového textu staroslověnského apoštola. — In: *Palaeoslovenica*. Praha, 1971, s. 29—50.
- ¹¹ О ветхозаветных переводах см.: *Jagić V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, S. 422—479; *Kyas V.* Problém původního textu staroslověnského parimejníku. — In: *Palaeoslovenica*. Praha, 1971, s. 81—94.

- ¹² *Vašica J.* Literární památky. . . , s. 33—53.
- ¹³ *Vašica J.* Slovanská liturgie sv. Petra. — Byzantinoslavica, 1939—46, r. 8, s. 1—54; *Idem.* Slavische Petrusliturgie. — In: Anfänge der slavischen Musik. Bratislava, 1966, S. 23—34.
- ¹⁴ *Pokorný L.* Die slawische Cyrillo-Methodianische Liturgie. — In: Sancti Cyrillus et Methodius. Praha, 1963 p. 118—126; *Tkadlčík V.* Byzantinischer und römischer Ritus in der slavischen Liturgie. — In: Wegzeichen. [Festgabe M. Biedermann. Würzburg, 1971, S. 313—332; *Чифлянов Б.* Богослужебният чин, преведен от св. Братя Кирил и Методий в началото на тяхната Моравска мисия. — Годишник на Духовната академия «Св. Климент Охридски» за 1972—73 г. София, 1976, т. XXII, с. 225—385.
- ¹⁵ *Vašica J.* Slovo na přenesení moštem přelavnago Klimenta neboli Legenda Chersonská. — Acta Academiae Velehradensis, 1948, r. 19, s. 38—80; *Ангелов Б. С.* Кириловият химн в чест на Климент Римски. — В кн.: Константин-Кирил Философ. София, 1971, с. 255—269; *Бегунов Ю.* «Слово похвальное Клименту Римскому» — предполагаемо съчинение на Константин-Кирил Философ. — Език и литература, 1972, 27, кн. 2, с. 83—88.
- ¹⁶ *Nahtigal R.* Oťčskyja knýgu. — Razprave Slovenske akademije. Ljubljana, 1950, t. I, s. 2—24; *Bláhová E.* K otázce oťčských knig. — Slavia, 1969, r. 38, s. 582—590; *Veder W. R.* Was ist Methods Väterbuch? — In: Dutch Contribution to the 7th International Congress of Slavists. Haag, 1973, p. 153—162; *Mareš F. W.* Welches griechisches Paterikon wurde im IX. Jh. ins Slavische übersetzt? — In: Anzeiger der phil.-hist. Cl. der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1972, 109, S. 205—221.
- ¹⁷ Все они вновь изданы вместе с чешским переводом и подробным обзором относящейся ним литературы в кн.: MMFH, d. IV, s. 137—363; см. также их общую характеристику в статье: *Вашица И.* Кирилло-мефодиевские юридические памятники. — Вопросы славянского языкознания. М., 1963, № 7, с. 12—33.
- ¹⁸ *Schmidt H. F.* Die Nomokanonübersetzung des Methodius. Leipzig, 1922; *Vašica J.* Metodějův překlad nomokanonu. — Slavia, 1955, r. 24, s. 9—41; *Троцкий С.* Номоканон св. Мефодия и его важность за наше время. — В кн.: Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. Скопје, 1970, т. 1, с. 261—273.
- ¹⁹ *Lettenbauer W.* Eine lateinische Kanonessammlung in Mähren im 9. Jahrhundert. — Orientalia christiana periodica, 1952, S. 246—269; *Miškovič A.* Staroslovenske glosy v latinskej zbierke kanonov z IX. storočia. — Slovenská reč, 1956, r. 21, s. 103—107; *Mareš F. V.* The Slavonic St. Emmeram Glosses. — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1969, t. 12, p. 8—18.
- ²⁰ *Vašica J.* Origine Cyrillo-Methodienne du plus ancien code slave dit Zakon sudnyj ljudem. — Byzantinoslavica, 1951, r. 12, p. 154—174; *Idem.* K otázce původu Zakona sudného ljudem. — Slavia, 1961, r. 30, 1961, S. 1—19; *Procházka V.* Le Zakon sudnyj ljudem et la Grande Moravie. — Byzantinoslavica, 1967, r. 28, p. 359—375; 1968, r. 29, p. 112—150. По-другому толкуват происхождение памятника некоторые ученые: *Ганев В.* Закон судный людем. Правно-исторически и правно-аналитични проучвания. София, 1959; *Андреев М.* Законъ судный людемъ ценен памятник на българската средновековна култура. — Език и литература, 1968, кн. 3, с. 1—18; обзор мнений относительно происхождения памятника см.: *Dewey H. W., Kleimola A. M.* Zakon sudnyj ljudem. — Michigan Slavic Materials. Ann Arbor, 1977, N 14.
- ²¹ *Vondrák V.* Postanowienia pokutne w języku cerkiewno-słowiańskim. Kraków, 1904.
- ²² *Vaillant A.* Une homélie de Méthode. — Revue des études slaves, 1947, 23, p. 34—47; *Vašica J.* Anonymní homilie v rukopise Clozově. — Časopis pro moderní filologii, 1949, r. 23, s. 6—9; *Idem.* Anonimní homilie rukopisu Clozova po stránce právní. — Slavia, 1956, r. 25, s. 221—233; *Stefanič V.* Novija istraživanja o Klocovu glagoljašu. — Slovo, 1953, N 2, s. 67—74.

- ²³ Литература об этих житиях настолько обширна, что мы приводим лишь книги, в которых имеются ссылки на другие, касающиеся данной проблематики работы: *Dvornik F.* Les Legendes de Constantin et de Methode vue Byzance. Praha, 1933; *Vavřínek V.* Staroslověnské Životy Konstantina a Metodeja. Praha, 1963; *Radovich N.* Le pericope glagolitiche della Vita Constantini e la tradizione manoscritta cirillica. Napoli, 1968; см. также примеч. 25.
- ²⁴ *Večerka R.* Ke konkurenci vztažných vět a participií v staroslověnině. Příspěvek k stylistickému hodnocení staroslověnského překladu z řečtiny. — In: SFFUPB, 1961, A9, s. 35—46.
- ²⁵ *Van Wijk N.* Zur sprachlichen und stilistischen Würdigung der aksl. Vita Constantini. — Südostforschungen, 1941, 6; *Picchio R.* Compilazione e trama narrativa nelle «Vita» di Costantino e Metodie. — Ricerche Slavistiche, 1960, 8, p. 61—95; *Večerka R.* K staroslověnským Životům Konstantinovu a Metodějovu. — In: Classica atque mediaevalia J. Ludvíkovský octogenario oblata. Brno, 1975, s. 129—138.
- ²⁶ *Matějka L.* On translating from latin into Church-Slavonic. — In: American Contributions to the VIth International Congress of Slavists. N. Y., 1968. I. Linguistic contributions; *Horálek K.* Zur Frage der lateinischen Einflüsse in der aksl. Bibelübersetzung. — In: Cyrillo-Methodianische Fragen. Wiesbaden, 1968, S. 29—42; *Večerka R.* K vlivu latiny na staroslověninu. — Slavia, 1978.
- ²⁷ MMFH, d. II, s. 99.
- ²⁸ *Gálábov I.* Das Altbulgarische und das Latein im europäischen Mittelalter. Zur Problematik der übernationalen Kultursprachen. Salzburg; München, 1973.
- ²⁹ *Kurz J.* Církevněslovanský jazyk jako mezinárodní (kulturní) jazyk Slovanstva. — In: Československé přednášky pro IV. mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1958, s. 13—35; *Picchio R.* Slave ecclesiastique, slavons et rédactions. — In: To Honor R. Jakobson. The Hague; Paris, 1967, t. II, p. 1527—1544; *Večerka R.* Zur Periodisierung des Altkirchenslavischen. — In: Methodiana. Wien; Köln; Graz, 1976, S. 92—121; *Mathissen R.* The Determination of Norms. A Problem in the Diachronic Study of Church Slavonic. — In: American Contributions to the IXth International Congress of Slavists. Columbus (Ohio), 1978, p. 483—494.
- ³⁰ *Hamm J.* Adhortatio ad poenitentiam. — Radovi Jugoslovenske Akademije znanosti i umjetnosti, 1966, N 344, s. 37—62; *Pogačnik J.* II. brižinski spomenik kot literarnozgodovinski problem. — Slovo, 1964, 14, s. 78—100; *Idem.* Das zweite Freisinger Denkmal als literaturgeschichtliches Problem. — In: Cyrillo-Methodianische Fragen. Wiesbaden, 1968, S. 175—178; *Stanislav J.* K štúdiu Frizinské pamiatky II. — In: Serta Slavica in memoriam A. Schmaus. München, 1971, S. 689—695; критический обзор научной литературы см.: Freisinger Denkmäler. München, 1968; *Pogorelec B.* Nahtigalova Freisingensia v luči novejših študij. — In: Nahtigalov zbornik. Ljubljana, 1977, s. 309—407.
- ³¹ О следах старославянского языка на территории Польши и Лужиц см.: *Králík O.* Předměškovské křesťanství a český podíl na christianizaci Polska. — In: Z tradic slovanské kultury v Cechach. Praha, 1975, s. 41—49; *Franta A.* Bohemismy a palaeoslovenismy v lužickosrbské terminologii křesťanské a jejich dějepisný význam. Praha, 1954; *Łowmiański H.* The Rite in Poland and St. Adalbert. — In: Acta Poloniae Historica. Warszawa, 1971, r. 24, p. 5—21.
- ³² *Георгиев Е.* Създаването на преславската и охридската книжовни школи в средновековна България. — Годишник на Софийския университет, филолог. фак., 1955, т. 50/1; *Koneski B.* Ohridska književna škola. — Slovo, 1957, 6—8, s. 177—194; *Георгиев Е.* Разцветът на българската литература в IX—X в. София, 1962; *Он же.* Охридска книжовна школа. — В кн.: Климент Охридски. София, 1966; *Georgiev E.* Die Anfänge des literarischen Lebens und die ersten Literaturschulen bei den Slaven. — In: Aus der Geisteswelt der Slaven. Mün-

- chen, 1967; Гълъбов И. Ранни школи на стария български книжовен език. — Български език (София), 1968, кн. 2—3, с. 141—148; Он же. Преслав и историята на стария български книжовен език. — В кн.: Преслав. София, 1968, т. 1, с. 125—138.
- ³³ Králík O. K počátkům literatury v přemyslovských Čechách. Praha, 1960; Idem. Sázavské písemnictví XI. století. Praha, 1961; обзор литературы см.: Večerka R. Jazykovědný příspěvek k problematice staroslověnského písemnictví v Čechách. — Slavia, 1967, r. 36, s. 421—428; Idem. Problematika staroslověnského písemnictví v přemyslovských Čechách. — Slavia, 1970, r. 39, s. 223—237.
- ³⁴ Staroslověnské legendy českého původu. Praha, 1975.
- ³⁵ Novák A. Ohlas působení Metodějeva a Konstantinova v soudobém Německu. — ČČN, r. 21, 1915, s. 79—804; MMFH, d. II, s. 321.

Б. Н. ФЛОРЯ

К ОЦЕНКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ

В сложной проблематике «кирилло-мефодиевского вопроса» существовали и существуют темы, являющиеся предметом постоянных споров. До сравнительно недавнего времени в вопросе об оценке исторического значения славянской письменности в Великой Моравии наблюдалось довольно полное единодушие между исследователями разных стран и направлений, и не только представителей социалистических стран, но и буржуазной западногерманской историографии.

Еще в конце 1960-х годов видный западногерманский ученый К. Босль рассматривал создание славянской письменности, как важнейший прогрессивный сдвиг в духовной жизни славян, и не сомневался в том, что решающая роль в осуществлении этого сдвига принадлежала Константину-Кириллу и Мефодию и их ученикам. Солунских братьев баварский исследователь характеризовал тогда, как «создателей славянского алфавита, славянского церковного, художественного и литературного языка»¹.

В настоящее время нужно констатировать, что положение изменилось и традиционные, установившиеся оценки открыто поставлены под сомнение. Тенденция к такому пересмотру, подспудно намечавшаяся уже в некоторых западногерманских работах 1960-х годов, на сегодняшний день нашла наиболее полное выражение в монографии австрийского исследователя Ф. Загибы «Духовная жизнь славян в период раннего средневековья», опубликованной в 1971 г.² Работа австрийского слависта, как мы увидим ниже, представляет собой продуманную и последовательную попытку

пересмотра устоявшихся точек зрения на ряд главных вопросов истории общеевропейского культурного развития и в связи с этим — на историческое место и значение старославянской письменности Великой Моравии в этих процессах.

Основные положения его объемистого исследования можно было бы сформулировать следующим образом.

Анализируя контакты славян VIII—IX вв. с византийским и латинским культурным кругом, автор констатирует различный характер этих контактов. В Византии, отчасти благодаря практическому двуязычию славянского населения на территории Империи, славянский язык не играл никакой роли в миссионерской деятельности византийской церкви среди славян и тем более не было создано каких-либо письменных текстов на этом языке. Напротив, иначе обстояло дело на славянских землях Центральной Европы, оказавшихся в сфере политического влияния Каролингской империи. Здесь миссионерская проповедь, осуществлявшаяся, прежде всего, силами баварского духовенства, с самого начала велась на языке славянского населения и сопровождалась созданием уже в первых десятилетиях IX в. целого корпуса текстов на этом языке.

Причины этого явления автор связывает с общей политикой высших церковных и светских властей Каролингской империи, направленной в интерпретации исследователя на усвоение не только духовными лицами, но и светским населением Империи основ христианского учения в широком смысле. При этом исследователь особенно подчеркивает, что капитулярии Карла Великого и решения церковных синодов предписывали читать прихожанам во время службы Евангелие на понятном им языке. Одним из важнейших результатов этой реформы было, в частности, создание большого количества литературных текстов на различных диалектах старонемецкого языка.

Аналогичными установками, по мнению Ф. Загибы, баварское духовенство Империи руководствовалось в своей миссионерской проповеди в Хорутании, Паннонии и Великой Моравии. Итогом деятельности баварских миссионеров в этих районах стал перевод на славянский язык местного населения не только текстов некоторых молитв, символа веры, исповедных формул, но также текстов проповедей и евангельских чтений. Тем самым фактически задача создания письменности на славянском языке была решена в ходе деятельности баварской миссии, действовавшей на землях западных славян в 1-й половине IX в., до прихода Кирилла и Мефодия в Моравию. Заслугой этой же миссии было, по существу, и внедрение славянского языка как языка богослужения. Поэтому лишь в Великой Моравии, стране, вошедшей, по мнению Ф. Загибы, в орбиту латинского культурного круга, а не на славянских территориях, находившихся в сфере воздействия Византии, благодаря работе немецкой

Миссии имелись все предварительные условия для возникновения новой системы письма для записи славянской речи. Поэтому неслучайно, что славянское письмо было создано Кириллом и Мефодием именно для Моравии.

Единственной, принципиального характера новацией солунских братьев, если не считать изобретения особого алфавита, была попытка перевести всю церковную службу на славянский язык — не только евангельские чтения, но и весь остальной текст, включая главную часть литургии — канон мессы. Именно эта попытка перевести канон, а не что-либо другое, как подчеркивает исследователь неоднократно, была причиной конфликтов солунских братьев с немецким духовенством.

Автор отмечает в дальнейшем определенную эволюцию славянской письменности в ходе деятельности Кирилла, а затем Мефодия в Великой Моравии, выделяя такие моменты, как создание не только прозаических, но и поэтических текстов, возникновение переводов не только религиозных, но и светских произведений (в частности, юридических памятников), появление наряду с переводными — оригинальных произведений (как, например, Жития Кирилла и Мефодия). На этих аспектах формирования славянской письменной традиции исследователь, однако, подробно не останавливается.

Главное внимание уделяется поискам причин, по которым культурные традиции кирилло-мефодиевской миссии в Центральной Европе в дальнейшем не получили развития и, по его мнению, по существу, не пережили крушения Великоморавской державы. Причины этого явления Ф. Загиба усматривает прежде всего в том, что Кирилл и Мефодий и их сподвижники создали письменность на языке, чуждом и далеком для местного населения. В основу его был положен один из южнославянских диалектов, а не диалекты, на которых говорили мораване, и в Моравии он подвергся лишь незначительным изменениям. Это был «искусственный» язык (*Kunstsprache*), на котором никто не говорил, близкий и понятный по существу лишь «высшему клиру». С его гибелью во время разрушения Великоморавской державы погибла и эта культурная традиция.

Одновременно, в противоречии с своими предшествующими наблюдениями Ф. Загиба подчеркивает, что ориентация на создание особого «языка» сочеталась с ориентацией на апробированные временем византийские образцы. Отсюда — нетворческий характер «церковнославянской» (терминология Ф. Загибы) литературы, состоящей лишь из переводов византийских образцов или подражаний им. Поэтому там, где эта традиция сохранялась (в частности, у южных славян), она являлась лишь тормозом для развития их национальных литератур.

Этому культурному феномену Ф. Загиба противопоставляет более скромную по своим внешним результатам традицию баварской мис-

сии. Баварские миссионеры вели свою проповедь на близком и понятном местному населению языке. Поэтому их традиция пустила корни и сумела сохраниться в условиях, когда другое направление, связанное с деятельностью Кирилла и Мефодия, прервалось. Продолжение этой традиции мы можем наблюдать на территории Чехии. По его мнению, именно благодаря сохранению связи с этой традицией и одновременно разрыву с традицией церковнославянской чешская национальная литература на рубеже XIII—XIV вв. смогла достичь высокого уровня развития. Последние положения автором, впрочем, уже никак не обосновываются, а просто декларируются.

Это краткое резюме итогов исследования австрийского слависта ясно показывает, о каких существенных вопросах культурного развития и славянского мира, и всей Европы идет речь и насколько значительно выдвинутые им положения отличаются от традиционных взглядов. Уже поэтому выдвинутые Ф. Загибой положения и привлеченная для их обоснования аргументация нуждаются в тщательном и всестороннем рассмотрении.

В этом анализе наиболее целесообразно идти за ходом логического развития взглядов ученого и, оставив в стороне (до особого исследования) вопрос о характере контактов славян с византийским культурным кругом, начать с критической проверки исходных для всей концепции австрийского ученого положений о важной роли, которая отводилась письменности на «местном», понятном населению языке в политике светской и духовной власти Каролингской империи на ее собственной территории.

Как известно, рубеж VIII—IX вв. стал в истории Каролингской империи временем серьезных реформ в сфере «образования» (разумеется, в средневековом понимании этого термина). Важной особенностью этих реформ было выступающее в памятниках каролингского законодательства, начиная с так называемого «всеобщего увещевания», стремление добиться того, чтобы и кадры приходского духовенства, и все светское население Империи усвоили начатки знаний о христианском вероучении и определенное представление об обязанностях, которые налагает на христианина его принадлежность к христианской общине.

Чего же конкретно требовали инициаторы реформ от приходского духовенства и массы верующих? Главным требованием, которое адресовалось верующим светскими и духовными властями Империи, было требование знать наизусть «господню молитву», т. е. «Отче наш», и «Верую». Людям, которые этих текстов не знают, отказывалось в праве называться христианами. Язычники, желающие креститься, могли быть допущены к осуществлению этого обряда, лишь выучив указанные тексты. При крещении детей эти тексты должны были читать их родители. Другим важным компонентом реформы было требование тех же властей, адресованное приходскому духовенству,

исповедовать верующих и добиваться от них покаяния в грехах³. Для успешного достижения указанных целей тексты «Отче наш» и «Верую», а также тексты формул, употреблявшихся при покаянии, были переведены с латыни на старонемецкий язык⁴.

Следует особо остановиться на вопросе, который Ф. Загиба обходит молчанием, — какая роль отводилась местному языку при осуществлении этой акции. В этом смысле очень показательным представляется свидетельство одного из канонов Майнцского собора 813 г., составленного в восточной части Каролингской империи и, следовательно, отражавшего позиции именно немецкого духовенства. Предписывая священникам добиваться всеми способами, вплоть до применения наказаний, чтобы светские люди учили «Верую» и «Отче наш», составители канона прибавили ряд практических указаний, как этого добиться. Членам общины следовало отдавать детей в школу, в монастырь или к деревенскому священнику, чтобы они выучились правильно произносить эти тексты и могли затем дома научить этому членов семьи. Канон заканчивался следующей характерной концовкой: «Тот же, кто не может по-другому, пусть говорит их на своем языке» (*Qui verō aliter non potuerit vel in sua lingua hoc discat*)⁵. Эта концовка бросает свет на все содержание постановления в целом. Перечисленные в нем меры были направлены на то, чтобы верующие учили рекомендованные им тексты по-латыни⁶, и лишь в случае безуспешности обучения допускалось их произнесение на родном языке.

Таким образом, хотя в каролингских капиуляриях и постановлениях церковных соборов неоднократно повторялось, что священники должны добиваться, чтобы верующие понимали содержание «Верую» и «Отче наш»⁷, однако это совмещалось с сознательным стремлением властей Империи научить всю массу светского населения государства «правильно» произносить эти тексты по-латыни. Чтение их на родном языке лишь допускалось, но отнюдь не поощрялось.

Другим важным компонентом каролингских реформ должна была стать регулярная проповедь приходского духовенства перед верующими. И в капиуляриях франкских королей, и в решениях синодов неоднократно можно встретить требование проповедовать народу «божье слово» (*verbum Dei*), или «католическую веру» (*fides catholica*), или евангелие⁸. Эти предписания послужили основанием Ф. Загибе для ответственного вывода о том, что каролингская реформа дала толчок к развитию проповеди на темы из «Священного писания» и в связи с этим к переводу евангельских чтений на немецкий язык. Эти переводы, по мнению исследователя, должны были систематически читать населению во время церковной службы⁹. Если бы автор был прав в своих заключениях, следовало бы сделать

вывод, что за местным языком в Каролингской империи признавалось почти равноправное положение с латынью.

Ввиду принципиальной важности вопроса следует остановиться на нем подробнее.

Уже отмеченные выше стремления властей Империи ограничить применение местного языка при освоении массой населения «Отче наш» и «Верую» вызывают сомнения в правильности утверждений австрийского исследователя. Сомнения эти еще усилятся, если учесть эволюцию жанра проповеди в период с VI по IX в. Если еще в VI в. проповедь представляла собой чаще всего комментирование текстов «Писания», то после VI в. сюжеты проповедей очень редко черпаются из Библии. Французский исследователь П. Рише следующим образом рисует схему типовой проповеди этого времени: «Проповедник напоминает об обязательствах, принятых при крещении, призывает верующих отказаться от языческих обычаев и набрасывает образ правдивого христианина: это тот, кто регулярно ходит в церковь, живет целомудренно, учит своих детей «Верую» и «Отче наш», заставляет их бояться бога и избегать главных пороков»¹⁰.

Эту схему, относящуюся к докаролингскому периоду, следует сопоставить с сообщениями капитуляриев, где наряду с общими формулами, использованными Ф. Загибой, содержатся и более конкретные указания на то, что именно должно было приходское духовенство проповедовать населению. Наиболее подробно говорится об этом в так называемом «Всеобщем увещании» 789 года. Приходским священникам предписывалось внушать верующим, чтобы они «верили», что «и Отец, и Сын, и Святой Дух есть единый Бог, всемогущий, вечный, невидимый, что создал небо и землю и море, и все, что на них». Далее им предписывалось учить о «воплощении» сына божьего ради спасения людей, его воскресении и восшествии на небо, а также о том, что после второго пришествия он будет «судить всех людей по их достоинству и как негодяи из-за своей злобы будут ввергнуты с дьяволом в вечный огонь; а благочестивые будут приобщены вечной жизни с Христом и его святыми ангелами». Далее следовало разъяснить, какие поступки вели христианина к «вечному осуждению»: прелюбодеяние, служение идолам, вражда и т. д.: «Те, кто так поступают, не войдут в царствие небесное». Затем приводился перечень «добродетелей» (смирение и терпение, воздержание, милосердие и др.). Следует объяснить, что все, кто так поступают, войдут в царство небесное¹¹. Изложенные здесь предписания явились в дальнейшем образцом для всех последующих капитуляриев. Очевидно их явное сходство с схемой типичной проповеди докаролингского периода, обрисованной П. Рише. Не менее очевидно, что данные предписания представляют собой пересказ, местами почти дословный содержания таких уже упоминавшихся

выше текстов, как «Верую», обеты христианина при крещении или образец его признаний на исповеди. Задача священника заключалась, таким образом, в изложении верующим все тех же текстов, которые было решено перевести для их усвоения населением на понятный ему язык.

В решениях Турского собора 813 г. говорилось о переводе епископами на «деревенскую латынь или немецкий» (*in rusticam Romanam linguam aut Thiotiscam*) проповедей именно такого типа: «о вечной награде добрых и вечном осуждении злых», «о будущем воскресении и последнем суде и какими делами можно заслужить жизнь в блаженстве, а какими утратить»¹². При этом имелось в виду, что епископы должны уметь устно перелагать соответствующие тексты прихожан на народный язык. Неслучайно, письменные тексты проповедей на народном языке появились даже в романской части Империи лишь в XII в.¹³

Для германской части Империи один «образец» проповеди сохранился, и его рассмотрение наглядно показывает, как власти Империи конкретно представляли себе этот аспект деятельности приходского духовенства. Имеем в виду так называемую «*Exhortatio ad plebem christianam*», сохранившуюся в двух баварских рукописях IX в. как параллельный латинско-немецкий текст. «*Exhortatio*» представляет собой обращение священника к членам общины с призывом учить «Верую» и «Отче наш» и всегда держать их в памяти — крестные отцы должны учить этим текстам своих крестников. Это требование мотивировалось тем, что иным образом нельзя достичь отпущения грехов, а главное тем, что это — «приказ бога» («*cotes capot*») и «приказ нашего господина» («*unsares herin capot*»), т. е. Карла Великого¹⁴. На этом примере ясно видно как соответствие практики общим предписаниям, так и то, что конкретно даже в представлении самих властей эта проповедь фактически сводилась к повторению этих предписаний без какой-либо дополнительной аргументации, но со ссылкой на «приказы» бога и властей. Для проповеди такого рода было вполне достаточно знания «Верую», «Отче наш», обетов при крещении и исповедных формул.

Что же касается непосредственно самого евангелия, то о чтении и толковании именно этого текста каролингское законодательство почти ничего не говорит. Можно указать лишь в одном из вопросников для проверки приходского духовенства на вопрос: может ли священник читать евангелие и объяснять его простым людям¹⁵. К этому можно добавить второй статут Теодульфа Орлеанского, где указывается, что священник «*si Dominus dat intellectum*» может толковать перед прихожанами тексты Евангелия и посланий апостольских¹⁶. Комментируя это свидетельство, К. де Клерк справедливо отметил, что эта обязанность «по меньшей мере не стоит на первом месте среди обязанностей священника»¹⁷. Характерно,

что в обоих случаях речь идет о толковании, пояснении, но не о публичном чтении самого евангельского текста.

Таким образом, конкретное рассмотрение вопроса никак не убеждает в правильности положения Ф. Загибы, что программа каролингских реформ предусматривала знакомство верующих с Евангелием.

Не подтверждает этого положения и обращение к сохранившимся евангельским текстам этого времени. Неслучайно свое утверждение о существовании перевода евангельских чтений на немецкий язык австрийский исследователь смог подкрепить лишь ссылкой на фрагмент перевода на немецкий язык Евангелия от Матфея, дошедший до нас в составе сборника текстов, известных под названием «отрывки из Монзее»¹⁸. Не касаясь пока здесь вопроса о назначении как этого текста, так и сборника в целом, следует отметить, что мы вправе были бы ожидать существования гораздо большего количества текстов, если речь идет о значительной и целенаправленной акции властей Империи. Неосновательность довода, приведенного Ф. Загибой, станет совсем ясной, если принять во внимание, что коллектив исследователей, специально изучавший судьбы текста Библии на средневековом Западе, на всей территории латинского мира IX—XII вв. смог выявить лишь одну рукопись евангельских чтений на местном языке — так называемое «Западносаксонское» евангелие 1072 г. При этом было отмечено, что нет никаких свидетельств, чтобы этот перевод когда-либо читался во время церковной службы¹⁹.

Такое положение, конечно, не было случайным, а было результатом определенной позиции, занятой в вопросе о переводе «Писания» руководящими кругами католической церкви. Об этой позиции, получившей свое отражение в свидетельствах как X—XI вв., так и более позднего времени, Ф. Загиба умалчивает, а между тем лишь при ее учете могут быть поняты и основные принципы каролингской реформы, и характер деятельности немецкого духовенства среди славянского населения Великой Моравии, и подход руководящих кругов церкви к роли местного языка в системе образования.

Позиция высших церковных кругов складывалась под воздействием важных сдвигов в социальной и культурной жизни западноевропейского общества VI—VIII вв. Эти сдвиги выражались, с одной стороны, в исчезновении существовавшего ранее слоя светских образованных людей и в установлении монополии духовенства не только на образованность, но и на грамотность, а с другой стороны, — в превращении духовенства в замкнутое сословие, претендующее на особо почетное положение в обществе. С VIII в., как отмечал французский историк культуры, светские люди рассматриваются церковью как «меньшие (братья), не способные взять на себя ответственность, которые должны почитать священников и повиноваться их приказам»²⁰.

В этих условиях стало формироваться представление о том, что «мудрость» христианского учения может быть доступна пониманию лишь представителей духовенства благодаря той благодати, которая нисходит на принимающих священнический сан, и в полном виде принципиально не может быть передана светским людям, которые и не нуждаются в ее знании для своего спасения. В наибольшей степени сказанное выше относилось к самому фундаменту христианской традиции — тексту Библии. Отсюда и отрицательное отношение ко всяким попыткам перевода Библии на «местный язык»²¹. Светским людям, как указывал Ильдефонс толедский, для их спасения достаточно знать «Отче наш»²².

Если первоначально такая позиция была результатом простой констатации существующего положения, то в дальнейшем с общим подъемом культурного уровня средневекового общества в целом и с ростом культурных и идейных запросов светских людей изложенная выше доктрина превращалась в сознательный инструмент защиты прав духовенства на монопольное руководство духовной жизнью общества. Достижению этой основной цели должны были служить и сохранение за латинским языком, знание которого было монополией духовенства, главного и ведущего положения в существующей системе образования (с одновременным признанием за «местным» языком подчиненного и второстепенного места), и борьба против перевода Библии на местный язык. В правильности такого понимания позиции церкви полностью убеждает знакомство с той аргументацией, которой эта позиция обосновывалась.

В конце X в. англосаксонский клирик Эльфрик, отвечая на просьбы ряда высокопоставленных светских лиц о переводе Библии на английский язык, разъяснял, что Священное писание — «слишком сильное вино» для светских людей, которые не могут понять его «тайного смысла». Кроме того, разъяснял он, эти желания не соответствуют тому предназначению, которое бог определил сословию рыцарей. Все общество делится на три сословия: трудящихся, воинов и людей молитвы. Каждое из них должно заниматься своими делами — в этом залог сохранения самого общества²³.

В конце XI в. к сходным аргументам прибег папа Григорий VII. Обосновывая отрицательный ответ на просьбу чешского князя разрешить богослужение на славянском языке, папа писал: «Всемогущий бог нашел угодным, чтобы Святое Писание в некоторых своих частях осталось тайной, ибо иначе, если бы было полностью понято для всех, слишком низко бы его ценили и утратили к нему уважение»²⁴. Это высказывание папы ясно показывает, что запрет богослужения на понятном народу языке определялся общей позицией церкви по вопросу о возможности перевода Писания на местный язык: богослужение на местном языке запрещалось именно потому, что это привело бы к переводу на «местный» язык еван-

гельских чтений — текстов Писания, составлявших его существенную часть. Не менее показательна и мотивировка запрета: опасение, что такой перевод может привести к ослаблению руководящей роли церкви. Прямо об этом не говорится, но нетрудно реконструировать ход мыслей римского первосвященника: если будет потеряно уважение к Писанию, то будет потеряно уважение и к церкви, основывающей свое особое положение на авторитете Писания, будет ослаблена ее руководящая роль в духовной жизни общества.

В дальнейшем такая позиция еще более заострилась, когда во второй половине XII в. еретики-вальденсы Южной Франции перевели Евангелие на старофранцузский язык и потребовали от церкви евангельской бедности. За этим последовала целая серия постановлений церковных соборов Южной Франции и Испании, в которых и клирикам, и светским людям запрещалось иметь у себя книги Ветхого и Нового завета на «романском» языке. Светским людям разрешалось иметь у себя только псалтырь или молитвенник, но на латинском языке²⁵. Таким образом, церковная иерархия латинского Запада не только относилась отрицательно к идее перевода «Писания» на «местный» язык, но и прибегла к ряду суровых мер, чтобы пресечь подобную практику.

В свете сказанного утверждение Ф. Загибы о том, что в Каролингской империи по инициативе высших властей был осуществлен перевод Евангелия на немецкий язык для публичного чтения его перед верующими, представляется не только не обоснованным с фактической стороны, но и просто невероятным. Чтобы полностью завершить рассмотрение комплекса вопросов, связанных со спорами о масштабе и содержании каролингской реформы, следует остановиться на группе переводных текстов, к которым неоднократно апеллирует при рассмотрении этой проблематики Ф. Загиба.

Дело в том, что круг текстов, переведенных на различные диалекты немецкого языка в IX в., не исчерпывается отмеченными выше переводами молитв и покаянных формул. К этому времени относятся также переводы таких сложных литературных текстов, как «Диатессарон» Татиана, трактат Исидора Севильского «*De fide catholica*» и др. Характеризуя перевод трактата, Г. Эрисман отмечал в свое время, что этот перевод положил начало «богословской литературе на немецком языке»²⁶. Наряду с переводами отдельных сочинений сохранился и целый сборник текстов, так называемые «Отрывки из Монзее», в состав которых вошли переводы двух богословских трактатов (уже упомянутого выше трактата Исидора и трактата «*De vocatione gentium*»), фрагменты одной из проповедей Августина и Евангелия от Матфея²⁷. Доказывая свой тезис о глубине и масштабности каролингских реформ, Ф. Загиба апеллирует именно к текстам данного сборника: перевод проповеди Августина служит свидетельством высокого уровня развития проповеди на понятном

населению языке, а перевод Евангелия от Матфея должен подкрепить положение о чтении народу Евангелия на родном языке во время церковных служб.

Однако исследователь при этом не принимает во внимание, что какая-либо прямая связь между предписаниями церковных и светских властей Каролингской империи и появлением этих переводов не может быть выявлена. Так, ни в капитуляриях, ни в решениях церковных соборов — нигде не говорится о необходимости перевода богословских сочинений, подобных трактату Исидора. Появление этих переводов следует рассматривать, как результат самостоятельной инициативы отдельных очагов образованности на территории Восточно-Франкского королевства, таких, как Фульда, Рейхенау и другие, инициативы, направленной прежде всего на удовлетворение их собственных потребностей.

В чем эти потребности заключались, позволяет установить одна характерная черта сохранившихся рукописей, которую Ф. Загиба, как представляется, не случайно обошел молчанием. Так, например, сохранившиеся рукописи «Диатессарона» представляют собой параллельный латинско-немецкий текст. То же можно сказать и о двух рукописях трактата Исидора, в одной из которых к этому параллельному тексту приложен еще латинско-немецкий словарь. Аналогичным образом обстоит дело и с отрывками из Монзее ²⁸. К этому следует добавить, что филологи, анализируя характер этих переводов (например, «Диатессарона» Татиана) отмечают, как их характерную черту — стремление к педантически точному воспроизведению порядка слов и грамматических конструкций латинского текста ²⁹.

Все эти черты и особенности позволяют выявить цель этих переводов, направленную на то, чтобы помочь монахам и учащимся монастырских школ овладеть чтением соответствующих, довольно сложных латинских текстов. Таким образом, хотя фактически эти переводы означали важный этап в деле формирования немецкого литературного языка, их создатели вовсе не ставили своей задачей заменить своими текстами латинские оригиналы, лишить латинский язык каких-либо функций по обслуживанию потребностей образованных верхов общества. Для внесения полной ясности следует добавить, что эти переводы предназначались для обеспечения нужд довольно замкнутой монашеской аудитории: если при Карле Великом допускалась возможность обучения в церковных школах и светских людей, то уже капитулярий 817 г. разрешал обучаться в этих школах лишь тем, кто должен принять монашеский обет ³⁰.

Наконец, следует отметить, что деятельность немецких книжников продолжала носить аналогичный характер и позднее. Такой именно была в конце X в. деятельность сенгалленского монаха Ноткера, осуществившего перевод на немецкий язык цикла латинских пособий, применявшихся в средневековой школе. Такие черты ис-

ходивших от Ноткера рукописей, как наличие параллельного латинского и немецкого текста, немецкого комментария, поясняющего содержание, смешанный характер «перевода», в котором во многих местах сохраняются латинские слова и термины, говорят о том, что целью всех этих работ было облегчение ученикам сенгалленской школы освоения латинских учебных текстов ³¹.

Правда, во второй половине IX в. в Восточно-Франкском королевстве появились и иные воззрения на роль немецкого языка. В 863—871 гг. Готфридом из Вейссенбурга по просьбе неких «достойных братьев» было написано стихотворное переложение евангелий на немецком языке. Хотя это произведение и было предназначено для чтения в узком монашеском кругу, важно, что оно представляло собой самостоятельное литературное произведение на темы «священной истории», написанное на немецком языке. Еще более важно, что автор предпослал своему сочинению предисловие («Cur scriptor hunc librum theodisce elictaverit»), в котором обосновывал свое право излагать события «священной истории» на «местном» языке. Характерно при этом, что Готфрид ссылается на пример «других народов», которые стремятся писать «своим собственным языком» ³², в чем исследователи с основанием усматривают ссылку на деятельность Кирилла и Мефодия ³³. На этом примере видно стимулирующее воздействие очага славянской письменности в Великой Моравии на развитие представлений о самостоятельной ценности немецкого литературного языка.

Однако такая инициатива в дальнейшем не получила развития. Последние десятилетия IX и X вв. были отмечены явным упадком литературной деятельности на немецком языке. По оценке современного курса истории немецкой литературы, «столетие образования немецкого государства было одновременно столетием, когда не был создан ни один оригинальный памятник на немецком языке» ³⁴. Количество переводов также резко сократилось ³⁵. В этом нельзя не видеть нового возобладания взглядов, отводивших «местному» языку второстепенное и несамостоятельное место в системе средневековой образованности и культуры.

Критическое рассмотрение высказываний Ф. Загибы о каролинских реформах позволило прийти к объективному представлению о месте и функциях письменности на местном языке в системе образования империи Каролингов, что дает необходимый опорный пункт для оценки миссионерской деятельности немецкого духовенства, вышедшего из этой Империи, среди граничивших с ней славянских народов.

Материальные следы этой деятельности были выявлены уже в конце XIX в. чешским филологом В. Вондраком, затем его наблюдения были уточнены и дополнены другими исследователями ³⁶. Речь идет о славянских переводах ряда латинских и старонемецких текстов конца VIII—начала IX в., сохранившихся как в виде за-

писи, сделанной латинскими буквами, так и (частично) в глаголической транскрипции.

Знакомство с репертуаром текстов, представленных в этих переводах, показывает, что в этих записях представлены «Оглашение», «Верую», исповедные формулы, т. е. те же тексты, которые и на территории Каролингской империи переводились на местный язык и использовались при контактах духовенства с массой верующих. Это совпадение ясно показывает, что в своей деятельности среда славянских народов духовенство Восточно-Франкского королевства допускало самостоятельное применение местного языка в письменности лишь в тех рамках, в каких это допускалось на территории самой Империи Каролингов.

Такой вывод представлялся естественным, пока сохранялось представление о каролингских реформах, как мероприятиях сравнительно скромно затронувших сферу письменности на местном языке, предназначенную для общения духовенства с массой верующих. Когда Ф. Загибой был поставлен вопрос о переоценке реального значения каролингских реформ, то закономерно встал вопрос о поисках отражения реконструированной исследователем концепции в миссионерской деятельности немецкого духовенства среди славян. Посмотрим, насколько убедительными оказались полученные им результаты.

Первое положение, выставленное исследователем, заключалось в том, что немецкими миссионерами были созданы образцы развитого поучения — проповеди на славянском языке. В качестве такого текста Ф. Загиба указал на поучение-проповедь, сохранившуюся в составе так называемых «Фрейзингенских фрагментов» — записей славянских текстов, сделанных латинскими буквами во второй половине X в. Отрывки эти еще в 1943 г. стали предметом специального исследования А. В. Исаченко, который убедительно показал, что если I и III из фрагментов представляют собой очевидные переводы старонемецких текстов конца VIII — первой половины IX в., то II резко отличается от них по своей лексике, грамматическим конструкциям и стилю и представляет собой памятник старославянского литературного языка, начало формирования которого положила переводческая и оригинальная деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников³⁷.

Этот вывод А. В. Исаченко, принятый затем и другими исследователями, Ф. Загиба пытался пересмотреть, выдвинув гипотезу о том, что в данном случае мы имеем дело с обработкой в окружении Константина и Мефодия текста, созданного первоначально немецкими миссионерами³⁸. Однако каких-либо весомых доказательств в пользу существования такого оригинала исследователь не привел, и это не удивительно, так как уже А. В. Исаченко отметил, что проповеди такого характера на старонемецком языке неизвестны³⁹.

Убеждение исследователя в существовании такого оригинала, очевидно, опирается на его представление о высоком уровне проповеди на «местном» языке в Каролингской империи первой половины IX в. Но поскольку это представление, основанное на некритическом толковании общих формул каролингских постановлений, оказалось несостоятельным, то нет оснований рассматривать выдвинутое положение даже как гипотезу.

Другое, еще более ответственное положение, выставленное Ф. Загибой, заключается в том, что еще до прихода Константина и Мефодия в Моравию немецкими миссионерами были переведены на славянский язык и читались во время службы евангельские чтения. Поскольку подобные тексты неизвестны, исследователь и здесь выдвигает предположение об использовании подобного текста в переводе евангельских чтений, выполненном Константином и Мефодием. Однако конкретные доводы исследователя сводятся лишь к указанию, что в тексте известного перевода встречаются отдельные термины немецкого происхождения: поп, пост, алтарь, неприязнь (в значении дьявол)⁴⁰. Очевидно, что для доказательства выдвинутого положения данного аргумента недостаточно, особенно, если учесть очевидную связь перевода в целом с греческим оригиналом и отсутствие в нем явных следов Вульгаты (альтернативно: восходящего к ней немецкого текста)⁴¹. Главным здесь опять оказывается убеждение исследователя в том, что в Империи была распространена подобная практика, а следовательно, она должна была отразиться в деятельности немецких миссионеров на славянских землях. И здесь несостоятельность исходного положения Ф. Загибы ведет к полному разрушению его построения.

Таким образом, нет никаких оснований для пересмотра сложившегося в литературе представления о деятельности каролингской миссии на славянских землях.

Деятельность каролингской миссии в интересующем нас аспекте свелась, таким образом, к переводу очень ограниченного круга специально отобранных, небольших по объему текстов, содержавших самые общие начатки знаний о христианском вероучении. Важно отметить при этом, что речь шла о текстах, простых по своей грамматической структуре и с весьма ограниченным набором слов, по существу, повторявшимся в разных по жанру, но близких по содержанию текстах. Еще более важно, что таким набором текстов использование местного языка в письменности и должно было ограничиться. Правда, Ф. Загиба указывал, повторяя при этом более ранние наблюдения, что записи немецких миссионеров в ряде отношений ближе отражали язык местного населения, чем переводные и оригинальные памятники, созданные в кругу Константина и Мефодия⁴², но, как верно заметил А. В. Исаченко, это происходило от того, что немецкие миссионеры преследовали лишь технико-прикладные, а не ху-

дожественные цели (отсюда, в частности, обилие в их текстах кá-лек) и не ставили своей задачей создание славянского литературного языка ⁴³.

Выявив исторически достоверную картину развития письменности на языке местного населения, как на территории Каролингской империи, так и в сфере деятельности каролингского духовенства на славянских землях, есть смысл сопоставить ее с той картиной развития славянской письменности в Великой Моравии после прихода туда Константина и Мефодия, которую позволяют воссоздать результаты кропотливой работы ряда поколений исследователей.

По свидетельству такого авторитетного и современного деятельности солунских братьев источника, как Житие Константина, одним из первых переводов, выполненных византийскими миссионерами еще до прихода в Великую Моравию, был перевод евангелия-апракос, т. е. сборника текстов из евангелий, читавшихся во время богослужения ⁴⁴. Таким образом, работа византийских миссионеров началась с перевода сборника текстов, почерпнутых из самой авторитетной и священной части Писания. К этому следует добавить, что сам этот перевод был ориентирован не на удовлетворение потребностей какой-то замкнутой, ограниченной группы лиц (общины данного храма или монастыря), а предназначался для публичного чтения перед верующими из всех кругов общества. Наконец, выбор для перевода именно такого текста свидетельствовал о сознательном стремлении заменить латинский и греческий язык понятным населению славянским языком при осуществлении такой важной функции общественной жизни средневекового общества, как богослужение.

Тем самым уже на начальном этапе своей деятельности солунские братья и их ученики далеко вышли за пределы той сферы, которую соглашались отвести письменности на местном языке церковные и светские власти Каролингской империи.

Переводом этого текста начальный этап деятельности Кирилла и Мефодия не ограничился. В недавнее время был приведен ряд серьезных текстологических аргументов в пользу того, что, по крайней мере, одновременно с евангелием-апракос была переведена на славянский язык и Псалтырь ⁴⁵. Выбор и этой книги для перевода также весьма показателен — сборник произведений древнееврейской культовой поэзии был необходимым для отправления богослужения, но, может быть, еще более важно, что Псалтырь была в средневековом обществе тем пособием, по которому учились грамоте.

О переводах, выполненных Константином и Мефодием в Моравии в 864—867 гг., сохранилось важное свидетельство в XV главе Жития Мефодия, где указывается, что, кроме Псалтири и Евангелия, братья перевели «Апостол» — сборник текстов из посланий и деяний апостолов, читавшихся во время богослужения, а также «Избранные службы церковные» ⁴⁶. К этому же времени есть все осно-

вания отнести и перевод «Паремейника» — сборника читавшихся во время богослужения текстов из книг Ветхого завета. Как показали специальные исследования, цитаты из ветхозаветных текстов в житиях Константина и Мефодия находят себе очень близкое соответствие в старых списках «Паремейника»⁴⁷. По-видимому, имея в виду всю переводческую работу, проделанную Константином, Мефодием и их учениками в Моравии в эти годы, автор Жития Константина употребил известные слова о переводе «всего церковного чина»⁴⁸, т. е. всего собрания текстов, читавшихся в церкви во время богослужения. К этому стоит добавить, что все эти тексты не только были переведены на славянский язык, но уже в те годы публично читались во время церковной службы, о чем свидетельствует помещенный сразу за словами о переводе «церковного чина» парафраз слов библейского пророка Исайи: «и отверзшася, по пророческому словеси, уши глухих услышати книжная словеса, и язык ясен бысть гугнивых».

Сопоставляя приведенные факты с тем, что известно о политике, проводившейся в этих вопросах духовной иерархией латинского мира не только в указанное время, но и много позже, следует констатировать беспрецедентный характер этих новшеств, резкий разрыв со сложившейся в данном регионе традицией.

И в этой связи никак не может удивлять, что эти новшества, как об этом сообщается в житиях Константина и Мефодия, вызвали отпор со стороны немецкого духовенства, воспитанного, как и все духовенство Империи, в представлениях об ограниченных возможностях использования местного языка в письменности и о необходимости сохранять монополию духовенства на знакомство со Священным Писанием. Сам факт такого конфликта не укладывается в схему австрийского исследователя, согласно которому между взглядами византийских и каролингских миссионеров не было существенных различий: и те и другие во время богослужения читали народу Евангелие на славянском языке. Пытаясь дать объяснение факту конфликта и вместе с тем сохранить свои позиции, Ф. Загиба выдвинул тезис о том, что немецкие миссионеры возражали не против перевода и чтения Евангелия на славянском языке, а лишь против перевода на славянский язык текста богослужения. Так исследователь толкует сообщения житий Кирилла и Мефодия о том, что немецкое духовенство разрешало славить бога лишь на трех «священных» языках⁴⁹.

Однако точку зрения исследователя явно опровергает свидетельство, исходящее из среды самого немецкого духовенства. В известном сочинении «Об обращении в веру баваров и хорутан», написанном около 870 г. в Зальцбурге, находим следующее, весьма показательное высказывание: «Некий грек, по имени Мефодий, после недавнего изобретения славянского письма, презирая на манер философов латинский язык, римское учение и авторитетное латинское

письмо, сделал так, что в глазах народа потеряли значение месса, Евангелие и церковные обряды тех, кто их совершали по-латыни»⁵⁰. Из этого текста ясно следует не только привязанность его авторов-клириков из Зальцбурга к латинскому письму и языку, но и их недовольство тем, что население не желает слушать ни церковную службу, ни чтение Евангелия по-латыни, как его читали во время богослужения священники из Баварии. Это свидетельство не только опровергает построение Ф. Загибы, но и еще раз показывает несостоятельность его гипотезы о том, что немецкие миссионеры, действовавшие в Моравии в середине IX в., перевели Евангелие на славянский язык и читали его народу во время службы.

Оценивая итоги первого этапа развития славянской письменной традиции в Великой Моравии, следует отметить и другую, не менее важную сторону дела. Памятники, переведенные в Константинополе и во время пребывания Константина и Мефодия в Моравии, представляли собой произведения различных и развитых литературных жанров, таких, как послания (послания апостолов), исторические повествования (фрагменты из Ветхого завета), произведения древней религиозной поэзии (Псалтырь), наконец, такие сложные прозаические произведения, сочетающие в себе особенности ряда литературных жанров, как евангелия. Перевод всех этих произведений с характерным для них богатством словарного состава и разнообразием средств художественного выражения означал не просто возникновение славянского литературного языка, но его сложение уже сразу в тех зрелых развитых формах, которые вырабатывались в греческом тексте оригиналов, как результат многовекового литературного развития. Если в какой-то мере и можно считать, что солунские братья и их ученики были продолжателями немецких миссионеров, то простое сравнение показывает, что это было продолжение на совершенно ином качественном уровне.

Правда, Ф. Загиба находит в этой деятельности важный изъян: в своей работе он во многих местах подчеркивает, что тексты, составленные миссионерами, были написаны на «родном языке» («Muttersprache»), а переводы, вышедшие из школы Константина и Мефодия, написаны на «Kunstsprache», на котором никто не говорил⁵¹. При этом, однако, не учитывается тот факт, что всякий развитый литературный язык неизбежно должен отличаться от живой разговорной речи, и это никак не служит каким-то принципиальным препятствием для его понимания и восприятия. Ф. Загиба одновременно подчеркивает, что этот литературный язык был создан на основе говоров славянского населения района Солуни и поэтому был «чужим» для населения Великой Моравии. Не отрицая этого факта, установленного в работах многих исследователей, следует отметить, что при сравнительно малой еще дифференциации славянских диалектов в IX в., это обстоятельство также не могло служить серьезным препятствием

для понимания и восприятия кирилло-мефодиевских переводов. Кроме того, Ф. Загиба обходит молчанием работы чехословацких исследователей, в которых убедительно показано и сильное воздействие моравской языковой среды на солунских братьев, и их внимательное отношение к местным потребностям. Характерно, что внимательное изучение системы письма единственной известной в настоящее время рукописи великоморавской письменной традиции — «Киевских листков», показало, что даже такой основополагающий элемент славянской письменности, как алфавит, созданный Константином-Кириллом еще в Константинополе, в Великой Моравии был подвергнут изменениям, чтобы он мог передавать фонетические особенности местных говоров, для чего в его состав введен, в частности, ряд новых знаков⁵².

Деятельность, начатая Константином и Мефодием в 60-х годах IX в. в Моравии, получила свое продолжение в переводческой деятельности Мефодия и его учеников в 70—80-е годы IX в. Сведения о ряде переводческих работ, осуществленных в это время, сохранило нам известное свидетельство XV главы Жития Мефодия⁵³. Здесь упоминается о переводе Мефодием «отеческих книг»; по одному толкованию — сборника житий святых, по другому — сборника проповедей отцов церкви. Обе точки зрения могут быть подтверждены существованием переводных текстов, анализ языка которых позволяет отнести их возникновение ко времени Мефодия⁵⁴.

В этом же источнике упоминается другой перевод того же времени — перевод «Номоканона», сборника постановлений церковных соборов, определявших нормы внутрицерковной жизни. Исследования ряда филологов и историков права позволили надежно отождествить эту работу с сохранившимся в русской рукописи XIII в. сокращенным переводом так называемого «Номоканона» Иоанна Схоластика, памятника византийского права второй половины VII в.⁵⁵ С деятельностью Мефодия и его учеников исследователи связывают и перевод епитимийника, известный под названием «Заповеди святых отец», сделанный с латинского источника, близкого к так называемому Мерзебургскому пенитенциалу IX в.⁵⁶ Если к этому добавить проповедь-обращение к судьям («Владыкам земли божье слово велит»), сочиненное самим Мефодием⁵⁷, то станет ясно, что новый этап переводческой деятельности в Моравии был связан с созданием серии юридических текстов на славянском языке. Как характерную черту деятельности культурного очага в Великой Моравии эту особенность отмечает и Ф. Загиба⁵⁸, но он проходит мимо вопроса о назначении, цели этих переводов. Между тем, очевидно, что их появление означало приобретение славянским языком новых позиций в общественной жизни. Теперь уже не только богослужение, но и управление церковной организацией могло опираться на тексты, написанные на местном, родном языке.

В начале 80-х годов IX в. была закончена еще одна крупная переводческая работа: Мефодием был завершен перевод основной массы библейских текстов (так называемых «канонических книг» Ветхого и всего Нового завета) ⁵⁹. Хотя этот перевод и не сохранился, но он сыграл свою роль, как стимул для возобновления работы над переводами библейских книг в Болгарии в X в., в так называемый «золотой век» древнеболгарской литературы. И в данном случае следует отметить отсутствие каких-либо аналогий этому опыту в Каролингской Европе не только IX, но и последующих веков. Первые переводы отдельных частей Библии на старофранцузский язык были предприняты лишь во второй половине XII в. еретиками-вальденсами, а переводы Библии на другие романские и германские языки относятся к еще более позднему времени.

Если ко всему выше сказанному добавить, что в Великой Моравии второй половины IX в. наряду с переводными появились и оригинальные произведения, в числе которых были такие сложные литературные тексты, как Житие Константина, написанное в 70-е годы IX в., и Житие Мефодия, написанное его учениками сразу после смерти Мефодия в 885 г., то основные моменты формирования и развития традиций славянской письменности в Великой Моравии 60—80-х годов IX в. будут ясными.

На протяжении нескольких десятилетий, таким образом, в Великой Моравии сформировался развитый литературный язык, способный на столь же высоком уровне, как греческий и латинский, обслуживать потребности общественной жизни населения Великой Моравии, и одновременно создан корпус текстов на славянском языке, позволявший при обслуживании ряда важных сфер общественной жизни обходиться без обращения к иноязычным текстам. Разумеется, к 80-м годам IX в. еще не существовало такого корпуса этих текстов, который позволял бы опираться на свою национальную письменность во всех сферах общественной жизни, где было необходимо использование письменно фиксированного текста. Однако нет сомнений, что уже Кириллом и Мефодием и их сподвижниками именно такая задача осознавалась как конечная цель. Она была вскоре окончательно решена, хотя и несколько на иной исторической почве — в Первом болгарском царстве, но при активном участии учеников Мефодия, участвовавших в развитии письменности еще в Великой Моравии.

Такой крупный культурный сдвиг оказался возможным потому, что ему благоприятствовали социальные условия, существовавшие в Византии и в Великой Моравии. Выдвинутая Кириллом и Мефодием идея создания славянской письменности, которая выполняла бы для славян те же функции, что и греческий язык для греков, не могла встретить противодействия в общественной среде, где не существовало особого языка, владение которым выделяло бы духовное

сословие из среды остального общества и закрепляло его привилегированное положение. Не существовало в Византии и претензий духовного сословия на образование. Наряду с образованными клириками здесь постоянно существовал слой светских образованных людей, поставлявших кадры не только для светского, но и для церковного аппарата империи. Тем самым в Византии отсутствовала почва для формирования системы взглядов, характерной для позиции духовной иерархии католического Запада. В этих условиях Кирилл и Мефодий не только имели возможность вести свои опыты по созданию славянской письменности, но и смогли добиться одобрения полученных результатов высшими властями Империи.

Еще более важное, решающее для судеб старославянской письменности значение имело то обстоятельство, что деятельность Кирилла и Мефодия отвечала интересам социальных верхов великоморавского общества, оказавшихся с принятием христианства в достаточно сложном положении. До принятия христианства славянская знать Великой Моравии, совмещая в себе носителей и светской, и духовной власти, выступала как главный знаток и толкователь норм духовной и светской жизни великоморавского общества. С принятием христианства эти социальные слои оказались в определенной и тягостной для них зависимости от немецких клириков — группы пришедших из-за границы, связанных с церковным аппаратом иного государства иностранцев. Между тем эти иностранцы в новом, христианском обществе не только обладали монополией на отправление культа, но и имели право определять, какие нормы общественной жизни моравского общества должны быть перестроены в соответствии с нормами христианского учения. При этом пришедшие из-за границы священнослужители опирались на совокупность представлений и норм, изложенных в текстах на непонятном и недоступном для моравской знати языке. Не удивительно, что в этих условиях Ростислав моравский обратился в Константинополь с просьбой прислать учителя, который бы «в свои языкъ истоую веру христианьскоую сказалъ»⁶⁰.

При совместном действии двух сил: пришедшей из Константинополя миссии и моравской знати эта цель, как было показано выше, была достигнута: создан корпус текстов, излагавших «на своем языке» и тексты, служащие тем образцом и авторитетом, на который опиралась вся христианская традиция (Священное писание), и сводку норм, определявших повседневную жизнь христианского общества и наказания за их нарушение (кормчая, епитимийник). С гибелью этих общественных слоев в момент разрушения Великоморавской державы венграми наступил упадок старославянской письменности в Великой Моравии.

Известно, что в Чешском раннефеодальном государстве эти великоморавские традиции не смогли получить полного развития. Вопрос о причинах этого явления выходит за рамки данной статьи,

однако хотелось бы отметить, что попытки обновления и продолжения этих традиций на чешской почве (например, в деятельности Сазавы во второй половине XI в.) говорят за то, что и здесь налицо определенные общественные потребности в письменности на славянском языке.

В заключение следует остановиться на утверждении Ф. Загибы, что упадок кирилло-мефодиевской традиции в Чехии открыл путь творческим импульсам с Запада, которые привели к быстрому расцвету собственно чешской литературы⁶¹. Учитывая принципиальную заостренность такого утверждения, следует рассмотреть, что конкретно представляла собой письменность на «родном» языке в Чехии XII в. после ликвидации последнего очага кирилло-мефодиевских традиций — Сазавского монастыря. Обращение к имеющимся работам показывает, что эта письменность ограничивалась в XII в. главным образом глоссами к ряду различных латинских текстов. Все эти глоссы представляют собой комментарии и переводы отдельных фрагментов текста. Лишь в одном случае можно говорить о наличии сплошной интерлинейарной глоссы, которая тем самым перерастает по существу в перевод целого произведения, — речь идет о Псалтыри, тексты которой дошли в рукописях XIII—XIV вв., но сам перевод, по филологическим данным, может быть возведен к концу XI в. И это все⁶².

Перед нами не только тексты крайне немногочисленные, но, что еще более важно, не имеющие самостоятельного значения. Таким образом, развитие собственно чешской литературы после подавления традиций славянской письменности в Чехии начиналось с уровня несравненно более низкого, чем тот, который был достигнут в Моравии к началу 80-х годов IX в., и тем более, — чем уровень развития чешской славянской письменности в Сазаве.

¹ Bosl K. Probleme der Missionierung des böhmischen-mährischen Herrschaftsraumes. — In: Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit. Wiesbaden, 1967, S. 115.

² Zagiba F. Das Geistesleben der Slaven im frühen Mittelalter. Wien; Köln; Graz, 1971.

³ Подробный разбор соответствующих предписаний см.: Grafenauer J. Karolínska kateheza ter izvor Brižinskih spomenikov in Čina nadz isповědaštiim se. — Razprave znanstvenega društva v Ljubljani, Ljubljana, 1936, 13. Filološko-lingvistični odsek, 2.

⁴ Краткую характеристику этих переводов см.: Geschichte der deutschen Literatur. Berlin, 1963, Bd. 1, Hb. 1, S. 233—241.

⁵ MGH, Legum sectio III. Concilia aevi Carolini I. Hannoverae; Lipsiae, 1906 (далее — Concilia. . .), t. I, p. 271.

⁶ Аналогичным образом понимает текст канона и исследователь каролингского законодательства о церкви К. де Клерк: *Clercq C. de. La législation religieuse franque de Clovis à Charlemagne*. Louvain; Paris, 1936, p. 240.

⁷ См., например, II канон Реймского собора 813 г.: Concilia. . ., I, p. 254.

- ⁸ MGH. Legum sectio II. Capitularia regum francorum. Hannoverae, 1881—1883 (далее — Capitularia), t. I, p. 58, 106; Concilia. . . , t. I, p. 255.
- ⁹ Zagiba F. Das Geistesleben. . . , S. 104—105, 110—111, 145—146.
- ¹⁰ Riché P. Éducation et culture dans l'Occident barbare. VI-e—VIII-e siècles. Paris, 1962, p. 539—541.
- ¹¹ Capitularia. . . , t. I, p. 61.
- ¹² Concilia. . . , t. I, p. 278.
- ¹³ Riché P. Éducation. . . , p. 538.
- ¹⁴ Grimm V. Exhortatio ad plebem christianam. Glossae Casselanae. —In: Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1848; см. также: Ehrisman G. Geschichte der deutschen Literatur. München, 1918, Bd. 1, S. 291—292 (исследователь отмечает буквальное следование немецкого текста за латинским оригиналом); Geschichte der deutschen Literatur. Bd. 1, Hb. 1, S. 241—242.
- ¹⁵ Capitularia. . . , t. I, p. 234.
- ¹⁶ Clercq C. de. La législation. . . , p. 325.
- ¹⁷ Ibid., p. 307.
- ¹⁸ Zagiba F. Das Geistesleben. . . , S. 105.
- ¹⁹ The Cambridge history of the Bible. Cambridge, 1969, t. II. The West from the Fathers to the Reformation, p. 377.
- ²⁰ Riché P. Éducation. . . , p. 547.
- ²¹ The Cambridge history. . . , t. II, p. 391.
- ²² Riché P. Éducation. . . , p. 533.
- ²³ The Cambridge history. . . , t. II, p. 376.
- ²⁴ CDEB, t. 1, fasc. 1, N 81, s. 88.
- ²⁵ Подборку соответствующих текстов см.: Средневековые в его памятниках / Под ред. Д. Н. Еропова. М., 1913, с. 250—251.
- ²⁶ Ehrisman G. Geschichte. . . , Bd. 1, S. 275.
- ²⁷ Hensch G. A. The Monsee fragments. Strasburg, 1890.
- ²⁸ Ehrisman G. Geschichte. . . , Bd. 1, S. 263—271, 276.
- ²⁹ Geschichte der deutschen Literatur, Bd. 1, Hb. 1, S. 245—246.
- ³⁰ Laistner M. L. W. Thought and letters in Western Europe ad 500—900. London, 1957, p. 202. Учитывая все эти обстоятельства, следует решительно отклонить предположение Ф. Загибы о какой-либо связи перевода отрывка Евангелия от Матфея в отрывках из Monsee с миссионерской деятельностью баварского духовенства среди славян (Zagiba F. Das Geistesleben. . . , S. 10, 105).
- ³¹ См. характеристику сделанного Ноткером перевода Псалтири: The Cambridge history. . . , t. II, p. 423—424; Geschichte der deutschen Literatur, Bd. 1, Hb. 1, S. 396—402. На примере Ноткера особенно ясно видно, что подобные акции предпринимались именно по инициативе отдельных энтузиастов.
- ³² MMFH, d. II, s. 321.
- ³³ Novák A. Oblas působení Metodějova a Konstantinova v soudobém Německu. — ČČH, 1915, s. 79—80; The Cambridge history. . . , t. II, p. 421—422.
- ³⁴ Geschichte der deutschen Literatur, Bd. 1, Hb. 1, S. 402.
- ³⁵ The Cambridge history. . . , t. II, s. 422—423.
- ³⁶ Vondrák V. Frisinské památky i jich vznik a význam v slovenském písmenictví. Praha, 1896; Grafenauer J. Karolínška kateheza. . . , Isačenko A. V. Začiatky vzdelanosti vo Vel'komoravskej ríši. Turčianský Sv. Martin, 1948.
- ³⁷ Isačenko A. V. Jazyk a pôvod frizinských pamiatok. Bratislava, 1943.
- ³⁸ Zagiba F. Das Geistesleben. . . , S. 124—126.
- ³⁹ Isačenko A. V. Jazyk a pôvod. . . , s. 9, 54.
- ⁴⁰ Zagiba F. Das Geistesleben. . . , S. 146.
- ⁴¹ Обзор эволюции взглядов филологов, завершившейся утверждением именно указанной точки зрения, см. в рецензии Е. М. Верещагина на кн.: Methodiana. Beiträge zur Zeit und Persönlichkeit sowie zum Schicksal und Werk des hl.

- Method. Wien; Koln; Graz, 1976. — Вопросы языкознания, 1978, № 2, с. 134—135.
- ⁴² Zagiba F. Das Geistesleben. . ., S. 113, 166.
- ⁴³ Isačenko A. V. Jazyk a pôvod. . ., s. 29.
- ⁴⁴ MMFH, d. II, s. 100.
- ⁴⁵ Vlašek J. Po stopách archetypu staroslovenského překlada žalmů. — In: Studia palaeoslovenica. Praha, 1971.
- ⁴⁶ MMFH, d. II, s. 160.
- ⁴⁷ Kyas V. Starozákonní citaty v životě Konstantinově a Metodějově ve srovnání se staroslovanským parimejníkem. — Slavia, 1963, r. 32.
- ⁴⁸ MMFH, d. II, s. 102.
- ⁴⁹ Zagiba F. Das Geistesleben. . ., S. 14—15, 58.
- ⁵⁰ MMFH, d. III, s. 318.
- ⁵¹ Zagiba F. Das Geistesleben. . ., S. 165—167, 169, 171, 219—222.
- ⁵² Tkadlčík V. Systém hláholské abecedy. — In: Studia palaeoslovenica. Praha, 1971; Mareš F. V. Hlaholice na Moravě a v Čechách. — Slovo, (Zagreb), 1971, r. 21; Mošin V. Još o Hrabru, slavenskím azbukama i azbučnim molitvama. — Slovo, (Zagreb), 1973, r. 23.
- ⁵³ MMFH, d. II, s. 160.
- ⁵⁴ Bláhová E. K otázce «отъ чeských knih». — Slavia, 1969, N 4; см. также материалы симпозиума в Пече, посвященного истории славянского патерика: Slovo, (Zagreb), 1974, r. 24.
- ⁵⁵ Изд. памятника см.: MMFH, d. IV, s. 243—363; здесь же и очерк истории изучения памятника, принадлежащий перу известного историка права Й. Вапицы.
- ⁵⁶ MMFH, d. IV, s. 137—146.
- ⁵⁷ MMFH, d. IV, s. 200—204; Vaillant A. Une homélie de Methode. — Revue des études slaves, 1947, N 23; Vašica J. Anonymní homilie v rukopise Clozove. — ČMM, 1949.
- ⁵⁸ Zagiba F. Das Geistesleben. . ., S. 208—209.
- ⁵⁹ MMFH, d. II, s. 159—160.
- ⁶⁰ MMFH, d. II, s. 99.
- ⁶¹ Zagiba F. Das Geistesleben. . ., S. 219—221.
- ⁶² Jakubec J. Dějiny literatury české. Praha, 1929, d. 1; Dějiny české literatury. Praha, 1959, d. 1, s. 55, 56, 68—69.

Е. М. ВЕРЕЩАГИН

ВЕЛИКОМОРАВСКИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ПЕРВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СЛАВЯН: СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Развитие первого — и единственного — всеславянского литературного языка было решающим образом обусловлено политическими и историко-культурными обстоятельствами. Поэтому в наименовании этапов его эволюции не только удобно, но и правильно опираться не на собственно лингвистические (т. е. внутренние) признаки, а как

раз на внешние приметы. В частности, создатели письменности перемещались из страны в страну, — с привлечением топонимики мы и обозначим упомянутые этапы.

Начальный этап можно назвать византийским. Источники довольно подробно сообщают о том, как трудами Кирилла (826/7—869) и Мефодия (ок. 820—885) возникла славянская письменность. Восприняв просьбу моравского князя Ростислава, кесарь Михаил во главе будущей миссии поставил Кирилла Философа, и этот последний согласно его Пространному житию¹, *абѣ сложи писмена и начеть бесѣдоу писати еу(аггелъ)скоу*. Таким образом, в византийский период просветители славянства «сложили» азбуку и перевели необходимейшие тексты из Священного писания и из богослужения — византийскую асматическую Псалтырь, Евангелие и Апостол в апракосной форме, деннонощный богослужебный цикл, включая литургию (ср. об этом сообщение Пространного жития Мефодия: *псалтырь бо бѣ тъкъмо и еванг(е)лїе съ ап(осто)лѣмъ и избѣранѣими слоужьбами цр(ъ)к(ъ)внѣими съ философѣмъ прѣложи прѣвѣе*).

За византийским последовал великоморавский этап развития всеславянского литературного языка. Хронологические рамки этого периода надежно известны — 863—885 гг., с перерывами. Прибыв в Великую Моравию в первой половине 863 г., первоучители оставались здесь, согласно Житию Кирилла, 40 месяцев, а в конце 866 г. (или в начале 867 г.) отправились в Рим. Мефодий смог вернуться в столицу Моравского государства лишь во второй половине 873 г., и ему пришлось впоследствии оставлять свою архиепископию для новой поездки в Рим (879—880) и в Константинополь (881—882). С учетом сказанного великоморавский этап литературно-переводческой деятельности сначала обоих братьев, а потом одного Мефодия и их учеников распадается на три временных отрезка.

Относительно первого отрезка (863—866/7) Житие Кирилла сообщает об окончательном переводе и введении в употребление полного богослужебного чина: *въскорѣ же въсь цр(ъ)ковный чинъ приѣмъ* (вариант: *прѣложи*), *научи ю* (т. е. *оученики*) *оутрьници, и часовомъ, и веч(е)рни, и навеч(е)рници, и таинѣи слоужбѣ*. По поводу второго временного отрезка (873—879) источники в связи с литературными трудами ничего не говорят, хотя действительно можно предположить, что этот период был наиболее плодотворным в жизни Мефодия. Что касается, наконец, третьего отрезка (882—885), то, по Житию Мефодия, в это время была переведена вся Библия, за исключением книг Маккавейских; источник продолжает: *Мефодий тъгда же и номоканонъ, рекъше законуу правило, и о(тъ)-чъскѣна книгѣи прѣложи*.

По кончине Мефодия (6 апреля 885 г.) все ученики первоучителей (а о размахе их просветительства можно судить хотя бы на ос-

новании свидетельства Пространного жития Климента Охридского, составленного по-гречески архиепископом Феофилактом, согласно которому в 885 г. в Моравии имелось около 200 священников, диаконов и иподиаконов, способных служить по-славянски), в том числе и мораванин Горазд, самим Мефодием назначенный себе в преемники, в том же самом году (или во всяком случае не позже 887 г.) были изгнаны из Моравии и Паннонии. С их уходом, надо полагать, завершился великоморавский этап эволюции первого литературного языка славян. Фокус славянской образованности переместился в Болгарию, к южным славянам, и начавшийся новый этап можно именовать балканским.

Ни византийский, ни балканский этапы не составляют предмета анализа в данной нашей статье. В ней рассматривается развитие созданного Кириллом и Мефодием литературного языка лишь за те 22 года, которые связаны с Великой Моравией.

Предмет нашего непосредственного изучения хотелось бы, однако, и еще ограничить.

Так, мы отказались от обзора всей проблематики письменности великоморавского этапа. Такой обзор содержится в весьма информативной статье Радослава Вечерки, публикуемой в настоящем сборнике. Р. Вечерка говорит и об особенностях великоморавского извода древнеславянского языка; и о сочинениях, переведенных в Великой Моравии (завершение новозаветных и литургических переводов, переводы Ветхого завета, требника, служебника, номоканона, пенитенциала, гомилиара, агиографических текстов); и о значении великоморавской литературно-переводческой школы для других славянских стран (Болгарии, Чехии, Польши, Хорватии, Киевской Руси). Р. Вечерка охватил все наиболее значительные исследования последних лет и показал их преемственность с предыдущими работами.

Наша статья принадлежит к разряду разысканий и в свете сказанного она находится с обзором Р. Вечерки в отношении дополнения.

В чем состоит цель настоящего исследования? Нам хотелось бы выявить одну из специфических, внутренне-лингвистических характеристик первого литературного языка славян на великоморавском этапе его развития. Такой чертой, — скажем об этом, сознательно забегая вперед, — является включение в славянское философско-теологическое терминотворчество особого приема, названного нами осмыслением означаемого, или ментализацией.

Ментализация в терминотворчестве, по нашему мнению, — это общая характеристика переводческой деятельности великоморавской школы: она возникла здесь, а потом перешла и в другие школы. Однако выявлена эта черта на конкретном, частном фактическом материале. Для того чтобы по части действительно можно было

судить о целом; ниже предлагается анализ соображений, на основании которых для него был выбран материал.

Анализируется «Гомилия о погребении тела господина и бога нашего Иисуса Христа и об Иосифе Аримафейском и Никодиме и о сошествии господина нашего во ад», широко распространенная в древней славянской письменности. Гомилия обычно надписывается именем Епифания, архиепископа Кипрского (ок. 315—403), но ее греческий текст у Миня включен в раздел *Spuria*. В златоустах русской редакции встречается и надписание именем Григория, патриарха Антиохийского; тем не менее будем придерживаться принятого усвоения гомилии Епифанию (далее — ЕГ).

Епифаниева гомилия была предметом серьезного научного рассмотрения. В свете полученных результатов можно утверждать, что она была переведена не где-либо, а в Великой Моравии. Аргументы в поддержку этого мнения разнородны и разнообразны; складываясь, они хорошо дополняют и усиливают друг друга.

В Житии Мефодия, как отмечалось, сказано, что в последний отрезок своей литературно-переводческой деятельности первоучитель *отъчьскѣи книгѣ прѣложи*. Можно ли видеть здесь упоминание о переводе Мефодием гомилетических текстов, или имеется в виду какой-либо иной жанр теолого-литургической литературы? Конкурируют два понимания терминологического словосочетания *отъчьскѣи книгѣ*. Одна группа исследователей видит здесь указание на перевод Мефодием патерика (или отечника), собрания житий «отцов», т. е. подвижников, пустынников, отшельников, вообще монашествующих. Другие ученые полагают, что в этом месте отражен перевод (или перевод и составление) гомилиара, собрания гомилий (проповедей, наставлений, слов), т. е. текстов учительно-назидательного содержания, принадлежащих «отцам церкви» (выдающимся церковным писателям I—VIII вв.). Нет нужды входить в разбор доводов каждой из сторон: на наш взгляд, Мефодий занимался переводами и из патерика, и из святоотеческих учительных книг. Для нас важно принять к сведению, что Мефодий, согласно допустимому и даже вероятному истолкованию его Жития, наряду с другими жанрами христианской литературы переводил и гомилии.

Конечно, источник прямо не сообщает, какие именно гомилии были переведены. Тем не менее нельзя пройти мимо косвенных, но весьма веских указаний на то, что именно ЕГ — действительно была переведена.

ЕГ представлена в обоих памятниках «старославянского канона», содержащих гомилии. Она дошла до нас в составе Клоцова сборника (далее — К), а обычно полагают, что К непосредственно восходит к протографу гомилиара великоморавского состава. К сожалению, в К из-за его плохой сохранности ЕГ приведена не полностью, а только ее начальной частью. Однако во втором «каноническом»

собрании гомилий — в Супрасльской рукописи (далее — С) ЕГ содержится целиком. Эта представленность ЕГ в К и С (а другие гомиляры XI в. дошли до нашего времени лишь отдельными листами) позволяет думать, что ЕГ входила в ядро славянских гомилетических переводов, содержалась в протографе составленного Мефодием гомиляра.

Об этом же говорит и наличие ЕГ в Гомиляре Михановича, источнике XIII в. и регионального извода (сербского). Гомиляр Михановича (далее — М) по древности занимает среди славянских собраний гомилий четвертое место. (В Успенском сборнике XII—XIII вв., который находится на третьем месте, ЕГ отсутствует.)

Обратимся к иному доводу в пользу переведенности ЕГ на великоморавской земле. Этот довод получен разысканиями Э. Благовой². Одна из гомилий К (она занимает листы и строки 1619—3а23) не соотнесена с автором («авторское» надписание в самом памятнике не приведено, а греческий оригинал, если он есть, не отыскан); эта гомилия соответственно и называется в науке Анонимной. Авторитетные слависты А. Вайан, Ф. Гривец, Й. Вашица выступили с предположением, что она принадлежит Мефодию. Аргументы таковы: Вашица обнаружил связь Анонимной гомилии с Законом судным людем, т. е. с номоканоном, который, согласно Житию, был переведен Мефодием; Вайан обнаружил текстуальные параллели гомилии с Житием Мефодия. Что же касается Благовой, то согласившись с атрибуцией Анонимной гомилии Мефодию, она продемонстрировала, что языковые особенности Анонимной гомилии тождественны языку ЕГ, т. е. что обе гомилии вышли из-под пера одного и того же человека. Таковы две посылки, из которых закономерно вытекает сделанный Э. Благовой вывод: если Анонимная гомилия принадлежит Мефодию, то и ЕГ переведена им же.

Таким образом, ЕГ не только восходит к великоморавской литературно-переводческой школе, но и, весьма вероятно, была переведена на славянский язык первоучителем Мефодием. Если учесть свидетельство его жития об «отеческих книгах», то довольно точно определяется и время перевода гомилии — третий отрезок великоморавского периода, т. е. 882—885 гг.

Итак, на выбор ЕГ в качестве материала для анализа особенностей языка великоморавского периода решающим образом повлияла почти полная уверенность в том, что перевод гомилии выполнен Мефодием, архиепископом Моравским.

Несколько технических замечаний. ЕГ образцово издана А. Вайаном — на основе 6 источников — К, С, М, Златоуста конца XIII в. (по публикации И. В. Ягича) болгарского извода, Златоуста XV в. (по публикации Л. Стояновича) сербского извода и Златоуста XVI в. (по публикации И. Я. Порфирьева) русского извода. Издание Вайана составное: начальная часть ЕГ дается по К (с. 22—34, завершается

словами, *съкръвенъжъ въ адѣ тайнъжъ поемамоу*), а затем (с. 34—83) следует С, причем в правой части разворота ученый помещает греческий текст с критическим аппаратом. Вайан регулярно указывает славянские варианты по шести источникам, но для нас интересны варианты лишь К, С и М (по нашему мнению, три остальных златоуста отобраны для издания произвольно — по принципу наличия публикаций, так что работа Вайана не может рассматриваться как строгое научное издание литературного памятника, предполагающее учет всего наличного рукописного фонда). Принимаем во внимание также и чтения ЕГ из Германова сборника (по изданию Д. Ивановой-Мирчевой и Ж. Икономовой)³.

Раньше было сказано, что периодизация развития первого литературного языка славян приурочена к внешним политическим и культурным событиям. Основные этапы сложения всеславянской философской терминологии также довольно точно соответствуют этим внешним вехам и приметам. Иными словами, развитие литературного языка — это одновременное развитие терминологической лексики, а этот параллелизм в истории литературных языков не является всеобщей закономерностью, особенно если рост и обогащение литературного языка в первую очередь обусловлены расцветом художественной литературы (отсюда, между прочим, и наименование нормированного, «культурного» языка национальной общности литературным). Переводчики ветхо- и новозаветных книг, определений вселенских соборов, патристических трактатов, гомилетических и агиографических творений, высокой литургической поэзии, — именно переводчики выступили как творцами литературного языка, так и создателями философско-теологической номенклатуры.

Первый этап переводов и соответственно формирования терминологии приходится, конечно, на Византию. Народные славянские говоры (здесь нам приходится повторять хорошо известное) располагали лексикой для выражения исключительно обиходно-бытовых понятий, и если и можно говорить о славянской терминологии до принятия христианства, то она охватывала сферы родства, земледелия, охоты, военного дела и некоторые другие, — вся дохристианская терминология, в том числе и из тематической сферы верований, оказалась непригодной для выражения радикально новой совокупности взглядов и понятий, сложившейся к тому же в пределах далекой от славянского мира культуры. Не только синтаксические или стилистические, но и лексико-терминологические проблемы встали перед переводчиками самой первой фразы, которую потребовалось передать по-славянски.

В Пространном житии Кирилла эта первая фраза приведена. Согласно источнику, первоучители начали свою деятельность с перевода Евангелия-апракос, а эта книга открывается по уставу положенным на Пасху чтением из Евангелия от Иоанна. Кирилл *абѣ*

сложи писмена, и начеть бестѣдоу писати еу(агге)лскоу: «Искони бѣ слово, и слово бѣ отъ(ъ) б(ог)а, и б(ог)ъ бѣ слово» и прочее. На этом житие останавливается, но если евангельский текст продолжить (мы ниже его продолжаем по Зографскому евангелию), то становится видным, насколько отличен от обиходно-бытового смысл слова «слово». *Се бѣ искони отъ б(ог)а, въсѣ тѣмъ быша. і без-него ничьтоже не бысть. еже бысть. въ томъ животъ бѣ. і животъ бѣ свѣтъ ч(ловѣ)комъ. і свѣтъ въ тѣмѣ свѣтитъ сѧ. і тѣма его не обытъ (1, 1—5).* Приведенный Пролог из Иоанна Богослова содержит рефлексы сложного и развитого эллинистического учения о Логосе, равно как и христианскую концепцию троичности божества с воплощением второй ипостаси — бога-слова. Естественно, в греческом исходном тексте λόγος — это не обиходно-бытовое выражение, а восходящий к нему одноименный философско-теологический термин. Когда первоучители отождествили греч. λόγος и слав. слово, состоялся начальный акт терминотворчества.

Что такое термин? В определении понятия непременно присутствует указание на особую природу лексической единицы, называемой термином. Термин — это слово или словосочетание специального (научного, технического) языка, которое создается или заимствуется для точного выражения специальных понятий и обозначений специальных предметов. Естественно — обиходный язык выступает по отношению к человеку как явление природы, так что семантика обыденных слов принудительно усваивается ребенком в ходе обучения речи и не может быть изменена индивидуальным членом этнолингвистической общности по его произволу. Специальный язык — это явление культуры, так что семантика его лексического строя (или терминологической системы) построена активно познающими мир людьми для хранения и передачи опыта, добытого индивидуально или в группе сотрудничающих индивидов. В терминотворчестве возможно, конечно, изобретение новых слов, однако наиболее распространенный путь терминотворчества — это или необычное словообразование, или приписывание необычного смысла слову естественно-обиходного языка.

Из сказанного следует, что специальный язык зависит от естественно-обиходного языка, — он полностью перенимает реляционную языковую систему (т. е. фонетику, морфологию и синтаксис), а те языковые единицы, которые непосредственно обращены ко внеязыковой действительности, — лексика, фразеология, языковая афористика, — или (на периферии специального языка) переходят без изменений, или (в центре специального языка) изменяются в смысловом отношении, вплоть до полного разрыва с исходной естественно-языковой единицей. Отсюда — необходимость изучать, осваивать специальный язык (к овладению терминологической системой, по одному из крайних мнений, и сводится все обучение определенной

профессии). Отсюда реальная опасность непонятности текста на специальном языке для человека, владеющего лишь естественно-обыденным языком. Такова краткая сумма представлений о термине и о взаимоотношениях между естественно-обиходным и специальным языками, которая потребуется для дальнейшего.

Таким образом, отождествив греч. λόγος и слав. слово, Кирилл и Мефодий осуществили акт терминотворчества. Они перевели славянское обиходное слово в разряд терминов и приписали ему специальный, необычный смысл, который, может быть, оказался и несовместимым с семантикой исходного, одноименного слова. Так, в продолжении того же пасхального чтения говорится: *слово плѣть бѣсть. ꙗ всеси са въ ны. ꙗ видѣхомъ славѣ его* (Ин, 1, 14); специальное философско-теологическое представление о возможности материализации, «воплощения» не обладающего материей, «плотью» слова естественно-обыденного языка ясно пролагает границу (terminus) между общераспространенным (массовым) знанием и эзотерическим знанием замкнутой группы «специалистов». Соответственно, с обиходной точки зрения, едва ли возможно, чтобы слово «поселилось между нами» или чтобы «мы его видели», как это утверждается на философско-теологическом уровне отражения.

Следовательно, один из приемов терминотворчества — и этот прием мы наблюдали в первой же фразе, открывшей замечательную эпоху кирилло-мефодиевских переводов, — состоит в модифицированном перенесении некоторых слов из «общего» языка в специальный язык. Модификация не затрагивает внешней формы исходного слова, но она весьма и весьма распространяется на его семантику (как правило, объем понятийной части претерпевает сокращение, вплоть до одного-единственного означаемого). Пусть этот прием превращения общеязыкового слова в специальный термин называется транспозицией. При выборе имени для приема мы руководствовались аналогией: подобно тому, как в музыке под транспозицией понимают перенос звуков музыкального произведения на определенный интервал, так что само произведение и изменяется (в тональности), и сохраняется (в мелодике); так и в терминотворчестве перенос слова из общего употребления в групповое — это не только изменение семантики, но и ее сохранение.

Прием транспозиции широко использован уже на этапе развития всеславянского литературного языка в Византии. Исконно-славянские слова типа *агна*, *агньць*, *благо*, *блаженъ*, *вечера*, *вина*, *доухъ*, *житиѣ*, *любѣ*, *нравъ*, *плѣть*, *родъ*, *сила*, *сѣѣтъ* (и многие другие ключевые понятия для христианского вероучения) путем транспозиции стали равны греческим философским и теологическим терминам *ἀγνός*, *τὸ ἀγαθόν*, *μακάριος*, *σεῖπνον*, *αἰτία*, *πνεῦμα*, *βίος*, *ἀγάπη*, *φιλία*, *τρόπος*, *σάρξ*, *γένος*, *δύναμις*, *βουλή*.

Транспозиция как прием в терминотворчестве — универсальная

черта любого специального языка. Поэтому, возникнув в Византии, он оставался в употреблении также и в Великой Моравии.

Ниже мы помещаем небольшой список терминологической лексики, извлеченной из ЕГ. Конечно, семантические смещения нужно в каждом отдельном случае показывать (подобно тому, как это было сделано применительно к термину слово); сейчас мы этого не можем сделать. Терминологическая лексика ЕГ, полученная с помощью технического приема транспозиции, приводится по мере ее появления в тексте (лишь существительные): *камень* — πέτρα; *дърво* — ξύλον; *врата* — πόλαι; *тьма* — σκότος; *таина* — μυστήριον; *чудо, чудесе* — θαύμα/θαυμάσια; *законъ* — νόμος; *животь* — ζωή; *пастоухъ/пастъри* — ποιμήν/ποιμένες; *тѣло* — σῶμα; *слънце* — ἥλιος; *рѣчь* — ῥήμα; *другъ* — φίλος; *братъ* — ἀδελφός; *работа* — δουλεία; *радость* — χαρά; *скръбъ* — λύπη; *образъ* — τύπος; *вѣплъ* — κραυγή; *гласъ* — φωνή; *сръдце* — καρδιά; *змии* — ὄφεις; *клѣтва* — κατάρα; *даръ* — δῶρον; *пжть* — ὁδός; *грѣхъ* — ἁμαρτία; *свобода* — ἐλευθερία; *небо* — οὐρανός; *праздникъ* — ἑορτή; *слава* — δόξα.

Как мы сказали раньше, транспозиция — это лишь первый из технических приемов терминотворчества, наблюдаемых в деятельности первоучителей славянства Кирилла и Мефодия как в Византии, так и в Великой Моравии. Второй прием — это заимствование, т. е. перенос из греческого языка в славянский внешней формы лексемы (и, разумеется, ее семантики). Уже в евангельских текстах, переведенных на этапе подготовки к миссии, встречается определенное количество заимствованных теолого-философских терминов, *авва*, *аминь*, *ангелъ*, (*архи*)*ереи*, *вельзѣволъ*, *геена* (*геона*), *евангелие*, *ехидна*, *кесарь*, *легеонъ*, *лепта*, *мамона*, *осана*, *параклитъ*, *пасха*, *раввоуни* (*равви*), *сканѣдалъ*, *скининаъ*, *сотона*, *талантъ*, *фарисеи*, *упокритъ* и др. Тот же прием заимствования в терминотворчестве наблюдается и в великоморавских переводах, которые широко опираются на «старые» включения греческой и пришедшей через греческое посредство иноязычной лексики в славянские тексты. Например, в ЕГ находим: *адъ*, *архиепискоупъ*, *цѣрѣи*, *пасха*, *ангелъ*, *хризма*, *легеонъ*, *геенна*, *јаи* и др. В целом применительно к заимствованиям на нашем исследовательском материале мало интересного, однако все же один примечательный случай мы хотели бы (очень кратко) рассмотреть.

В самом начале ЕГ в качестве ключевого слова употреблены лексема *камень* и ее синонимы. Имея в виду чернь, распявшую Христа, составитель Гомилии образно говорит, что *законопрѣстъжъныи... потѣкжъ сѧ въ акрогонии; камень Х(ръст)ъ, сами съкроушишиа сѧ. прѣврѣжжъ сѧ въ твѣрды камень, нъ въ пѣны влѣны ихъ разиджъ сѧ. потѣкжъ сѧ о наковалѣ непобѣдимѣмъ, нъ сами сътърени бѣшиа. възнѣса на дърво камень, и съшедъ оумрътви ѧ.* Весь текст, и особенно последняя фраза, свидетельствует

о том, что лексема *камень* и близкая ей по смыслу лексема *наковало* употреблены в переносном, образном значении. Обратим внимание на атрибуты этой лексемы: в одном случае имеем тверды *камень*, что вполне прозрачно, а в другом — *акрогоние* *камень*, — и данное словосочетание, в котором заимствование выступает как имя прилагательное, — а также наблюдается редко, — заслуживает комментария.

Ср. греческий исходный текст: Προζέκοσαν τῷ ἀκρογωνίῳ λίθῳ χριστῷ, ἀλλ' αὐτοὶ συντριβήσαν. Помещенный выше текст (напомним, что мы следуем за изданием А. Вайана) отражает К, древнейший славянский гомилий. Также и в М (четвертом по древности славянском гомилии) наличествует заимствование: *потъкнуут се въ акрогоничи камене х(ръст)а. и сами скроушише се*. В С (на втором месте по древности) вместо заимствования читается однокоренное славянское слово: *потъкнѣша сѧ въ жгълънѣи о камень х(ръст)а*. Во всех других источниках, учтенных Вайаном, а также в Г (по изданию Ивановой-Мирчевой и Икономоной) имеем кальку (двухкоренное словосложение); ср. Г: *пристѣпнѣх краѣжгълъному камени х(ръст)оу*.

Греческое словосочетание ἀκρογωνίατος λίθος встречается в ЕГ еще раз: ἐν τῇ φάτνῃ τιχτόμενος, καὶ ἐν μέσῳ τῶν δύο λαῶν λίθος ἀκρογωνίατος κεῖμενος. В этом случае и в К, и в С читается однокоренное славянское слово: *въ ꙗслехъ раждѧ сѧ, ꙗко срѣдѣ двоиохъ люди камень жгълънъ лежа*.

Бросается в глаза, что точно соответствующая ключевому греческому термину славянская двухкоренная калька *краѣжгълънъ* в древнейших текстах отсутствует, — ее нет ни в К, ни в С, ни в М. Лексема *краѣжгълънъ*, согласно данным Словаря старославянского языка⁴, встречается в апостолах XII в. (Христианополитанском, Охридском и Слепченском) и в одном паремийнике XIII в. (Григоровича). Поскольку соответствующая статья Старославянского словаря снабжена пометой Ехн., можно быть уверенным, что в источниках старославянского «канона» она отсутствует. (И. И. Срезневский, правда, отмечает ее и среди памятников XI в., но все же за рамками «канона».)

Изложенное делает вероятным предположение, что в Великой Моравии (равно как, естественно, и в Византии) для выражения ключевого терминологического словосочетания ἀκρογωνίατος λίθος употреблялись конкурирующие формы — или заимствование, или однокоренная лексема, а переход к двухкоренной кальке (которая одна адекватно и вразумительно передает содержание греческого источника) состоялся на следующем за великоморавским эволюционным этапе.

Чтобы разобраться в сложной семантике интересующего нас словосочетания, необходимо, как и в случае с термином *оусънѣти*

оуспити, рассмотреть историко-культурный и теолого-философский контекст, в котором сформировалось разветвленное смысловое поле греч. ἀκρογωνιαίος λίθος.

Этот греческий двусловный номинативный термин (от ἄκρον 'вершина, край, конец, граница' и γωνία 'угол') восходит к строительному делу. По толкованию Патристического словаря⁵, краеугольный камень — это «камень на самом конце угла или на вершине пирамиды, обелиска, который вытесывается до своего помещения на нужное место, как что если он не подойдет, будучи поставлен на место, все строение может оказаться непригодным»; по толкованию митр. Софрония, автора греческого Словаря Нового завета⁶, это такой камень, который кладется в основание всего строения, т. е. в фундаменте, так что именно он держит на себе все строение (συνέχει καὶ συνκρατεῖ ἅπαντα τὴν οἰκοδομήν). Как бы то ни было, центральная для архитектурного сооружения роль краеугольного камня совершенно ясна. Греческим синонимичным терминологическим словосочетанием является выражение κεφαλὴ γωνίας.

Оба выражения (и ὁ ἀκρογωνιαίος λίθος, и κεφαλὴ γωνίας) еще в писаниях Ветхого завета приобрели метафорическую семантику. Что же касается новозаветной терминологии, то здесь эти словосочетания выражали не менее пяти семантических долей.

Прежде всего, новозаветная экзегеза путем преобразовательной интерпретации отнесла понятие «краеугольного камня» к ожидаемому Мессии, т. е. к Иисусу Христу (1). Эта мысль присутствует во всех без исключения евангельских и апостольских чтениях, особенно эксплицитно она выражена в Еф 2, 10. Далее (2) подчеркивается высочайшая, ни с чем не сравнимая ценность «краеугольного камня» (Исайа 28, 16; 1 Петр 2, 6). Кроме того, высказано пророчество, что драгоценный «краеугольный камень» будет многими отвергнут (3). В Псалтыри (117, 22, цитируем по Синайской псалтыри) сказано, что *его же не вѣдоу сътвориша зиждѣштеи*, и соответствующая аллюзия наличествует у всех трех евангелистов-синоптиков: например, Мф 21, 42 (по Мариинскому евангелию) — *гл(агол)а имѣ. . . камень его же не вѣдоу сътвориша зиждѣштеи* (точно так же Мр 12, 10 и Лк 20, 17). Далее (4) выражено убеждение, согласно которому «краеугольный камень», даже будучи отверженным, все-таки вполне выполнит свое назначение. Эта мысль обычно образует продолжение предыдущей семантической доли: псалом 117, 22 продолжается словами *камень ꙗже не вѣдоу сътвориша зиждѣштеи: съ бысть въ главѣ жѣзюу*, и за псалмом строго следуют и синоптические евангелисты. Наконец (5), выражена альтернатива: отвергнувшие «краеугольный камень» — непременно «погибнут», а принявшие его — столь же безусловно «спасутся». Поэтому для отвергнувших его «камень» приобрел и еще одно, третье наименование — *камень прѣтѣканиа* (λίθος προτέκματος). Исходная мысль

выражена опять-таки в Ветхом завете: ср. Ис 8, 14 — и не ꙗко камень прѣтѣканиа оутѣкнеть са; она повторяется и новозаветными авторами, хотя и в ином отнесении; ср. Рим 9, 32—33 (цитируем по Христианополитанскому апостолу) — прѣтѣкоша бо са о камень прѣтѣканиа, такоже ꙗсть ꙗсано се полагаю въ сионѣ камень прѣтѣканию. В синоптических чтениях у Мф и Лк это мнение выражено в том виде, в каком мы его находим в ЕГ; ср. Мф 21, 42 — и падѣ на камене семѣ съкроушитъ са. а не немѣ же падетъ сътѣретъ ꙗ. (Следовательно, вполне вероятно, что в ЕГ перед нами не просто аллюзия, а прямая цитата.) Для принявших его «камень» приобрел, напротив, наименование *камень спасения* (Деян 4, 11; см. также Рим 10, 11). Таковы семантические доли рассматриваемых терминологических словосочетаний.

Надо в заключение подчеркнуть, что все пять семантических долей, характерных для новозаветной письменности, типичны и для патристической литературы. Патристический лексикон называет имена Иустина Мученика (Философа), Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина — авторитетнейших писателей и весьма активных популяризаторов христианской доктрины. Реализация этих же семантических долей прослеживается в литургических текстах (например, в октябрьской минее 1096 г., в Путятиной минее XI в., в Октоихе XIII в.; все три источника — по указанию И. И. Срезневского).

По нашему мнению, вариантное употребление в ЕГ как *акрогоуниа камень*, так и *жгълънъ камень*, — причем точно такое же распределение наблюдается и в К, и в М, — отражает две попытки отыскать адекватный славянский термин для греч. *ἀκρογωνιαίος λίθος*. Словосочетание с заимствованием совсем не ассимилировано славянским языком и, вероятно, непонятно одноязычному славянину. Словосочетание с прилагательным *жгълънъ* содержит очевидные и большие смысловые потери. Поиск адекватного перевыражения был завершен, когда сформировалась словообразовательная калька *краежгълънъ*, однако появление кальки нам следует вывести за пределы великоморавского этапа развития всеславянского литературного языка.

По нашему мнению, великоморавский этап вообще можно считать критическим временем для судьбы ряда заимствований (безразлично — принесенных из Византии или предложенных на земле Великой Моравии). Так, в ЕГ представлены греческие слова, употребленные в переведенных еще в Царьграде евангельских текстах, но замененные на славянские в последующие периоды. Ср.: (36) и *катапедазмъ прѣтѣвнѣжъ раздѣравѣша*; с течением времени грецизм был вытеснен славянскими терминами *опона* или *завѣса*. Ср. также: (36) *съмѣренааго исоуса тектонова*; уже в М имеем замену грецизма на *исоу)са дрѣводѣлина*, и в дальнейшем *дрѣводѣлн*

Часть замещает *тектонъ*. Ср., наконец: (42) *которымъ бо страхомъ б(о)жию плъти тои съвлачи лентии*; по указанию Вайана, в Златоусте XIII в. здесь стоит вместо *лентии* — *ризами*, а в других источниках встречается также *попъва*. С другой стороны, в ЕГ широко употребляются «устойчивые» греческие заимствования, т. е. те слова, которые уже вошли или потом войдут в активный словарный фонд нового литературного языка, — список таких слов мы привели выше. Наконец, в некоторых терминах-грецизмах, которые задержатся в языке, текст ЕГ обнаруживает колебания фонетической и морфологической формы. Например, существительные *херовимъ* и *серафимъ* в некоторых местах не склоняются (как и в древнейших евангелиях), а иногда включаются в славянские морфологические парадигмы. Ср. (46): *ѡгоже херовимъ трепещѣтъ. . . и вѣрѣтъ херовимъ и прѣтѣкаѣтъ серафимъ* (иные источники дают здесь обычные формы множественного числа на -ми); (78—80) — *повелѣтъ херовимомъ рабъскѣ стрѣшати та* («нормальное» склонение) *сѣтворѣ херовимъ покланѣти ти са* (отсутствие склонения, и это в пределах одной и той же фразы!). Все же тенденция к включению заимствования в систему славянского языка превалирует; ср. отыменное прилагательное в словосочетании (80) *херовимъскѣи прѣстолъ*, а также редчайший случай образования от заимствования превосходной степени сравнения: (46) *блажжъ Іосифа и никодима. бѣсте бо прѣжде херовимъ херовимѣиша* (хотя в греческом нет основы для сравнения: *ἡρώωνι γὰρ πρὶ τῶν ἡρώωνι ἡρώωνι*).

Для великоморавского этапа, можно думать, было характерно использование грецизмов (а не калек и не славянских эквивалентов) в случаях затрудненных и особенно ответственных переводов.

Итак, мы на показательных примерах рассмотрели два технических приема терминотворчества — транспозицию и заимствование. Третий прием — это калькирование, т. е. перенос из греческого языка в славянский лексико-семантических моделей при заполнении этих моделей морфемами или словами славянского языка. Перенос греческой модели в славянский язык приводит к возникновению новых слов, необходимых для развивающегося литературного языка, причем одновременно с переносом модели всегда имеет место заимствование лексической семантики исходного языка. Различаются два вида калькирования — словосочетательное и морфологическое. В первом случае складываются новые номинативные двух- или трех-составные термины: например, *ветѣхѣи завѣтъ* при греч. *παλαιὰ διαθήκη*, *ветѣхѣи чловѣкъ* при греч. *παλαιὸς ἄνθρωπος* или *ништии доухомъ* при греч. *πνεῦμα τῷ πνεύματι*. Во втором случае формируются двух- или трехкоренные слова, а также и однокоренные слова с обращением к потенциальным средствам словообразования (т. е. при калькировании наблюдается как словосложение, так и словопроизводство).

Морфологическое калькирование широко использовалось уже на византийском этапе переводов и соответствовало развитию всеславянского литературного языка. Часть морфологических калек этого этапа наличествует и в ЕГ; *иноплеменикъ* (ср. греч. ἄλλογενής) *благовѣстити* (εὐαγγελίζειν), *безаконіе* (ἀνομία), *иночадѣ*, *крѣвоточіе*, *бездѣна* и т. д., и т. д. Другие наличествующие в ЕГ морфологические калки могут быть отнесены к великоморавскому этапу — хотя бы на основании того, что они отсутствуют в корпусе текстов, несомненно, переведенных в Византии.

Нельзя не заметить, что ЕГ отличается весьма развитым теолого-философским языком, который в принципе типичен для патристической литературы. Так, в ЕГ явственно представлены следы апофатического (т. е. отрицательного) богословствования, достигшего своей вершины, как известно, в писаниях Псевдо-Дионисия Ареопагита, но в своих основах присутствующего в патристических трудах начиная со II в. Апофатическая спекулятивная мысль покоится на признании непознаваемости божественного существа, поэтому большинство приписываемых ему атрибутов носит негативный, отрицательный характер. В ЕГ, в ее греческом тексте, находим, в частности, два центральных апофатических термина — ἀναρχος и ἄφθαρτος. Первый термин обнаруживается в заключительной формуле-клише: *ѣмоуже слава и дрѣжава, съ безначалѣнїи мѣ о(тѣ)ц(е) мѣ* (σὺν τῷ ἀνάρχῳ Πατρί); эта формула интересна своей полемичностью: «безначальность» закрепляется только за первым лицом Троицы, но отрицается по отношению ко второму лицу (которое «рождается» от первого) и по отношению к третьему лицу (которое «исходит» из первого). Второй термин непосредственно включен в изложение: (30) *х(ръст)ѣ. . . възиде въ вѣспрьни і(ероусали)мѣ. . . ꙗко прѣвѣнце ѣ нестѣлѣнь из мрътвѣиѣ*. Понятие «нетленности» как апофатический атрибут не менее важно, чем понятие «безначальности». Славянским калкам на без—/бес- и на не- суждена длительная история развития (в ЕГ встречаются еще: *бесцѣннѣ*, *безмжжѣнѣ*, *бесхрамѣннѣ* и т. д.), причем, по данным Старославянского словаря, свое начало подобные калки (если иметь в виду философско-теологические термины) берут именно на великоморавском этапе эволюции всеславянского литературного языка.

Наряду с апофатическими атрибутами, ЕГ обладает и еще одним признаком влияния ареопагитик: в ней дважды перечисляются чины небесной иерархии, причем в терминотворчестве для славянского именования чинов использованы три приема — транспозиция (*силѣи* — δυνάμεις, *владѣчьства* — ἀρχαί, *прѣстоли* — θρόνοι; ср. также *чинове* — τάξεις), заимствование (*херовимѣ*, *серафимѣ*) и калькирование. В одном случае (60) иерархия просто названа: *тѣисѣштѣ тѣисѣштѣми имѣи аггелѣ и архангелѣ, властїи, владѣчьствїи, господѣствїи, силѣ и прѣстолѣ, шестокрилатѣѣ* (ἑξαπτερύγων) мно-

гоочистыиѣхъ небесъскыѣхъ чиновѣ (πολοσμάτων οὐρανίων ταγμάτων). В другом случае (46) номенклатура небесной иерархии включена в динамичный контекст: *и вѣржѣхъ херувимѣ, и прѣтѣкажѣхъ сѣрафимѣ, и с ними носатѣ прѣстола(и), и покрываѣхъ шестокрильнии, и трепещѣхъ многооочити... и прикрываѣхъ силы, и пожѣхъ владычествиѣхъ*. Две кальки, представленные в этих выписках, — шестокрильнии (шестокрильнѣи, шестокрилатѣцѣ, шестокрилатѣи) и многооочити — отражают древнее представление (Ис 6, 2) о херувимах и серафимах, поэтому оба слова косвенно называют как раз указанный чин иерархии.

Другие кальки, представленные в ЕГ, также весьма обогащают теолого-философский терминологический фонд, причем нередко мы наблюдаем центральные, ключевые термины: *прѣвозданѣ* — πρωτόπλαστος, *творѣцѣ* — ποιητής, *порождѣство/порождѣство* — ἀναγέννησις, *животворашии* — ζωοποιόν, *рѣкописание* — χειρόγραφον.

На этом заканчивается краткий анализ третьего приема терминоведения — калькирования. Все три приема, рассмотренные нами, — транспозиция, заимствование, калькирование, — не раз описывались в лингвистической литературе, однако цель предшествующего изложения заключалась отнюдь не в том, чтобы дать им характеристику, а в том, чтобы вскрыть специфику реализации каждого приема именно на моравском этапе развития первого литературного языка славян. Переходим сейчас к последнему, четвертому приему терминоведения, к так называемой ментализации; поскольку этот прием специально еще не был описан, нам придется не только вскрыть его специфику для великоморавского времени, но и предварительно рассмотреть его как таковой, с общелингвистических позиций.

Чтобы читателю стала ясна сущность терминологического приема ментализации (от лат. mens 'ум, мышление, рассудок, мысль'), следует рассмотреть сначала небольшой объем конкретного материала, а потом предложить обобщение.

ЕГ очень богата образами, смелыми, неожиданными, красочными и во всяком случае яркими. В частности, дважды представлен в ней образ немеркнущего, «невечернего» света: (24) *г(оспод)ѣ... съ сжи-тими въ тѣмѣ не мрѣчи свѣтъ*; (48) *како свѣтъ немрачнѣи в темнѣи и въ сѣни смъртѣнѣи приходитѣ*. Среди разночтений Вайан указывает два однокоренных прилагательных (*не смрѣчи се; безъмрачнѣи*) и одно отсубстантивное прилагательное другого корня (в Златоусте русской редакции по изданию Порфирьева; *невечерни*). Это же прилагательное употреблено дважды в Германовом сборнике: *съ сжищими въ тѣмѣ невечерни свѣтъ; свѣтъ невечерни*.

Мы уже отмечали следы взглядов Псевдо-Дионисия Ареопагита

в ЕГ, и сейчас перед нами еще одно свидетельство влияния его философии на рассматриваемый источник. Напомним, что ареопагитическое учение о деификации, «обожении» не просто иллюстрируется образом движения от тьмы к свету и от света к тьме, но покоится на представлении об убывающем или прибавляющемся свете. Христос, согласно Ин 8, 12 — это τὸ φῶς τοῦ κόσμου, *lux mundi* или, в иных теолого-философских терминах, — τὸ ἀνέσπερον φῶς, буквально: «невечерний свет». Здесь мы наблюдаем попытку дать выражение концепции абсолютности, максимальной полноты и константности света.

Когда терминологическое словосочетание ἀνέσπερον φῶς переводится как *невечерний светъ*, терминотворчество имеет место благодаря приему калькирования, и этот прием нам уже знаком. Однако старшим переводом, несомненно, является *немръчѣ/немрачьнѣи светъ*, и если здесь и можно говорить о морфологической кальке, то исключительно с точки зрения словообразовательной модели, в то время как выбор корня -*мрък-* в качестве соответствия греч. ἐσπέρα представляется неожиданным, странным. На самом деле, отождествление *вечеръ* — ἐσπέρα является в славянской письменности регулярным, поскольку и славянское, и греческое слова, согласно толкованиям, означают одно и то же — «часть суток перед наступлением ночи, следующую после окончания дня». С другой стороны, *мракъ*, практически никогда не являясь переводом ἐσπέρα регулярно соответствует греч. σκότος. Производные глаголы (по)мръкнѣти и помрачѣти сѧ и σκοτίζω, σκοτίζομαι также находятся в отношении взаимного соответствия. Это соответствие объясняется семантическим тождеством как имени, так и глаголов: *мракъ* и σκότος — это «отсутствие света, тьма». Итак, почему же древнейшим переводом ключевого терминологического словосочетания ἀνέσπερον φῶς стало семантически неожиданное славянское выражение *немрачьнѣи светъ*?

Чтобы получить ответ, надо предложить читателю тот взгляд на семантику слова и номинативного словосочетания, который в наших других работах назван контининической теорией⁷. С точки зрения контининической теории, лексическая семантика не исчерпывается лексическим понятием. В словарях можно найти, например, что вечер — «это время суток перед наступлением ночи» (С. И. Ожегов) или «пора между концом дня и началом ночи, время около заката солнца» (В. И. Даль); здесь дана понятийная характеристика семантики слова, т. е. перечислены признаки, применение которых к объекту позволяет определить, принадлежит ли объект к тому множеству, которому соответствует рассматриваемое наименование.

Чтобы время суток назвать вечером, необходимо и достаточно установить, что день закончился, а ночь еще не началась. Никакой иной информации для адекватного названия этого временного отрезка не требуется. Однако в сознании носителей языка со словом

сопрягается не только понятийная информация. Например, (1) с глубиной древности вечер — это пора завершения работы. Знаменитый предначинательный псалом (цитируем, как всегда, по Синайской псалтыри) как раз вечер считает пределом древних трудов: *изиде чл(овѣ)къ на дѣло свое и на дѣланѣѣ своѣ до вечера* (103, 23). Отсюда (2) вечер — это время, когда хозяин рассчитывается за почтенную работу с наемниками. В популярной евангельской притче о работниках виноградника (как обычно, цитируем по Мариинскому евангелию) говорится: *вечероу же бы(въ)шу. гл(агол)а г(осподи)нъ винограда. . . призови дѣлателя. . . даждь имъ мѣждъ. наченъ отъ послѣднихъ до прѣвѣшихъ* (Мф 20, 8). Кроме того, (3) вечером вся семья, обитатели дома собираются вместе. Ср. Ин 20, 19: *сжишти же поздѣ въ тѣ день. . . и двѣремъ затвореномъ. идеже бѣахъ оученици его събѣрани*. Далее, (4) вечер — это время для приема пищи; ср. Мф 26, 20—21: *вечероу же бѣвъшоу. възлеже съ обѣда на десате оученикома и ѣджемъ имъ рече* (выписка из повествования об установлении таинства евхаристии). Аналогичную ситуацию см. в Мф 14, 15. Далее, (5) вечером человек должен позаботиться об устройстве на ночлег, о крыше над головой. Так, путника вечером удерживают от продолжения пути: *и нѣждааше и гл(агол)ѣша. облази съ нама ꙗко при вечерѣ естъ. и прѣклонилъ сѧ естъ юже день. и вниде съ нима облешти* (Лк 24, 29). Наконец, (6) именно вечером наблюдают состояние неба, чтобы высказать прогноз о том, какая будет завтра погода. Например, Мф 16, 2: *вечерь сжицоу гл(аголи)те. ведро чрѣзмъноуетъ сѧ н(е)бо*. Прервем на этом перечисление информации, сопрягаемой со словом вечеръ, — хотя, вообще говоря, мы весьма далеки от ее охвата даже в приблизительной полноте (например, (7) Лк 12, 38 сообщает о «вечерней» страже, о начале охраны города с вечера).

Указанные нами семантические отрезки информации (их предлагается называть семантическими долями) лингвистически вполне реальны, т. е. они на самом деле присутствуют в массовом сознании носителей языка, однако они, конечно же, не входят в лексическое понятие, как оно было определено, истолковано выше. Таким образом, в семантику слова, кроме понятийных, входят еще другие всевозможные сведения. Пусть совокупность непонятных сведений в своей полноте называется лексическим фоном. Следовательно, семантика слова, по нашим взглядам, разделяется на лексическое понятие (благодаря минимальному числу семантических долей, входящих в объем понятия, люди узнают, классифицируют предметы и явления и называют их) и на лексический фон (этот последний определяет место слова в лексической системе, его сочетаемость, деривационные связи, ассоциативные реакции). Так именно семантические доли фона весьма часто определяют развитие значений слов: скажем, появление у слова вечеръ «нового» значения 'вечернее общественное увеселение' обусловлено тем, что в его лексическом фоне есть «ста-

рая» доля (1) — после завершения работы свободное время употребляется для развлечений.

Вновь обратимся к словосочетанию *немрачьньи свѣтъ*. В фоне слова *вечеръ* имеется семантическая доля (8) — уменьшение света. Собственно, едва ли можно говорить, что вечеръ прямо связан с тьмой (как ночь), поскольку после захода солнца еще светло, но все же свет меркнет, помрачается, пока не наступает полный мрак. Отсюда вечер — это пора сумерек, время, когда смеркается. Отсюда и греч. выражение $\phi\acute{\omega}\varsigma \ \acute{\epsilon}\sigma\pi\epsilon\rho\iota\nu\acute{\omicron}\nu$ — вечерний свет. Оно обладает устойчивостью употребления, поскольку мы его находим в известнейшем гимне вечерни $\phi\acute{\omega}\varsigma \ \iota\lambda\alpha\rho\acute{\omicron}\nu$ — «Свѣте тихии», который вопреки встречающемуся надписанию именем Софрония Иерусалимского (ок. 560—638) восходит к концу III в. (и, возможно, принадлежит Афиногену Мученику, умершему в 311 г.). В этом гимне некоторые экзегеты понимают словосочетание $\phi\acute{\omega}\varsigma \ \acute{\epsilon}\sigma\pi\epsilon\rho\iota\nu\acute{\omicron}\nu$ как упоминание о лампадах, зажигаемых вечером; однако гораздо вероятнее истолкование слов в прямом смысле — «свет вечерний», т. е. постепенно уменьшающийся, меркнувший и обреченный на окончательное исчезновение (в пользу этого понимания убедительно свидетельствует хотя бы контекст гимна). Как бы то ни было, т. е. даже если согласиться и с первой интерпретацией, $\phi\acute{\omega}\varsigma \ \acute{\epsilon}\sigma\pi\epsilon\rho\iota\nu\acute{\omicron}\nu$ явственно выражает в своем лексическом фоне семантическую долю 'сокращение света'.

Апофатическая диалектика прибавила отрицание к $\acute{\epsilon}\sigma\pi\epsilon\rho\iota\nu\acute{\omicron}\nu \ \phi\acute{\omega}\varsigma$ — путем сокращения средств деривации возник ключевой теолого-философский термин $\acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\pi\epsilon\rho\iota\nu \ \phi\acute{\omega}\varsigma$. Если вспомнить центральное место суждений о сокращении света по мере иерархического отдаления, характерное для апопагитик, то, конечно, смысл данного термина заключается не в том, чтобы отнести свет к вечеру как отрезку суток, а в том, чтобы подчеркнуть несокращающуюся природу божественного света. Славянский перевод-калька *невечерньи свѣтъ*, конечно, косвенно выражает этот смысл, но перевод *немрачьньи свѣтъ* выражает этот смысл прямо, непосредственно и во всей полноте!

Следовательно, переводчик осмыслил наличие в фоновой семантике слова $\acute{\epsilon}\sigma\pi\epsilon\rho\alpha$ семантической доли $\acute{\omicron}\chi\acute{\omicron}\tau\omicron\varsigma$ и при калькировании перевел не само слово, а семантическую долю из фона этого слова. Вот этот прием осмысления, в результате которого возникло весьма точное и недвусмысленное терминологическое словосочетание *немрачьньи свѣтъ*, заслуживает особого внимания исследователей древнеславянской письменности, потому что он позволяет судить об уровне образованности, начитанности переводчиков, о вкусе эпохи и даже о личностных пристрастиях живых людей.

■ В чем состоит сущность приема осмысления, или ментализации, в терминотворчестве? Если приемы транспозиции, заимствования и калькирования сводятся к семантическим отождествлениям переводчика, работающего на уровне исключительно и только лексиче-

ских понятий, то ментализация — это переход с понятийного на более сложный и разветвленный фоновый уровень, перевод не исходного слова-термина, а какой-либо семантической доли из его смыслового объема. Приемы транспозиции, заимствования и калькирования весьма часто встречаются, они в какой-то мере напоминают механическую работу и не сопряжены с повышенными умственными усилиями; эти три приема, по нашему мнению, отражают технику терминов-творчества. Иное дело — ментализация. Чтобы образовать новый славянский термин путем выбора слова, которое на первый взгляд даже и не относится к греческому источнику, — а здесь-то и сокрыта возможность обвинения переводчика в произволе, в ереси, — требуется собственный взгляд на общий смысл переводимого, учет контекста, образованность и, конечно, смелость. Каждый случай ментализации — особый, здесь мы не встречаемся с такой массой качественно идентичного материала, как, например, среди калек или транспозиций, за каждым осмысленным переводом стоит творческое усилие (и не всегда легко правильно его понять и оценить по достоинству); короче говоря, ментализация отражает не технику, а искусство славянского терминов-творчества⁸.

Прием ментализации охватывает множество конкретных случаев. К ментализации принадлежит, например, выбор слов из тематического ряда для лучшей мотивировки обозначения. Так, греч. *tóranvos* в большинстве чтений ЕГ, да и вообще в древнейшей славянской письменности, переводится как *мжчитель*: (50) *живѣштиихъ въ гробѣхъ аже оумжчи обидѣливѣи и непобѣдимѣи мжчитель* *ὁδὸς ἐτιράννυσεν ὁ πικρὸς καὶ ἀνίκητος τόραννος* (так же 56, 58, 60, 62, 64, 70 дважды, 72). В одном чтении (26) *tóranvos* вместо ожидаемого *мжчитель* переводится как *гоубитель*: *въчера съвѣзанъ бывааше, дньсь нераздрѣшенѣми жзми съвѣзаетъ гоубителя* (*καταδεσμεῖ τὸν τόραννον*). Естественно, *мжчитель* и *гоубитель*, с помощью которых переводится одно и то же греческое слово, представляют собой разные мотивы обозначения. Поскольку эти мотивы в исходном тексте не заложены, их следует считать привнесенными переводчиком; таким образом, перед нами типичный случай ментализации.

Укажем еще несколько примеров ментализации, но теперь с кратчайшими комментариями. На с. 24 *oikovoria* вместо ожидаемой калки наблюдаем съмотренье. На с. 26 *taēdun* вместо обычного соответствия *языци* встречается *поганьци*. На с. 26 можно отметить конкретизацию исходного текста: в греч. читается *pōs ē palaiā pepalaíoutai, pōs ē kainḗ βεβαίoutai*; точный перевод представлен в Г (*како ветхаа обетша. како новаа извѣстоужт са*), но в К и в С добавлено уточняющее слово *законъ* (*како ветъхъ законъ обетъша, како новъ извѣштаетъ са*). На с. 76 и 78 видна настойчивая работа ума над выбором соответствий для сложных философских терминов *μορφή, εἶχον* и *τόπος*: (76) *въскрьсни, зраче (μορφή) мои, бжвзми*

по образу (кат' εἰκόνα) моему; (76) тебе ради господь съи приидѣ образъ (τὴν μορφὴν) твои раба; (76); да тебѣ развратишъ зракъ (τὴν μορφὴν) исправѣ въ прѣвѣи образъ (εἰκόνα) възбранишъ ти дрѣва животѣнаго образа (τοῦ τυπικοῦ). Ср. далее расходящуюся славянскую мотивировку слов при переводе греческой однокоренной лексики: (74) въ тѣмници (ἐν τῇ δεσμοτηρίῳ) и къ отъ вѣка съвѣзъ-немь (πρὸς αἰ' αἰῶνος δεσμούς). Ср., кроме того, осмысленные и потому расходящиеся переводы одного и того же греч. слова πάτωρ: (52) авраамъ прадѣдъ х(ристо)совъ (χριστοπάτωρ) и (54) давѣдъ отьцъ б(о)жи (θεοπάτωρ). Ср., наконец, осмысленный перевод греч. омонимов разными славянскими словами: (64) такожде владычѣства съ областѣж (αἱ ἐξουσίαι μετ' ἐξουσίαν) съкроушите сѧ.

В заключение укажем несколько описательных переводов, в которых одно-единственное исходное греческое слово-термин переводится двумя или тремя славянскими. Подобные описательные переводы встречались уже в евангельских текстах, однако в великоморавскую эпоху они, по нашим наблюдениям, приобрели особо широкое распространение: за оухо оудареноу (40) = ῥαπισθέντος; (42) нозѣ по закону мрътвѣимъ (νεκροπρεπῶς) вѣжеши; (44) приемыжи-тоуоумоу. . . пѣсни = τῷ αἰνοῦμένῳ; (44) ослабѣноуоумоу жилами = τῷ παραλυτικῷ; (50) оумьрзи прѣжде вѣсѣхъ = ὁ πρωτόθεντος; (60) пособи(та) въ брани творашѧ = σπυράωνος и т. д.

Остается повторить, что прием ментализации в терминотворчестве — это подлинное творчество. Этот прием приводит, казалось бы, к удалению от переводимого текста, однако это удаление внешнее, потому что достигается более глубокое, внутреннее, смысловое соответствие. Распространение приема ментализации в великоморавский период развития всеславянского литературного языка свидетельствует о качественном росте переводческого мастерства.

Благодаря трудам первоучителей славянства был заложен костяк славянского философского языка. Кирилл и Мефодий «являются создателями первой философской терминологии на славяно-болгарском языке, включающей такие общие понятия и категории, как естество, свойство, сущность, природа, вселенная, закон, бытие, небытие, бог, божество, идея, существо, понятие, вещь, мудрость, воображение, диалектика, философия и многие другие»⁹. Великоморавский этап терминотворчества, по нашему мнению, занимает в истории первого литературного языка славян центральное место: три приема создания терминов, которые сложились еще в Византии, — транспозиция, заимствование, калькирование, — именно в 863—885 гг. получили свое полное развитие; прибавился четвертый прием — ментализация.

В заключение несколько общефилологических соображений.

Что входит в ведение филологии? Ее предметом, согласно устойчивой научной традиции, является культура, прежде всего духовная, содержащаяся в языке, в письменности, — не один лишь язык и не тексты сами по себе, а именно культура. Например, Г. О. Винокур исходит из утверждения, что с помощью языка люди осуществляют акты «вторичного познания уже познанного», поэтому филологию он определяет как особый вид познания, как умение видеть и воспринимать действительность в осуществленных уже (другими людьми, адресантами) актах ее восприятия и познания. В речевых актах мы имеем дело «не с самими явлениями в их прямой данности, а с теми или иными опосредствующими их чувственными приметами, с тем, что в общем случае может быть названо сообщениями о них»¹⁰. Отсюда вытекает призыв адекватно воспринимать сообщения, улавливать в слове или фразе значительно больше смысла, чем при буквальном, «грамматическом» прочтении.

В. В. Виноградов высказывал аналогичные мысли применительно к филологическому чтению древнеславянских, древнерусских текстов. Подчеркивая, что древние тексты «возникают и строятся на семантической и образно-идеологической базе, типичной для развитой духовной культуры средневековья», он, в частности (разделяя по этому поводу взгляды Д. С. Лихачева), писал: «Древнерусская литература насквозь пронизана богословием», поэтому для ее понимания необходимо «умение уловить и схватить внутренние закономерности мировоззрения и духовной культуры»¹¹. Таким образом, к древнеславянским текстам требуется культуроведческий подход.

Наши разыскания, помещенные выше, как раз и построены на принципах культуроведческого подхода. В ходе исследовательской процедуры убеждаешься, что первоначальное схватывание факта древней письменности (сквозь призму современного сознания) должно уступить место «вживанию», «вчувствованию» в ту образно-идеологическую базу духовных движений прошлого, о которой упоминал В. В. Виноградов¹².

Поскольку лексика с теолого-философскими обертонами занимает центральное место в лексической системе первого литературного языка славян, ее анализ, в первую очередь семантический, направленный как выявление греческого влияния и самостоятельного славянского элемента, — весьма актуален.

Если несколько перефразировать известный лингвистический афоризм, то история идей, действительно, проливает свет на историю слов, а история слов — на историю идей.

¹ Славянские тексты Пространных житий выписываем из издания Б. Ангелова и Х. Кодова, привлекая также для справок издания П. А. Лаврова и чехословацкого коллектива. Если требуется русский перевод, обращаемся к публикации Б. Н. Флори. Для облегчения набора славянский текст передаем с несущ-

- щественными упрощениями: надстрочные буквы вносим в строку без особого упоминания; дополняемые буквы заключаем в круглые скобки. См.: *Климент Охридски*. Собрани съчинения. София, 1973, т. III. / Подготовили за печат Б. Ст. Ангелов и Хр. Кодов; Пространни жития на Кирил и Методий. *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930; Сказания о начале славянской письменности. / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981; MMFH, d. II.
- ² *Bláhová E.* Syntax nominalní homilie rukopisu Clozova. — *Slavia*, 1962, r. 31, č. 1; *Eadem.* Homilie Clozianu a homiliáře Mihanovičova. — *Slavia*, 1963, r. 32, č. 1; *Eadem.* Staroslověnský překlad Epifaniovy homilie. — *Bulletin Ůstavu ruského jazyka a literatury*, 1960, r. 10; *Eadem.* K otázce otěčskyčň kŕnigŕ. — *Slavia*, 1969, r. 38, č. 4.
- ³ *Иванова-Мирчева Д., Икономова Ж.* Хомилията на Епифаний за слизането в ада (Неизвестен старобългарски превод). София, 1975.
- ⁴ *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha, 1958ff.
- ⁵ *A Patristic Greek Lexicon* / Ed. G. W. H. Lampe. Oxford, 1976, p. 66.
- ⁶ Λεξιὸν τῆς Κατὰ τὴν Διαθήκης. Ὑπὸ Σωφρονίου Ἐπιστρατιάρχου, Μητροπολίτου Λεοντοπόλεως. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ, 1910, σελ. 37.
- ⁷ О континической теории подробнее см.: *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
- ⁸ Прием ментализации довольно близок к так называемым персональным элементам в переводах. Подробнее о них см.: *Верецагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972, с. 84—123.
- ⁹ Краткая история болгарской философской мысли. М., 1977, с. 26.
- ¹⁰ *Винокур Г. О.* Введение в изучение филологических наук. — В кн.: *Проблемы структурной лингвистики*, 1978. М., 1981, с. 28, 36, 37.
- ¹¹ *Виноградов В. В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры. — В кн.: *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 272, 277.
- ¹² О нашем взгляде на филологию как на «вживание» в иную культуру см.: *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1983.

Я. Н. ЦАПОВ

„НОМОКАНОН“ МЕФОДИЯ В ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ И НА РУСИ

История возникновения и распространения славянских версий сборников канонического права, их переводов, компиляций и сокращений постоянно привлекает внимание исследователей. Славянскому тексту канонического Свода в 50 титулах Иоанна Схоластика в последние десятилетия также посвящено большое число работ¹. Большая их часть связывает и перевод Свода, и его значительное сокращение в Моравии IX в. и рассматривает эту обработку сочинения Иоанна как уникальный труд, не имеющий аналогий в практике славянских государств. Между тем, проведенные исследования истории других, близких по содержанию славянских канонических памятников позволяют поставить этот вопрос иначе.

Славянский Свод в 50 титулах восходит к греческому тексту Свода константинопольского патриарха Иоанна Схоластика (565—577), одного из двух (наряду с Собранием правил в 14 титулах) основных канонических трудов, последовавших за кодификацией гражданского права при Юстиниане. Свод Иоанна содержал распределенные в систематическом порядке по 50 темам правила апостольские, четырех вселенских IV—V вв. и пяти поместных соборов IV в., а также правила Василия Великого. Ключом к Своду является оглавление, содержащее указания на то, о чем идет речь в каждом из 50 титулов, начиная от правил поставления патриархов, митрополитов, епископов и клириков и о правах их в начале и до различных нарушений церковной дисциплины в конце.

Славянский текст Свода сохранился в двух русских списках XIII и XVI в. в составе сборника одного состава, включающего также переводные канонические и юридические памятники, в частности — некоторые правила в другом переводе, известном по Ефремовской кормчей и Собранию в 14 титулах без толкований. По старшему списку Румянцевского собрания, принадлежавшему прежде устюжскому Архангельскому монастырю, этот сборник называется Устюжским².

Перевод Свода в современной науке прочно связывается с Моравией IX в. и деятельностью славянского просветителя Мефодия. Лингвистический анализ списков Свода показал, что оба они представляют русский извод древнеславянского литературного языка³, но в переводе есть черты, которые позволяют относить его появление скорее к моравскому периоду истории славянской письменности, чем к болгарскому, древнерусскому, афонскому или сербскому. Это применение в переводе слов 'мыша' — 'мыша творити', служить литургию, мессу (в оригинале — λειτουργεῖν, с. 5, 23, 45)⁴ и 'крижма' — 'помазати крижмоу небесною', 'миро', 'масло' (в оригинале — χρίσματα ἐπουρανίῳ, с. 43—44), известных по другим моравским переводам⁵. В переводе Свода есть слова, которые в существующих словарях не отмечены в других ранних переводах, например, болгарского или русского происхождения: *нагълъство* (опрометчивость, вспыльчивость, *ὄξυχολία*, с. 4), *догонити* в смысле принуждать (*καλεῖν*, с. 43), *въздъшение от золь* (отречение, отстранение, *ἀποστρόφη*, с. 47—48).

Однако далеко не все приведенные И. Вашицей слова из «Номоканона» можно считать моравизмами или уникальной для памятника лексикой. Это относится прежде всего к слову 'истина' в смысле ценности взятой в долг или украденной вещи. Вряд ли можно согласиться с тем, что, как пишет И. Вашица, «ни в каком другом славянском языке этот юридический термин не отмечен»⁶. Этот термин применительно к ценности, взятой в долг, знают также русские источники. В форме 'исто' он встречается в Русской Правде (XII в.),

в форме 'истина' — в Судебнике 1497 г. и памятниках XVII в.⁷ В тексте Свода термин 'истина' значит, вероятно, также не 'поличное', сам похищенный, а равноценный ему предмет. Возвратить подлинные украденные свечу или масло было практически невозможно — их брали для освещения, и вернуть нужно было такие же другие вещи. Но в применении к украденной вещи термин 'истина' в русских источниках не отмечен.

Слово 'нерачение' в смысле нерадения, беззаботности нет оснований связывать только с исторической чешской лексикографией, как это предлагает делать И. Вашица.⁸ Принадлежащее к широко распространенной семье слов, связанной со словами 'рачительный, нерачивый', оно было общепринято в русском языке⁹. Слово 'уваровати' (уберечь, охранить) зафиксировано только в Своде, но другие его формы — 'варовати', 'вароватися' хорошо известны не только в чешских памятниках, но и в русских, причем с XI в.¹⁰ Что касается особого употребления слова 'время', объединяющего, по наблюдению И. Вашицы, три моравских памятника — Свод Мефодия, Закон судный людям и Поучение из сборника Клоца¹¹, то, как показал Х. Папастатис, дело не в особом значении этого слова, а в изменении смысла при переводе (греческие слова *ἔργον* и *αἰτία* переведены словом 'время' — 'время помышления')¹². Лексика перевода Свода обнаруживает общее с лексикой такого моравского памятника, как Житие Мефодия, датируемое 885 г.¹³ На это обратил внимание уже А. И. Соболевский¹⁴. Это также подтверждает моравское происхождение перевода.

Сам перевод связывается с творчеством Мефодия на основании сообщения его жития, что он «и *номоканон, рекъше закону правило, и отечскыя книги прѣложи*»¹⁵.

Буквально греческое слово 'номоканон', как и его славянский перевод *закону правило*, предполагает включение в обозначаемый этим термином сборник не только соборных и отеческих правил (канонов), но и государственных законов о церкви (*νόμοι*). Свод Иоанна Схоластика не содержал последних, но только правила апостольские, соборные и Василия Великого. В. Н. Бенешевич сообщал, что ему «неизвестно ни одного случая, где бы для Сборника Л титулов применялось название *νομοκάνων* (или *νομοκάνωνος*); древнейшие случаи обозначения этим именем наблюдаются для таких сборников, где Л титулов составляют только самостоятельную часть всего содержания»¹⁶. В славянской письменности это слово известно, кроме Жития Мефодия, также в древнерусском Уставе кн. Владимира в десятинах, Уставе кн. Ярослава о церковных судах и в заглавии и записях кормчих книг Сербской и Русской редакций XIII в. (в них оборот совпадает с тем, что находится в Житии Мефодия: «*книгы сия, глаголемыя греческимъ языкомъ номоканунъ, сказаемыя нашимъ языкомъ закону правило*»¹⁷. Однако эти славянские редакции

Номоканона не могут быть связаны с деятельностью Мефодия, поскольку важнейшая составная часть кормчих Сербской редакции — комментарии к правилам Аристина и Зонары, — появилась лишь в XII в. Возможно, вместе с тем, что состав рукописи, переведенный Мефодием, не ограничивался Сводом в 50 титулах, но включал и другие памятники права.

И. Вашица считал, что при выборе для перевода именно Свода Иоанна Схоластика руководствовались тем, что он не включал некоторых местных (например, африканского Карфагенского 419 г.) соборов, а также тех правил, которые (как, например, Трульского, некоторых апостольских канонов и правил Василия Великого) не были признаны Римом¹⁸. Правила позднейших соборов, в том числе Трульского 692 г., естественно, отсутствовали в труде канониста VI в. независимо от их направленности. Что же касается выбора Мефодием Свода, в котором отсутствовали отдельные не авторитетные для Римской кафедры правила, то многое при решении этого вопроса зависит от определения характера и объема работы, проделанной переводчиком, — ограничивался ли он простым переводом имеющегося в его распоряжении Свода или подвергал его значительным сокращениям. Во втором случае ничто не мешало ему при использовании другого канонического сборника опустить в нем те правила, которые не отвечали его церковно-политическим взглядам. Мало обоснованно и мнение о выборе для перевода труда Иоанна Схоластика потому, что последний был антиохийцем, стоявшим якобы вне политической борьбы столичной епископской кафедры за первенство в церкви¹⁹. Нужно учитывать, однако, что среди кратких канонических руководств именно труд Иоанна, как патриарха Константинополя, канонизированного православной церковью, пользовался наибольшим авторитетом вплоть до середины XII в., когда появились сборники правил с толкованиями²⁰.

Выбор для Моравии этого свода из существовавших в IX в. сборников определялся, вероятно, его краткостью и структурой. Для новой (первой) церковной организации в молодом славянском государстве, недавно возникшем на периферии античного мира, в котором шло формирование феодальных отношений, наиболее удобным мог быть краткий свод основных положений о церкви с простой структурой, каким и был этот труд с его систематическим расположением текстов канонов в тематическом порядке. Сборник в 14 титулах был для этого слишком сложным по составу и содержал гораздо больше избыточной информации, а Синописис Стефана не имел тематического членения, что затрудняло нахождение в нем нужных правил. Из кратких собраний в IX в. для славянского перевода и применения в Моравии канонический труд Иоанна был, таким образом, наиболее подходящим.

Исследователями были выяснены некоторые изменения, внесенные при переводе в текст. Часть из них касается канонических и церковно-политических разногласий, существовавших между соперничавшими Римской и Константинопольской кафедрами, которые, вероятно, должны были учитываться Мефодием.

В 82 правиле Василия Великого, где говорится о причащении клятвопреступника после покаяния, в греческом тексте упоминается причащение только телом Христа (τοῦ σφίματος τοῦ χριστοῦ). В славянском тексте Свода эта формула переведена *тѣла и крѣве Христовы* (гл. 58), т. е. она приближена к каноническим нормам, существовавшим в православной церкви и отличавшимся от западных. На особое внимание к Константинопольской кафедре и тенденцию уравнивать епископа «второго» Рима — Константинополя с Римским епископом указывает замена греческого союза *μετά* — *после* союзом *съ* в греческой фразе «епископу Константинополя занимать место по старшинству чести после (μετά) Римского епископа и поэтому быть ему Новым Римом» (Константинопольское 3): *Κοσταντινία ὑπο γράδα ἐπισκοπῇ ἰμῆτι μολεβὴ χεστὴνῆν ὡς Ρωμαϊκῆν ἐπισκοπῆν, ζανὲ βῆτι ἐμὺ ἑτορῶμυ Ρίμῳ* (с. 11). Другие изменения текста связаны с конкретными вопросами процедуры суда, обозначением приносимых в алтарь продуктов ²¹, указанной заменой «греха вожделения» на «время вожделения» и др.

Существенной чертой славянского Свода в 50 титулах является также его сокращение сравнительно с греческим оригиналом. Труд Иоанна в славянских списках сокращен более чем на одну треть: из 385 правил опущено 150 ²². При этом структура Свода не изменена. Опущено предисловие к памятнику, но все 50 титулов-разделов сохранены, хотя в некоторых из них из трех правил сохранено только одно (титул 21 о хореепископах) или из двенадцати — пять (титул 26). Некоторые титулы вообще не подверглись сокращению (6, 11, 17, 19, 28, 31, 33, 34).

С чем могло быть связано это значительное изменение текста Свода?

Анализ содержания памятника, проведенный А. И. Соболевским, И. Вашицей, С. Троицким и И. Жужеком, показывает, что целью было прежде всего сокращение объема текста при сохранении его канонического содержания. В одних случаях сокращены те каноны, которые повторяют содержание других. В других случаях опущены более пространные каноны, если то же говорится в более кратких. Замечены в этом отборе и несомненные смысловые черты: опущены каноны, не актуальные для местных условий, касающиеся африканских церквей, деятельности «сельских епископов» (хореепископов) и другие, при прочих равных условиях сохранены некоторые более строгие правила (например, с отлучением от церкви) и опущены более мягкие. Видна ориентация на нормы восточной православной церкви.

Последнее видно в сохранении в Своде последней части (51—85) апостольских правил и правил Василия Великого, которые не были авторитетными с точки зрения Рима.

Такой характер работы переводчика вызвал различные объяснения. И. Вашица писал, что «такое глубокое вмешательство в традиционное церковно-правовое собрание было немыслимо на территории восточной церкви. Его мог себе позволить только тот, кто не подлежал византийскому контролю, а обладал особыми полномочиями. А таким был Мефодий, как архиепископ Паноннской, а также Моравской епархий, подчиненный непосредственно Риму». Свод Иоанна в обработке Мефодия явился, по мнению этого исследователя, «трудом в известном смысле новым и самостоятельным, новым моравским типом номоканона, отличным от всей остальной восточной традиции»²³.

Этому мнению о том, что подобная работа по значительному сокращению канонического Свода не могла быть возможно где-либо в ином месте, кроме Моравии, нами были противопоставлены наблюдения о сокращениях номоканонов (не Свода Иоанна Схоластика, а других канонических сборников, прежде всего — Синтагмы 14 титулов, а также сборников Стефана Эфесского и Симеона Магистра), которые предпринимались в Византии в VI—XII вв., а также о сокращениях славянского Собрания 14 титулов, предпринятом на Руси. Здесь во второй половине XII или первой половине XIII в. было произведено значительное сокращение известной в это время Древнеславянской кормчей. Были опущены все правила II (Константинопольского) и III (Эфесского) вселенских соборов, большое число правил других соборов, все правила Кирилла Александрийского, Григория Богослова, Амфилохия, Тимофея Пресвитера, часть других отеческих правил, многие установления Собрания новелл в 93 главах, вторая часть трактата о Константинопольской кафедре и многое другое²⁴.

Значительное сходство в характере и условиях работы по сокращению Собрания 14 титулов и Свода в 50 титулах, первая из которых документально связана с Русью, а вторая сохранилась только в русских списках, позволяет ставить вопрос о том, что и вторая работа, сокращение Свода в 50 титулах, была сделана на Руси, в процессе приспособления византийских сборников к местным условиям XII—XIII вв.

Проблема возможного русского происхождения сокращения (не перевода) славянского Свода в 50 титулах в Устюжском сборнике, вновь поставленная в результате изучения двух сокращенных русских кормчих, Уваровской XIII в. и Плигинской XV в., впервые была намечена еще В. Н. Бенешевичем в 1914 г. и затем сформулирована в неопубликованной работе 1930-х годов. Подводя итоги изучения славянского текста Свода в 1910-е годы, Бенешевич счи-

тал, что до того, как будут изучены греческие тексты Свода, характер перевода и использование памятника в славянских странах, «нет никаких оснований приписывать первоначальному переводчику совершенно необычную манеру распоряжаться с греческим текстом в ущерб к тому же элементарным требованиям здравого смысла». «Гораздо естественнее предположить и в отношении к кормчей в 50 титулов то, что обычно бывало с другими переводами: славянский переводчик дословно передавал текст, достаточно исправный. . . , но в своем первоначальном виде труд его до нас не дошел»²⁵.

В своей незавершенной работе «Миражи в истории южных славян и Древней Руси», принадлежащей 1930-м годам, времени, когда им были уже изучены и подготовлены к печати греческие тексты Свода Иоанна Схоластика, Бенешевич предложил новые решения вопросов происхождения ранних славянских переводов византийских юридических и канонических памятников. Так, перевод Синтагмы (Собрания) в 14 титулах без толкований и некоторые другие памятники он предлагал связать с Кириллом, просветителем славян, а сокращение славянского Свода в 50 титулах, полностью переведенного Мефодием, связывал с Русью и работой по сокращению Синтагмы в 14 титулах, представленной в Уваровском списке²⁶. Однако эти положения Бенешевича не получили в сохранившихся материалах его архива дальнейшего обоснования.

Обстоятельствами, позволяющими вновь ставить вопрос о возможном русском происхождении сокращенного текста, переведенного Мефодием, являются следующие, взятые в своей совокупности:

1. Свод в 50 титулах сохранился в славянском переводе только в сокращенном виде и только в русских списках. При этом оба списка не связаны непосредственно друг с другом, т. е. различно представляют первоначальный сокращенный текст.

2. На Руси было произведено несколько аналогичных сокращений Собрания в 14 титулах без толкований, о которых свидетельствуют, во-первых, указания на полях старшего Ефремовского и списанных с него Рогожского и Соловецкого списков («се писати», «досуда», «досуда брати»), частью стертые и принадлежащие разным редакторам; во-вторых, — содержание Уваровского списка, включающего сокращенный текст, в значительной степени совпадающий с некоторыми из этих указаний, и, в-третьих, — содержание Плигинского списка XV в., в котором часть правил также значительно сокращена.

3. Характер сокращений Уваровского и Плигинского списков независимо от того, что они представляют другую редакцию канонического собрания, очень близок к характеру той работы, которая была проделана над Сводом. В Уваровской кормчей опущены правила, которые можно считать неприменимыми или не актуальными на Руси в XII в. (например, запрет ставить епископов в маленькие городки, определение прав хорепископов, которых на Руси не было),

а также касающиеся конкретных вопросов деятельности церкви в Константинополе, Армении, Африке и др. Опущено много правил о еретиках, их приеме в церковь, об ушедших из церкви, прельстившихся благами, об отдельных правах епископов, о созыве соборов епископов каждой епархии дважды в год. Опущены правила о моральной, церковно-дисциплинарной ответственности за преступления — вольное и невольное убийство, прелюбодеяние, скотоложество, оставление родителями детей.

В Плигинском списке сокращенными являются правила одного, Трульского (VI вселенского) собора. Здесь опущены целиком 24 правила и части еще трех. Принципы отбора близки к тем, которыми руководствовался составитель Уваровской кормчей. В выброшенных правилах осуждалась практика, существовавшая в других странах, на что было указано в самих правилах, об особенностях «варварских» (миссионерских) церквей, об обычаях в Армении, на Кипре.

Основной целью редакторов обеих русских обработок было уменьшение объема кодексов для облегчения их использования путем сохранения основных правил и пропуска дублирующих или не актуальных на месте, т. е. второстепенных. Как видно, таков же характер сокращения Свода в 50 титулах. Исследователь этого памятника так характеризует его автора: он был «блестящий канонист, который знал, как сокращать греческие канонические сборники, не теряя существенного для церковной дисциплины»²⁷.

4. Сокращенная обработка канонических сборников на Руси принадлежит времени активного усвоения (рецепции) норм византийского права во второй половине XII—первой половине XIII в. в его ранней традиции VI—VIII вв., до получения и использования сборника канонов с толкованиями. Результаты этих сокращений сохранились не только в Уваровской и Плигинской рукописях, но и в том же Устюжском сборнике (Румянцевском и Иосафовском списках), куда входит и сокращенный текст Свода Иоанна Схоластика. Таким образом, все эти сокращения можно рассматривать не только как современные стадияльно, относящиеся к сходным периодам феодального развития славянских стран, но и современные хронологически, относящиеся ко времени усвоения на Руси византийских памятников церковного права в XII—XIII вв.

5. Существует определенное противоречие в характере перевода правил и их сокращения. Исследователи обратили внимание на сравнительно высокие качества перевода, хорошее знание переводчиком и греческого, и славянского языков, что особенно заметно в сравнении с переводом Собория в 14 титулах без толкований (работы С. Троицкого, И. Вашицы, И. Жужека). О сокращении текста Свода, и прежде всего — заглавий титулов этого сказать нельзя. Они представляют собой не сокращенные изложения греческих фраз, а усеченные фразы, в ряде случаев с неясным смыслом или бессмыс-

ленные, обрывающиеся на середине слова. Таковы, например, заглавия следующих титулов (в квадратных скобках указаны сокращения обоих списков): 35. *О катихоуменѣхъ съгърѣшихъ и о пресѣ[тупающихъ] преже оглашения сѣ[обѣ]ты*; 38. *О обращающихся от ереси и кѣ каѳолѣици церкви приходящихъ. . .*; 43. *О женящихся второе свободѣнѣ и въ м[ногы] женитвы въпадающихъ. . .*; 11. *О свящаемыхъ [на мѣстѣ, ли] силою влас[тельской]. . .*; 15. *Яко не достоитъ епископу страстию нагѣл[ства] движиму въскоре отлучатися раздражающихъ. . .* и многие другие. Бенешевич отмечал, что «во многих титулах рубрики остаются бессмысленно оборванными на начальных словах» (см. текст в Приложении к статье). Процесс такого сокращения заглавий продолжался на Руси и дальше, в конце XIII—начале XIV в. В Румянцевском списке есть сокращения, которых не было в архетипном тексте обоих списков, так как их нет в Иосафовском²⁸. Сокращения в Иосафовском более цельны: здесь заглавия или опускаются целиком, или сохраняются. Пропуски отдельных букв и служебных слов и чисел, несомненно, случайны.

Предполагаемая работа по сокращению Свода в 50 титулах хорошо ложится в систему обработок византийских сборников права на Руси. Одной частью этой системы являются сокращения Синтагмы 14 титулов без толкований, связанные с одним переводом и представляющие в общем один и тот же или близкий отбор правил. Свод в 50 титулах может представить вторую часть этой системы. Она сходна с первой по характеру работы и ее целям, но отличается конкретным содержанием, отбором правил. До 40 правил, опущенных при подготовке сокращенных вариантов обоих канонических трудов, совпадает, что, несомненно, подтверждает сходство редакторской работы над ними. Это правила Никейское 1; Эфесские 2, 5, 6; Халкидонское 17; Анкирские 1—6, 17, 22, 23; Неокесарийские 13, 14; Гангрские 14, 20; Антиохское 10; Лаодакийские 10, 11, 14—16, 19, 37; Сардикийские 1—9, 16, 17, 19—21; Василия Великого 1, 17²⁹.

Однако большая часть правил, сокращенных в каждом из этих случаев, различается. Это свидетельствует о том, что обе обработки, если они сделаны на Руси примерно в одно и то же время и вызваны одними и теми же условиями, принадлежат все же различным церковно-политическим центрам и различным редакторам.

Сокращения в Ефремовском списке мы связали с Киевской митрополией, Уваровский список имеет следы новгородского происхождения³⁰. Для приурочения Плигинской обработки к какому-либо центру данных недостаточно. Сокращение Свода Иоанна Схоластика могло быть сделано в одной из столиц русских княжеств и центров спархий. Все сведения, которые мы можем получить при лингвистическом (фонетико-орфографическом) анализе списка памятника, относятся к самим спискам, а не их архетипу, и вместе с тем изучение состава сборника Устюжского типа может дать материал для сужде-

ний об источниках и условиях составления этого сборника, а не интересующего нас сокращения. Правда, в составе сборника есть статьи, кроме самого Свода, которые могли уже первоначально примыкать к нему и быть частью той рукописи, которая подвергалась сокращению³¹. Все это, однако, не дает информации о месте возможной работы над Сводом. Это была также одна из епископских кафедр, возглавлявших достаточно многочисленную епархию, требовавшую разработки и рецепции церковного права. Возможно, что появление здесь моравского перевода Свода определялось особыми связями этой кафедры и ее главы с инославянскими культурными центрами, где этот свод сохранялся в X—XI вв., например Сазавским монастырем в Чехии и монастырем «На слованех» в Малой Польше.

Для определения примерной даты появления на Руси «Номоканона» Мефодия может дать некоторый материал время возникновения сборника Устюжского типа. Архетип сборника определяется составом общих статей обоих списков. Оба сохранились довольно хорошо, но в Румянцевском есть отдельные утраты листов. Ни в начале, ни в середине списков различий по составу статей нет, оба хорошо донесли свой архетип. Дополнения, особые в каждом из списков, есть только в конце. В Румянцевском это две ступени дополнений. Первая ступень — приписанные еще в протографе: 1) поучение иереям, которые служат без риз, 2) слово св. отец о крещении детей (против латинской практики крещения) и 3) толкование имен библейских патриархов. Вторая ступень — приписки уже в самом Румянцевском списке, сделанные позднее, как указывает И. И. Срезневский, почерком XIV в. В Иосафовском списке после последних общих статей «О вере» и выписки из правила Василия Великого о супружестве следует большое число отдельных правил из кормчей с толкованиями, приписанных к протографу списка.

Устюжский сборник можно датировать примерно первой половиной — серединой XIII в. О создании его до последней трети XIII в. свидетельствует отсутствие в нем статей, заимствованных из кормчих Сербской и Русской редакций, т. е. правил с толкованиями. Эти правила попали только в дополнения Иосафовского списка.

Вместе с тем, если кормчая с толкованиями не была использована составителем Устюжского сборника, то сам этот сборник, возможно, послужил одним из источников кормчей на Руси. На это указывает вторичность текстов монашеских правил в составе кормчей Русской редакции сравнительно с Устюжским сборником.

О замене первоначального «калугерь» позднейшим и более понятным на Руси «черныц» писал еще И. И. Срезневский³². Заглавие правил Иоанна Пателария в Устюжском сборнике обширнее и ближе к греческому оригиналу, чем в кормчей Русской редакции (см. с. 248).

Использование при составлении на Руси кормчей правил из Устюжского сборника — архетипа Румянцевского и Иосафовского

О калуđerъкъ.

Святаго отца нашего Иоанна прозвѣтера игумена Пателареи уставѣ монастыря его от святыхъ книгъ учаще всему спасенію всякъ отвергыся и приидѣ въ черническыи сан спасения ради ти аще не схранить сихъ яже хоцю написати, не можетъ ся спасти. Егда ударять в било...

Преподобнаго отца Федора игумена Студийскаго о станѣхъ (Иосаф.: останцѣхъ) церковныхъ канон.

О черноризцѣхъ правила. Аще чернецъ въ велицѣмъ образѣ...

Святаго отца нашего Иоанна Пателареи игумена уставѣ монастыря его. Егда ударятъ в било...

Преподобнаго отца нашего Феодора игумена Студийскаго о останцѣхъ церковныхъ...

списков — позволяет датировать создание этого сборника за несколько десятилетий до 1270-х годов. К сборнику обратились на втором этапе работы над новой кормчей, который относится к 1270-м годам и Северо-Восточной Руси³³. Тем самым выводы лингвистов о северо-восточном происхождении Румянцевского списка (Иосафовский список тоже происходит из этого региона России) находит подтверждение. Можно думать и о составлении самого Устюжского сборника также в Северо-Восточной Руси.

Наиболее поздние статьи сборника — русского происхождения XI—XII вв., не датированные более точно, среди которых «Поучение сыном и дочерем духовным». Этому же времени принадлежат и выписки из Древнеславянской кормчей без толкований. К XI в. относится появление этой кормчей на Руси, ко второй половине XII—первой половине XIII в. — ее указанное значительное сокращение. В Устюжском сборнике находится большое число правил из этой кормчей, состав которых в значительной степени совпадает с набором правил в Уваровской кормчей, т. е. составитель Устюжского сборника не ограничился включением в него сокращенного Свода, но поместил в него и другой сокращенный труд. Все это и дает основания для датировки Устюжского сборника и предполагаемого сокращения Свода в 50 титулах первой половиной XIII в.

Гипотеза о переработке на Руси перевода, сделанного Мефодием, не вносит существенных изменений в наши представления о деятельности славянского просветителя в Константинополе, в Моравии и в Риме, она отнюдь не умаляет его роли в создании библиотеки книг на славянском языке и церковно-административной деятельности. Предложенное нами недавно рассмотрение последовательного ряда славянских переводов и обработок сборников канонического права в славянских странах от Моравии до Руси и Сербии как системы³⁴ также не подлежит изменению. Стремление Мефодия ввести Свод в 50 титулах не в сокращенном, а в полном виде может говорить о значительных успехах в социальном развитии Моравии и сложности социальной структуры княжества, о чем свидетельствуют и другие моравские памятники.

В. Н. Бенешевич

ИЗ НЕЗАВЕРШЕННОЙ И НЕОПУБЛИКОВАННОЙ РАБОТЫ ПОД НАЗВАНИЕМ „МИРАЖИ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН“

[...] Чтобы восстановить первоначальный вид слав[янского] перевода (Синтагмы 14 титулов III редакции. — Я. Щ.), выпавшего из рук Кирилла, необходимо обратить внимание не только на состав указанных 5 списков, но и на переводы других редакций канон[ических] сборников (в 50 титулах и правил с толков[аниями]), а при этом первостепенную важность представляет выявление роли греч[еского] текста Vallis. F47 в деле перевода. По письму этот список авторитетными палеографами относится обыкновенно к X в., но сопоставление с минуск[ульными] пометами Patm. 172, с Порф[ирьевским] еванг[елием] 835 г. заставляет отнести его ко второй половине IX в., а чрезвычайная близость к нему слав[янского] перевода приводит к мысли, что он сам был в руках Кирилла. Поэтому необходимо поставить вопрос о том, не следует ли приписать Кириллу и перевод Эклоги, раз она непосредственно следует в Vallis. F47 за Coll[ectio] 93 cap[itulum].

Почему же Кирилл перевел Синтагму III ред[акции], а не Синагогу 50 тит[улов], которой папа Николай I в письме к патри[арху] Фотию придавал как будто значение офици[ального] кодекса канонов визант[ийской] церкви его времени, говоря о quinquaginta tituli, quibus concordia canonum apud vos textitur? А с другой стороны, зачем было Мефодию между 885 г.* переводить Синагогу в 50 тит[улов] после того, как уже был сделан перевод Синтагмы III ред., и в то время, когда в Византии признание официальным кодексом канонов склонялось в пользу Номоканона 14 тит[улов] I ред[акции], проредактированного патриархом Фотием в 883 г.? Но стоит только ближе ознакомиться с переводом Синагоги 50 тит[улов], чтобы задать еще один естественный вопрос: зачем было давать этот сборник в таком неудовлетворительном виде?

Перевод Мефодия дошел до нас в двух сп[исках] русской редакции, независимых друг от друга:

1) [Г]БЛ, Румянц. 230 XII—XIII века (Устюжская кормчая), разделяющийся на три равные части по числу переписчиков и потому точно воспроизводящий свой оригинал, вероятно, XI в.;

2) [Г]БЛ Моск. дух. Ак. 54 XVI века (Иоасаф. кормчая).

Незабвенный И. И. Срезневский слыл слав[янский] перевод 50 тит[улов] с греческим текстом по изданию Voelli et Just[elli] и по греч[ескому] списку IX в. МСБ 398 и пришел к следующим выводам: греч[еские] сп[иски] «отличаются от слав[янского] перев[ода] обилием подбора канонов и вместе с тем, хотя в том и другом слав[янском] списке есть следы пропусков, зависевших от дисцов, но за восстановлением их все-таки не окажется в слав[янском] переводе такого обилия, как в греч[еском] подлиннике; можно думать, что слав[янский] переводчик имел под руками текст не столь полный; сличение многих греческих сп[исков] должно привести к выводу, делали ли греч[еские] переписчики пропуски из первоначального текста или, напротив, дополняли своими прибав-

* Первая дата В. Н. Бенешевичем не указана.

ками (Обозрение, 123) *. Такое сличение всех дошедших до нас сп[исков] греч[еского] текста Синагог[и] 50 тит[улов] уже сделано, и оно показало, что пропуски некоторых, очень немногих, канонов происходят совершенно случайно по вине переписчиков и очень редко — по желанию редакторов, но они ни в какое сравнение не могут идти со слав[янским] перев[одом], где из 299 правил пропущено целых 158 (что можно видеть из таблицы у Срез[евского], Обзор[ение], 119—123), да и оставшиеся далеко не полны. Кроме того, в слав[янском] перев[оде] нет предисловия Иоанна Схол[астика] к Синагог[е], нет и Col[lectio] 93 cap[itulum], обычно следующего за Синагог[ой], а главное, в нем есть две замечательные особенности:

1) Рубрики титулов в Уст[южском списке] часто дефектны или даже совсем отсутствуют и восполняются отчасти при помощи Иосаф[овского списка], но не всегда целиком; таким образом, во многих титулах рубрики остаются бессмысленно обрванными на начальных словах.

2) Тот же И. И. Срез[евский] отметил, «что довольно многие места Собрания канонов И. Схол[астика] по перев[оду], помещ[енному] в Уст[южской] кормчей, дословно или почти дословно сходятся с соответств[ующими] местами Ефр[емовской] кормчей» (Обозрение, 123), т. е. перевода Кирилла.

Правда, в греч[еском] тексте М₂ наблюдается часто (кое-где и в С) манера обрывать рубрики тит[улов], не вписывать их целиком, но это и единственный список среди греч[еских], ничего общего со слав[янским] перев[одом] не обнаруживающий в этих сокращениях, да и обрывание текста в перев[оде] проведено так, что только слав[янский] текст мог быть так обрван.

Значит, слав[янский] перевод дошел до нас в изувеченном виде относительно своего состава и в русифицированной редакции относительно языка. И. И. Срезневский (Обозрение, 115) поэтому утверждал, что «Уст[южская] кормчая не доказывает, впрочем, что вся греч[еская] кормчая, приноровленная к Собранию канонов в 50 титулов, была переведена по-славянски». Но такое заключение не верно: Уст[южский] и Иосаф[овский] сп[иски] дают нам редакцию перевода Синагог[и] 50 тит[улов], возникшую на русской почве аналогично и, может быть, одновременно (в одном веке) с той, которая предлежит в Увар[овском] сп[иске] на основе полного перевода Синтагмы 14 тит[улов] и III ред[акции]. Полный перевод Синагог[и] 50 тит[улов] был сделан Мефодием, но еще предстоит громадная работа по установлению состава вхлотивших в него статей. Может быть выявление состава всех известных ныне греч[еских] сп[исков] поможет делу, но заранее надо считаться с возможностью исчезновения оригинала и обратить особенное внимание на изучение языка перевода 50 тит[улов] для сопоставления с ним переводов статей, сохранившихся доньше и даже и вне связи с 50 тит[улами] в других сборниках.

Совпадение перевода 50 тит[улов] с переводом Синтагмы 14 тит[улов], отмеченное И. И. Срезневским и точнее указанное при издании им текста 50 тит[улов] (Обозрение, прилож[ения, 1—66]), идет гораздо дальше, чем он думает, и свидетельствует о том, что в переводе 50 тит[улов] ближайшее участие принимало то лицо, которое совершило перевод Синтагмы. Ввиду этого приходится думать, что или сам Мефодий был таким лицом, или же перевод Синтагмы сделан не Кириллом, а тем из его сотрудников, который был ближайшим сотрудником и при Мефодии по переводу 50 тит[улов] (Горазд?). Оба перевода, отделенные один от другого промежутком около 10—15 лет, представляются частями единого замысла соответственно меняющейся обстановке: для болгар была необходима книга, содержащая в себе постановления, направленные против римских притязаний, для епископа епархии, подчиненной Риму, каковым был Мефодий в Моравии, самым подходящим был сборник, не содержащий

* Срезневский И. И. Обзорение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897, с. 123.

в себе антиримских элементов * и в то же время авторитетный для К[онстантино]п[оля].

Появление в течение короткого времени переводов двух авторитетнейших византийских сборников канонов и законов нельзя не признать важным фактом в истории славян[ского] просвещения; но отсюда еще далеко до признания его и важным фактором в деле проникновения виз[антийского] права в славян[скую] жизнь. Если бы это имело место, то, конечно, сохранились бы многочисленные следы употребления на практике обоих переводов; но такие следы крайне редки. С. И. Смирнов в своем замечат[ельном], но недостаточно оцененном и использованном труде «Материалы для ист[ории] др[евне]р[усской] пок[аянной] дисц[иплины]» (М., 1912), 271 [и следующие] попытался найти следы употребления «Схоластиковой кормчей», но указания на заимствования из прав[ила] 6, вход[ящего] в состав Уст[уюжского] или Иоас[афовского] сп[исков] не убедительны, пока не произведено исследования языка перевода и сопоставления переводов разных статей для установления состава работы Мефодия. Одна принадлежность правил или номоканона Иоанна Схоластика к составу Уст. списка в этом смысле сама по себе ничего не означает; только прямые заимствования из перевода 50 тит[улов] ценны и тут С. И. Смирнов (стр. 286) дает важное указание на то, что Ап[остольские] 60 и 85 из титула L Ап[остальское] 64 из тит[ула] XXXII и Ап[остальское] 52 из титула XXXVIII послужили основой для образования постановлений «Некоторой заповеди».

Не случайно то, что не дошло ни одного югосл[авянского] списка обоих переводов, и то, что оба они в Др[евней] Руси подверглись сильному и очень смелому, хотя и неуклюжему сокращению, свидетельствует о том, что в полном виде они были уже трудны для использования. Но все же следует отметить, что Сол[овецкий], и Тр[оицкий], и Плиг[инский] сп[иски] списаны не с одного древнего, и не с Ефрем[овского], и, значит, можно предполагать существование 2—3 пропавших ныне сп[исков], да еще того, с которого сокращен Увар[овский] [...]

Архив АН СССР, Ленингр. отд-ние,
ф. 192, оп. 1, д. 57, л. 26—35.

¹ Основную библиографию их примерно до 1968 г. см.: MMFH, d. IV. Среди вышедших позднее работ: *Zužek I. The Determining Structure of the Slavic Syntagma of Fifty Titles.* — *Orientalia Christiana periodica*. Roma, 1967, v. XXIII, fasc. 1; *Papastathis Ch. L'oeuvre législative de la mission Cyrillo-Methodienne en Grande Moravie.* Thessalonique, 1978; *Щанов Я. Н.* Номоканон Иоанна Схоластика и Синтаγμα 14 титулов у славян в IX—X вв. — В кн.: *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert.* Praha, 1978, S. 391—395.

² К Устюжскому сборнику в литературе иногда неверно применяется типовое название кормчая. Но последним термином называется обычно систематическое собрание церковных правил, имеющее определенную структуру. Такой кормчей можно считать сам Свод в 50 титулах, но не сборник, в который он входит. Еще И. И. Срезневский писал о том, что Устюжская кормчая представляет собой два сборника: «сборник канонов (Свод в 50 титулах. — Я. III.) и не полный и неправильно расположенный сборник выписок из различных кормчих по частному выбору и без определенного плана» (*Срезневский И. И.* Обзорение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897, с. 116—117).

* Не согласовалось с римской традицией то, что апостольских правил в 50 титулах не 50, а 85 (Примеч. В. Н. Бенешевича).

- ³ Schmid H. F. Die Nomokanonübersetzung des Methodius. Berlin, 1922; Ушakov В. Е. О языке Устюжской кормчей XIII—XIV вв. Киров, 1961; Он же. Устюжская кормчая. — Slavia, 1961, г. 30.
- ⁴ Здесь и далее в тексте даются ссылки на издание Свода в книге Срезневского (Срезневский И. И. Обзорение. . .). В обоих списках Свода в указателе канонов слово 'мыла', неизвестное русским переписчикам, сохранилось в искаженном виде: в Румянцевском как 'мъньша', в Иасафовском как 'мощи'. Оно восстанавливается по смыслу оригинала и другим моравским памятникам.
- ⁵ Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1967, seš. 15, s. 64; 1969, ses. 19, s. 257.
- ⁶ Вашица И. Кирилло-Мефодиевские юридические памятники. — Вопросы славянского языкознания. М., 1963, вып. 7, с. 16; Vašica J. Metodějův překlad nomokanonu. — Slavia, 1955, г. 24, р. 36; MMFH, d. IV, s. 225.
- ⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979, вып. 6, с. 320, 324.
- ⁸ Вашица И. Кирилло-Мефодиевские юридические памятники, с. 15.
- ⁹ «Нерадение, я, с. ср. — Нерадение, леность» (Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1867, т. 1, стб. 941).
- ¹⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893, т. 1, стб. 229; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975, вып. 2, с. 21, 22.
- ¹¹ Вашица И. Кирилло-Мефодиевские юридические памятники, с. 16, 25.
- ¹² Papastathis Ch. L'oeuvre législative. . ., р. 68—70, 139.
- ¹³ Сказания о начале славянской письменности / Подг. к изд. Б. Н. Флоря. М., 1981, с. 100.
- ¹⁴ Соболевский А. И. Номоканон Иоанна Схоластика. — В кн.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 142.
- ¹⁵ Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 197.
- ¹⁶ Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905, с. 106, примеч. 3.
- ¹⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря. . ., СПб., 1895, т. II, стб. 466; Он же. Обзорение. . ., с. 50, 79—83, 86.
- ¹⁸ MMFH, d. IV, s. 810.
- ¹⁹ Троицкий С. В. Апостол славянства св. Мефодий как канонист. — Журнал Московской патриархии, 1958, № 3, с. 39—40.
- ²⁰ Benešević V. Ioannis Scholastici Synagoga L. titulum ceteraque eiusdem opera iuridica. München, 1937, t. 1, р. XVI.
- ²¹ Троицкий С. В. Апостол славянства. . ., с. 46—47.
- ²² С. В. Троицкий указывает число правил в Своде Иоанна — 377 и число опущенных правил — 142 (Троицкий С. В. Апостол славянства. . ., с. 40). В. Н. Бенешевич в приложенной ниже работе называет соответственно 299 и 158 правил. Однако подсчет канонов в таблице Ordo canonum in L. titulis, приложенной к кн.: Benešević V. Ioannis Scholastici. . ., позволяет изменить эти цифры на указанные выше.
- ²³ MMFH, d. IV, s. 241.
- ²⁴ Шапов Я. Н. Номоканон Иоанна Схоластика. . ., с. 391—395.
- ²⁵ Бенешевич В. Н. Синагога в 50 титулах и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914, с. 211—212.
- ²⁶ Соответствующая часть этой работы В. Н. Бенешевича публикуется в Приложении к настоящей статье.
- ²⁷ Žižek I. The Determining Structure. . ., р. 160. Автор имеет в виду, конечно, Мефодия.
- ²⁸ 2. О установлении митрополит[ом от канон, о митрополитех, бываючи от царских грамот. . .]; 4. Яко да разлучены суть епископу от церк[овных] своя вещи. . .]. В квадратных скобках указаны сокращения, появившиеся только в Румянцевском списке.

- ²⁹ Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 103—104.
- ³⁰ Там же, с. 108—109.
- ³¹ Среди моравских памятников в составе Устюжского сборника, кроме Номоканона, называются Закон судный людем, Заповедь святых отец и предшествующие Номоканону Символ веры и Сказания о соборах.
- ³² Срезневский И. И. Обзорение. . . , с. 127.
- ³³ Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие. . . , с. 185—186.
- ³⁴ Шапов Я. Н. Памятники церковного права IX—XII вв. Древней Руси и славянских стран: (Опыт сравнительно-исторического изучения). — Ист. зап. М., 1982, т. 107, с. 304—332.

А. А. ТУРИЛОВ

К ИСТОРИИ ВЕЛИКОМОРАВСКОГО НАСЛЕДИЯ В ЛИТЕРАТУРАХ ЮЖНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

**(Слово „О похвале Богородице Кирилла Философа“
в рукописной традиции XV—XVII вв.)**

Хорошо известно, что имя Кирилла Философа пользовалось широкой популярностью в средневековых славянских литературах. Оно встречается в заглавиях сочинений разных жанров, столь отличных друг от друга по языку и стилю, что их принадлежность перу одного автора (или хотя бы одной эпохе) давно вызывала справедливые возражения исследователей¹. Монашеское имя, принятое славянским первоучителем на смертном одре, естественно, не могло быть поставлено в заглавие сочинений им самим, а по замечанию Н. К. Никольского, «если более молодые рукописи сохраняли иногда в заглавиях статей и отрывков старинные надписания с именем Кирилла Философа, то эти последние могли иметь в виду не только первоучителя, но и кого-либо другого»². В то же время число оригинальных сочинений, бесспорно принадлежащих перу Константина-Кирилла, так невелико, что каждое новое свидетельство заслуживает внимания.

В предлагаемой статье речь пойдет о памятнике, если не созданном славянским первоучителем, то во всяком случае связанном с великоморавским литературным наследием. Памятник этот — торжественное слово, озаглавленное «О похвале святых Богородице Кирилла Философа», сохранился в русской рукописи XV в., содержащей Златоуст постный и цветной (триодный Торжественник)³. В исследованиях, посвященных сочинениям, приписываемым Кириллу Философу, текст под таким заглавием не отмечен⁴, другие списки

Златоустов, содержащие это слово, нам в настоящее время неизвестны.

Рассматриваемое слово помещено в Музейском Златоусте для чтения в субботу пятой недели Великого поста («акафистная суббота») ⁵, но нет сомнения в том, что первоначально оно предназначалось для праздника Рождества Богородицы (8 сентября). В тексте памятника читаем: *О сзетльи дни славной, в онъ же родися нам радость. . . Да веселимся друзи, славим рожьшуюся днесь* (л. 107 об.). Редкость этого текста в Златоустах объясняется, вероятно, произвольным включением слова в цикл триодных гомилий.

Опираясь на начальные слова текста (*Всяк человек, хотяи похвалити что любо, иному добреишим прилагает. . .*), — показатель для славянской кириллической традиции куда более надежный, чем неустойчивые заглавия, — удалось выяснить, что памятник (с некоторыми отличиями в тексте) встречается и в минейных Торжественниках XVI—XVII вв. Известны четыре таких списка: 1) Народный музей в Праге, IX D 15 (Š. 7), из собр. П.-И. Шафарика, сербская рукопись XVI в.⁶; 2) Центральная научная библиотека АН Литовской ССР (бывшее собр. Виленской публичной библиотеки), РО, F 19 103, украинская рукопись 1569 г., переписанная в г. Корец на Волыни для князя Богуша Корецкого⁷; 3) ОР ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 1502, украинская рукопись (вероятно, списанная с молдавской), второй четверти XVII в.⁸; 4) Центральная научная библиотека АН Украинской ССР в Киеве, собр. Мелецкого монастыря № 116, украинская рукопись XVI в.⁹ Списки Шафарика, Барсова и Киевский (Ш, Б. и К) названы в заглавии словом на Рождество Богородицы, Вильнюсский (В) — словом на Зачатие Богородицы (что, вероятно, так же вторично, как и включение слова в триодный Торжественник)¹⁰. Ни в одном из этих списков авторство не приписано Кириллу Философу: в Ш и К памятник анонимен, в В и Б автором назван Иоанн Златоуст¹¹. Впервые на слово обратил внимание Ф. Добрянский, опубликовавший при описании В перечень народов, хвалящих Богородицу¹². Ш был опубликован в 1902 г. М. П. Петровским¹³, ранее этот список был использован Ф. Миклошичем как источник для второго издания его словаря¹⁴. В силу некоторых особенностей этих списков (о чем пойдет речь ниже) памятник до настоящего времени не связывался с великоморавской традицией.

Хотя списки памятника и немногочисленны, но наличие их в рукописях русской, сербской и украинских (восходящих, по-видимому, к молдавскому, т. е. в конечном счете среднеболгарскому протографу) свидетельствует о его достаточной известности во всем православном славяноязычном мире.

Несколько слов следует сказать об особой редакции памятника, содержащейся в минейных Торжественниках XV—XVII вв.

и в четых минеях XVI—XVII вв.¹⁵ Слово приписано здесь, как в В и Б, Иоанну Златоусту и помещено, как в Ш, К и Б, под 8 сентября, но с текстом, читающимся в указанных выше рукописях, совпадает лишь в первой части¹⁶. Редакция эта выявлена М. П. Петровским и использована им для разнотечий при публикации Ш (по изданию Великих Миней Четий — ВМЧ)¹⁷. Позднее Н. К. Никольский, обратившийся к этому тексту для доказательства редактирования памятников при составлении ВМЧ, отметил (не зная о наблюдениях М. П. Петровского), что слово слито «из двух сочинений: из начальной части одного анонимного похвального слова и из отрывка, извлеченного из панегирика, приписываемого Иоанну Дамаскину»¹⁸. Старший известный список этой редакции помещен в сборнике XV в. из библиотеки московского Чудова монастыря¹⁹. Судя по отсутствию памятника в Софийском (старшем по времени возникновения и чисто новгородском по происхождению) экземпляре ВМЧ — и по наличию его в рукописи Чудова монастыря, ранний этап бытования (а возможно, и возникновение) этой компилятивной редакции следует связывать с Северо-Восточной Русью²⁰.

Текст, содержащийся в четых минеях, возник, возможно, в результате механического соединения двух памятников из-за утраты листов в протографе; там, где это сопоставимо, он, бесспорно, ближе к Б, В, К и Ш, чем к Музейскому Златоусту (З). Близость текстов минейных торжественников во многом вызвана механическими пропусками и неверными прочтениями в З²¹, к числу наиболее значительных разнотечий между Б, В, К и Ш, с одной стороны, и З, с другой, следует отнести вставку в З ангельского славословия Богородице (л. 110 и об.)²², русские интерполяции в перечне народов, славящих Богородицу, и сокращение этого списка в конце²³.

Структурно слово состоит из четырех частей: 1) пролог, в котором автор традиционно говорит о бессилии по достоинству восхвалить Богоматерь; 2) историческая или повествовательная часть; 3) собственно похвала Богородице и ее родителям, включающая перечень стран и народов, хвалящих Богородицу; 4) заключительная часть — молитва о заступничестве.

Повествовательная часть слова основана (как это отметили еще А. В. Горский и К. И. Невоструев для ВМЧ)²⁴ на тексте апокрифического Протооевангелия Иакова. Этот апокриф неоднократно переводился с греческого на славянский²⁵, при этом старший из переводов М. Н. Сперанский относил ко времени не позднее X в.²⁶ Сопоставление текстов затруднено тем, что слово содержит сокращенный пересказ апокрифа; там, где сравнение возможно, текст, включенный в слово, не совпадает ни с одной из известных редакций Протооевангелия²⁷. Не исключено, что это особая редакция, — возможно, непосредственный сокращенный пересказ с греческого²⁸.

Переходя к вопросу о датировке памятника о месте его создания,

следует сказать, что факт наличия его в списках XV—XVII вв. сам по себе отнюдь не противоречит его древности, так как многие литературные памятники IX—X вв. известны по спискам не ранее XV в. (в полном виде, а не во фрагментах) ²⁹. К сожалению, язык памятника содержит мало датирующих и локализирующих признаков. Само по себе это понятно, поскольку за долгое время существования памятник неоднократно менял языковую среду. Достаточно сказать, что все известные в настоящее время списки этого торжественного слова, как будет показано ниже, восходят к русскому протографу, списанному в свою очередь с болгарской рукописи. Одним из немногих западнославянизмов текста является слово *малъжена* ³⁰ (супруги, ср. совр. чешск. *manželka*; польск. *małżonek, małżonka*; верхнелужицкое *mandželka*), но это слово встречается и у болгарских авторов IX—X вв., например, у Козьмы Пресвитера ³¹. Список 3 сохранил в цитате из Псалтири для обозначения украшений древнюю форму *трѣсна* ³², но само по себе это чтение указывает лишь на древность памятника, не локализуя его.

О древности текста свидетельствуют и содержащиеся в нем этнонимы: *сѣпроуци* (В — *испроуци*, К — *испроузи*, Б — *прѣци*, Ш — *прѣзи*) — франки и *внатѣци* (В — *внатѣцы*, Б — *вонатѣцы*, К — *венѣтици*, Ш — *вѣнетици*) — венецианцы, Венеция. Форма *сѣпроуци*, происходящая от греческого *σπαργοί* ³³ (франки, фряги), характерна для древнейших славянских памятников: это чтение сохранилось в Проложном житии Константина и Мефодия (*от спржческихъ епископъ*) ³⁴ и в древнейшем русском списке Пространного жития Константина ³⁵ (в других испорчено) ³⁶. Второе слово в такой форме, которую П. А. Лавров связывал с великоморавской эпохой ³⁷, встречается лишь (в испорченном виде) ³⁸ в Пространном житии Константина *натѣци* даже в древнейшем Барсовском списке) ³⁹ и в Проложном житии Наума Охридского (*къ Беньткомъ*) ⁴⁰.

Древности памятника, на первый взгляд, противоречит тот факт, что евангельская цитата дана в нем по четвертой редакции перевода Евангелия, выполненной в XIV в. ⁴¹ Однако это обстоятельство не может иметь решающего значения, так как известно, что текст цитат из священного писания приводился в соответствии с нормами, принятыми во время создания списка, а не памятника ⁴².

Наиболее интересной в историческом отношении частью слова является перечень народов и стран, славящих Богородицу. Именно этот перечень позволяет сделать выводы о времени и месте создания памятника. Он разнится во всех списках, но наиболее просторен и исправлен в З (Б, В, К и Ш в этом отношении ближе друг к другу). Нумерация в З вторична, так как рассекает текст (см. с. 257).

Сопоставление пяти списков позволяет говорить о том, что первоначальный перечень был позднее интерполирован, как минимум — дважды. К числу интерполяций относятся упоминания болгар, Руси,

Поистинѣ бо ста кто тебе не блажить. кто ли не славить. и кто не хвалить. прѣста ѡ мѣстива а. е тебе блажить великий миръ. в. е Греци. г. е Болъгаре. д. е Палестни (!) Иерсѣмъ. е. е Индиане. з. е Мидене. и. е Роусъ великаѣ новое стадо. и. Романе. ѡ. е и Овазъгоуе. ѣ. е Ивери. ѡ. и Аланесъ. ѡ. Перси г. Парфи. д. и Ефнопти (!). ѡ. Алъмази же. ѡ. и Сърпоуци. ѡ. Серпи же. и. и Ховрати. ѡ. Саи же. к. и Скрыи. к. Оуньдили. к. и Египиди. к. Лоугъварди. к. и Власи. к. Сарди же. к. и Внѣтъци. к. Мравлене. к. Гоуфи же. к и Фили же. л. и Египтане. л. Соуране же. л. Еламита. л. Блатани. л. Сѣрожане. л. ѡбежане. л. Черъксове. л. Исове. л. Арапи. и инии мнози лзыци (л. 112 и об.),

«Поистинѣ (В — поистинне) бо ста (К — стаа, В — стаа) кто тебе (В — кто бе) не славить (Ш — не славеть). Кто тебе (В, К — кто ли) не хвалить и млит (В, К — молит, в Ш фраза опущена). Румири (К — Роуми, В — Роуимили, Ш — нет) или (Ш — нет) Греци (К — Грѣци) или Болгаре, (Ш — Блъгаре, В — Болгоре) или Руси (В, К — Роус) новое твоё стадо или Рамѣне (В — Римѣне, К, Ш — Римѣне) и ѡвазѣ (К — ѡт-вазѣ, В — ѡвазѣноу, Ш — ѡварѣ), Ивери (В — Иверизи) же (В — нет) и Алане (В — Алани, К — Алаи, Ш — Алени), Перси же и Парфи (К — Парѣи, В — Перѣи, Инди (К — и Инди) и Ефиопе (В, К — Ефиопи), Алмази же и Прѣци (В — Испроуци, К — Испроузи, Ш — Прѣзи), Серпи (К, Ш — Серби) же (в К нет) и Харвати (К, Ш — Ахарвати, В — Тарвати), Саи (К, Ш — Саси В — Сам) же и Скири (В — Искири, К — Скиви, Ш — Скъфи), Оундили (К — Оундици, Ш — Андили) и Египиди (В — Ечипиди, К, Ш — Еупиди), Лѡгварди (К — Лаговардии, Ш — Лаговариди, В — Пачварди) и Власы (В, К, Ш — Власи), Сарди же и Внѣтъци (К — Венѣтъци, В — Внѣтъцы, Ш — Внѣтѣци), Мравѣне (В — Маравѣне, К — Моравѣне, Ш — Моревѣне) и различии и (В — и различии) Словени, Гоуфи (К — Гоуи, В — Чюи) же и Фили (К — Фили, В — Фили) и инии (В, К — инии) мнози лзыци (К — лзыци, В — лзыцы) (В — л. 3 об.; В — л. 602 об.; К — л. 30 и об.; Ш — с. 126).

сербов и хорватов, поскольку они разбивают логическую организацию списка, рассекая целостные комплексы, наличествовавшие в первоначальном тексте. К вопросу о времени и месте появления интерполяций мы вернемся ниже. Первоначально список, очевидно, состоял из 7 групп.

1. «Священные языки» средневековья — латинский, греческий и еврейский. Эта группа целиком помещена только в З, и то в искаженном виде (*великий миръ, Греци, Палестни Иерсѣмъ*), в Б, В и К опущены Палестина и Иерусалим (Рим упомянут в искаженном виде: К — *роуми*, Б — *румири*, В — *роуимили*), в Ш нет и Рима (*римѣне*, о которых говорится ниже, это искаженное «армяне», так как они помещены в числе кавказских народов). Только благодаря З можно понять, что упоминание болгар, помещенных между греками и Палестиной, является интерполяцией, разрывающей триаду «священных языков». Несомненно, что *великий миръ* З — это «Великий Римъ». Иначе это чтение нельзя объяснить, так как упоминание в перечне стран и народов мира в значении ойкумены

бессмысленно. Правильность реконструкции подтверждается и искаженными чтениями Б, К и В (*румири*, *руми* и *румили* явно от *Румъ* — *Рим*). Сама перестановка букв (*Римъ* — *миръ*), вольная или невольная, достаточно обычна для кириллической традиции. Аналогичный случай имеем в русских списках другого памятника западнославянского происхождения — легенды Никольского (второго жития Вячеслава Чешского), где в прологе говорится о создании памятника *по вѣлѣнію побѣдѣтельнаго црѣ и августа миръскаго* (разрядка наша. — А. Т.) *Оты*, а ниже король Генрих назван *царемъ... Фратъскимъ и Римъскимъ*⁴³.

Помещение Рима в списке стран и народов на первое место имеет большое значение для выяснения датировки и происхождения всего сочинения. Такой порядок был бы оправдан, если бы речь шла о перечне вселенских патриархов, среди которых римский папа занимал первое место, но здесь список стран и народов. Древнейшие славянские сочинения постоянно дают иную последовательность перечисления «священных языков» (принадлежащую, впрочем, возможно, уже спискам, а не самим памятникам), как правило: еврейский, греческий, латинский⁴⁴; реже: еврейский, латинский, греческий⁴⁵. На первом месте латинский язык назван лишь в Пространном житии Мефодия, где говорится, что службу над его телом пели *латиньскы и гръчьскы и словѣньскы*⁴⁶. Есть поэтому все основания полагать, что тот порядок, который мы имеем в торжественном слове, указывает на создание памятника в области, находившейся в церковной юрисдикции римского папы и обладавшей славянской письменностью. В сочетании с другими особенностями перечня это одновременно и датирующий и локализирующий признак, указывающий на Моравию или Паннонию между 863 и 885 г., так как подобная ситуация в истории больше не повторялась. Болгария, склонная в 866—870 гг. признать главенство папы⁴⁷, не обладала в то время славянской письменностью (кроме того, болгары явно внесены в список позднее), против Чехии X—XI вв. свидетельствует отсутствие чехов в перечне.

2. Народы Кавказа. В данном случае мы следуем за Б, В, К и Ш, тогда как в З эта группа по ошибке помещена среди народов Ближнего и Среднего Востока⁴⁸. *Романе* (З), *рамане* (Б), *римане* (В), *римлане* (К, Ш) — безусловно, искаженное «армяне» (*ормане*). *Овазъоуе* (З), *овазгоу* (Б), *отвазги* (К), *овазгоу* (В), *овар'зи* (Ш) — абхазы и, возможно, абазинско-адыгейские племена Северного Кавказа. *Ивери* — грузины. *Аланесь* (З), *алане* (Б), *алани* (В, К), *алени* (Ш) — северокавказское ираноязычное племя, предки современных осетин, феодализирующаяся верхушка которых приняла христианство в VII в.⁴⁹ Если армяне и грузины принадлежат к числу древнейших христианских народов, обладающих собственной письменностью, то ни абхазы, ни аланы не совершали богослуже-

ния на родном языке: для первых литургическим языком служил грузинский⁵⁰, вторые в равное время пользовались грузинским и греческим. Впрочем, абхазы (авазги) упоминаются и в Житии Кирилла как народ со своей письменностью⁵¹.

Непосредственное отношение к этой группе имеют три этнонима, читающиеся в заключительной части 3 и отсутствующие в других списках: *ѡбѣжане*, *черькасове* и *ясове*. Скорее всего, это глосса одного из русских переписчиков, позднее внесенная в текст, так как здесь даны русские эквиваленты греческих названий народов Кавказа. Обежанами русские источники называют не абхазов (или, точнее, не только абхазов), несмотря на несомненную связь этнонимов *овазгоуе* и *ѡбѣжане*), а грузин (иверов)⁵². Труднее отождествить «черкасов» с овазгами, так как черкасами (черкесами) русские источники обычно называют лишь адыгейские племена Кубани и Северного Кавказа, а не родственное им население Абхазии. Ясы (*ясове*) русских источников соответствуют аланам византийских.

3. Народы Ближнего и Среднего Востока. *Индишане* (3), *инди* (Б, К, В, Ш) означают «христиан святого Фомы» на Малабарском берегу, куда христианство проникло в III—IV вв.⁵³ через посредство сирийцев. *Мидене* (Б, В, Ш — нет) — мидийцы, как народ для IX в. — анахронизм. Столь же анахронистично упомянуты *парфи* (3, Б, Ш), *парѣи* (К), *перѣи* (В). Персы, как и эфиопы, не требуют комментариев. Здесь наблюдается та же картина, что и с народами Кавказа: наряду с народами, обладавшими собственным литургическим языком (эфиопы) упомянуты персы и индийцы, литургическим языком которых был сирийский⁵⁴.

4. Германские народы. *Алѣмази* (3), *алмази* (Б, В, К, Ш) — очевидно, аламаны (алеманы), как предполагал еще М. П. Петровский⁵⁵, другое толкование во всяком случае предложить трудно. *Сѣпроуци* (3), *испроуци* (В), *испроузи* (К), *прѣци* (Б), *прѣзи* (Ш) — франки (от греческого *σπαργγοί*⁵⁶). Помещение этих народов в перечне не вполне понятно, так как они пользовались при богослужении латинским языком. Впрочем, Житие Константина различает латинских и франкских (спручских) епископов⁵⁷. *Саи* (3, Б), *Саси* (К, Ш), *сам* (В) — если чтение Ш не является заменой непонятого слова на понятное, то речь идет о саксах (неясно, в Германии или в Англии)⁵⁸. *Скыри* (3), *скири* (Б), *искири* (В), *скыфи* (Ш), *скиѡи* (К) — скиры, восточногерманский племенной союз эпохи Великого переселения народов, в VI в. разгромленный в Паннонии лангобардами. Чтение *скыфи* явно вторичное, возникшее в результате осмысления непонятого скыри. *Оуандили* (Б, В), *оуньдили* (3), *оуадили* (К), *андили* (Ш) — вандалы. *Египиди* (3, В), *еупиди* (К, Ш), *ечипиди* (В) — гепиды, восточногерманский племенной союз на Тисе и в Банате, разгромленный в 567 г. лангобардами и аварами, а в 601 г. византийским полководцем Приском⁵⁹. *Лоугъварди* (3), *лагварди* (Б), *лаго-*

вардии (К), *лаговариди* (Ш), *пачварди* (В) — лангобарды (лонгобарды), которых, быть может, следует рассматривать среди народов Италии. Перечисленные германские народы, помимо анахронизма упоминания в IX в. скиров, вандалов и гепидов, объединяет одна черта: кроме франков и саксов, все они первоначально исповедовали христианство арианского толка и пользовались при богослужении хотя и не родным, но близким, восточногерманским же, готским языком.

5. Народы Италии (и возможно — Далмации). *Власи* (З, В, К, Ш), *власы* (Б). Трудно сказать, кого понимает под этим именем автор слова: романское население Италии (в отличие от лангобардов) или романизированных аборигенов Далмации⁶⁰. *Сарди* — романоязычное население о. Сардиния. *Внѣтъци* (З), *внатци* (В), *вонѣтъци* (Б), *вѣнѣтици* (Ш), *венѣтици* (К), — Венеция, в данном случае, вероятно, романоязычное население города и прилегающего района, подвластных Византии. Не вполне понятно различие влавов, сардов и венецианцев. Впрочем, «венедици» как народ или область известны и «Повести временных лет»⁶¹, и «Слову о полку Игореве»⁶².

6. *Мравлене* (З), *маравлане* (Б, В), *моравлане* (К), *моревлане* (Ш) и различни (Б, К, Ш — и различи и; З — нет) *словене* (З — нет) не требуют комментариев. В общей для всех списков части перечня это единственный славянский народ, не интерполированный в текст позднее.

7. Народы Крыма. *Гууфи* (З, Б, Ш), *гууѣи* (К), *чюѣи* (В) — *готы* (*готфи*), которые во второй половине IX в. как самостоятельный народ сохранились только в Крыму⁶³. Ф. Добрянский, знавший лишь список В, предполагал здесь испорченное *чюди* (чудь — финно-угорские племена Прибалтики и Заволочья)⁶⁴. *Фили* (З, Б, Ш), *Ѡили* (К), *ѡилии* (В) торжественного слова, несомненно, соответствуют фулам (филам) Пространного жития Константина⁶⁵, обитавшим, как предполагается, в восточном или центральном Крыму⁶⁶.

Филами ограничивается общий текст перечня во всех списках. Далее в З упомянуто еще 9 народов, которых нет в Б, В, К и Ш. На первый взгляд, они расположены абсолютно бессистемно и производят впечатление позднейшей приписки. Этому, однако, противоречит ряд содержащихся в этой части перечня этнонимов. Порядок возникает, если рассматривать эту часть не саму по себе, а параллельно основному перечню. Тогда *египтане*, *соуране* и *еламити* дополняют группу народов Ближнего и Среднего Востока, *блатани* окажутся рядом с мораванами. Вопрос о сурожанах нужно рассматривать особо, но за ними следуют, бесспорно, русские эквиваленты греческих этнонимов: *ѡбѣжане*, *черѣкасове* и *ѡсове*, о которых уже шла речь выше, и *арани*. Очевидно, эта заключительная часть появилась на одном из этапов переписки памятника, в результате дополнения дефектного перечня по более полному списку или сверки

невнимательно сделанного списка с протографом. Внутренний порядок перечня к тому времени уже был забыт, поэтому все пропуски восполнялись в конце. При этом сначала были переписаны пропуски самого списка, а затем — русские глоссы к нему. Процесс формирования заключительной части мог быть и неодновременным, а совершаться в несколько этапов.

Египтани списка 3, очевидно, — копты, христианское монофизитское население Египта. Как и в Пространном житии Константина, египтяне отличаются здесь от арабов (*арани*) ⁶⁷, *Соурани* — сирийцы, один из древнейших христианских народов, до арабского завоевания активно распространявший христианство (несторианского толка) на Среднем Востоке и в Центральной Азии ⁶⁸. Распространенная апокрифическая традиция считала сирийский язык древнейшим на Земле ⁶⁹. *Еламита* — возможно, под этим именем подразумевается халдейское население нижнего Двуречья и Элама. О существовании христианства в Эламе после арабского завоевания сообщают источники первой половины IX в., правда, речь идет о живших там сирийцах и персах ⁷⁰.

Блатани. Источники не знают блатан как народа, но называют Коцела блатенским князем ⁷¹. Древность этого уникального свидетельства 3 не подлежит сомнению. Первоначальную славянскую часть перечня, вероятно, можно реконструировать следующим образом: *мравлене и блатани* (и, возможно, *и различни словене*). Эти народы населяли архиепископию Мефодия.

Сурожане. Истолкование этого имени относится к числу труднейших в перечне. Его русское происхождение не вызывает сомнений, это название жителей Сурожа (греч. Сугдейя, генуэзск. Солдаия, современный Судак) ⁷², восточнокрымского порта на Черном море, игравшего важную роль в международной торговле XIII—XV вв. Сложнее определить, к чему это слово служило глоссой. Есть два почти равнозначных варианта:

1. *Сугды* — согдийцы, жители южной части междуречья Амударьи и Сырдарьи. Глосса была сделана из-за созвучия с греческим названием Сурожа—Судака: сугды — Сугдейя. Слово, которое «объясняла» глосса, могло быть опущено на одном из этапов переписки. Этому варианту отождествления противоречит то обстоятельство, что сурожане помещены в перечне перед кавказскими народами, а не после них, как можно было бы ожидать, исходя из порядка групп в основной части списка (в Б, В, К, Ш); впрочем, при общей запутанности перечня в его нынешнем состоянии это не может служить веским аргументом.

2. *С8рожане* могут быть внесенной в текст глоссой к имени Фили, так как городище, наиболее обоснованно отождествляемое со средневековыми Фуллами, находится у с. Планерское (бывш. Коктебель) ⁷³, в окрестностях Сугдейи—Сурожа. С XII в. существовала объединенная архиепископия Сугдея и Фуллы ⁷⁴.

Решение этого вопроса имеет значение не только для исследования похвального слова, но и для понимания известного места в XVI главе Пространного жития Константина, где среди народов, обладающих своею письменностью и богослужебным языком, упоминаются и *соудги* ⁷⁵, которых одни исследователи склонны считать аланскими племенами восточного Крыма ⁷⁶, другие — среднеазиатскими согдийцами ⁷⁷.

Последним народом, помещенным в перечне (вслед за русской глоссой, поясняющей названия кавказских народов, о чем уже говорилось выше), являются *арапи* — быть может, глосса к опущенному *аравмане* (арабы), которых упоминает и Житие Константина ⁷⁸.

Поскольку в заглавии старшего списка похвального слова стоит имя Кирилла Философа, вполне оправданным представляется сравнение рассмотренного перечня с тем местом из XVI главы Пространного жития, где философ, полемизируя в Венеции с «триязычниками», говорит о народах, владеющих искусством письма и восхваляющих бога на своем языке ⁷⁹. Не считая «священных языков», в житии перечислено 12 народов (в слове, соответственно, — 32): армяне, персы, абхазы, грузины, согды, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне и сирийцы. Столь существенная разница, вероятно, вызвана разным назначением перечней: если в житии перечень является аргументом в пользу существования славянского письма и литургии (поэтому перечислены народы, обладающие собственной письменностью; относительно богослужебного языка этот принцип не выдержан последовательно ⁸⁰), то в слове скорее очерчены географические границы христианского мира (отсюда — включение ряда народов, пользующихся для литургии латинским, греческим и сирийским языками). Тем не менее здесь присутствует та же идея, что и в полемической речи Кирилла — идея равенства народов, выраженная в соответствии со средневековым мирозерцанием в форме их равенства перед богом ⁸¹. Отсутствие прямых выпадов против триязычной ереси может объясняться жанровыми особенностями памятника. Не исключено, что оба перечня имеют общий источник — полемическое сочинение Кирилла.

Отсутствие в перечне торжественного слова авар, турок и хазар может объясняться рядом причин. Простейшая из них — механический пропуск. Однако выше мы показали, что текст испытывал изменения и сознательного характера. Авар (обров) начитанный русский писец (а все сохранившиеся списки слова восходят к русскому протографу) мог опустить, зная из летописи, что они исчезли («погибоша»), хазар — как иудаистов; турки же и для русского XV в., и для серба XVI в., и для украинцев XVI—XVII вв. равно олицетворяли не народ, славящий Богоматерь, а злейших врагов христианства.

‡ Вопрос об узкой датировке памятника и его авторе может быть решен лишь с достаточной долей условности. Упоминание в перечне

народов блатан скорее всего говорит о том, что памятник возник не ранее 867 г., когда первоучители оказались в княжестве Коцела, а еще вероятнее, — не ранее 870 г., когда была воссоздана Сирмийская митрополия, включавшая Моравию и Паннонию (*мравлене и блатани*). Аргументы в пользу такой датировки можно найти в заключительной части памятника. Здесь читается просьба о заступничестве Богоматери перед Христом за «благочестивых князей наших и владыку» (Б, В, III) или за «благочестивого князя нашего и епископа» (З).⁸¹ Если допустить, что один из этих вариантов представляет собою первоначальный текст (что вовсе необязательно, так как в таких молениях объекты заступничества могут заменяться в зависимости от времени и места возникновения новых списков), то можно предложить две возможности:

1) 870 — не позднее 874 г., так как формула «князей наших» не могла быть употреблена в условиях Великой Моравии после того, как Коцел признал вновь юрисдикцию зальцбургского архиепископа⁸² или лишился власти и единственным суверенным славянским князем остался Святополк.

2) 874—885 гг., если принять чтение З. Епископ в данном случае обозначает представителя высшей церковной иерархии вообще.

Первая из датировок до некоторой степени находит подтверждение в пассаже, который опущен в З, но читается в Б, В, III, где князья и владыка строят богородичную церковь⁸³. Речь, вероятно, идет о кафедральном соборе в столице Великой Моравии, где в 885 г. был похоронен архиепископ Мефодий⁸⁴. Начало строительства собора, очевидно, явилось следствием учреждения архиепископской кафедры. Время создания слова, таким образом, следует скорее всего отнести к первой половине 870-х годов.

Такая датировка памятника, естественно, исключает авторство Константина-Кирилла, умершего в 869 г. и вопрос об авторе, таким образом, остается открытым. В настоящее время по этому поводу можно высказать лишь одно предположение. Известно, что в славянской рукописной традиции Константин-Кирилл нередко смешивался со своим учеником Константином Преславским (это касается и литературного наследия и даже фактов биографии)⁸⁵. Не является ли и в данном случае упоминание имени Кирилла Философа в заглавии списка З указанием на авторство Константина Преславского? Этот вопрос может быть решен лишь в результате стилистического анализа слова.

Возникнув в Великой Моравии, торжественное слово на Рождество Богородицы разделило судьбу всей славянской письменности, не сохранившись на своей родине, но получив известность во всем православно-славянском мире. Судьба его отмечена интерполяциями в перечне народов. С учениками славянских апостолов оно попало в Болгарию, где на рубеже IX—X вв. проблема обличения «три-

язычной ереси» оставалась животрепещущей. Внесенные в перечень народов болгаре явно сознательно помещены между греками и Палестиной, рассекая триаду «священных языков»⁸⁶.

Не позднее XI в. слово становится известно на Руси: позднее не могло бы появиться определение «новое стадо» в интерполяции (*Росъ великая новое стадо* — З, *Руси новое твоє стадо* — Б, В, Ш). В это время сочинение должно было пользоваться здесь популярностью из-за созвучия его заключительной части идеям «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона. Прилагательное «великая» не содержит в данном случае элемента противопоставления ее «малой», как это будет позднее (Великая Русь — Малая Русь)⁸⁷, а, по-видимому, означает восточных славян в целом (не Русь в узком значении этого слова — южнорусские земли)⁸⁸. В подобном же значении употребляют это сочетание и греческие источники, например *Notitia episcopatum* (в редакции, датируемой 1170—1179 гг.), где упоминается митрополия «Великой Руси» (τῇ μεγάλῃ Ῥωσῖα) и ее епископии⁸⁹.

Третья интерполяция — сербы и хорваты, рассекающая перечень германских народов, могла быть сделана и в Болгарии, и на Руси.

Попав на Русь через Болгарию, памятник видимо в XII—XIII вв.⁹⁰ вновь вернулся на славянские Балканы, теперь уже в русском списке. Болгарские списки слова неизвестны, но о их существовании свидетельствуют и списки Б и В, восходящие, очевидно, к болгарскому протографу (через промежуточные молдавские списки), и то, что сербы в этот период знакомились с русской книжностью преимущественно через болгарское посредство.

† Списки Б и В отразили еще два этапа истории памятника — распространение болгарской книжной культуры в Молдавии в конце XIV—XVI вв. и молдавско-украинские книжные связи XV—XVI вв.

¹ Сухомлинов М. И. О псевдонимах в древней русской словесности. — Изв. АН по ОРЯС. СПб., 1855, т. IV, вып. III, стб. 117—159; Петухов Е. В. К вопросу о Кириллах-авторах в древнерусской литературе. Сб. ОРЯС. СПб., 1887, т. 42; Никольский Н. К. К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу. — Изв. АН СССР, по РЯС. Л., 1928, т. I, кн. 2, с. 397—457.

² Никольский Н. К. К вопросу. . . , с. 403.

³ ОР ГИМ, Музейное собр., № 1779, Златоуст постный и цветной. Посл. четв. XV в. (филигрань «голова быка с крестом и змеей» близка к № 14551 альбома Брикe — 1482 г.). Полуустав, 367 л., 40. Слово занимает л. 104 об.—113 об. Правописание русское, без выраженных следов «второго южнославянского влияния» в орфографии (можно лишь отметить систематическое употребление *ou* независимо от позиции; *i* употребляется редко и нерегулярно). Постоянно встречаются восточнославянские формы *тобѣ*, *собѣ* (л. 105), *рожьшю*, *ражаеть* (л. 107 об., 108) и др. Рукопись, очевидно, происходит из Северо-Восточной Руси (но не из Москвы), так как в орфографии отсутствуют диалектные особенности. Встречающиеся на первый взгляд примеры мены *ѣ* и *и* (*поистѣикъ* — л. 112, *вличаютъ* — л. 112 об. и др.) не отражают особенностей

живых говоров (Новгород, Север или Украина), а возникли при переписке под влиянием последующего гласного.

⁴ См. примеч. 1.

⁵ Обычно на этот день в списках Златоустов XV—XVII вв. помещается «Повесть о неседальном» («Повесть о иже перси и варвари осаждаху Царствующий град»), повествующая об осаде Константинополя в 626 г. войсками шаха Хосроя I и его аварскими союзниками, заимствованная из Синаксаря Триоди постной, переведенного в первой половине XIV в. на Афоне (см.: Попов Г. Новотворенное сведение за переводачката дейност на български книжовници от Света гора през първата половина на 14 в. — Български език, 1978, № 5, с. 402—410). В более ранних триодных Торжественниках на этот день изредка читается слово Кирилла Александрийского (которого тоже именовали философом) о похвале Богородицы (ГБЛ, ф. 304. I, № 9, конец XIV в.), но с нашим словом, кроме заглавия, этот памятник не имеет ничего общего.

⁶ Описание рукописи см.: Vašica J., Vajs J. Soupis staroslovanských rukopisů Národního musea v Praze. Praha, 1957, s. 112—114 (здесь она ошибочно названа отрывком Пролога).

⁷ Описание рукописи см.: Добрянский Ф. Описание рукописей Виленской Публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильно, 1882, с. 205—216. Фотокопия Вильнюсского списка была любезно предоставлена нам заведующей ОР ЦНБ АН Литовской ССР Е. Д. Трейнене.

⁸ ОР ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 1502. Торжественник минейный, без начала (л. 1 соответствует л. 8 старой нумерации). Вторая четверть XVII в. (филиграни: «виноградная гроздь под короной», типа Хивуд 1040—1637 г.; «двуглавый орел с «базельским посохом» на груди», типа Хивуд 1303—1644 г.; «единорог» неустановленного типа). 235 л., 1^я. Судя по подстрочной записи на л. 10, 53, 86, сделанной скорописью XVII—XVIII вв., рукопись в это время принадлежала Никольскому Змиевскому монастырю на Харьковщине. Почерк — полуустав, так называемый «молдавский», характерный и для украинских рукописей XVI—XVII вв. Православные восточнославянские, со следами среднебългарского (молдавского) протографа. Изредка встречается ж (попържидити — л. 3 об.), наблюдается отражение «мены юсов» (мджварди — л. 3 об., в м. лжжварди — лонгобарды) и мена ы и и (и дом ты (в м. ти) съзидуют — л. 4). Употребление «твердого» р (расны — л. 1, в м. рдсны) указывает на происхождение писца списка из Белоруссии или с украинско-белорусского пограничья. Памятник занимает л. 1—3 об.

⁹ Описание рукописи см.: Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1891, вып. I, с. 204. Текст памятника занимает в рукописи л. 27 об.—31. Данный список стал нам известен уже после завершения основной работы над статьей, поэтому здесь его удалось использовать лишь частично. Еще один список памятника, оставшийся нам недоступным, содержится в молдавской (судя по составу, восходящей к восточнославянскому оригиналу) рукописи минейного Торжественника третьей четверти XVI в., хранящейся в Музее сербской православной церкви в Белграде (МСПЦ 25; Крушедоль В. В. 8, л. 31 об. — 35 об.). Описание рукописи см.: Петкович С. Опис рукописа манастира Крушедола. Сремски Карловци, 1914, с. 154, № 70. Уточнение датировки и извода см.: Богдановић Д. Инвентар ћирилических рукописа у југославији. Београд, 1982, с. 78, № 1053. К какой редакции относится данный список памятника по описанию установить нельзя.

¹⁰ Не исключено, впрочем, что в данном случае мы имеем образец универсального слова на богородичные праздники, подобный «Слову на память апостола или мученика» Климента Охридского.

¹¹ В работе Е. Э. Гранстрем «Иоани Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XV вв.)» (ТОДРЛ, Л., 1980, т. XXXV, с. 345—375),

- посвященной славянским сочинениям, приписываемым в рукописях Иоанну Златоусту, памятник не отмечен.
- ¹² *Добрянский Ф.* Описание... , с. 216.
- ¹³ *М. П.* Слово на Рождество Богородицы по рукописи Музея Чешского королевства, относимой к XVI в. — ИОРЯС, СПб., 1902, т. III, с. 118—126.
- ¹⁴ *М. П.* Слово... , с. 116.
- ¹⁵ ОР ГИМ, Чудовское собр., № 203 (61), XV в.; ОР ГБЛ, ф. 173.1, № 88, 1520-е гг.; ф. 304.1, № 670, первая половина XVI в.; ОР ГИМ, Синодальное собр., № 169, вторая четверть XVI в.; ОР ГБЛ, ф. 37, № 421, вторая половина XVI—начало XVII в. и др. Текст издан: Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1866, стб. 417—422.
- ¹⁶ До слов: *О чудо, всех чудес пречюнейшее* (ВМЧ, стб. 420).
- ¹⁷ *М. П.* Слово... , с. 115—117.
- ¹⁸ *Никольский Н. К.* К вопросу... , с. 407—408. Отсутствие соответствующего греческого текста отмечали уже издатели ВМЧ (стб. 417, примеч.).
- ¹⁹ Описание рукописи см.: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980, с. 148.
- ²⁰ О складывании состава ВМЧ см.: *Кучкин В. А.* О формировании Великих
- ²¹ *Миней Четий митрополита Макария.* — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 86—100.
- Пропуски текста в 3 обычно соответствуют половине строки. Это объясняется, вероятно, тем, что протограф списка был написан в два столбца и обладал меньшей длиной строк. Многочисленны и ошибки, например: *бес чо* (л. 109) вм. *без чоука* (Б, В, III); *свие жѣмѣ* (л. 109 об.), вм. *совие племя* (Б, В, III) и др.
- ²² З, л. 110 и об. Словословие разрывает текст, вклиниваясь между фразами «Тебя славят ангельстии сборы» и «Тебя хвалят святых чинов».
- ²³ З оканчивается словами: *заступи от всякие рати, видимыя и невидимыя*; в Б, В, III текст продолжается (см.: *М. П.* Слово... , с. 125—126).
- ²⁴ *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание Великих Четых Миней Макария, митрополита всероссийского. — ЧОИДР, 1884, кн. 1, отд. 2, с. 5.
- ²⁵ *Сперанский М. Н.* Славянские апокрифические евангелия. — Труды VIII Археологического съезда. М., 1895, т. II, с. 58—62.
- ²⁶ Богословская энциклопедия. СПб., 1910, т. XI, стб. 415.
- ²⁷ Библиографию публикаций текстов Первоевангелия см. там же, стб. 415—416.
- ²⁸ Случаи самостоятельного перевода отрывков Первоевангелия для торжественных слов в древнейший период славянских литератур отмечает М. Н. Сперанский (*Сперанский М. Н.* Славянские апокрифические евангелия, с. 161); см. также: *Климент Охридски.* Сѣбрани съчинения. София, 1970, т. 1, с. 158.
- ²⁹ Старший список Пространного жития Константина (ОР ГИМ, собр. Барсова № 619) датируется началом XV в., старший кирилловский список первого жития Вячеслава Чешского — начало XVI в. (ОР ГБЛ, ф. 256, № 436). «Беседа Козмы Пресвитера» представлена списками не ранее конца XV в. Этот перечень нетрудно продолжить.
- ³⁰ З, л. 113: *О блаженная малѣжена, Иоакиме и Анна*; ср.: *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1968, d. II, seš. 17, s. 183.
- ³¹ См.: *Давидов А.* Речник-индекс на Презвитер Козма. София, 1976, с. 156.
- ³² *Внѣтрѣ оудюу трѣхны златы ѡдѣна.*... — З, л. 105 об. В торжественниках читается позднейшее: *рѣсны* (III), *расны* (Б) и искаженное *красны* (В).
- ³³ См.: *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1928, с. XXI, 28 (примеч.).
- ³⁴ Там же, с. 100.
- ³⁵ Там же, с. XX—XXI. Шифр рукописи, не указанный у Лаврова, — ОР ГИМ, собр. Барсова, № 619. Список датируется началом XV в. См.: *Лёвочкин И. В.* Древнейший список Пространного жития Константина Философа. — СС, 1983, № 2, с. 75—79.

- ³⁶ Ср. — Лавров П. А. Материалы. . . , с. 28, 61.
- ³⁷ Там же, с. XX.
- ³⁸ Там же, с. 29.
- ³⁹ У П. А. Лаврова (там же, с. XX) ошибочно указано, что Барсовская рукопись дает исправное чтение.
- ⁴⁰ Там же, с. 181.
- ⁴¹ Евангельская цитата в Слове («се же отныне блажать мя вси роди, им же сотвори мне величие силно (!) и свято имя его и милость его в род и род и род на боящихся его») соответствует стихам 48—51 главы I Евангелия от Луки. В древнейший перевод служебного Евангелия, выполненный Константином, входит лишь часть приведенного текста, до слов «свято имя его» включительно (см.: Остромирово Евангелие 1056—1057 гг., хранящееся в имп. Публичной библиотеке. СПб., 1883, л. 217, а—б; ср. другие списки евангелий-апракос). Текст цитаты отличен и от перевода Четвероевангелия, выполненного Мефодием с учениками (*се бо отъселе блажуть мя вси роди, еко сътвори мене величие силнии и свято имя его, и милость его въ родъ и родъ боющимся его*. — Добромислово евангелие. Български паметник от началото на XII в. София, 1975, с. 106), и наиболее близок к редакции, возникшей в XIV в. (ср.: Библия. Острог, 1581, л. 27 в — «се бо отныне блажать мя вси роди, яко сътвори мене величие силнии и святое имя его и милость его в род и род на боящимся (!) его»). О редакциях перевода Евангелия см.: Жуковская Л. П. О переводах Евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского евангелия. — В кн.: Славянское языкознание. М., 1959.
- ⁴² Аналогичный пример находим в Похвале Иоанну Богослову Иоанна Экзарха (X в.), где в списке XIV в. евангельский текст также дан по четвертой редакции. См.: Иванова-Мирчева Д. Иоанн Экзарх Български. Слова. София, 1971, с. 127.
- ⁴³ Никольский Н. К. Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909, с. 6—7. В латинском оригинале упоминание Рима отсутствует.
- ⁴⁴ См.: Лавров П. А. Материалы. . . , с. 28, 30, 61, 62 (Пространное житие Константина); 72 (Житие Мефодия).
- ⁴⁵ Там же, с. 97 (Похвальное слово Константину Философу).
- ⁴⁶ Там же, с. 78.
- ⁴⁷ См.: Златарски В. Н. История на българската държава през средните векове. София, 1971, т. 1, ч. 2, с. 105—166.
- ⁴⁸ Это перемещение в 3, возможно, объясняется тем, что в протографе цифра 9 (ε), стоявшая перед индийцами, была затерта и ошибочно прочитана писцом как 5 (ε).
- ⁴⁹ Дворник Ф. Миссии греческой и западной церковей на Востоке в средние века. М., 1970, с. 5; Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981, с. 136.
- ⁵⁰ Сказания. . . , с. 136.
- ⁵¹ Лавров П. А. Материалы. . . , с. 30, 62; Сказания. . . , с. 136.
- ⁵² См.: Папаскири Э. В. К вопросу о международной роли Грузии в XI—первой половине XII в. — Проблемы истории СССР. М., 1974, вып. V, с. 115—128.
- ⁵³ Дворник Ф. Миссии. . . , с. 3; Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979, с. 22, 228.
- ⁵⁴ Сказания. . . , с. 137.
- ⁵⁵ М. П. Слово. . . , с. 124, примеч.
- ⁵⁶ Лавров П. А. Материалы. . . , с. 28.
- ⁵⁷ Сказания. . . , с. 130.
- ⁵⁸ Несмотря на то, что В дает искаженное чтение, оно подтверждает чтение К и П, так как выносное ж в первом случае скорее всего появилось в результате ошибочного прочтения выносного же си.

- ⁵⁹ В Аламанских анналах под 789 г. под именем вандалов фигурирует славянское племя велетов (см.: ММФН, d. I, s. 32), но к нашему перечню такое переименование имени не имеет отношения. Гепиды упоминаются Равеннским анонимом (ММФН, d. III, s. 281—282) и в «Обращениях баваров и хорутан» (Ibid., s. 303).
- ⁶⁰ О влахах-волохах см.: *Королюк В. Д.* «Волошская земля» и формирование восточнороманской (волошской) общности. — В кн.: Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1980, с. 28—44 (на с. 42 — библиография вопроса).
- ⁶¹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, т. 1, с. 10.
- ⁶² Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800, с. 22.
- ⁶³ Сказания. . . , с. 136; *Дворник Ф. Мисси.* . . , с. 9—10.
- ⁶⁴ *Добрянский Ф.* Описание. . . , с. 216.
- ⁶⁵ Ф. Добрянский (*Добрянский Ф.* Описание. . . , с. 216), очевидно, по ассоциации с «чюфами» = «чюдью» предполагал здесь испорченное «финны».
- ⁶⁶ Сказания. . . , с. 122.
- ⁶⁷ Там же, с. 136.
- ⁶⁸ *Пигулевская Н. В.* Культура. . . , с. 21—29; *Дворник Ф. Мисси.* . . , с. 2—3.
- ⁶⁹ В начале не создал бог ни еврейского языка, ни римского, ни греческого, но сирийский, на котором говорил и Адам. — Сказание черноризца Храбра (Сказания. . . , с. 103).
- ⁷⁰ *Пигулевская Н. В.* Культура. . . , с. 45.
- ⁷¹ *Лавров П. А.* Материалы. . . , с. 29, примеч.
- ⁷² См.: *Сыроечковский Е. В.* Гости-сурожане. М., 1935, с. 24.
- ⁷³ Сказания. . . , с. 122.
- ⁷⁴ *Васильевский В.* Русско-византийские исследования. СПб., 1893, вып. II, с. 124—126.
- ⁷⁵ Сказания. . . , с. 136.
- ⁷⁶ *Васильевский В.* Русско-византийские исследования, с. 126; *Лавров П. А.* Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві. Київ, 1928, с. 34; *Дворник Ф. Мисси.* . . , с. 9.
- ⁷⁷ Сказания. . . , с. 136. В пользу согдийцев, безусловно, свидетельствует факт наличия у них письменности, в то время как о жителях Сугдейи—Сурожя такие сведения отсутствуют.
- ⁷⁸ Сказания. . . , с. 136.
- ⁷⁹ *Лавров П. А.* Материалы. . . , с. 30, 62.
- ⁸⁰ Сказания. . . , с. 136.
- ⁸¹ Там же, с. 137.
- ⁸² Там же, с. 159.
- ⁸³ *Во (В — его) имя твоє и (В — нет) дом ты (В — ти), сзидують (В — сожигают, III — сзда) предобреи (III — предобрѣ), оукрашены (III — и оукрашенѣ) красотаи различными, златом и сребром (III — сребромъ, яко солнце сияючи в немъ) и онеми всеми оукрашен добротаи (III — инымыъ всем оутвором добромъ) — Б, л. 4.*
- ⁸⁴ *Положиши и въ съборнѣи цркви (Пространное житие Мефодия. — В кн.: Лавров П. А. Материалы. . . , с. 78); Лежить же въ велициа цркви Моравѣстѣи. . . за алтаремъ свѣтѣхъ Богородицѣхъ (Проложное житие Константина и Мефодия. — Там же, с. 101).*
- ⁸⁵ См.: *Зыков Э. Г.* О литературном наследии Константина Преславского. — Старобългарска литература. София, 1978, т. 3.
- ⁸⁶ См.: *Попов Г.* За едно споменавање на триезичници в Битолски триод. — Там же, с. 86—90.
- ⁸⁷ См.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1976, с. 7—35.
- ⁸⁸ См.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

- ⁸⁹ *Gelzer H.* Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum. Ein Beitrag zum byzantinischen. — Abhandlungen der philosophisch-philologischen Classe der königliche bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1901, Bd. XXI, S. 585, 587.
- ⁹⁰ См.: *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянской литературы (Русские памятники письменности на юге славянства). — Изв. ОРЯС, Пг., 1923, т. XXVI, с. 143—206 (То же см. в кн.: *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских связей. М., 1960, с. 7—54.

А. И. РОГОВ

ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ В ПИСЬМЕННОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Память о Великой Моравии в Древней Руси сохранялась постоянно. Она была неизгладима в историческом сознании народа, поскольку с ней были связаны имена словенских первоучителей Кирилла и Мефодия, давших русскому народу, как и другим славянским народам, азбуку и письменность. Историческая, как и агиографическая литература были хранительницами памяти о Великой Моравии, не только как о древнейшем и могущественном славянском государстве, но и как о первом христианском из них, как общем для всех славян эпицентре их культурного развития.

Все русские летописи, в основе которых лежит Повесть временных лет, хорошо знают славянское племя мораван. Во вступительной части Повесть временных лет, отметив, что первоначально славяне жили по Дунаю, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска»¹, говорит об их последующем разделении, и первыми из разделившихся из единого племени славян называют именно мораван: «Яко пришедшее сегодоша на реце имянем Морава, и прозвашася морави»². Едва ли можно считать случайным то особое внимание, какое в этом месте летописи уделяется мораванам. Н. К. Никольский, вслед за А. А. Шахматовым полагавший, что вводная часть Повести временных лет некогда составляла единое целое со «Сказанием о предложении книг», помещенным в летописи ниже, считал, что такое выдвижение на первое место из всех славян мораван является признаком моравского происхождения того памятника, которым воспользовался русский летописец³. Оставляя пока в стороне вопрос о реальности существования этого гипотетически реконструируемого древнейшего памятника исторической мысли славян, необходимо заметить, что и сам русский летописец мог выдвинуть мораван на столь почетное место, хорошо зная из житий Кирилла и Мефодия, сколь большую роль сыграла Моравия у истоков христианизации славянства и создания его самобытной письменности.

Собственно об истории Великоморавского государства Повесть временных лет сообщает под 898 г., т. е. под датой, которая завершает

историю этого обширного и могущественного славянского государства. В 898 г. произошло опустошительное нашествие венгерских племен, прошедших через Карпаты в Паннонию. Великоморавское государство, ослабленное как внутренними противоречиями, так и напором франков с Запада, вскоре прекратило свое существование. Однако его великое культурное наследие, и прежде всего славянская письменность и кирилло-мефодиевские традиции, остались неизгладимыми в истории других славянских народов. Как исток своей культуры великоморавское наследие рассматривали и на Руси. Этот взгляд утвердился в ней тем более прочно, что древнерусское историческое мышление исходило из исторического единства славян, их глубокого родства и непрерываемой общности. Основным признаком этого единства и общности по Повести временных лет выступает язык, который рассматривался летописцем в непосредственной связи с письменностью. «Бе един язык словенск», — замечает летописец. Вот почему сведения о Великоморавском государстве мы находим в Повести временных лет в рамках именно той статьи под 898 г., которая посвящена главным образом истории славянской азбуки и переводу книг на славянский язык. В русском источниковедении принято называть эту статью «Сказание о преложении книг». Такое условное название (статья не имеет заголовка) дано ей А. А. Шахматовым⁴, но интерес к содержащимся в ней сведениям возник гораздо раньше и относится еще к началу XIX в. На эту летописную статью обратил внимание известный чешский славист Й. Добровский. К их суждениям о происхождении и времени возникновения этого произведения мы еще вернемся. Сейчас же остановимся на содержании и составе этой статьи.

Следует сразу же отметить, что история Великой Моравии рассматривается в ней почти исключительно в связи с миссией Кирилла и Мефодия. Ни о предшествующем периоде истории этого государства, ни о его последующих судьбах, ни о его гибели под напором венгерского завоевания мы ничего не найдем в летописной статье, если, правда, не считать замечания о том, что угры «начаше воевати на мораву и на чехи». Что же касается сведений о Кирилле и Мефодии, то они в основном соответствуют тому, что мы знаем из славянской агиографической литературы о Кирилле и Мефодии. Но в летописной статье имеются и некоторые сведения, отличающиеся от того, что мы знаем по житиям славянских первоучителей. Можно указать на четыре основных таких отличия: 1) если в житиях говорится, что посольство из Великой Моравии в Византию было направлено от трех князей, то в летописи речь идет только о Ростиславе; 2) в летописи говорится, что император Михаил обратился в Солунь к отцу Кирилла и Мефодия Льву, чтобы исполнить просьбу великоморавского посольства, по житиям же в это время Льва уже не было в живых; 3) летопись сообщает, что Кирилл изобрел азбуку уже приидя

«в Словенскую землю к Ростиславу, и Святополку и Къцьлови», тогда как согласно житиям это было сделано до прихода к славянам; 4) в житиях нет сведений о том, что Кирилл «взвратився въспять и иде учить болгарьского языка», как это мы читаем в летописи⁵.

Естественно, возникает вопрос, чем вызваны эти расхождения между летописью и житиями: зависят ли они от какого-то особого источника, бывшего в распоряжении летописца, или являются отражением каких-то не дошедших до нас редакций жития Кирилла и Мефодия, или мы имеем дело просто с искажением, неточной передачей летописцем имеющихся в его распоряжении источников. Разумеется, окончательно и категорично избрать один из этих возможных вариантов решения вопроса с источниковедческой точки зрения было бы неосмотрительно. В настоящее время общепринятой считается точка зрения Д. С. Лихачева о том, что жития переданы в летописной статье без непосредственного обращения к их текстам, по памяти, что и обусловило неточность передачи содержащихся в них сведений⁶. Во всяком случае ни в каких других источниках эти особенности соответствия не находят.

Но зато в летописной статье есть некоторые другие особенности уже не фактического, а текстуального характера, которые восходят к совершенно определенному источнику, а именно — Легенде Кристиана. На эту общность обратил внимание еще Й. Добровский, впрочем, полагавший, что это указывает на крайне позднее, не ранее XIV в. происхождение летописной статьи⁷, поскольку Легенду Кристиана он датировал именно XIV в. Эта точка зрения не соответствует современным взглядам ученых ни на время возникновения Повести временных лет, ни на время создания Легенды Кристиана. Повесть временных лет даже в своей последней редакции датируется не позднее начала XII в., а Легенда Кристиана — X в., как считает подавляющее большинство ученых.

Но черты сходства между двумя памятниками, которые заметил еще на заре научной славистики пылливый чешский исследователь, заслуживают всяческого внимания. Как было сказано, они носят скорее текстуальный, чем фактический характер⁸. В основном они касаются как раз интересующей нас темы о Великой Моравии. Ее наименование «Морава» (*Moravia*) в обоих памятниках чередуется с обозначением «Словенская земля» (*Regio Sclavorum*). Поставление Мефодия оценивается в обоих памятниках как дело моравского князя, хотя, конечно, рукополагал его папа. Распространение грамоты в Болгарии также оценивается как прямое наследие Великой Моравии.

Чешский исследователь О. Кралик полагает, что есть одно совпадение названных памятников, которое касается фактической стороны деятельности Кирилла и Мефодия. Ни статья Повести временных лет, ни Кристиан не говорят о переводческой деятельности Кирилла

на Балканах еще до приезда в Великую Моравию. О. Кралик считает, что это «умолчание» было сделано для большего возвеличивания Великой Моравии⁹. С этим, однако, трудно согласиться. Во-первых, просто пропуск известия в разных памятниках мало о чем может свидетельствовать, если смотреть на это без предвзятости. Во-вторых, известие о деятельности Кирилла на Балканах до приезда в Великую Моравию (так называемая миссия на р. Брегалнице) сообщают лишь поздние, не ранее XIII в., источники, в частности, так называемое Успение Кирилла¹⁰.

И все же определенный «проморовский» крен в отмеченных выше текстуальных совпадениях памятника ощущается. В Легенде Кристиана он выглядит совершенно естественным, так как в центре внимания ее автора собственно и находятся судьбы Моравии и Чехии. В летописной же статье этот интерес к Великой Моравии весьма знаменателен. Он не ограничивается только названными выше чертами. В завершении летописной статьи делается экскурс в историю древнейших судеб христианства в Моравии, и в связи с этим говорится, что Мефодий был прямым преемником апостола Андроника, ученика апостола Павла. Но мало того, по словам летописи, «в Моравии . . . ходил и апостол Павел и учил ту»¹¹. Таким образом, оказывается, что не только равноапостольные Кирилл и Мефодий, но и апостолы, в том числе и один из первоверховных — Павел, сами и непосредственно посеяли семена христианства в Моравии. Об историчности таких сведений говорить не приходится. Но важно отметить, что летопись тем самым еще более высоко, чем просто страну, где учили Кирилл и Мефодий, поднимала авторитет Великой Моравии в глазах древнерусского читателя. И летописец в связи с этим считает нужным еще и еще раз подчеркнуть, что Моравия — это та земля, где первоначально жили славяне, их прародина («ту бо беша словене первое»). А потому и русские как славяне являются ее наследниками, как и наследниками учения, в ней распространившегося. «От него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел, понеже учил есть язык словенск», — торжественно отмечается в летописной статье¹².

Таким образом, летописцем воедино оказываются связаны вопросы этнического, церковного и культурного сознания. Это вполне соответствует общей концепции самосознания в Киевской Руси, так как оно выражено как в памятниках ее летописания, так и в других памятниках древнерусской письменности¹³. Именно в контексте этой идеологии и следует рассматривать летописную статью 898 г., не вырывая ее из текста летописи.

Между тем в науке едва ли не господствующей является точка зрения о том, что летописная статья 898 г. должна рассматриваться как дополнительная вставка в основную ткань летописи. Не принимая этот метод изучения статьи, мы тем самым не снимаем, разумеется,

вопроса о ее источниках. Частично этот вопрос затронут выше. Рассмотрим его теперь специально.

Прославленный исследователь русского летописания А. А. Шахматов видел в статье 898 г. как бы осколок от недошедшего до нас памятника, который он условно назвал «Сказание о преложении книг». Исследователь реконструировал этот памятник следующим образом. По его мнению, первая часть восстанавливается на основе вступительной части Повести временных лет, где говорится о расселении народов, вторая часть является как раз основой статьи 898 г., а третья часть использована в полемическом антикатолическом сочинении «Еже на латину», опубликованном в свое время А. Н. Поповым¹⁴ и известном также по Толковой палее ее русской так называемой хронографической редакции, датируемой XV в. По мнению А. А. Шахматова, этот памятник был «южнославянским». Не претендуя на более точную датировку реконструируемого им памятника, и более точно — о месте его возникновения, А. А. Шахматов считал, что к XII в. он уже существовал. В Повесть временных лет он попал, по мнению исследователя, лишь во вторую ее редакцию, составленную выдубицким игуменом Сильвестром в 1116 г.

Гипотеза А. А. Шахматова, высказанная им в 1908 г., не вызвала сколько-нибудь существенных возражений в науке (хотя по сути дела ничем и не могла быть подтверждена) и оставалась единственным суждением о статье 898 г. вплоть до 1930 г. В этом году вышла в свет в известной мере сенсационная работа Н. К. Никольского «Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры». Она целиком посвящена интересующей нас летописной статье¹⁵. Н. К. Никольский выдвинул в ней идею о том, что летописная статья — это часть западнославянского сочинения, использованная в древнейшей киевской летописи повествующей о полянах и в свою очередь вошедшей в древнейший летописный свод еще в начале XI в., и в его составе значительно переработанная. Н. К. Никольский исходил при этом из предположения, что не только византийско-болгарскую, но и моравско-чешскую основу имели у своих истоков христианство Древней Руси, ее письменность и культура.

В том, что древнерусская письменность была знакома с великоморавским, как и древнечешским культурным наследием, в настоящее время едва ли кто может сомневаться¹⁶, но о существовании западнославянского исторического сочинения на старославянском языке ничего неизвестно, и поэтому, по справедливому замечанию Г. А. Ильинского, такое сочинение «остаётся пока миражом»¹⁷. Но тот же Г. А. Ильинский обращает внимание на общие черты между летописью и Легендой Кристиана, выше уже нами отмеченные, и в связи с этим указывает на сочинение «Epilogus Moraviae et Bohe-

тіае», цитируемое Козьмой Пращским, как на возможный общий источник Кристиана и летописи.

Точку зрения Г. А. Ильинского развил впоследствии Р. О. Якобсон. «Eriologus» он считает латинским переводом славянского великоморавского сочинения. Именно в том виде, по мнению Якобсона, его знал Кристиан, тогда как русский летописец получил его в славянском варианте, хотя уже до этого переработанном и дополненном на Руси¹⁸. С точкой зрения Якобсона вполне солидаризируется и О. Кралик¹⁹.

При всей заманчивости этой схемы в ней не более вероятности, чем в «мираже» Н. К. Никольского. И трудно представить себе решение этой проблемы сколько-нибудь убедительным образом, пока наука будет располагать тем фондом источников, который имеется в наличии в настоящее время.

Следует сказать также и о высказанном болгарским историком К. Мечевым утверждении о болгарском происхождении «Сказания о преложении книг»²⁰. Его точка зрения опирается на скользь брошенное замечание В. Златарского по поводу того, что «Сказание» попало в Повесть временных лет под 898 г. по той причине, что именно в этом году на соборе в Преславе славянский язык был объявлен официальным языком первого Болгарского царства²¹. Тогда-то, как предполагает К. Мечев, и было составлено «Сказание о преложении книг», и под этим именно годом оно попало в русскую летопись. Большим упущением в системе аргументации болгарского исследователя является то, что он не столько анализирует содержание самой статьи 898 г., сколько говорит вообще о внимании Повести временных лет к событиям болгарской истории, что само по себе бесспорно, но прямо не связано с настоящей проблемой. Особенно К. Мечев подчеркивает то место в летописной статье, где говорится о сохранении славянской грамоты на Руси и «в болгарях», считая его доказательством болгарского происхождения «Сказания». В связи с этим необходимо помнить, что «Сказание» попало в русскую летопись не в первоизданном, а в переработанном виде. Летописец не мог не считаться с тем, где в его время реально сохранялась славянская письменность.

Но вернемся собственно к летописной статье 898 г., к ее судьбам в более позднем русском летописании. В Новгородской I летописи эта статья осталась неизвестной, так как она опиралась, как показал А. А. Шахматов, не на Повесть временных лет, а на Начальный летописный свод 1093 г., где не было многих статей, собственно и превративших русский летописный свод в то, что мы называем Повестью временных лет²². К ней, в частности, и к статье 898 г. новгородцы не обращались и впоследствии. Их гораздо более занимали собственные региональные интересы.

Иначе дело обстояло с московским летописанием, возникшим на

базе владими́ро-сузда́льского, кстати непосредственно связанного со 2 Сильвестровской редакцией Повести временных лет²³, в которую, по мнению А. А. Шахматова, и была включена статья, составитель которой использовал «Сказание о преложении книг»²⁴.

При составлении Хронографа 1512 г. — сочинения по всемирной истории — эта статья, как и многие другие, была значительно сокращена. Завершалась она, впрочем, той же мыслью о насаждении христианства среди славян апостолом Павлом. Но что особенно удивительно, в хронографической переработке исчезло полностью упоминание о Великой Моравии. В ней говорится, что Кирилл и Мефодий «преложиша святѣя книги от греческаго языка на словеньскы»²⁵, но где они сделаны, не сказано. В то же время в Хронографе есть характерный хронологический отсчет, в котором указывается, что «преложение книг» произошло «от крещения Болгарского 30 лет». И вообще в рассматриваемой хронографической статье явно чувствуется отражение тех тенденций повышенного интереса к южным славянам, который характеризует содержание Хронографа в целом²⁶. Неслучайно среди народов, воспринявших наследие первоучителей, названы «болгаре же и словене и сербы и арбанасы и басане и русы».

Правда, хронограф упоминает один раз Мораву, но трактует это географическое понятие совершенно превратно, а именно — как «во Испании град Морава». Поздним спискам памятников кирилло-мефодиевского цикла на русской почве свойственна путаница такого рода, когда Паннония превращается в Канон, который затем путается с Катанией, где согласно некоторым проложным спискам оказывается епископом Кирилл²⁷. Точно так же и здесь Паннония превращается в Испанию, а Моравия из страны становится городом в этом государстве²⁸.

Как известно, Никоновская летопись — очень сложный и все еще слабо изученный памятник московского летописания XVI в., представлявший собой грандиозный свод обширнейшего летописного материала, широко использовала материалы хронографа²⁹. Включила она в свой состав и хронографическую статью «О преложении книг». Однако своей краткостью она явно не могла удовлетворить составителя Никоновской летописи, столь живо интересовавшегося древнейшими периодами в истории Русского государства. Вот почему передав текст хронографа, составитель летописи восполняет его текстом традиционной летописной статьи, добросовестно отмечая при этом в подзаголовке: «От иного летописца»³⁰. Впрочем из своего второго источника летописец заимствует не новые фактические данные (тут скорее можно отличить повтор — снова рассказ о поставлении Коцелом Мефодия и снова в Испании), а гораздо более развернутое рассуждение о проповедничестве среди славян апостолов Павла и Андроника вновь и вновь для доказательства того, что Русь через

принадлежность к славянству ведет свое просвещение от первоверховного «апостола языков».

В Московской Руси XVI в., где почти официальным памятником стало «Сказание о князьях Владимирских», ведущее родословие русских князей от Августа, где торжествует церковная идея — Москва — третий Рим, такое настойчивое подчеркивание восхождения ее христианства к апостолу Павлу представляется вполне осознанным и закономерным.

К числу больших обобщающих исторических сочинений XVI в. относится и знаменитая Степенная книга, в которой развиваются как идеи единства России, что отражало создание единого централизованного государства, так и названные выше идеи, определяющие место России в мировой истории³¹. Не обойден в Степенной книге и вопрос о создании славянской письменности. Более того, о нем говорится дважды в I степени, посвященной княгине Ольге: «Не предо многими бо лето прежде крещения блаженныя великия княгини Ольги начало бысть руския азбуквы, их же составиши дивнии философи Мефодие и Костянтин самобратнии, иже от Солуна, иже посланы бяху Михаилом царем в Болгары по прошению царей болгарских»³².

Как видим, подобно хронографу в этом сообщении о Великой Моравии как месте проповеди Кирилла и Мефодия не говорится ни слова. Более того, ее заменяет Болгария. И в этом, конечно, не могло не сказаться знакомство русских книжников XVI в. с особым почитанием в Болгарии Кирилла и Мефодия и отражении этого почитания в столь знакомых им памятниках болгарской письменности. Точной хронологии событий составитель Степенной книги по этим материалам не знал. В действительности, «немногие лета» были целым столетием. Впрочем автору, видимо, это было и не так важно. Гораздо важнее для него было связать это событие с русской историей, ее «I степенью», тем самым объединяя крещение славян и создание у них письменности с этапами христианизации Руси.

Но в еще большей, можно сказать, парадоксальной степени проявилось это во втором рассказе о Кирилле и Мефодии, помещенном в той же I степени. Оказывается, что во второй раз к славянам Кирилла и Мефодия приглашают князья Ростислав, Святослав и Коцел, прося об их присылке царя Михаила. Но согласно Степенной книге это вовсе не моравские, а русские князья³³. Далее Степенная книга передает сведения в соответствии с Проложным житием Кирилла, но согласно хронографу перечисляет народы, воспринявшие славянскую грамоту: «болгари же, и словени, сербы, и арбанасы и басане и во всех тех един язык с Русию»³⁴. Проповедь же первоучителей согласно этому второму рассказу проходит в неопределенной «Словенской земле».

Несмотря на все очевидные и даже вопиющие исторические несоответствия, ограничиться тем, чтобы отнести их только к конста-

тации исторической неосведомленности русских книжников, крайне недостаточно. От нас не должна ускользнуть главная идея русских книжников о том, что Россия — прямая наследница того дела, которое самоотверженно творили солунские братья в Великой Моравии. Более того, великоморавская история просто смешивается с русской, сливается с ней, между ними как бы ставится знак равенства. И это само по себе чрезвычайно знаменательно.

В том, что Степенная книга не была единственным памятником, в котором можно это смешивание увидеть, свидетельствует поздний русский список XVII в. Пространного жития Кирилла, сделанный с сербского списка, хранившегося в Хиландарском монастыре на Афоне. В этом списке князья, по просьбе которых император Михаил присылает Кирилла и Мефодия, названы следующим образом: «Ростислав бо и Святополк князь Моравски и Туровский и всей России»³⁵. В данном случае не играет роли, что, видимо, муромские ли или какие-то другие князья приравнены к моравским. Важнее другое — моравский князь воспринимался как один из русских, а, таким образом, Моравия — как часть «всей России».

Так своеобразно, но вместе с тем и знаменательно завершилась эволюция исторической памяти о Великой Моравии на Руси.

Но говоря об этом, мы в то же время не должны забывать и о том, что, помимо собственно исторических сочинений, память о Великой Моравии держалась и распространялась в русском обществе благодаря широкой популярности житий Кирилла и Мефодия, где повествуется о ней в связи с их миссией. Разные их варианты дошли до нас во многих десятках списков.

Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря Древней Руси до нас дошла большая часть великоморавского письменного наследия, среди которого первое место, несомненно, занимают пространные, так называемые паннонские жития Кирилла и Мефодия. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к археографическим данным, касающихся их списков.

В настоящее время известно всего 48 списков жития Кирилла. Из них 39 — русские. Мы имеем в виду следующие списки этого прославленного произведения древнеславянской литературы:

1. Новгородская Софийская библиотека, № 1385, ГПБ, 1490 г.
2. Собрание Соловецкого монастыря, № 619 (503), ГПБ, Конец XV в.
3. Собрание Московской Духовной академии, № 19, ГБЛ, середина — XV в.
4. Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, 193 (591), ГБЛ, XV в.
5. Собрание Савантова, ГПБ, XV в.
6. Новгородская Софийская библиотека, 1283, ГПБ, XV в.
7. Собрание Олонецкой семинарии, Рум., 1770, ГБЛ, XV—XVI вв.
8. Собрание Вяземского, № 10, ГБЛ, XV—XVI вв.

9. Собрание Архангельской семинарии, № 50, БАН, XV—XVI вв.
10. Собрание Погодина, № 957, ГПБ, начало XVI в.
11. Новгородская Софийская библиотека, № 1318, ГПБ, XVI в.
12. Собрание Чудова монастыря, № 179, ГИМ, ок. 1553 г., четьи-минеи.
13. Новгородская Софийская библиотека, № 1356, ГПБ, XVI в.
14. Собрание Чудова монастыря, № 311 (9), ГИМ, 1600 г., четьи-минеи.
15. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, 57/1137, ГПБ, XVI в., четьи-минеи.
16. Собрание Соловецкого монастыря, № 626 (509), ГПБ, XVI в., четьи-минеи.
17. Собрание Никольского, № 264, БАН, XVI в.
18. Собрание Общества истории и древностей российских, 342, ГБЛ, XVI в.
19. Собрание Ф. И. Буслаева, № 44, ГПБ, XVI в.
20. Синодальное собрание, № 175, ГИМ, середина XVI в.
21. Новгородская Софийская библиотека, № 1835, ГПБ, XVI в.
22. Новгородская Софийская библиотека, № 1307, ГПБ, XVI—XVII вв.
23. Архангельское собрание, № Д.242, БАН, XVII в.
24. Собрание Соловецкого монастыря, № 849 (959), ГПБ, XVII в.
25. Собрание Соловецкого монастыря, № 621 (502), ГПБ, XVII в., четьи-минеи.
26. Синодальное собрание, № 987, ГИМ, XVII в., четьи-минеи митрополита Макария.
27. Синодальное собрание, № 991, ГИМ, XVII в., четьи-минеи митрополита Макария.
28. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, 14/1253, ГПБ, XVII в., четьи-минеи.
29. Собрание Царского, № 702, ГИМ, XVII в., четьи-минеи.
30. Собрание Публичной библиотеки в Вильно, № 80, Библиотека АН Литовской ССР, XVII в.
31. Собрание Тихонравова, № 145, ГБЛ, XVII в.
32. Собрание Московской духовной академии, № 63, ГБЛ, XVII в.
33. Собрание Троице-Сергиевой лавры, № 674 (411), ГБЛ, ок. 1630 г.
34. Собрание Ундольского, № 330, ГБЛ, конец XVII в.
35. Рогожское собрание, № 636, ГБЛ, XVII в.
36. Собрание Московской синодальной типографии, 57, конец XVII в.
37. Собрание Петрушевича, № 9, Библиотека АН УССР во Львове, XVII—XVIII вв.
38. Собрание Барсова, № 1647, ГИМ, конец XVII — начало XVIII в.

Кроме названных списков, в самое последнее время обнаружен новый список в собрании Барсова (ГИМ), датируемый началом XV в.

Житие Мефодия дошло до нас в списках, исключительно русских, причем древнейший из них датируется XII в.:

1. Синодальное собрание, 1063, ГИМ, XII в., так называемый Успенский сборник.
2. Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, 198 (596), конец XV—XVI в., четьи-минеи.
3. Собрание Троице-Сергиевой лавры, № 666, XVI в.
4. Синодальное собрание, № 91, ГИМ, середина XVI в.
5. Собрание Московской духовной академии, 93, ГБЛ, ок. 1549 г., четьи-минеи.
6. Собрание Соловецкого монастыря, № 630 (512), ГИБ, XVI в., четьи-минеи.
7. Собрание Уварова, № 1043 (485), ГИМ, XVI в., четьи-минеи.
8. Синодальное собрание, № 993, ГИМ, XVI в., четьи-минеи митрополита Макария.
9. Собрание Егорова, № 273, ГИМ, XVI в.
10. Собрание Чудова монастыря, № 313 (11), ГИМ, 1600, четьи-минеи митрополита Макария.
11. Собрание Егорова, № 44, ГБЛ, XVI—XVII в.
12. Синодальное собрание, № 804, ГИМ, 1646—1654 гг., минеи Иоанна Милутина.
13. Собрание Московской духовной академии, № 63, ГБЛ, XVII в.
14. Собрание Московской синодальной типографии, № 420, конец XVII в.
15. Собрание Барсова, № 1647, ГИМ, конец XVII — начало XVIII в.³⁶

Здесь можно было бы назвать также многочисленные русские списки Кормчей книги, в значительной мере также являющейся памятником великоморавской письменности. Но это было бы специальной темой, затрагивать которую в рамках настоящей статьи нецелесообразно.

Возвращаясь же к Житиям Кирилла и Мефодия, необходимо отметить, что их могли слышать гораздо больше людей, чем те, кто обращался к их спискам. Даже и для неграмотных в дни памяти первоучителей славянских вслух звучало их пусть и неточное с исторической точки зрения проложное житие. Оно читалось на службе утрени после шестой песни канона. Поэтому о Великой Моравии как о древнейшем славянском государстве, откуда произошла родная грамота, слышали очень многие. И это была не только книжная, подчас, как мы видели, весьма модифицировавшаяся, но и живая народная память.

- ¹ ПВЛ. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 11.
- ² Там же.
- ³ Шахматов А. А. Сказание о преложении книг на словенский язык. — В кн.: Jagić — Festschrift. Berlin, 1908, S. 172—188; Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. — В кн.: Сборник по русскому языку и словесности. Л., 1930, т. II, вып. 1, с. 1—108.
- ⁴ Шахматов А. А. Сказание...
- ⁵ ПВЛ, ч. II, с. 257.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Macúrek J. Dobrovského pojetí českých dějin a stanovisko k našemu historickému vývoji. — Slavia, 1954, r. XXII, s. 178.
- ⁸ Jakobson R. Minor native sources for the early history of the slavic church. — In: Harvard Slavic Studies. Cambridge, Mass., 1954, v. II, p. 39—75.
- ⁹ Кралик О. Повесть временных лет и Легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле. — В кн.: ТОДРЛ. М.; Л., 1963, т. XIX, с. 195.
- ¹⁰ Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981, с. 105—106.
- ¹¹ ПВЛ, ч. I, с. 23.
- ¹² Там же.
- ¹³ Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
- ¹⁴ Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, с. 178.
- ¹⁵ См. примеч. 3.
- ¹⁶ Ильинский Г. Рец. на кн.: Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. — Byzantinoslavica, 1930, г. II, sv. 2, s. 432—436. Не менее критическая точка зрения по поводу гипотезы Н. К. Никольского была высказана чуть позже В. М. Истриным. См.: Истрин В. М. Моравская история славян в истории поляно-руси как предполагаемые источники Начальной русской летописи. — Byzantinoslavica, 1931, г. III, sv. 2, s. 308—322; 1932, г. IV, sv. 1, s. 36—55.
- ¹⁷ Рогов А. И. Чепское наследие в культуре Древней Руси. — В кн.: История, литература, фольклор и этнография славянских народов. VI международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, с. 114—129; Он же. Культурные связи восточных и западных славян в раннефеодальный период (Задачи предстоящих исследований). — В кн.: Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972, с. 165—177.
- ¹⁸ См. примеч. 8.
- ¹⁹ Кралик О. Повести... , с. 183.
- ²⁰ Мечев К. За происхождения на старорусским рассказ «Сказание о преложении книг». — Исторически преглед, 1974, г. XXX, кн. 2, с. 88—104.
- ²¹ Златарский В. Н. Болгарский историко-литературный элемент в русском летописании. — В кн.: Труды V съезда академических организаций за границей. София, б. г., с. 337—352.
- ²² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 491—527.
- ²³ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.
- ²⁴ См. примеч. 3.
- ²⁵ ПСРЛ. СПб., 1911, т. XXII, ч. 1, с. 354.
- ²⁶ Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866, вып. 1. Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
- ²⁷ Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, с. 127.

- ²⁸ Вероятно, Паннония превратилась у переписчиков в Испанию по причине близости греческой транскрипции слова Паннония — ис-Паннония. Выражаю благодарность Г. Г. Литаврину за консультацию по этому вопросу.
- ²⁹ *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы, с. 160—187.
- ³⁰ ПСРЛ. М., 1965, т. IX, с. 17.
- ³¹ *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1, с. 218—240.
- ³² ПСРЛ. СПб., 1908, т. XXI, ч. 1, с. 35.
- ³³ Там же, с. 64.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Лавров П. А.* Материалы. . ., с. XXVI.
- ³⁶ Археографические сведения о списках пространных житий Кирилла и Мефодия наиболее полно приведены Б. Ст. Ангеловым и Х. Кодовым в кн.: Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1973, т. III, с. 34—59, 164—168.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИ — Вопросы истории.
- ГБЛ — Государственная библиотека имени В. И. Ленина.
- ГИМ — Государственный Исторический музей.
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
- ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности.
- КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР.
- ПВЛ — Повесть временных лет.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- СА — Советская археология.
- СС — Советское славяноведение.
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы.
- ЧОИДР — Чтения общества истории и древностей российских.
- AAC — Acta Archaeologica Carpathica.
- AR — Archeologické rozhledy (Praha).
- AUC — Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et Historica.
- AVANS — Archeologické výskumy a nálezy na Slovensku (Nitra).
- CDEB — Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae. Praha, 1904, t. I.
- CDÉS — Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae/Vyd. R. Maršina. Bratislava, 1971.
- ČČH — Český časopis historický (Praha).
- ČMM — Časopis Matice moravské.
- ČNM — Časopis Národního musea, oddíl věd společenských (Praha).
- ČSAV — Československá akademie věd.
- ČSČH — Československý časopis historický (Praha).
- HČ — Historický časopis (Bratislava).
- HŠ — Historické štúdie (Bratislava).
- LF — Listy filologické (Praha).
- MGH — Monumenta Germaniae Historica (Berlin).
- MGH SS er. Long. — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Longobardiarum et Italicarum.
- MMFH — Magnae Moraviae fontes historici. Brno, 1966, 1967, 1969, 1971, 1976, d. I—V.
- NL — Numismatické listy (Praha).
- PA — Památky archeologické (Praha).
- PDVM — Pramene k dejinám Veľkej Moravy/Vyd. P. Ratkoš. Bratislava, 1968.
- SČSSA — Sborník Československé společnosti archeologické (Brno).
- SFFUPB — Spisy (sborník prací) filosofické fakulty university J. E. Purkině v Brně.
- SLA — Slovenská archeológia (Bratislava).
- SMSS — Sborník Muzeálnej slovenskej spoločnosti (Turčiansky Martin).
- SSNM — Sborník Slovenského Národného muzea (Bratislava).
- ŠZAÚSAV — Študijne zvesti Archeologického Ústavu Slovenské akademie vied (Nitra).
- ZČSSA — Správy Československé společnosti archeologické (Praha).
- ZFFUK — Zborník filozofickej fakulty univerzity Komenského. Historica (Bratislava).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Августин 204
 Адальрам 40
 Адам Бременский 86
 Альбгис 90
 Альфред Великий 84, 99
 Амфилохий 243
 Анастасий Библиотекарь 182
 Ангелов Б. 189
 Андраши 57
 Андроник 272
 Аноним вешгерский 84, 94
 Ардагаст 31
 Аристин 241
 Арнульф 53, 59, 85, 152, 155, 161
 Афиноген Мученик 234

 Бем Я. 12, 13
 Бенда К. 21
 Бенешевич Б. Н. 240, 243, 244, 249, 251
 Беранова М. 14
 Бернштейн С. Б. 76, 190
 Благова Э. 221
 Блумберггер Ф. 51
 Богущ Корецкий 254
 Бодянский О. И. 68
 Болеслав II 163
 Болеслав Храбрый 100
 Борживой 36, 42, 161—172
 Борис 83
 Борис, русский князь 191
 Борковский И. 73, 169, 170
 Босль К. 195
 Бржетислав I 44, 100, 101
 Брокгауз Ф. А. 61
 Бромлей Ю. В. 74
 Будилович А. С. 53, 54
 Булин Г. 14
 Бялекова Д. 4, 17, 31, 108

 Вавржишек В. 19

Вайан А. 221, 226
 Вайс Й. 190
 Ванечек В. 13
 Василий Великий 240, 241—243, 247
 Вацлав 162, 170, 190, 191
 Вашица Й. 17, 19, 61, 75, 78, 190, 222, 239—243, 245
 Вегенер В. 22
 Вейк Н. ван 190
 Вейнгарт М. 190
 Верещагин Е. М. 4, 217
 Вернер Й. 31
 Вечерка Р. 4, 19, 78, 174, 219
 Вильгельм 152
 Виноградов В. В. 237
 Виноградова А. И. 95, 143
 Винокур Г. О. 237
 Винценций 170
 Вит, св. 190
 Витислав (Витизла) 171
 Вихинг 87, 91, 100
 Войтех 163
 Вольфганг 162
 Вондрак 206
 Востоков А. Х. 175, 189
 Вратислав 152, 167
 Вратислав II 161

 Габсбурги 57
 Гавлик Л. Е. 4, 16
 Гавранек Б. 190
 Гаудерих 182
 Гауптман Л. 22
 Геннадий 180
 Генов 189
 Генрих I Птицелов 100
 Георгиев Э. 189
 Глеб 191
 Голл Я. 11, 160
 Горазд 39, 91, 100, 219

* В Указатель имен не включены фамилии в примечаниях.

Горалек К. 190
Горский А. В. 52, 255
Готтфрид из Вейсенбурга 191, 206
Граус Ф. 13—15
Грацианский Н. П. 71, 72, 78
Греков Б. Д. 70
Гривец Ф. 190, 221
Григорий Антиохийский, патриарх 220
Григорий Великий, папа 190
Григорий Назианзин 228, 243
Григорий VII, папа 203
Григорович В. И. 17, 161
Грот К. Я. 57, 58, 59, 60
Грубый В. 12—14, 16, 21, 73
Групский Н. К. 68
Гумпольд 161
Гуса В. 12, 23

Дагоберт 31
Даль В. И. 232
Дворник Ф. 22
Декан Я. 13, 14, 16, 21
Державин Н. С. 70, 71
Дмитрий Солунский 184, 185
Добровский И. 11, 51, 163, 175, 189, 270
Дрипов М. 189
Дуйчев И. 189

Евсеев И. Е. 67, 77
Елифаний, архиепископ Кипрский 220
Ефрон И. А. 61

Жужек И. 242, 245

Загиба Ф. 22, 195—197, 199, 200, 202,
204—208, 210—212, 215
Захарыина Н. С. 5
Зигель Ф. 60
Зонара 241

Иаков, библ. 255
Иванов Ю. Ф. 4, 50
Иванова О. В. 5
Иванова-Мирчева Д. 222, 226
Исус Христос 200, 220, 227, 242
Икономова Ж. 222, 226
Ильдефонс 203
Ильянский Г. А. 76, 274
Имрам, св. 163, 181
Иоанн Богослов 179, 223
Иоанн Дамаскин 228
Иоанн IX, папа 87
Иоанн Златоуст 181, 228, 254
Иоанн Пателарий 247
Иоанн, патриарх Константинополя 241

Иоанн Схоластик 183, 212, 238—241,
243—246
Иосиф Аримафейский 220
Исайа, библ. 210, 227
Исаченко А. 19, 207, 208
Исидор Севильский 204, 205
Иустин Мученик 228

Каих 163, 165, 166
Калайдович К. Ф. 189
Карамзин Н. М. 50
Карл Великий 41, 52, 57, 58, 62, 82,
96, 110, 168, 196, 201
Карл III 85
Карломан 37, 83, 155, 168
Каролингги 14, 207
Карский Е. Ф. 67
Кешпен П. И. 51
Кирилл (Константин Философ) 5, 7,
9, 10, 19, 20, 28, 39, 42, 50—52, 54,
56, 60, 63, 67—72, 76, 77, 92, 96, 98,
175, 176, 179, 181—188, 195—198, 206—
212, 214, 218, 222, 225, 236, 253, 256,
262, 263, 272, 275—277

Кирилл Александрийский 228, 243
Клерк К. де 201
Климент, св. 163, 165, 166, 182, 186
Ключевский В. О. 62
Козьма Пражский 84, 160, 161, 170
Козьма Пресвитер 256
Константин Багрянородный 7, 34, 85,
86, 96, 99
Константин Костенецкий Грамматик
178
Константин Преславский 263
Копитар Б. 175
Королюк В. Д. 5, 16, 73, 74, 78
Коцел 38, 92, 187, 276
Крайчович И. 19
Кралик О. 271, 274
Кржижек Ю. 5
Кристиан 36, 160, 169, 271
Кропилак М. 5

Лавров П. А. 67, 68, 77, 256
Лавровский 52, 53
Ламанский В. И. 55, 57, 68
Лациус В. 97
Лескин 178
Липовский А. Л. 61
Лихачев Д. С. 237, 271
Ловмянский Г. 16
Львов А. С. 190
Любавский М. К. 62, 63, 68, 69
Людмила, св. 161, 162, 167
Людвик Немецкий 37, 84, 98

- Маврикий Стратег 31
 Мария, библ. 167, 169, 170
 Масуди аль 100
 Матула В. 5
 Матфей, св. 202, 205
 Мельников Г. П. 5, 49, 95, 107, 125, 174
 Мефодий 5, 7, 9, 10, 19—21, 28, 29, 36, 38—43, 50—52, 54—56, 58, 60, 63, 69, 70—72, 76, 77, 82, 85, 87, 91, 98—100, 160—169, 175, 180—182, 184—187, 189, 195—198, 204, 206—213, 219—221, 225, 236, 238—243, 247, 250, 258, 261, 263, 269, 270, 275, 276
 Мечев К. 284
 Миклошич Ф. 254
 Михаил II 39, 218, 270, 276
 Михаил III 38
 Можяева И. Е. 8, 76, 78
 Моймир I 32, 53, 55, 82, 83, 90, 97
 Моймир II 86, 87, 100
 Мусокий 31

 Наранович А. П. 54
 Наум, св. 86, 256
 Невоструев К. И. 189, 255
 Неедлы З. 3, 12, 13, 23, 70, 71, 78
 Нидерле Л. 12, 23, 62, 63, 78
 Никитин С. А. 75
 Никольский Н. К. 68, 190, 269, 273
 Ноткер 206

 Ожегов С. И. 232
 Олдржих 100, 164
 Ольга 276
 Осипова К. А. 5

 Павел, апостол 272, 275
 Павел, священник 162
 Павинский А. И. 54
 Павлов П. А. 17
 Палацкий Ф. 11, 55, 58, 160
 Панастиас Л. 240
 Пекарж Й. 11
 Первольф И. О. 60
 Петр, апостол 92, 99, 100, 182, 227
 Петровский 254, 255
 Пичета В. И. 3, 12, 71, 78
 Пильгрим 100
 Погодин М. П. 51, 52
 Поп И. И. 5
 Попов Н. А. 62, 273
 Попруженко М. 76
 Порфирьев И. Я. 221
 Поулик Й. 4, 12, 13, 14, 16, 21, 23, 28, 73, 78
 Пошмоурный Й. 14, 21, 40, 42
 Преидель Г. 11, 22, 74
 Пржемысловцы 43, 44, 162, 163, 167, 177, 187, 190
 Прибина 32, 38, 39, 82, 87, 89, 90, 97, 187
 Прохазка В. 14, 17
 Псевдо-Дионисий Ареопагит 231
 Пурш Я. 5
 Пушкаревич К. 71

 Раткош П. 4, 14, 16, 81
 Регинон 28, 38, 86, 161, 168
 Рихтер В. 40
 Рихтер Ф. 51
 Риппе П. 200
 Рогов А. И. 4, 5, 269
 Романский С. 76
 Россейкин Ф. Н. 72, 78
 Ростислав 6, 29, 32, 37—39, 57, 62, 82—84, 87, 91, 92, 98, 99, 152, 214, 218, 270, 271, 276
 Румянцев Н. П. 51, 52
 Руст ибн 91
 Рутткаи А. 4, 16, 143

 Само 31, 32, 70, 82, 96, 113
 Санчук Г. Э. 4, 6, 67, 107, 160
 Святополк I 6, 7, 29, 32, 36, 37, 59, 62, 84—87, 90—93, 96—100, 102, 152—156, 160—172, 185, 263, 271, 277
 Святополк II 87, 90, 91
 Сильвестр 273
 Симеон 243
 Симеон, царь 183
 Славниковцы 171, 187
 Славомир 91, 93, 98
 Соболевский А. И. 17, 61, 75, 189, 240, 242
 Софроний Иерусалимский 234
 Сперанский М. Н. 255
 Спитигнев 161, 162, 167, 169, 171
 Срезневский И. И. 17, 226, 228, 247, 250
 Станя Ч. 4, 21
 Стефан V, папа 92
 Стефан Эфесский 243
 Стоянович 221
 Строймир 166—168
 Суворов Н. С. 60, 61, 75

 Татиан 204, 205
 Теодульф Ордеанский 201
 Тимофей Пресвитер 243
 Титмар 85

Тихомиров М. Н. 75, 77
Толстой Н. И. 75, 76
Третьяков П. Н. 72, 73, 78
Тржещтик Д. 4, 160
Троицкий С. 242, 245
Турек Р. 12
Турилов А. А. 4, 253

Удальцов А. Д. 69, 78
Успенский Ф. И. 55, 56, 68

Феофилакт Симокатта 31, 219
Фиала З. 14
Флоря Б. Н. 5, 50, 76—78, 195
Фредегар 31

Ходова К. С. 5
Храбр 77
Хроновский Б. 4, 14, 16, 126

Цамбел С. 5
Цейтлин Р. М. 5
Цибулька Й. 19, 21, 40, 41, 165

Червинка И. Л. 12, 19

Черногорский К. 13

Шафарик П. 11, 52, 55, 179, 189, 254
Шахматов А. А. 270, 273, 274, 275
Шимек Э. 12
Шолле М. 21
Штепанек М. 14

Щапов Я. Н. 5, 238
Щепкин В. И. 68

Эйснер Я. 12—14, 21, 29
Эльфрик 203
Энгельшалк 152
Эрисман Г. 204
Этвеш 57

Юстиниан 239

Ягич И. В. 178, 221
Якобсон Р. 190, 274
Ян из Вепеции 91
Ярослав 240
Ясинский А. Н. 61
Ястребов Н. В. 68

СОДЕРЖАНИЕ

	От редколлегии	3
Г. Э. Санчук.	Некоторые итоги и перспективы изучения Великой Моравии	6
И. Поулик.	Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии	28 ✓
Ю. Ф. Иванов.	Великая Моравия в русской дореволюционной историографии	50
Г. Э. Санчук.	Великая Моравия в советской историографии	67
П. Раткош.	Великая Моравия — территория и общество	81
Л. Гавлик.	Государство и держава моравян (К вопросу о месте Великой Моравии в политическом и социальном развитии Европы)	96
Д. Бялекова.	Развитие форм поселений в Великой Моравии	108
Б. Хроповский.	К проблеме возникновения и развития специализированных ремесел в Великой Моравии	126
А. Рутткаи.	Войско и вооружение в великоморавский период	143
Д. Тржештик.	Великая Моравия и возникновение государства Пржемысловцев (Святополк и Борживой)	160
Р. Вечерка.	Письменность Великой Моравии	174
Б. Н. Флоря.	К оценке исторического значения славянской письменности в Великой Моравии	195
Е. М. Верещагин.	Великоморавский этап развития первого литературного языка славян: становление терминологической лексики	217
Я. Н. Шапов.	«Номоканон» Мефодия в Великой Моравии и на Руси	238
А. А. Турилов.	К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян (Слово «О похвале Богородице Кирилла Философа» в рукописной традиции XV—XVII вв.)	253
А. И. Рогов.	Великая Моравия в письменности Древней Руси	269
	Список сокращений	282
	Указатель имен	283

**ВЕЛИКАЯ
МОРАВИЯ,
ее историческое
и культурное значение**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР,
Институтом чехословацкой и всеобщей истории
ЧСАН,
Институтом исторических наук САН

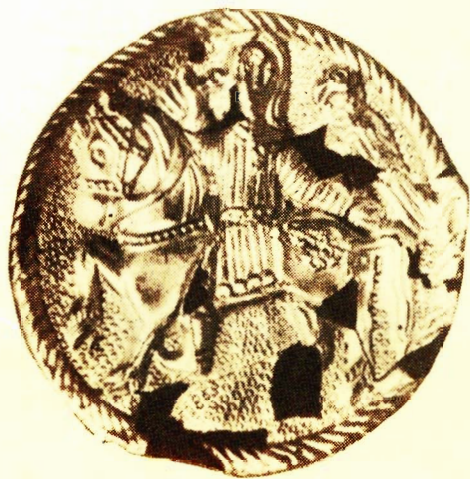
Редактор издательства
Л. И. Тормозова
Художник
М. В. Версоцкая
Художественный редактор
Н. А. Фильчагина
Технический редактор
Т. С. Жарикова
Корректор
Е. Л. Сысоева

ИБ № 28506

Сдано в набор 24.11.84
Подписано к печати 12.03.85
Т-03368. Формат 60×84¹/₁₆
Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 16,7. Усл. кр.-отт. 17,05. Уч.-изд. л. 21,8
Тираж 1950 экз. Тип. зак. 2128
Цена 3 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

3 руб.

ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ

Книга — совместное издание советских и чехословацких ученых — посвящена изучению одного из первых славянских государств — Великой Моравии; в ней дается обзор новейших археологических открытий на ее территории, освещаются вопросы, связанные с кирилло-мефодиевским наследием, развитием старославянского языка, культуры и значением Великой Моравии в международных отношениях в Европе IX в.

ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ

